

БИБЛИОТЕКА
НАРОДНО-
ПОЭТИЧЕСКОГО
• ТВОРЧЕСТВА

СКАЗАНИЕ О ПРОСТОРЕ

БИБЛИОТЕКА
НАРОДНО-
ПОЭТИЧЕСКОГО
ТВОРЧЕСТВА

СКАЗАНИЕ О ПРОСТОРЕ

Сказки
народов Бурятии, Горного Алтая,
Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии
и малых народов Сибири —
долган, тофаларов и шорцев

ЛЕНИЗДАТ . 1988

82.3(2)

С42

Составитель,
автор послесловия и комментариев Ч. М. ТАКСАМИ

Художник Б. А. АНИКИН

Редактор Н. Н. Сотников

С $\frac{4702000000-095}{M171(03)-88}$ 165-88

ISBN 5-289-00155-7

© Состав, послесловие,
комментарии, оформление
Лениздат, 1988

БУРЯТСКИЕ
СКАЗКИ

МЭРГЭН ЗОРИКТО

В старое, давнее время недалеко от Байкала жил богатый-пребогатый бурят по имени Сарай. Когда стала его одолевать старость, он позвал к себе в юрту жену-красавицу Долгор и спрашивает ее:

— Как же мы будем дальше без детей жить? Кому наше богатство достанется? Кто нам подаст чашку чая, когда мы с тобой захвораем?

— То верно,— отвечает красавица Долгор.— Худо без детей, ой как худо. Умрем, и некому даже глаз нам закрыть.

Попечалился Сарай вместе с Долгор, подумал и говорит:

— Нет большего счастья, чем иметь детей. Чем же мы прогневали бурхана¹, что обделил он нас? Богатство, что мы имеем, от трудов наших идет, кругом степи и горы богаты травой, растет скот не по дням, а по часам.

Долго горевал богач, много ночей не спала красавица Долгор. Узнав о горе богача, бедный сосед пришел и посоветовал:

— Не тужите, все уладится. Принесу я вам из лесу такую траву, что от нее старый становится молодым, а бездетные большой семьей обзаводятся.

Обрадовался богач. Даже слезы выступили.

— Половину состояния тебе отдам, если твои слова сбудутся.

— Ничего мне от тебя не надо, Сарай, только выполни мой совет: пей ту траву, что я принесу, три раза в сутки, и у тебя будут дети на загляденье.

Ждет не дождется старый Сарай соседа с травой. Наконец сосед приходит и отдает ему пучок травы,

¹ Бурхан — дословно: бог, всевышний. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания составителя.)

которой богач в своих родных местах никогда не видел. Много ли времени прошло, мало ли минуло, никто не помнит. Только в один прекрасный день красавица Долгор разродилась и принесла сына. Потом — второго и третьего. Жили сыновья в довольстве, росли скоро.

Время быстро летит, прошло несколько лет, и сыновья стали взрослыми. Не нарадуется на них отец, а о матери и говорить нечего. Только и разговору, что о сыновьях. Подошли дни, когда двух старших уже женить надо. Пустились они по улусам¹ и нашли себе таких жен, что ни в сказке сказать ни пером описать, одна красивее другой, обе такие мастерицы на все руки, что все одноулусники Сарая удивлялись, как можно было найти красавиц и мастериц, каких мало на белом свете. Унты сошьют — хоть год по степи и тайге броди — ни за что не износишь, рукавицы стачают так, что тепло не выпускают, а шубу скроют всем на удивление: в горах не замерзнешь, на льду Байкала ночуешь, как в теплой юрте. Всему этому тоже рад старый богач, а вместе с ним радуется и красавица Долгор. Только одно ее печалит, что младший сын, которого со дня рождения нарекли Мэргэном Зорикто, будто умом слаб, говорит мало, все больше молчит. От братьев старших стороной держится, старается на глаза меньше попадать. Все это заметила мать давно, да все боится сказать старому Сарая, вдруг он скажет, что плохо выносила его в утробе, раз от рождения такой. Вот как-то старый Сарай подозвал к себе Долгор и спрашивает:

— Чего ты все время хмурой ходишь? Может, горе на душе есть, скажи?

— Нет у меня никакого горя, — скрывая от мужа правду, сказала Долгор и отвернулась.

— Твое горе — мое горе, — сказал Сарай. — Может, я тебя чем обидел, ведь уставшему коню и уздечка в тягость.

Посмотрела на своего Сарая красавица Долгор, ничего не сказала и пошла прочь. Не по нраву пришлось это Сарая. Вернул он Долгор и спрашивает:

— Скажи мне, Долгор, правду ли я думаю, что младший сын наш дурак, или только прикидывается дураком?

— Не знаю, Сарай, не мастерица я пытаться чужой ум.

¹ У л ú с — здесь: удел князя.

Через день подзывает к себе Сарай младшего сына Мэргэна Зорикто и говорит ему:

— Вот тебе, сын мой, деньги, иди в город и купи себе чего хочешь.

— Ладно, схожу, — ответил Зорикто и сразу же направился в город.

Пошел Зорикто в город не торопясь. Где кустик увидит, остановится, посмотрит и дальше путь держит. Подолгу сидел он у ручейков, любуясь, как вода переливается на камнях, как маленькие рыбки в погоне за пищей снуют с быстротою пули. Все это очень интересно Зорикто. Увидит высокую толстую лиственницу и на нее заглянет. Любопытный он был, а спросить не у кого: почему лиственница растет до самого неба, почему береза белая и так соку в ней много, почему кедрач не везде растет, а только в стороне от жилых мест. Чем и как звери живут, почему птицы летают, а он вот, Зорикто, только по земле умеет ходить.

Так в думах да раздумьях Зорикто дошел до города. Зашел он в одну лавку, ничего не купил, заглянул в другую, тоже ничего подходящего не нашел, и подался он на базар. Тут народу видимо-невидимо, всё больше продают, а не покупают. В такой толпе и заблудиться можно; хуже, чем в тайге. Походил, походил Зорикто, потолкался и пошел домой ни с чем. Приходит к отцу с матерью, ложится спать и спит больше суток. Умаялся дорогой, шутка ли, пешком в город сходить. Проснулся Зорикто, отец его спрашивает:

— Чем порадуешь старика, что купил?

— Ничего не купил, — отвечает Зорикто.

— Зачем же ты тогда ноги ломал?

— Искал бурхана, не нашел, вот и пустым пришел домой. Кроме бурхана, мне ничего не надо.

— А знаешь ли ты, что такое бурхан? — спросил отец сына.

Ничего не сказал Зорикто, он только надел шапку, попрощался с отцом и сказал:

— Ну, отец, будь здоров, счастливо тебе оставаться. Мне пора в путь-дорогу, пойду себя покажу, людей посмотрю.

Вышел Зорикто из юрты, посмотрел на четыре стороны и пошел, откуда солнце восходит. Отец вслед ему сказал:

— Найдешь бурхана — покажи мне.

Тогда еще о бурханах буряты ничего не знали, не ведали, что собой они представляют.

— Найду — обязательно покажу, — обернувшись к отцу, ответил Зорикто. Долго шел Зорикто на восток, потом повернул на запад. Пока он шел, одноулусники смеялись и говорили, что Зорикто настоящий дурак, ни с того ни с сего вздумал искать бурхана. Кому нужен этот бурхан и есть ли он на свете? Так потешались над Зорикто долго, пока не забыли, что такой есть на свете. А Зорикто тем временем идет себе и идет, не зная отдыха, не ведая печали. Заблудиться он не мог, он умел читать звезды, знал, как солнце поворачивается, когда оно на запад идет, от востока начиная свой путь.

Через несколько дней пути он видит — перед ним стоит плохонькая юрта, а около нее девушка. Как только девушка заприметила юношу, сразу же вошла обратно в юрту. Остановился Зорикто, поглядел, как из юрты дым идет и под самое небо уходит. Огляделся Зорикто по сторонам и решил мимо юрты не проходить, зашел в нее. В юрте жила старуха со своей немой дочерью. Старуха встала, поздоровалась с молодым человеком, спросила:

— Откуда и куда, добрый молодец, путь держишь?

— Иду счастье попытать, может, бурхана найду.

— То хорошо, — сказала старуха. — Моя дочь без языка, поклонись бурхану, и пусть дочь моя начнет говорить.

— Поклонюсь бурхану и попрошу, чтобы дочери вашей он речь дал.

Сказав, парень быстро оделся и пошел дальше. Идет путем-дорогою, нигде не останавливается. Солнце уже закатилось, темнота началась. И видит: впереди чернеют какие-то кучи. Подошел поближе и увидел, что пропавший скот лежит. Попечалился Зорикто уроном и тут же остался ночевать. Ночь проспал богатырским сном, а наутро пошел дальше. В это время стражники местного царя объезжали владения и видят: чужестранец по их земле ходит. Забрали они его и повели к самому царю во дворец. Во дворце сидел царь в царском кресле по имени Соронзон. Завели Зорикто в царские палаты:

— Откуда ты, добрый молодец, куда и зачем путь держишь? — спрашивает царь Соронзон.

— Я сын богача Сарая Зорикто, иду бурхану поклониться.

— Я царь Соронзон, как видишь, сижу без воды, весь скот гибнет, трава засыхает. Скоро царству моему конец. Попроси бурхана, чтобы он помог мне добыть воды.

— Буду стараться,— сказал Зорикто.

Доброго молодца напоили и накормили, стал он собираться дальше. Царь приказал своим слугам, чтобы парню дали на дорогу серебра и золота, и еще раз наказал ему, чтобы он постарался избавить все царство от засухи и чтобы Зорикто зашел к нему на обратном пути и доложил обо всем.

— Пусть не беспокоится ваш царь,— сказал Зорикто,— я выполню все, что надо, я вижу, как страдает простой народ. Он вымрет, если не будет воды.

Царь дал Зорикто в провозатые своих слуг, и они проводили его до самого моря. Остановился он у моря, огляделся: никого нету. Стал ходить вдоль берега. Черная дума на сердце легла. Как же перейти море? Это не ручеек перепрыгнуть. Запечалился наш Зорикто, загоревал. Время идет, а он все ходит. Как же быть? И вдруг он слышит чей-то голос:

— О чем ты думаешь, добрый молодец? Может, море перейти хочешь? Подойди сюда.

Удивился Зорикто, осмотрелся: никого нету, а голос слышал ясно. Что бы это значило? Ведь его здесь никто не знает.

— Кто кликал меня?— спрашивает Зорикто.

— Это я, рыба морская, стало жалко тебя, что море переплыть не можешь.

Пошел Зорикто прямо по берегу и видит: поперек моря лежит рыба большая.

— Это ты меня звала?— спрашивает Зорикто.

— Да, я.

— Зачем ты меня звала?

— Хочу тебе услужить. Только прежде скажи, куда ты и кто ты? Куда и зачем путь держишь?

— Иду в путь дальний бурхану поклониться.

— Это хорошо,— говорит рыба.— Ты на мое счастье сюда попал. Вот уже десять лет лежу неподвижно. Попроси бурхана, чтобы он помог мне плавать. А теперь ты по моей спине можешь перейти море.

Долго шел он по спине рыбы и наконец добрался до другого берега. На берегу лиственницы толстые растут, вдвоем не обхватишь, за лиственницами кедрач до самых гор уходит, а дальше и горы видны, где, наверное, люди соболя и белку промышляют. Осмотрел

все кругом Зорикто и подумал про себя: «Везде земля одинакова, везде лес растет, табуны пасутся, коровы по траве ходят, люди зверей бьют и тем живут».

Остановился Зорикто почти у самого берега и стал искать место для ночлежки. Выбрал поляну, развел огонь, сварил чаю, попил и заснул крепким, богатырским сном. Спит и видит во сне, будто лежит он на берегу Байкала, около него конь спутанный ходит, на огне в чаше мясо варится, а мать сидит и поглаживает ему волосы, как это делала, когда он был еще совсем маленький.

Утром рано проснулся Зорикто, не поел и пошел в путь-дорогу. Отошел немного от моря, поднялся на сопку и видит: перед ним стоит высокий-высокий дом, крышей в небо упирается, весь серебром и золотом блестит так, что смотреть на него прямо нельзя. Зорикто сразу догадался, что это дом бурхана. Он прибавил шагу, перевалил одну гору, за ней другую и оказался около самых ворот бурханова дворца. Зашел Зорикто на крыльцо, и от сильного света у него пошли слезы, глаза не могли выдержать яркости и блеска. Зорикто собрался с силой, приоткрыл краешек двери и слышит:

— Молодец, Зорикто, что пришел ко мне. Говори, что надо, чем могу тебе помочь.

Зорикто от удивления слова вымолвить не может. Он сразу догадался, что здесь живет сам бурхан.

— Видишь ли ты меня?— спрашивает бурхан.

— Достоин ли я этого?— отвечает Зорикто.

— Ты человек и я человек, значит, мы достойны друг друга. Говори. Чем могу, тем и помогу.

Осмелел Зорикто и говорит:

— Дорогой я встретил женщину, у нее немая дочь. Верни ей речь.

— Не печалься, Зорикто, той девушке вернется речь. Говори дальше.

— В одном из царств живет царь Соронзон. Беда у него, от безводья весь скотдохнет. Просил он, чтобы помог ты ему.

— Будет в царстве Соронзона вода. Пусть плодится скот. Без скота людям худо.

— Еще у меня одна просьба есть. Видел я, как в одном море большая рыба без движения лежит. Просила она тебя, чтобы ты ей вернул способность плавать, передвигаться.

— Будет плавать та рыба, как и все другие.

Долго еще стоял Зорикто перед бурханом, но ничего больше не просил, о себе слова не вымолвил. Только хотел Зорикто двери за собой закрыть, бурхан говорит:

— Старухина дочь начнет говорить, когда жениха увидит, скот в царстве царя Соронзона получит воду, если у истока реки откопать кости слона, которые завалили выход воде. Рыба начнет плавать и быстро передвигаться, если вытащить из ее рта драгоценный камень, который она закусил. Возьми этот камень, разбей его и раздай народу. Люди сразу на земле заживут хорошо, перестанут голодать, не будут знать ни нужды, ни горя.

Мудрый старик этот бурхан, он совсем не святой, если заботится о простых бурятах.

— Я буду тебя славить,— сказал Зорикто.— Ты оказал всему человеческому роду большую услугу. Того, кто служит людям, забывать нельзя.

Бурхан этих слов не слышал. Он был в то время в своих палатах и говорил слугам, чтобы они дали Зорикто на дорогу золота и серебра, мяса. А еще велел бурхан дать Зорикто коня, который должен перенести его через моря и доставить домой. Перед самым отъездом Зорикто бурхан вышел на крыльцо и напутствие сказал:

— Ты, проникательный, мудрый Мэргэн Зорикто, и впредь заботиться должен о своем народе. Поезжай домой, пусть порадуются встрече с тобой отец с матерью и все, кому ты приносишь добро. С богом отправляйся в долгий путь, пусть тебе светят луна, звезды и озера.

Несет соловка¹ Мэргэна Зорикто выше леса стоячего, мимо облака ходячего. Не заметил, как он около моря оказался. Видит, перед ним рыба поперек моря лежит и не шевелится. Увидела она Мэргэна Зорикто и спрашивает:

— Что сказал бурхан, буду ли я передвигаться?

— Отдай ты мне свой драгоценный камень, что у тебя во рту, и тогда ты поплывешь.

— Верю тебе, Зорикто,— говорит рыба,— возьми камень.

Раскрыла рыба рот, приподняла голову и отдала ему камень. Заблестел тот драгоценный камень так,

¹ Соловка — конь соловой, то есть серовато-коричневой, масти.

что озарилось все на земле. Только одно солнце в состоянии было разогнать те лучи, которые шли от камня. Зорикто слез с солового, взял камень в руки и в это время услышал всплеск воды. То рыба недвижимая нырнула, вильнула своим хвостом и поплыла куда глаза глядят. «Как же быть с камнем?» — задумался Зорикто. Увезти нельзя, шибко большой и тяжелый, разломать — силы не хватит. Призадумался еще горше и сказал сам себе:

— Может, звери и птицы мне помогут. Дай-ка кликну я их.

И кликнул. В тот же час к берегу моря подошло так много зверей, что они сразу же разломали камень. Птицы подхватили осколки и разлетелись в разные стороны, чтобы их все раздать народу. С камнем все было кончено. Сел на своего соловку Зорикто и поехал дальше. Приезжает в царство царя Соронзона. Царь вышел навстречу и спрашивает:

— Какими новостями, сын мой, ты обрадуешь меня?

— Твоя просьба, царь, исполнена. Будет у тебя в царстве воды сколько хочешь.

Царь обрадовался, велел своим слугам накрыть столы, угостить путника самыми дорогими блюдами. За столом Зорикто сказал:

— У истока реки пропал слон, кости его перекрыли родник. Надо откопать слона, и тогда берега наполнятся водой.

Собрал царь Соронзон со всего своего царства людей, и стали они копать родник у истока реки. Покопали немного, и такой фонтан воды поднялся, что река сразу из берегов начала выходить. Радуетя царь, довольны и люди царства Соронзона.

— Чем же мне тебя наградить? — спрашивает царь Соронзон.

— Ничего мне не надо, скажи доброе слово на дорожку, и я пойду.

Царь Соронзон велел дать юноше золота и серебра столько, сколько он захочет. Но самое ценное, что дал царь Соронзон, — скот. За это Зорикто поблагодарил царя.

Понес соловка Зорикто дальше. Ехал, ехал Зорикто, много долин и гор миновал, много речек переплыл, и вот перед ним дом старухи, у которой дочь без языка. С громким лаем встретила Зорикто собака старухи. Выходит ему навстречу дочь и говорит:

— Мама, к нам едет на соловом коне тот добрый молодец, что заходил к нам, когда пешком шел.

Мать страшно удивилась: восемнадцать лет дочь не говорила, и вдруг к ней вернулась речь. Она выбежала на двор и видит, что с солового коня слезает тот юноша, который шел на поклонение бурхану.

— Какую новую весть ты нам принес?— спрашивает старуха.

— Мудрый бурхан сказал, что как только ваша дочь увидит суженого, так сразу у нее появится речь.

— То верно, восемнадцать лет дочка моя была немой и вот сейчас увидела тебя и сразу заговорила.

Тут и сама дочь сказала, что как только она увидела Зорикто, так сразу к ней вернулась речь.

— Раз ты увидела меня и к тебе вернулась речь, значит, волею бурхана ты должна стать моей женой.

— Так и быть должно,— ответила дочь старухи,— ведь за восемнадцать лет я много видела молодых людей и никто не мог мне вернуть речи. Только ты один это смог сделать, потому я буду тебе верной женой.

— Не хочу я видеть разлуки вашей, станьте мужем и женой,— подтвердила мать.

Зорикто посадил на коней дочь и старуху, и поехали они все вместе. Недолго ехали и видят: стоят на берегу моря рыбаки и ловят рыбу.

— Эй, добрые люди, дайте мне одну рыбу!

Зорикто слез с коня, подошел к неводу и выбрал самую большую и толстую рыбу. Пошел с рыбой вдоль берега да и обронил рыбу. Та сразу в воду, вильнула хвостом и сказала:

— Ты, добрый молодец, постой здесь, а я поплыву в море и скажу о тебе моему отцу.

— Что это за рыба?— удивляется Зорикто.— Говорит человеческим голосом и плавает так быстро.

Не успел Зорикто сказать двух слов, как видит — подъезжает к нему на сивом коне человек, говорит:

— Садись сзади за мной на моего коня и поедем, тебя морской царь в гости зовет.

— Как же я в воде поеду, это не по мне, я привык по степям, в тайге ездить, в воде никогда не был, боюсь.

— Ничего,— ответил человек.— Садись за мной и поедем.

Не хочет Зорикто расставаться со своим соловкой. Он взял повод в руки, а сам уселся на коня морского

слуги, и так они въехали в море. Вот едут, едут, и вдруг перед ними большой и длинный железный мост появился. Поехали они по мосту, который вел прямо во двор водяного царя. Подъезжают к крыльцу. На встречу — водяной царь.

— Милости просим к нам во дворец, молодой человек.

Он подошел к Зорикто, поцеловал его, взял за руку и повел к себе в палаты. Там уже были приготовлены разные яства, от которых ломились столы, и они стали есть да пить. За обедом водяной царь говорит:

— Ты, добрый молодец, спас мою единственную красавицу дочь. Не будь тебя, пришлось бы мне горевать всю жизнь без моей любимой красавицы, погибла бы она от рук злых людей. Чем же мне отблагодарить тебя за спасение дочери, каково твоё желание?

— Ты царь и знаешь, как дорого ценится человеческая жизнь. Дай мне какую-нибудь драгоценность, и я буду доволен.

— Как тебя зовут, молодой человек? — спросил царь.

— Меня зовут Мэргэн Зорикто.

— Так вот, Мэргэн Зорикто. Я дам тебе одну волшебную шапочку, доху и золотой молоток. Ударить золотым молотком по земле — перед тобой сразу вырастет золотой дом. Наденешь волшебную шапочку — станешь невидимкой, а когда облачишься в яманью доху, то и в огонь идти можно, стоит ею тряхнуть — и пойдет проливной дождь. Думаю, что эти драгоценности будут неплохой платой за спасение от смерти моей дочери-красавицы.

— Прежде чем взять от тебя столь драгоценные подарки, — сказал Зорикто, — мне надо их попробовать.

— Принесите все драгоценности! — крикнул царь.

Принесли все это и положили перед Зорикто. Он взял молоток, стукнул о землю, и перед ним сразу же вырос золотой дом. Затем Зорикто надел яманью доху, и тут же полил проливной дождь. Одному из слуг водяного царя он велел надеть волшебную шапочку, тот надел, и его сразу не стало видно. Собрал Мэргэн Зорикто все подарки царя и тронулся в путь-дорогу домой. Царь приказал:

— Садись на моего солового коня, и ты спокойно переедешь море.

Слугам он сказал, чтобы они проводили его до самого дома. На прощание водяной царь сказал:

— Когда тебе что-нибудь потребуется, ты только крикни, и я приду на помощь.

— Непременно,— ответил Зорикто.

Он попрощался с царем, сел на солового коня и поехал. Царь был рад, что этот молодой человек спас жизнь любимой дочери, и спустился в свой подводный дворец.

Едет Мэргэн Зорикто знакомой дорогой. Встречает с детства знакомые места, снова видит перед собой могучие лиственницы, подпирающие небо, кудрявые березы, раскинувшиеся рощи черемухи и массу зверей и птиц. Долго ехал Мэргэн Зорикто, прежде чем попасть домой. Но вот и родной улус, вон родная юрта. Задумался Зорикто: «Живы ли отец с матерью, не хворают ли они, не похоронили ли они меня заживо?» Тревожно что-то стало на душе у Зорикто. Слез перед самой родной юртой Зорикто, принагнул и зашел в нее. Мать по-прежнему такая же красивая, как и была, когда он расставался с ней. Отец немного сгорбил, но такой же гордый, как и был в прежние годы. Старый Сарай и красавица Долгор посмотрели на вошедшего и спрашивают:

— Чей ты и откуда, добрый молодец?

— Неужто отец родной и мать родная не узнали сына своего, что бурхану пошел поклониться?

— Где же твой бурхан?— спрашивает отец.

— Вот он, со мной,— отвечает сын.

Зорикто надел волшебную шапочку, и тут сразу его не стало видно. Потом он взял в руки молоток, стукнул им о землю, и тотчас перед глазами вырос золотой дом. Когда все увидели, что около них вырос дом, Зорикто надел яманию доху, потрянул ею, и тут же полил дождь как из ведра. Смотрит старый Сарай на своего сына и диву дается: откуда у его Зорикто такая сила? Хотя он об этом ничего не говорит Зорикто, но в душе радуется, что младший его сын превзошел всех братьев.

Собрались одноулусники и тоже диву даются: как это Зорикто умеет так быстро строить, дождь вызывать и тут же невидимкой становится?

— Сын мой дороже золота,— сказал старый бога-

тый Сарай. — Теперь мое богатство и гроша не стоит против того, что умеет делать Зорикто.

Отец с матерью стали счастливыми, что у них вырос такой сын. Зажили богаче и одноулусники: Мэргэн Зорикто помогал им чем только мог.

СИЛЬНЫЙ И СМЕТЛИВЫЙ

Сильный Хуштэй делал все благодаря только своей силе. А сметливый Баштай был очень умелым и умным. Хуштэй с помощью силы делал за месяц одну телегу. А Баштай, проявляя смекалку, прибегал к разным средствам, хотя нигде не учился, мастерил за месяц десять саней и еще кое-что. Продавал все это и добывал всегда деньги. Хуштэй завидовал Баштаю. Однажды он сжег все сани и телеги Баштая, когда тот был в гостях. Вернулся Баштай и видит — от саней и телег его остались одни черные угли. Жена Баштая говорит:

— Приходил Хуштэй и все сжег. Хотела выйти да сказать, но побоялась.

Собрал Баштай весь черный уголь в мешок, наполнил до половины и говорит жене:

— Этот уголь в город я повезу.

Сел он верхом на быка, взял с собой уголь и отправился в город. По дороге он проезжал мимо владений богатого хана Хартагая.

Три дочери Хартагай-хана сидят возле дворца. Баштай посмотрел на них. А те спрашивают:

— Баштай, куда ты едешь?

— Еду в город.

— А что у тебя в мешке?

— Деньги.

— Покажи нам эти деньги, — просят они.

— Отстаньте! Стоит ханским дочерям взглянуть на них, как сразу эти деньги превратятся в черный уголь. Когда превратятся они в черный уголь, вы что мне за это деньги отдадите?

Ханские дочери требуют развязать мешок, обещают ему деньги. Развязали мешок — там уголь черный лежит.

— Не деньги, а уголь здесь, — говорят девушки.

— Ведь говорил же я вам, что стоит только ханским дочерям взглянуть на деньги — они сразу превратятся в черный уголь. Что же мне теперь делать? —

говорит Баштай.— Придется отцу вашему пожаловаться.

Стали ханские дочери его уговаривать:

— Ой, не говори нашему отцу. Сколько здесь углей, столько же денег насыплем в мешок. Иди в кузницу и высыпь там уголь.

Баштай высыпал в кузнице весь уголь и отдал тем девушкам мешок. Они насыпали в мешок столько денег, сколько было там углей.

Баштай с этими деньгами поехал в город, накупил там всякой всячины и вернулся домой.

Отпустил он быка, а свои покупки с деньгами занесли с женой домой. Охота сосчитать Баштаю деньги, да сил не хватает, отправляет жену к Хуштэю за счетами. Пошла жена к Хуштэю и просит счеты.

— Зачем вам счеты?— спрашивает Хуштэй.

— Баштай из города кое-что привез, видно, хочет деньги сосчитать.

Принесла жена счеты. Баштай высыпал деньги на половик и стал их считать на счетах. В это время заходит Хуштэй.

— Какой же ты хороший человек!— говорит Баштай.— Ты сжег десять моих телег и саней, превратил в уголь. Собрал я этот уголь в мешок и поехал на своем быке. Доехал до ворот хана и крикнул: «Кому нужен уголь черный?» Хан взял мой уголь, отдал мне деньги.

— Он и у меня может уголь купить?— спрашивает Хуштэй.

— Конечно,— отвечает Баштай.

— Повезу-ка я три мешка угля,— сказал Хуштэй и выбежал от Баштая. Прибежал домой, разрубил все свои телеги и сани, собрал еще кое-что, сверху наложил и сжег. Когда все сгорело, собрал два мешка угля.

— Поеду я к хану,— сказал Хуштэй жене, погрузил те два мешка и поехал. Доехал до хана ночью. Остановил быка возле ханских ворот, стал стучать в ворота и кричать:

— Кто возьмет черный уголь? Кто ханские деньги отдаст?

— У ворот кто-то громко кричит. Что с ним делать?— спрашивают сторожа у хана.

— Уголь высыпьте в кузнице, а самого отколотите и отправьте обратно на его быке,— отвечает хан своим сторожам.

Вышли ханские сторожа, заставили Хуштэя высыпать уголь в кузнице. Отколотили его и отправили обратно на быке с угрозами. Очень злой вернулся Хуштэй домой.

— Как приеду, сразу убью Баштая,— говорит он.

Не заходя домой, он заскочил к Баштаю. Баштая не было дома, жена сидит.

— Где Баштай?— спрашивает.

— Ушел в гости.

— Паршивый Баштай обманул меня, из-за него избili меня ханские сторожа. Не смог я уголь обменять на деньги. Раз Баштая нет, тебя убью,— сказал Хуштэй и прикончил ее.

Хуштэй ушел домой. Вернулся Баштай, а жена лежит мертвая. «Этот негодяй жену мою убил»,— догадался он. Обмыл он труп жены, одел в красивую одежду, посадил спереди на своего быка, сам сел и поехал. Проезжает он мимо ханского дворца. Увидели его три дочери хана, стоявшие на дворе, и кричат:

— Баштай, куда поехал? погоди!

— Бык мой пугливый.

Дочери хана побежали в его сторону. В этот момент Баштай вытащил из кармана шило и воткнул в быка. Бык сразу же рванулся с ревом. Мертвая жена свалилась с быка. Кое-как Баштай удержал быка, а мертвая жена лежит на земле.

— Я же вам говорил, что бык у меня пугливый. Свалилась с быка жена моя и умерла. Что же мне теперь делать? Придется отцу вашему сказать,— говорит Баштай.

Заходит он к хану и говорит:

— Хан-батюшка, ехали мы с женой на своем быке. Подбежали к нам ваши три дочери и спугнули моего быка. Шарахнулся он и пустился вскачь, жена упала и померла.

Разгневался хан, вызвал трех своих дочерей и говорит:

— Зачем вы спугнули его быка и жену его убили? Очень страшным для нас это может обернуться. Мое имя будет опозорено, честь моя будет замарана. Все это надо замять, помочь ему похоронить жену. Кому-то из вас придется за него замуж выйти!

Так Баштай похоронил свою жену, взял замуж одну из ханских дочерей, с нею вернулся домой. Приходит к нему Хуштэй.

— Где же такую красивую жену нашел?— спрашивает.

— С мертвой своей женой подъехал к ханским воротам и крикнул: «Кто возьмет мою мертвую жену и отдаст живую дочь?» Хан взял мою мертвую жену и отдал свою дочь,— отвечает Баштай.

— Всякому другому так может отдать?— спрашивает Хуштэй.

— Конечно.

Хуштэй побежал домой, приговаривая: «На ханской дочери хочу жениться», убил свою жену. Подъехал с трупом жены к ханским воротам к вечеру и кричит:

— Хан, возьми мою мертвую жену, отдай свою живую дочь!

Услышал это хан и говорит сторожам:

— Похороните его жену, самого побейте да домой отправьте.

Ханские сторожа заставили Хуштэя похоронить жену, самого поколотили и отправили обратно на быке. В большой ярости Хуштэй вернулся домой. «Баштая сразу убью и женюсь на ханской дочери»,— говорит. Добрался до дома и сразу заскочил к Баштаю. Заходит — Баштай дома сидит.

— Паршивец такой, всегда хитришь да обманываешь. Заставил сжечь все мои сани, вынудил убить жену. Ханские сторожа меня избили, а теперь я тебя убью,— говорит.

Хуштэй затолкал Баштая в мешок и пошел в сторону озера. Дошел до озера, а оно замерзшее и проруби нет. Бросил Баштая на лед и пошел домой за топором и ломом. В это время пришел подданный хана, чтобы прорубь сделать — напоить скот, и увидел мешок.

— Что же в этом мешке?— говорит он и трогает мешок. А в нем человек оказался.

— Почему ты в мешок залез?— спрашивает.

— У водного доктора лечусь. Один глаз у меня плохой да рука одна тоже. Быстрее развяжи мешок! Подданный хана развязал мешок. Вылез Баштай из мешка. У ханского подданного одна нога была больная.

— Любой так может вылечить?— спрашивает он.

— Конечно!— отвечает Баштай.

— Меня затолкай в мешок,— говорит тот.

Баштай затолкал его в мешок, крепко завязал и говорит:

— Придет человек, будет прорубь прорубать, ты ничего не говори, молчи. Он тебя поднимет и понесет к проруби, ты только молчи.

А сам Баштай отправился по другой дороге и погнался к своей жене, ханской дочери, скот. Пригнал скот и закрыл его во дворе.

А Хуштэй пришел на озеро, сделал прорубь и, перед тем как кинуть туда Баштая, говорит:

— Из-за тебя остался я без саней, наконец-то я убью тебя.

— Я не Баштай, я ханский подданный, прорубь прорубающий.

— Не ври! Опять хочешь обмануть!

Так затолкал Хуштэй ханского подданного в прорубь и покончил с ним.

— Наконец-то убил Баштая, возьму его жену,— говорит он.

Напевая песни, он идет домой. И вдруг видит, что во дворе у Баштая много скота. «Откуда же у Баштая столько скота появилось?» — подумал он и забежал к ним. Заходит — Баштай с женой сидят и едят.

— Я же тебя в прорубь затолкал. Как ты вышел? — спрашивает Хуштэй.

— Я попал на дно озера. Там встретился с тремя сыновьями водного Лубсан-хана. Они подарили мне этот скот. Я только что пригнал его.

— Это правда? — спрашивает Хуштэй.

— Конечно, правда!

— Любому они могут так отдать?

— Отдадут, еще больше могут дать.

— Спусти-ка ты меня в прорубь, — просит Хуштэй.

Баштай сделал большую прорубь, чтобы Хуштэй мог сам броситься туда. «Три ханских сына могут меня щедро одарить, спущусь я туда за скотом», — сказал он, прыгнул в прорубь и утонул. А Баштай стал жить да поживать с ханской дочерью и разводить скот. Так скончался сильный Хуштэй, а умный Баштай зажил счастливо.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Давным-давно жил один очень богатый человек. У этого богача работал бедняк. Проработал бедняк у богача девять лет, но постоянно был у него в долгу,

не мог прокормить своих детей. Не было у бедняка ни собаки, которая бы тьякала, ни скотинки, которая бы прошла по земле.

Однажды, когда бедняк молотил хлеб богача, ночью, при свете луны, он заметил на поле двух маленьких мальчиков, которые собирали выпавшие колоски и втыкали их в снопы. Очень удивился бедняк, потому что мальчики собирали колоски, лежавшие на его пути и втыкали в снопы, связанные им. Бедняк спрятался у стога сена. Мальчики, собирая колоски, приблизились к нему. Когда они близко подошли, бедняк схватил их.

— Кто вы такие, собирающие растерянные колосья и втыкающие в снопы?— спросил бедняк.

— Мы — Счастье богатого человека, мы всегда собираем все то, что он потеряет или уронит,— отвечают мальчики.

— А у меня есть Счастье? Где мое Счастье?— тербя их за волосы, спрашивает бедняк.

Те говорят ему:

— У тебя нет Счастья, а есть у тебя только Несчастье.

— А как мне избавиться от этого Несчастья?

— Когда закончишь молотьбу хлеба у богача, поезжай в город с детьми и женой. Там ты будешь копать колодец у богача и найдешь очень драгоценный камень на дне его. Если, взяв тот камень, покажешь ученым людям, в нем будет твое Счастье. Когда ты будешь ночью собираться ехать, Несчастье твое будет сидеть на печи и плакать. Возьми свое Несчастье, посади его в бочку и закопай там, где никто не ходит. Только так ты избавишься от своего Несчастья,— настаивают бедняка мальчики.

Взяв с них слово, бедняк отпустил их, а сам, не зная ни дня, ни ночи, приступил к уборке хлеба у богача. Поругавшись с ним, он собрался в город. Одолжил у чужих людей двух лошадей, четырех сыновей своих, жену, собрав ночью, посадил на телегу и стал закрывать дом. Вдруг услышал в доме плач, похожий на детский. «Кто же это плачет?» — подумал он и вошел в дом. Там он увидел голого ребенка, похожего на новорожденного.

— Кто ты такой, сидящий на печи и плачущий?— спрашивает бедняк.

На это малыш отвечает:

— Я твое Несчастье, я не хочу отставать от тебя.

Сказав это, он вцепился в бедняка так, что тот никак не может его оторвать от себя. Тогда говорит он Несчастью:

— Если я тебя повезу с собой, люди будут очень удивляться. Будут смеяться и говорить, что бедняк возит с собой свое Несчастье. Ты садись в бочку. Я накрою тебя крышкой и не покажу никому.

Согласилось Несчастье и село в бочку. Так отправился бедняк в город.

Когда он приближался к городу, начало светать. У подошвы крутой горы, около плоского камня, вырыл бедняк яму, положил туда бочку с Несчастьем, засыпал песком, потом придавил плоским камнем и поехал дальше. Приехал он в город. На базаре, куда пришел бедняк, один богач искал работника, который выкопал бы колодец. Взял бедняк своих детей, жену и отправился к богачу копать колодец.

Однажды он говорит жене:

— Что за чертовщина! Скоро проедем все деньги за работу. Как же нам быть теперь? Как же нам прокормить своих детей?

На другой день откопали они один очень красивый камень. Не показали они никому камень, завернув его, спрятали. Как-то пришли они на базар, где встретился им один ученый человек.

Этот человек и спрашивает:

— Что видно, что слышно нового?

На это бедняк отвечает:

— Я нашел чудесный камень, приходи посмотреть его.

Ученый человек посмотрел тот камень и сказал, что он очень дорогой. Затем он разузнал имя бедняка и дал знать правителям. Правители открыли прииски на месте, где был найден тот драгоценный камень. А бедняк после этого прославился, выучил всех дочерей и сыновей, стал богатым.

Услыхал обо всем тот богач, у которого прежде работал бедняк, сильно удивился. Поехал он в город и разыскал своего бывшего батрака. Разбогател тот и жил теперь в каменном доме со множеством комнат.

— У! Я ведь раньше у вас работал. Сюда, сюда проходите, садитесь,— приглашает бедняк богача.

Угощает он его мясом и вином. Богач спрашивает у бедняка:

— Как тебе удалось разбогатеть? Расскажи же мне.

— Когда я убрал твой хлеб, два маленьких мальчика собирали растерянные мною колосья и втыкали в снопы. Поймал я их и спросил: «Кто вы?» Они отвечали: «Мы Счастье богача». Когда же я стал допытываться у них, есть ли у меня Счастье, они сказали, что у меня нет Счастья, есть только Несчастье. Я спросил их, как мне отделаться от него. Они мне рассказали, как я должен избавиться от Несчастья. Я поймал свое Несчастье, посадил в бочку и закопал его близ города. С тех пор я разбогател,— сказал бедняк.

Богач очень позавидовал бедняку.

«Подожди же, когда я буду ехать в город, выпущу твое Несчастье и пришлю его к тебе обратно»,— подумал богач.

Собираясь в обратную дорогу, богач спросил у бедняка:

— Где ты закопал свое Несчастье?

Бедняк рассказал ему. Богач пришел к горе, поднял тот плоский камень, раскопал землю и вынул бочку. Приоткрыв крышку, увидел там Несчастье.

— Иди, твой хозяин очень разбогател,— говорит он.

Несчастье говорит:

— Я не пойду к своему хозяину. Он снова меня унесет куда-нибудь и будет мучить. Я не отстану от тебя.

С этими словами Несчастье вцепилось в телегу богача и приехало вместе с ним. С тех пор то Несчастье начало рассеивать богатство богача. Счастье же богача не могло успеть собрать его богатство. Так весь век с богачом были Счастье и Несчастье. Одно из них собирало, а другое рассеивало.

БЕДНЯК И БОХОЛДОЙ¹

В давнее, давнее время жил один бедный старик. У этого старика был единственный сын. Перед смертью старик наказал сыну не переходить на другую сторону юго-западной горы.

Много лет прошло с тех пор. Однажды охотился парень, перевалил он ту гору и оказался на другой стороне. Смотрит — стоит там маленький шалаш. Вошел в него парень, а там на столе приготовлено много всякой вкусной еды, все прибрано. Наелся парень, сидит, удивляется.

¹ Бохолдой — черт.

Приходит на другой день — опять приготовлена еда. На третий день парень вернулся с охоты рано, спрятался во дворе, поджидает. Наконец пришла очень красивая девушка и стала готовить еду. Парень вошел в шалаш, и начали они разговаривать.

Хотя девушка сначала сильно испугалась, но, поговорив с парнем, дала слово стать его женой.

Поженились они и переехали в один улус. А там все люди стали любоваться женой того парня. Как пойдет она за водой, так каждый раз ей встречается один лама. Сильно полюбилась она тому ламе. Придя домой, жена рассказала мужу, что в нее влюбился лама и что он каждый день приходит к речке встречаться с нею.

— Встречайся с ламой. При встрече беседуй с ним любезно и мило, — посоветовал муж.

На другой день жена пошла за водой, поговорила любезно с ламой и привела его домой. Муж все предвидел, поэтому скрылся из дома. Как только лама снял с себя всю одежду, раздался стук в дверь и появился разъяренный хозяин. Жена успела спрятать ламу в заранее приготовленный сундук с дегтем и замкнуть.

Назавтра муж поднялся рано и говорит:

— Поеду в город, продам бохолдою, что в сундуке.

Запряг он коня, поставил на телегу сундук с ламой. Едет в город нарочно по плохой дороге, по болотам и кочкам, по большим камням да рытвинам. А лама лежит в сундуке еле живой, швыряет и бросает его во все стороны.

— Вот и пришла мне смерть, — приговаривает он.

Доехал до города бедняк и на базар отправился, громко стал кричать:

— Продаю бохолдою! Покупайте бохолдою! Купите и поглядите на него!

Люди диву даются, потому что до сих пор не видели человека, продающего бохолдою. Услышал это один богач.

— Что за чудеса? Я куплю бохолдою за пятьсот рублей, — сказал он и вытащил пятьсот рублей.

Бедняк взял деньги, пересчитал их и открыл сундук. А лама и впрямь был похож на бохолдою, голый, весь обмазанный дегтем. Выскочил из сундука и кинулся прочь. Люди смотрят и говорят:

— Да это и правда бохолдой.

Богач так и остался ни с чем, отдав пятьсот рублей.

Так бедняк обманул и богача, и ламу.

СЕМЬДЕСЯТ НЕБЫЛИЦ

Давным-давно жил один жестокий хан. Как-то все хану надоело: и увеселения, и игры, и танцы, и даже охота. Судьбы его подданных не интересовали хана. Ничего и никого не хочет он знать и видеть. И тогда был издан указ, о котором знали в каждом айле и в каждой долине. В нем говорилось:

«Кто сумеет рассказать хану семьдесят небылиц, не останавливаясь, не сказав при этом правдивого слова, тот человек получит столько золота, сколько можно навьючить на одного верблюда. Кто не сумеет рассказать так, как надо, запнется во время рассказа или рассказ будет правдивым, того человека ожидает смерть. Закопают его живьем в землю и на следующий день казнят, а тело станет добычей бродячих собак».

После издания указа разные лгуны повалили ко дворцу хана: одни — из жадности, другие, чтобы прославиться, а остальные — просто из-за бедности. Но среди них никто не смог рассказать такие небылицы, в которые бы мог поверить сам хан. Из-за обещанного золота многие потеряли свои головы. Постепенно не осталось ни одного человека, кто пожелал бы рассказать семьдесят небылиц.

Однажды в ханские серебряные ворота постучался босой парень, с худым белым лицом, в рваной рубаше, в дырявых штанах. Собаки хана, которые сидели на железных цепях, залаяли на него, а стража остановила. Парня до этого никогда здесь не видели. Подумали, что он пришел из других мест, а он оказался сыном подметальщицы и старого пастуха, который пас бычков и телят богачей.

— Парень, что тебе здесь надо? — надменно спрашивают его караульные.

— Я пришел рассказать хану семьдесят небылиц, — отвечает он.

Караульный хана смерил его взглядом с ног до головы, притопнул ногой и высокомерно пробасил:

— Пока твоя голова не слетела с плеч, пока цел и невредим, убирайся отсюда!

— Я хочу получить обещанное золото. Проводи меня к хану! — смело и твердо потребовал тот парень.

Заметив это, удивился караульный и провел его к хану.

Невзрачный парень перешагнул порог дворца и увидел хана, развалившегося на восьми разноцветных тюфяках. В тот день он был очень сердитым и молчаливым. Хану принесли на золотых блюдах вкусную еду, в серебряных сосудах сладкие напитки и поставили перед ним на стол. Хан не дотронулся ни до одного блюда. Не попробовал ни капли арзы¹ и хорзы², велел убрать. У старшего из слуг на лице ни кровинки, стоит он, дрожит от страха.

— Что тебе нужно? — крикнул, трясаясь от злобы, хан с ложа.

— Великий хан, соблюдающий законы древние Тибета, я хотел бы рассказать тебе семьдесят небылиц, — говорит парень.

Хан был удивлен смелостью парня, сердито глянул на него и, замахнувшись своей тростью с украшением из алмаза с десятью гранями, прикрикнул:

— Ах ты, паршивец, хочешь, чтобы голову тебе снесли!

— Великий хан, соблюдающий тибетские законы³, издавна говорится: «Когда забивают скот, берут у него кровь, перед казнью человека ему дают слово». Выслушай меня, прежде чем отрубить мне голову, а потом прикажи выдать мне столько золота, сколько можно нагрузить на одного верблюда.

Хан, удивленный спокойной и мудрой речью парня, на миг потерял дар речи. Когда же пришел в себя, то, сдерживая свой гнев, сказал:

— Ну говори! Я слушаю!

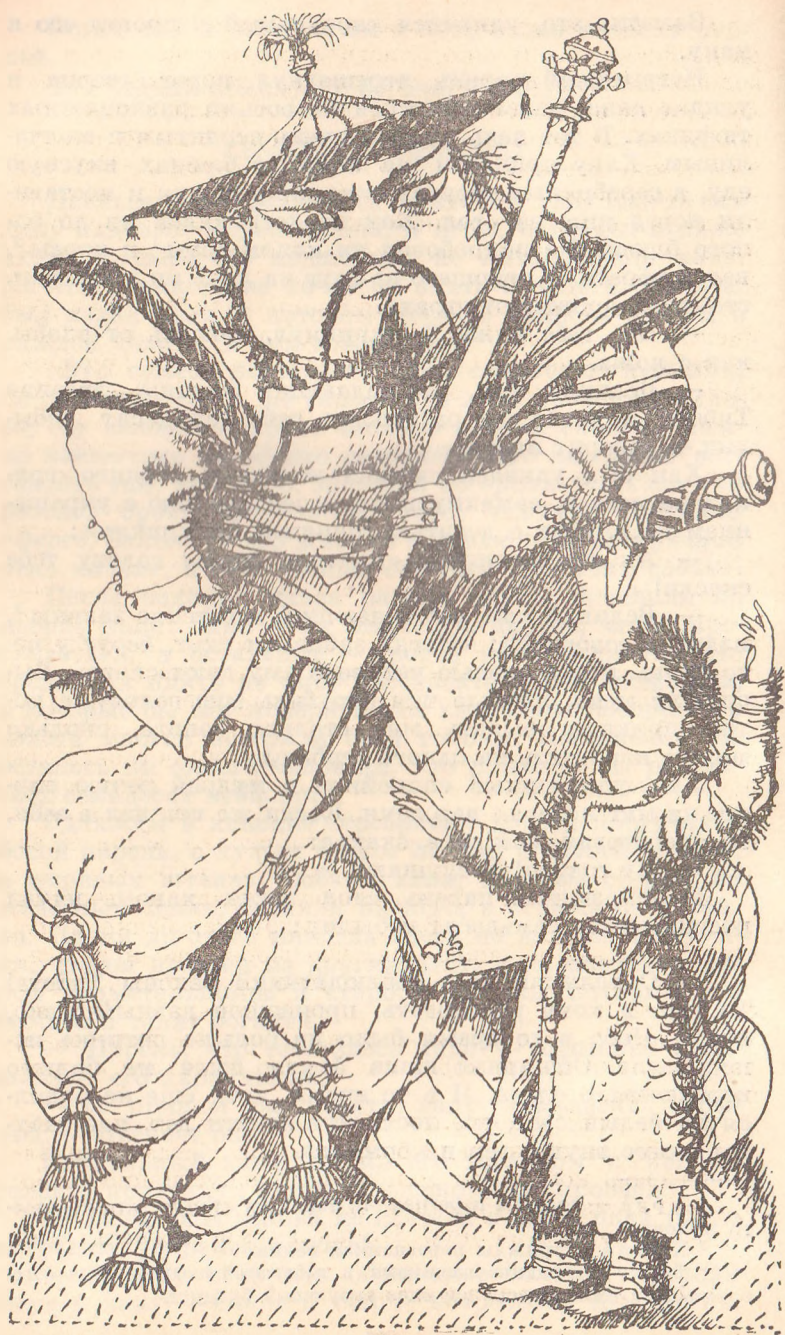
И неказистый парень, стоя перед ханом, начал рассказывать семьдесят небылиц:

— О великий хан, соблюдающий законы Тибета! То, что я хочу рассказать, произошло давным-давно, вчера. Небо в то время было не больше потника изпод седла. Обширная наша земля была не больше верблюжьего следа. Я в то время, хотя еще не родился на белый свет, но, достигнув десяти лет, пас табуны своего внука, тем и кормился.

¹ Арз а — дважды перегнанная водка из кумыса или коровье-го молока.

² Хорз а — трижды перегнанная водка.

³ Ти бет — родина ламаизма, а тибетский язык — язык бого-служебных книг, здесь: истинно верующий буддист.

В то время, в один прекрасный день, в жару, когда дышать было трудно, я погнал табун с жеребцом на водопой. Когда пригнал, то увидел, что река замерзла. Решил продолбить лунку во льду, взял в руки топор и начал долбить. Долбил, долбил, только притупил лезвие топора, ни на палец не прорубил. «Как же мне продолбить прорубь?» — думал я день и ночь и придумал один интересный способ: я сорвал голову с плеч, схватил крепко за шею, размахнулся и со всей силой ударил по льду.

Великий хан, соблюдающий законы Тибета! Как думаешь, что было? Как только я ударил, получилась во льду большая прорубь. Из нее сто моих лошадей сразу напились воды, а за ними сто других. После этого они пошли пастись по льду. Присмотрелся я к табуну и увидел, что там нет моей любимой пегой кобылы. Снял я дэгэл¹ из козьих шкур, воткнул в него свою камышовую трость, забрался на нее, гляжу, а кобылы нет. В трость воткнул нож с костяной рукояткой, взобрался туда, смотрю, но ничего не вижу. Запечалился я и воткнул в нож иголку, которую носил у сердца. Опять с трудом влез на иголку, посмотрел через ее ушко и увидел мою любимую пегую кобылу, стоящую на скале среди Черного моря. Сивый жеребенок скачет вокруг по волнам, поднимая пену морскую.

Я быстро продолбил трость, получилась лодка, сделал из ножа весла и поплыл в сторону острова. Хорошо плыл, но вдруг лодка наткнулась на пену и начала тонуть. Тогда я вынужден был сесть на нож с костяной рукояткой, а из трости сделал вёсла и за какой-то миг благополучно добрался до острова.

Еле-еле поймал пегую кобылу, сделал из веревки уздечку и сел на нее. Взял на руки жеребенка и пустился рысью по морю так, что море взволновалось.

Сижу я на пегой кобыле и пою от радости. Вдруг она споткнулась о волну и начала тонуть. «Что же мне делать?» — подумал я и вмиг сел на жеребенка, взял на руки пегую кобылу и быстро домчался до другого берега.

Ехал, ехал и добрался до своих пасущихся коней. Кони мои паслись среди боярышника. Когда я привязывал свою кобылу за только что распустившийся боярышник, из-под моих ног выскочил десятиногий заяц. Я помчался за ним. Никак не мог догнать: так

¹ Дэгэл — род верхней одежды.

быстро бежал. Натянул тетиву и пустил стрелу. Стрела оперением ударилась прямо в грудь зайцу и вернулась обратно. Тогда я стрелу направил оперением вперед, а наконечником назад. И что вы думаете? Тогда моя стрела насквозь пронзила зайца.

Снял шкуру с зайца, отделил жир от мяса и начал собирать в подол кизяк. Смотрю — моя пегая кобыла вроде испугалась чего-то и, копытами ударяя о землю, фыркает. Вдруг ее кто-то потащил на гору. Оказывается, я привязал кобылу не за боярышник, а за барана с тридцатью ветвистыми рогами. Об этом я узнал позже. Еле догнал я кобылу и отвязал ее. Вернулся, а собранный мною сухой кизяк разлетелся враспынную, чуть ниже облаков. Оказывается, рябчиков я принял за кизяк.

Опять мне пришлось собирать сухой кизяк. Я нагрузил его на свою семидесятилетнюю собаку и еле приволок. Наконец-то я разжег костер. Поставил новый котел и стал растапливать заячий жир. Вдруг вижу — жир весь вытекает. Что делать? Я быстро перелил жир в котел без доньшка и так растопил. Ни капли жира, все растопилось. Весь жир влил в кишки бычка. Потом принялся за мясо, хотел наесться досыта, открываю рот, а рта нет. Оказывается, я забыл свою голову там, где выдолбил прорубь. С досады я чуть не заплакал. Недолго думая, начал толкать мясо прямо в горло, а оттуда в желудок. Я наелся так, что не мог встать, вытер руки о голенище одного гутула¹, а о другом забыл.

Лег отдыхать. Ночью проснулся я, потому что замерзли ноги. Слышу шум, крики, идет драка. Вижу — два моих гутула дерутся. Один гутул говорит другому: «Ешь, вот это ешь! Отведай! Вот на́ за то, что ел жир с рук хозяина, а это от меня, про которого забыли!» — и кулаками бьет того, которому достался жир. Встал я и еле разнял свои гутулы. «Перестань сердиться, сейчас ты ничего не сделаешь. Видимо, ты родился на этот свет несчастным», — сказал я обиженному, лег между ними и заснул в тепле.

Я проснулся оттого, что начало холодать. Нет гутула, которого я нечаянно обидел. Обиделся он на меня и убежал. Натянул я один гутул на обе ноги и помчался за беглецом. Бегу, бегу за ним. Бежал целый день без отдыха. А гутула-беглеца не могу догнать.

¹ Г у т у л — род обуви.

Целый месяц бежал за ним. Никто не видел его. Целый год бежал без отдыха, а его так и нет.

В поисках гутула я зашел в один дом. А там большой праздник, люди веселятся. Много людей прислуживает гостям. Я неожиданно оказался в самой середине пирующих. Перед гостями полные блюда мяса и архи. Присмотрелся внимательно... Пускай вытекут мои глаза! О великий хан, соблюдающий законы Тибета! Кто, вы думаете, попался мне на глаза? Мой гутул — весь в жиру и в поту. Я от удивления сказал: «Попадись мне!» Гутул повернулся в мою сторону и от страха чуть не выронил поднос с мясом. Испугался он, что я начну его бить, и, стараясь мне угодить, подносит мясо. «Ты пожалел для меня жир на руках. Ешь же, мой жадный хозяин, ешь все, что на подносе!» — приговаривает он.

Расставил он вокруг меня мяса целую гору. Ел я мясо до отвала, а потом отправил гутул за своей головой. Принес он мою голову, поставил на место. Зубы от длительного отдыха стали очень острыми, поэтому я перемолол ими всю гору мяса.

Надел я свои гутулы и вернулся к коням. От мяса и от сильной жары захотелось пить, и я отправился на речку. Спустился вниз по берегу, просунул голову в прорубь и начал пить воду так, что мой лоб распух и плечи распрямились. Хотел встать, но не смог. «Почему же мое тело стало тяжелым как камень?» — подумал я. Оказалось, когда я пил воду, моя длинная и густая борода зацепилась за зубы семиметрового тайменя. Еле вытащил бороду с тайменем.

Семиметрового тайменя выменял на дрофу. О великий хан, соблюдающий законы Тибета! Та дрофа была очень большая: больше двугорбого верблюда, и пила она воду из самого глубокого колодца не наклоняясь. Вот такая была дрофа!

Хан подумал, что парень закончил свой рассказ о семидесяти небылицах без запинки и придется ему отдать проигранное золото.

— А может неглубоким было дно колодца?

— Может, было неглубоким. Почему думаю так? Когда бросишь камень утром в колодец, то только вечером достигает он дна, — говорит парень не растерявшись.

— В это время, наверное, дни были короткими? — спрашивает хан.

— Может, и короткими были. Когда твой отец украл овцу у моего отца и был пойман, мой отец начал выдергивать по одной волосинке его волосы. Только к вечеру твой отец вернулся домой совсем лысым и с красной головой.

— Врешь!— закричал хан и сразу замолчал.

— О великий хан, соблюдающий законы Тибета! Все, что видел своими глазами, я поведал тебе. Если бы рассказывал все, что слышал от людей, то рассказывал бы я до глубокой старости,— сказал парень и закончил свой рассказ.

— Выдайте этому парню обещанное золото из моих сокровищ!— крикнул хан, больше не сказал ни одного слова и через два дня помер.

УМНАЯ НЕВЕСТКА

В давнее время жили старик со старухой. У них был один-единственный сын. Женили они сына и взяли в дом невестку.

Однажды утром старик пошел за овцами и видит — пропала одна коза. Говорит старик невестке:

— Ну, невестка, пропала у нас одна коза, может, пойдешь поищешь?

— Хорошо,— сказала невестка и пошла искать козу.

Долго искала и еле нашла. Козу задрали волки и оставили возле дерева за рекой. Она повернулась и быстро пошла домой. Хотела рассказать об этом отцу, но не знает, как быть: ведь на свадьбе своей она поклонилась людям, которых звали Шоно (волк), Ухан (вода), Модон (дерево).

Подумав, она сказала отцу:

— Поймите, отец, нельзя мне назвать людей, которым поклонилась на свадьбе. Нашего блеющего задрал воющий там, за текущей.

После этого та невестка стала считаться самой умной.

БУДАМШУ

Жил парень по имени Будамшу. Однажды он поспорил с попами. Как-то воткнул он в землю палку перед домом богача и сидит себе.

Вышел богач из дома и спрашивает его:

— Что ты тут делаешь?

— Меня зовут *Накорми до отвала*. В эту нору убежала рыжая лиса. Вот и закрыл я ее. Ты покарауль здесь. Я зайду к вам, попью водички, а эта лиса пусть будет вашей,— отвечает Будамшу.

Обрадовался богач, позарился на лису и говорит парню:

— Ладно, останусь я.

Зашел Будамшу в дом богача и долго разговаривал с его женой. Богач ждал-ждал его и стал звать:

— Накорми до отвала, иди сюда!

Услышала голос мужа его жена и очень удивилась:

— О чем он кричит? Накорми до отвала... Зачем он велит кормить этого бедняка?

Снова богач кричит:

— Накорми до отвала!

Шибко удивляется жена богача и много еды ставит перед Будамшу.

Так смекалистый Будамшу и наелся досыта.

БУДАМШУ ДАА

Шестнадцатилетний Будамшу Даа поспорил, что сумеет заставить самого богдо¹ приподняться и поздороваться с ним при всем народе.

Приготовил он тюфяк и отправился к богдо. Много друзей представляются святейшему. Сидит богдо на своем сиденье и принимает народ. Шестнадцатилетний Будамшу Даа взял тюфяк и заходит к богдо.

— Прошу вас чуть приподняться, я хочу подложить вам этот тюфяк,— говорит.

Как только богдо чуть приподнялся, Будамшу Даа подложил тюфяк и поприветствовал его.

— Доброго здоровья!

Так он выиграл спор у своих друзей.

Снова Будамшу Даа поспорил с товарищами, что он получит от самого богдо его шапку. Он сшил из шкуры росомахи шапку, пришел к богдо и встал перед ним.

— Парень, какая у тебя красивая шапка! Из чьей шкуры сшита?— спрашивает богдо.

— Сшита из шкуры росомахи,— отвечает Будамшу Даа.

— Поменяемся шапками?— говорит богдо.

¹ Богдо́, богдохан — святейший (ханский титул).

— А где ваша шапка?

Богдо показывает на свою старую шапку.

— Согласен, пусть будет так. Хотя шапка ваша и старая, зато на макушке с жезлом и вся разукрашена. У моей шапки, кроме красоты, ничего нет,— сказал Будамшу Даа, отдал ему свою шапку из шкуры росомахи, надел шапку богдо и приехал домой.

Так сумел он взять у богдо его шапку и выиграть спор.

Опять он поспорил, что заставит богдо лаять по-собачьи.

— Не сумеешь,— спорят с ним друзья.

Вместе с поспорившими друзьями Будамшу Даа отправился к богдо.

— Вы стойте возле двери и слушайте. Я зайду к богдо и заставлю его лаять по-собачьи,— сказал Будамшу Даа.

Потом он зашел к богдо и начал рассказывать ему о разных зверях и животных всей земли.

— В каждой долине собаки лают по-разному?— спрашивает он у богдо.— А всюду, где я был, собаки лают на один лад: «Ха-ху-хуу». А как лают они по-другому?

— Они лают одинаково только там, где ты бывал. В некоторых долинах собаки лают вот так: «Хуп-хуп». Поэтому говорят, что в разных долинах собаки лают по-разному,— сказал богдо.

Будамшу Даа быстро вышел и говорит друзьям:

— Я же говорил вам, что заставлю богдо лаять. Вы слышали, как он лаял по-собачьи?

Так он опять выиграл спор.

Потом Будамшу Даа поспорил, что заставит богдо отведать засохший собачий помет. Он узнал, что бывают одинаковые по цвету лекарства, взял сухой собачий помет и пошел к богдо.

— Я принес лекарство. Хорошее оно или нет?— спросил он у богдо и подал ему кусок помета.

Богдо отломил кусочек и попробовал на вкус.

Так он заставил богдо съесть собачий помет и выиграл спор...

Торгует один богач в своей лавке. Будамшу Даа каждый день приходил туда и смотрел на все товары, но не покупал ничего. Рассердился однажды богач и говорит:

— Ты зачем приходишь каждый день в мою лавку? Ты же видишь, как много людей покупает у меня

товары! А ты ни на одну копейку ничего не покупаешь, а приходишь все время. Или же в моей лавке нет того, что тебе нужно?

Будамшу Даа и отвечает:

— Нет в твоей лавке того, что я купил бы.

Хозяин лавки еще больше рассердился:

— Не ври! В моей лавке есть все, чего пожелаешь! Поспорим с тобой!

— Поспорим!— отвечает Будамшу Даа.— А если не найдется того в твоей лавке, что я захочу купить, что тогда мне дашь?

— Все, что есть в моей лавке, все отдам! Ну так что же тебе надо? Говори!

— Принеси белый бархат на рубаху. Принеси кораллы, чтобы украсить рукоятку кнута. Принеси корень, чтобы сделать из него красивую и прочную пиалу.

В лавке ничего этого не нашлось. Так Будамшу Даа стал обладателем всех товаров богатого купца.

В то время приехал от русского царя генерал с другими начальниками. Настало время разговаривать о буддийской вере. Тогда среди бурят не было человека, знающего по-русски. Будамшу Даа мог переводить. Во время беседы русские говорили: «Даа, даа».

Тогда Будамшу говорит:

— Этот начальник дал мне имя «Даа», меня вы должны называть *Будамшу Даа*.

С тех пор его стали называть *Будамшу Даа*.

БУДАМШУ ДАА И ПОП

Как-то шел Будамшу Даа по селению и услышал, что власти издали указ. Будамшу Даа спросил:

— Что за указ вышел?

— Когда умирал бурят, мы хоронили его с бурятскими ламами, вещи и богатство умерших оставлялись у бурят. Теперь после принятия нами русского подданства мы должны хоронить умерших с русскими ламами — попами.

Посмотрел Будамшу Даа этот указ и говорит:

— Давайте одного человека похороним так, как велит указ. А после я постараюсь отменить такие похороны.

— Умный Будамшу Даа правду говорит. Сумеет он отменить. Надо только немного подождать. Раз уж такова жизнь, что люди рождаются и умирают, то

все равно кто-нибудь помрет. Того человека и похороним так, как велит указ, а потом, мы надеемся, его отменят,— говорит народ.

В это время в одном селении умер богатый человек. Будамшу Даа велел выкопать яму в восемьдесят сажен и пошел к попу приглашать его. Когда сказали, что умер богатый человек, поп-богач согласился прийти.

«Раз умер богатый,— думает поп,— много добра мне достанется».

Сородичи Будамшу Даа вместе с другими людьми взяли умершего и пошли к той яме.

Когда поп с медным крестом в руках читал молитву над могилой, Будамшу Даа подкрался к нему сзади и, после того как опустили труп в яму, столкнул туда же попу.

— Бросайте землю!— сказал Будамшу Даа.

Так вместе с умершим засыпали землей и попу.

— Ну, раз мы так поступили с богатым человеком, то его добро должны отнести родственникам попу.

Будамшу Даа взял с собой много людей, ровно половину добра умершего богача и отвез родственникам попу.

— А где наш поп?— спрашивают.

— Похоронили,— отвечают.

— Почему вы его похоронили?

— Вышел указ, по которому умерших бурят следует хоронить с попом. Мы должны были похоронить, как велит указ. Вот почему мы вместе с умершим человеком похоронили попу.

Тогда родственники попу дали знать об этом властям.

Будамшу Даа говорит своим друзьям:

— Большая тяжба будет из-за этого. Вы должны дружно держаться и говорить всё, что я скажу, точно, без ошибок.

Власти вызвали их к себе.

— Зачем вы попу зарыли вместе с умершим человеком?

— Появился указ властей, по которому умерших бурят следует хоронить с попом. Вот мы и похоронили, как велит указ.

— Что же теперь получается? Ссылаясь на указ властей, вы будете столько же хоронить попов, сколько умрет бурят.

— Конечно! Коль издали власти такой указ, мы должны каждый раз хоронить и попов. Раз мы под-

чиняемся властям, не можем мы поступать по-другому. Люди будут умирать. Наберется ли столько попов?— спрашивает Будамшу Даа.

Все друзья, пришедшие вместе с Будамшу Даа, дружно поддакивают ему. Тогда власти решили: «Не будет конца глупостям этих бурят!» И сказали:

— С этого дня не зовите попов. Когда умирает человек, вы его хороните сами.

С этого времени, говорят, не стали хоронить с попом.

ШУТНИК ПАРЕНЬ

Давным-давно жил Шутник парень. Идет однажды этот парень, а навстречу ему богатый человек. Богач говорит Шутнику:

— Шутник, расскажи свои шутки.

— Сказал бы я тебе шутку, да забыл их все дома,— отвечает ему Шутник.— Дай мне свою лошадь, и я привезу свои шутки.

Отдал богач ему свою лошадь. Взял тот парень лошадь богача и отправился домой. По пути заехал в дом к одним богачам. Жена богача спрашивает Шутника:

— Откуда ты, Шутник?

Отвечает ей парень:

— Пришел я к вам за деньгами.

— Какие деньги ты просишь у меня? Я не должна тебе,— сердится жена богача.

— Это ваш родственник послал меня к вам за деньгами,— отвечает парень.— Он даже дал мне свою лошадь, чтобы я приехал сюда. Если не верите, посмотрите, она стоит во дворе.

Посмотрела в окно та женщина, а там и вправду стоит лошадь ее дяди.

— Узнаешь эту лошадь?— спрашивает парень.

— Да, это лошадь моего дяди,— отвечает она.

— Раз вы признали лошадь своего дяди, то придется вам дать деньги,— говорит ей парень.

Жена богача дала парню целую охапку денег. Взял деньги Шутник, сел на лошадь и дальше поехал.

Едет парень, а навстречу ему купцы с тремя возами разного товара. Увидев их, Шутник вытащил из-за пазухи деньги и затолкал их под хвост своему коню. Подъехали купцы. Шутник спрашивает у них:

— Чем торгуете?

— У нас есть все, что хочешь,— отвечают купцы.

— Покажите же мне свои товары,— просит Шутник.

Раскрыли купцы свои сундуки да ящики, показывают свой товар.

— Сколько стоит этот товар?— спрашивает парень.

Купцы ответили.

Пошарил Шутник у себя в кармане и говорит:

— А, забыл я свои несчетные деньги дома... Походите-ка, ведь конь мой деньгами испражняется.

Сказав так, Шутник ударил своего коня плеткой. Подпрыгнул конь — и тотчас посыпались деньги изпод его хвоста. Сильно удивился один купец и остолбенел. Шутник накупил себе товары на те деньги. Позарился купец на этого коня.

— Отдай мне своего коня и возьми три воза товара,— просит купец.

Шутник говорит:

— Боже упаси, сказал ты невозможное, коня этого я ни на что не променяю.

Но купец во что бы то ни стало решил выменять коня и выпросил его у Шутника. Приехал он домой и говорит жене: «До самой смерти своей не будем теперь нуждаться в деньгах. Я раздобыл себе коня, у которого вместо г... серебро и золото сыплются».

Однажды купцу очень понадобились деньги, и стал он бить своего коня плеткой. Выпало несколько монет. Успокоился купец и живет себе, ни о чем не печалится.

Тем временем Шутник привез домой три воза товара и разодел своих детей и жену.

Однажды, отправляясь в поле, Шутник взял с собой три калача и одну кривую палочку. Положил калачи свои в яму и сидит у дороги. Едет по дороге богач с тремя возами муки, чтобы продать ее в городе.

— Что ты сидишь здесь, Шутник?— спрашивает богач.

— Из этой ямы выходят готовые калачи, вот я и хочу принести домой калачи и булки.

— Что ты говоришь глупости, дурак!— говорит богач.

— Коли не веришь, то сейчас вытащу калачи своей кривой палочкой,— говорит парень.

На глазах у богача вытащил Шутник калач из ямы. Очень удивился богач.

— Это что же, кто угодно может вытаскивать калачи?

— Почему бы и нет,— отвечает ему Шутник.
Богач:

— Возьми мои три воза муки, а эту палочку отдай мне.

— Ни за что я не хотел менять свою палочку, но меняю ее лишь только потому, что ты просишь.

Привез Шутник три воза муки домой и живет припеваючи, ни в чем не нуждается.

Тем временем конь перестал испражняться деньгами. Догадался купец, что его обманул Шутник, и пошел искать его, чтобы убить. Узнав об этом, Шутник забил своего черного барана, а кровью его наполнил желудок барана, засунул под мышку своей жене, надел на нее одежду и говорит ей:

— Когда придет купец, ты не готовь для него угощения. Когда же я скажу: «Жена, готовь угощение для гостей», ты обругай меня и произнеси: «Ты всякого проходимца принимаешь за гостя». Как только ты скажешь так, я возьму нож и пырну в бараний желудок, что у тебя под мышкой. Ты должна сразу же повалиться как мертвая. Когда ты упадешь, я скажу: «Где ты, моя плетка, воскрешающая мертвых и обогащающая бедных?» Потом сниму с правой стены плетку и ударю тебя ею. Ты тотчас же должна вскочить.

Пока они так договаривались, пришел обманутый купец. Шутник говорит:

— У, к нам гость пришел! Сюда, сюда проходите,— усаживает его за стол.

— Шутник, ты надул меня,— говорит купец.

— Да неужто?

Сказав так, он обратился к жене:

— Ведь гость пришел, готовь скорее угощение!

Жена:

— Всякого проходимца за гостя принимаешь!

Шутник со словами: «Ах ты, поганая баба!» — пырнул ножом свою жену под мышку и угодил в бараний желудок, наполненный кровью.

Жена упала навзничь, а из бараньего желудка кровь с шипеньем полилась. Испугался купец, аж остолбенел.

— Убил я свою жену в ярости,— говорит купцу Шутник.— Где моя плетка, воскрешающая мертвых, обогащающая бедных?

Говоря так, снял он с правой стены плетку и ударил ею раза три жену. Жена тут же вскочила на ноги. Пуще прежнего удивился купец.

— Шутник, а Шутник, зачем мне мои товары, уступи-ка мне лучше эту плетку. Тогда мы будем в расчете с тобой.

— Отдаю я эту плетку лишь только потому, что ты просишь ее, никому другому не отдал бы ее,— уступил Шутник.

Взял купец плетку и отправился домой. Приходит он домой, а у него гости сидят. Купец говорит жене:

— Быстрее готовь угощение!

— Нет сейчас ничего готового,— отвечает ему жена.

— Ах ты, поганая баба, еще покрикиваешь на меня!— закричал купец и убил свою жену.

«Мертвых воскрешающая, бедных обогащающая плетка, где ты?» — говорит купец, хватает плетку и начинает стегать ею свою жену.

Конечно, мертвую бей не бей — все равно не встанет. Гости же, подумав, что купец сошел с ума, сообщили об этом хану и нойонам¹. Те велели спрятать купца в тюрьму-яму. Шутник обманул купца, а потом он своим умением и ловкостью победил богачей и нойонов. С тех пор зажил припеваючи.

Я И ЕСТЬ ХУРМАСТА²

В давние времена, говорят, жил один жадный-прежадный богач. Сильно обижал он батраков и слуг своих, голодными их оставлял. Старался он скрыть от людей, чтоб никто в улусе не знал об этом. Но сколько он ни скрывал, как ни старался, все его черные дела стали известны народу.

Однажды до богача дошли слухи, что приедет большой нойон. Испугался богач, решил скрыть от нойона, как он мучает и притесняет работников. Отправил он своих батраков далеко в степь, а терпеливых и боязливых одел в кое-какую одежонку, стал немного лучше кормить. Немного поубавил свою злость. Работники его ничего не понимают, сильно радуются, стали веселыми и разговорчивыми.

Вскоре к юрте богача подъехал важный нойон с

¹ Нойон — князь.

² Хурмаста — святой.

блестящей медалью на груди, на тройке коней, запряженных в четырехколесную телегу, со звоном трех колокольчиков. Хозяин-богач встречает его с поклоном, суетится вокруг гостя, старается угодить. Помог ему слезть с телеги, посадил на носилки. Четверо расторопных парней понесли нойона к дому. Богач идет позади и спрашивает:

— Удобно ли сидите? Не твердо ли? Не трясет ли?

Нойон, сидевший спокойно и важно, вдруг подскочил, страшно вскрикнул и скатился с носилок.

— Что случилось?— испугался богач, чуть живой от страха.

Обхватил он ноги упавшего нойона, целует их.

А случилось вот что. Маленький мальчик, пасший у богача телят, в тот момент, когда нойона несли на носилках, подполз и ткнул его снизу острой палкой.

Поймали того шустрого мальчишку-батрака.

— Ты черная нечисть! Откуда ты выскочил и как натворил такую беду? Шкуру надо содрать с твоей спины! Чертенюк этакий!— скрипя зубами, закричал хозяин-богач и схватил за волосы батрака.

— Батюшка-богач! Выслушайте меня, а потом наказывайте!

— Что хотел сказать, говори!— спрашивает, поднимаясь с земли, нойон.

— Тот, кто напугает хурмасту, слышал я, разбогатеть должен. На мое счастье, увидел я хурмасту, сильно обрадовался и перепугался. Вы, достопочтенный, великий хурмаста, извините меня!— говорит мальчик-батрак, стоит, смотрит хитро и кланяется.

Важный нойон с блестящей медалью, как услышал, что его называли хурмастой, сразу перестал злиться, сел на носилки, подобрав под себя ноги, и сказал важно:

— Это верно, я и есть хурмаста!

А растерявшемуся богачу, который стоял тут же, приказал:

— Нельзя наказывать этого мальчонку. Дай ему одну войлочную юрту, двух дойных коров, еще три-четыре овцы, коня и отпусти.

Потом обратился нойон к мальчишку-батраку:

— Считаю, что все это даровано тебе хурмастой тэнгрием¹.

Так и пришлось богачу выполнять приказ нойона.

¹ Тэнгри — верховный небожитель.

— Негодник, из расщелины земли вылезший, только вред принес,— шепнул он жене, изменился в лице и цокнул языком.

После этого богач никого больше не подпустил к нойону.

УМНЫЙ БАЛДАН

Как-то в одном улусе собрался весь народ вместе с нойонами, чтобы выбрать повелителя-хана. Собравшиеся решили сделать ханом лысого Тархалжана. В это время маленький мальчик лет пяти все бегал и просил его сделать ханом. Выбрали Тархалжана.

Однажды тот мальчик (его звали Балдан) говорит хану:

— Сделайте меня ханом вместо себя.

— Назначаю тебя ханом над этими мухами, которых полным-полно. Ладно?— говорит хан смеясь.

Мальчик Балдан сделал себе из прутика коня и играл на улице. Подходит он к хану и видит на его лысой голове большую муху. Мальчик ударил хана по голове прутом. Обернулся разъяренный хан — пятилетний мальчик Балдан стоит.

— Что ты делаешь? А ну-ка живо сюда!

— Повелитель-хан, я же наказываю муху. С чего же эта паршивая муха должна сидеть на голове повелителя-хана? Вы же сами меня сделали нойоном над мухами.

Растерялся хан, не смог ничего ответить, промолчал. А мальчик сел верхом на прутик и побежал убивать мух, где только их увидит.

Прошло с тех пор несколько лет. Старшая жена одного богача родила сына. А от младшей жены детей у него не было. Когда мальчику богача исполнилось пять лет, отец его умер. Жены затеяли тяжбу: никак не поделят добро. Спор разгорелся у них и из-за сына. Младшая жена решила отнять сына у старшей.

Чтобы положить конец спору, жены обратились к хану. Несколько дней хан искал верный ответ и был в раздумье. Вдруг вспомнил он: «Давненько одного мальчика, маленького Балдана, сделал я нойоном над мухами. Тот мальчик теперь, верно, подрос да умным стал».

Хан встретился с ним, узнал того парня и говорит:

— Ко мне вот-вот придут две женщины, спорят они из-за сына. Чей это сын — неизвестно. Как же мне узнать, которая из них настоящая мать, как решить этот спор? Пойди-ка и рассуди за меня. А я отдам тебе все, что попросишь.

— Это можно, завтра приду,— пообещал парень. Назавтра Балдан пришел к хану.

Вскоре подошли и те две женщины со своим пятилетним мальчиком.

— Почтенный хан, это мой сын,— говорит та, которая помоложе.

— Врет она! Никогда она не рожала детей,— говорит другая.

Балдан приказал слуге принести его меч. Когда принесли меч, Балдан вывел на улицу обеих женщин.

— Если вы обе родили этого мальчика, разделите его. Этим мечом я разрублю вашего сына на две части. Встаньте по обе стороны и тяните его за руки.

Как только он замахнулся мечом, женщина, державшая за левую руку мальчика, упала, закрыв лицо. А другая так и стоит, держит мальчика за руку.

Балдан завел двух женщин с мальчиком в дом и перед собравшимися людьми раскрыл всю правду.

— Из этих двух женщин я угадал родную мать мальчика. Какое же чистое и доброе сердце у родной матери! Когда над ее сыном нависла смертельная угроза, она упала в обморок. А какова обманщица? У нее волчья душа и каменное сердце, она спокойно ждала его смерти.

Люди диву даются, мудрости Балдана удивляются.

Не было конца радости и счастью старшей из женщин. Взяла она своего сына и пошла домой.

КРАСНАЯ ЛАПА

В давние времена, говорят, жил один охотник с женой. У них был жирный красный бык. Однажды муж говорит:

— Давай заколем красного быка.

— Заколоть такого большого быка! Ведь нам не съесть всего мяса!— удивилась жена.

— Если сами не сможем съесть, то поможет красная лапа,— рассмеялся муж.

— Если так, давай заколем,— согласилась жена.

Их разговор подслушал один парень, который жил поблизости.

Однажды муж отправился на охоту в лес. Как только он ушел, тот самый парень, который подслушал разговор, выкрасил руку красной глиной и протянул ее в окошко. Хозяйка в это время собралась варить мясо. Заметила красную руку, испугалась.

— Кто?— спрашивает она.

— Красная лапа. Мне нужно мясо красного быка.

Хозяйка подала кусок мяса. А парень спрятал мясо и снова протягивает красную лапу. Так хозяйка отдала хитрецу все мясо.

Вернулся муж с охоты и говорит:

— Свари-ка мне мясо красного быка.

— Уже все мясо.

— Так быстро кончилось?— удивился охотник.

— Красная лапа все съела. Ты же сам сказал, что если не съедим мясо, то красная лапа поможет.

Рассердился охотник.

— Если не найду на белом свете человека глупее тебя, не вернусь домой,— сказал он и пошел сам не зная куда.

Приходит наш охотник в один улус и видит: богач с сыновьями строит дом. Сидят они и колотят палками бревно.

— Что это вы делаете?— спросил паренек.

— Видишь, это бревно упрямится, не подходит, оно длинное. Вот мы и хотим проучить его, чтоб короче стало.

Удивился охотник их глупости, взял да и отрубил топором часть бревна. С тех пор, говорят, эти люди поумнели и палками бревна не укорачивают.

Пошел охотник дальше, приходит в другой улус. Там один человек, по виду богач, выходит из избы без окон, ставит маленький ящик, закрывает его и обратно заходит в избу.

— Что ты делаешь?

— Да не могу никак занести в избу солнечные лучи. Закрою их в ящике, пущу в избе, а там все так же темно.

Еще больше удивился охотник, взял топор, прорубил окно и пустил в избу солнечный свет.

С тех пор, говорят, тамошние жители стали рубить свои избы с окошками.

Охотник наш идет дальше, приходит в третий улус. Там была засуха, и тощий скот лизал черную

землю. У одной избы собралось много народу, тащат корову за рога, хотят затащить ее на избу.

— Что вы делаете?— спросил охотник.

— Мы хотим, чтобы корова съела траву, которая растет на избе. Будьте добры, помогите нам.

Опять дивится охотник, разыскал он согнутое железо, наточил его и скосил траву на избе. С тех пор, говорят, тамошние жители и стали косить траву согнутым железом-косой. Охотник пошел дальше. Видит во дворе богатого человека свинью с двенадцатью поросятами. Охотник наш присел: любитесь поросятами. Выходит хозяйка из дому и спрашивает:

— О чем ты говоришь с нашей свиньей?

Посмотрел охотник на хозяйку — не шутит она.

— А мы с ней поговорим от души,— отвечает он,— она ведь доводится мне теткой. Я вот и приехал пригласить тетю на свадьбу.

— Боже мой, это правда? Ну, что сказала тебе тетка?

— Она говорит: «Я могла бы съездить на свадьбу, но нет у меня ни одежды, ни украшений. Да и все мои двенадцать сыновей просто голы». Она обижается на вас,— говорит охотник.

Обрадовалась хозяйка случаю показать себя.

— А у нас все есть: и одежда и украшения. Мы ведь богатые!— говорит она. Одеда хозяйка свинью в праздничную одежду, надела на шею ожерелья. Так же одеда и двенадцать поросят, запрягла в тарантас тройку лошадей.

Паренек посадил свою «тетку» с поросятами в тарантас и уехал. Выехал он на дорогу, спрятал лошадей и свинью в лесу, в стороне от дороги, и стал ждать погони.

Приехал домой хозяин свиньи. Его встречает жена.

— Наша свинья с сыновьями поехала гостить!

— Что-о?!— опешил хозяин.

— На свадьбу к племяннику уехала. Я одеда свинью с двенадцатью поросятами в праздничную одежду, надела ей на шею ожерелье, запрягла тройку, посадила на тарантас и проводила.

— О, что мелет эта дура!— заорал богатый человек, сел на быструю лошадь и поскакал в погоню. Он доскакал до места, где расходятся три дороги, и видит: сидит человек, закрыл шапкой что-то на земле, к чему-то прислушивается.

— Ты не видел здесь человека со свиньей? Должен проехать по этой дороге,— спросил богатый человек.

— Видел.

— Куда направился?

— По середине этих трех дорог.

— Слушай, паренек, я очень быстро скакал и ужасно устал. Будь добр, садись на этого коня, догони того человека и приведи ко мне,— говорит богатый человек.

— Некогда.

— Почему?

— А я, видишь ли, накрыл шапкой золотую птичку. Ее нельзя смотреть днем, можно только ночью. Иначе она превратится в обыкновенную птичку.

— Давай сюда! Я подержу, пока ты придешь.

— Ну что ж! Придется помочь доброму человеку. Только смотри, если откроешь до ночи — не будет золотой птички.— Охотник сел на хозяйскую лошадь и помчался, разыскал тарантас со свиньей и преспокойно поехал домой.

А тот, богатый, сидит, боится выпустить золотую птичку и лишиться золота, сидит, осторожно придавливая шапку. Человек, которого он отправил, не возвращается. Наступила ночь. «Хорошо,— думает жадный богач,— пусть не возвращается, заберу я золотую птичку себе. Это куда будет дороже свиньи и тарантаса!» Сунулся он под шапку, а там кусок сухого коровьего помета.

Богатый чуть не умер от стыда и злости.

Между тем наш охотник приехал домой и говорит жене:

— Зря я рассердился на тебя. Оказывается, есть такие люди на свете, которые в семь раз глупее тебя.

ГЛУПЫЙ БОГАЧ

Давным-давно одна бедная семья имела быка. Както в лесу напали на него семь волков. Бык, защищаясь, пятился, пятился и дошел таким образом до сарая, что стоял недалеко. И тут случилось так, что он задними ногами открыл дверь и оказался в сарае. Жадные волки — за ним. Во время страшной борьбы быка против семерых волков кто-то из них толкнул дверь сарая, и она закрылась.

На другой день бедняк, ища своего быка, увидел

его следы рядом со следами семерых волков и сильно забеспокоился. Что же делать? Решил найти хотя бы кости быка. Следы привели к сараю.

Бык услышал хозяина и замычал. Обрадовался бедняк, что жив его единственный бык, открыл дверь и увидел: бык с красными глазами стоит в углу сарая, выставив вперед рога. Около него валяются на земле пять волков, а двое сидят в другом углу и облизиывают раны. Бедняк добил хищников.

На обратном пути бедняк встретился с богачом-одноулусликом. Тот надменно спросил:

— Откуда идешь, бедняк, со своим единственным быком? Где ты нашел столько волчьих шкур? Ты должен продать их мне на доху!

Бедняк переступил с ноги на ногу и ответил:

— Мой бык забодал в лесу семерых волков. Если бы вы отпустили своих быков в лес, разве не найдутся для ваших дох даровые волчьи шкуры?

Богач впопыхах прибежал домой, приказал работникам погнать быков в лес, надев на их рога острые стальные наконечники. Богач думал: «Мои быки добудут мне волчьи шкуры. Стану еще богаче».

И правда, его быки встретились в лесу со стаей волков. Но жадный богач перестарался. Когда быки с ревом кидались на волков, те отскакивали за сосны. Пытаясь забодать хищников, быки всаживали в деревья свои рога с острыми стальными наконечниками. В это время волки бросались на них и сваливали одного за другим.

Через три дня богач направился по бычьим следам в лес. Он взял с собою работников, чтобы содрали они с волков шкуры. Приехали в лес и нашли бычьи головы, воткнутые рогами в сосны, и ноги, валяющиеся на земле.

КРЕСТЬЯНИН ТАРХАС

Давно это было. Как-то узкоглазый хан Олзой от нечего делать издал указ: *«Кто сумеет обмануть меня так, чтобы я поверил, тому отдам полную чашу золота»*.

Узнал об этом указе пастух Малаасгай, пришел к узкоглазому хану Олзою и говорит:

— Хан-батюшка, у моего отца был такой длинный шест, что он мог им перемешивать звезды на небе.

— Да это ерунда. Вот когда закуривал мой хан-отец свою трубку во дворе, то зажигал ее прямо от солнца. Вот какая была у него длинная трубка.

Услышал это пастух Малаасгай и молча вышел.

Услышал об этом указе портной Олёодой, пришел к узкоглазому хану Олзою и сказал:

— Хан-батюшка, вчера загремел гром так, что разорвал небесный шов — Млечный Путь. Мне пришлось до позднего вечера зашивать эти швы.

— Да, мой портной Олёодой, хорошим делом ты занимался. Но вот плохо ты зашивал, недавно утром прошел дождь, — говорит Олзой-хан, посмеиваясь над Олёодой.

Замолчал портной Олёодой и тоже молча вышел.

Услышал об указе крестьянин Тархас, который засеивал просо на вершине оврага Таряата. Он прискакал на телеге с пустой бочкой. Узкоглазый хан Олзой очень удивился этому и спрашивает:

— О! Крестьянин Тархас, что за пустую бочку с грохотом привез?

— Приехал за долгами, — отвечает тот.

— А что за долг? Когда это было? Когда я тебе задолжал? Я об этом не помню, — говорит хан.

— Ты забыл, как у меня взял вот эту бочку, наполненную золотом, — говорит Тархас.

— Не ври.

— Если я вру, отдай мне полную чашку золота!

— Нет, не врешь, это правда!

— Если правда, то дай бочку золота!

Так узкоглазый хан Олзой проиграл находчивому крестьянину Тархасу чашку золота, которым дорожил.

ДВЕ СУМКИ

Давным-давно в привольной степи жил бедный человек. Однажды сговорился он с одним богачом за четверть десятины хлеба обработать его землю. Стал он работать на этого богача, работал до глубокой осени. Когда же подошло время жатвы, выпал большой иней и заморозил долю хлеба бедного человека. Оказалось, что бедный человек проработал даром весь год.

На следующий год опять пошел к тому же богачу и договорился взять за работу полдесятины, но уже из середины полей хозяина. Когда подошла осень, снова

заморозило хлеб бедного человека. А хлеб у хозяина опять уцелел. И на этот раз бедный человек ничего не получил.

«Что за чудо, почему у богатого не заморозило хлеб, а у меня заморозило», — подумал бедный человек. И сжалась у него грудь от горя. Решил он найти Мороза-злодея, который замораживает его хлеб. Три дня и три ночи он точил свой топор. Потом отправился в путь. Пошел прямо на запад — туда, куда и олени не доскачут, куда и царь-птица не долетит. Идет, идет, нет конца-края его пути. Вдруг видит, возвышается перед ним гора до небес. Он полез на эту гору и кое-как добрался до вершины. Там и оказалось то место, куда крылатые не прилетали, копытные не доходили.

На самой вершине горы бедный человек увидел дом. Заходит, а перед ним серебряный стол, на столе — всякие кушанья. Наелся бедный человек и спрятался под столом.

Вдруг заходят люди, слышны голоса:

— Ай, еду нашу кто-то съел!

— Какой запах слышу, кто мог зайти? — спрашивает Мороз.

— Мороз! Я тебе своим топором голову отрублю! — отвечает из-под стола бедный человек.

— А почему ты захотел мне отрубить голову? — спрашивает Мороз.

— А почему ты замораживал два года мой участок хлеба, а у богатого хозяина не замораживал?

— Мой мальчик, я не знал, что я замораживал. Выходи сюда, — говорит Мороз.

Когда бедный человек вылез из-под стола, Мороз посадил его за серебряный стол и начал угощать.

— Ты не сердись... Я тебе дам такую вещь, чтобы ты до самой смерти не голодал и не мерз, — сказал Мороз. И дал он бедному человеку сумку. — Эту сумку откроешь, когда нужно будет.

Взял бедный эту сумку и отправился домой. По дороге он очень проголодался и замерз. Открыл сумку. Из нее вышли две девушки и расставили перед бедняком всевозможную еду. Накормив его, они опять зашли в сумку. Пришел он домой и опять открыл сумку. Вышли те же девушки, выбросили из дому все грязные, рваные вещи и наполнили дом всем новым, красивым. Ни в чем не стал нуждаться бедный человек.

Зашел к нему однажды хозяин узнать, почему не идет бедняк работать.

— Откуда у тебя такое богатство?— изумился он.

— А разве я должен всю жизнь быть в нужде?— гордо отвечает бедный человек.

Зависть одолела богатого. Приглашает он к себе бедного человека и давай угощать мясом да крепкой водкой. Напоил он бедного человека, начал расспрашивать. Не удержался бедняк — раскрыл свой секрет. Тогда богатый человек с женой стали еще усерднее поить его водкой, развлекать да уговаривать.

Бедный человек от таких почестей совсем потерял рассудок и дал слово продать свою сумку. Потерял свою волшебную сумку бедный человек, стал жить прежней жизнью. Он снова голодал, мерз, как прежде, плакал и горевал. И решил он еще раз сходить к Морозу.

Взял он топор и опять отправился в путь. Пришел на ту же высокую гору, зашел в дом и стал ждать хозяев.

Вечером пришел Мороз.

— Мороз, ты замораживал мой хлеб два года и заставляешь меня голодать и мерзнуть до сих пор,— сказал ему бедняк.

— Друг мой, я же тебе дал вещь, которая могла тебя всю жизнь кормить и одевать.

— Богатый человек обманул меня и отобрал ее. Убей меня или спасай.

Тогда Мороз дал бедняку сумку красивее прежней.

— Эту сумку передай богатому, а свою возьми обратно.

По дороге бедняк устал, проголодался. Не вытерпел, открыл он сумку. Из нее вышли два дюжих краснолицых парня и давай лупить бедняка.

— Вот тебе, вот тебе, вот тебе!

Бедный человек быстро закрыл сумку и пошел домой.

Отправился он к богатому человеку.

— Откуда приехал?— спрашивает тот.

— А пришел я показать тебе сумку. Она куда лучше прежней,— отвечает бедный человек.

Богатому очень понравилась сумка.

— Мы с тобой друзья, давай меняться,— говорит богатый и протягивает руку к сумке. Поменялись они сумками.

Решил богатый пригласить всех своих друзей-

богачей и стал готовиться к большому пиру. Собрались гости, сидят за столом.

— Я стал еще богаче. Смотрите! — говорит хозяин. Принес свою сумку и открыл ее. Из сумки выскочили два дюжих парня и давай дубасить железными палками хозяина и его гостей. Все они и разбежались.

А бедный человек, сказывают, зажил счастливой жизнью.

ЗИМА И ЛЕТО

...Говорят, жирный конь считается хорошим, а богатый человек — мудрым... Не помню, кто придумал эту пословицу. И отец мой не помнит. И отец моего отца не помнит. И дед моего деда, сказывают, не помнит. Одно ясно — пословицу эту придумали богачи-нойоны. Дескать, смотрите, мы потому и богаты, что родимся умными, а бедняки-пастухи глупы от рождения, потому работают на нас, мудрых нойонов. Хитро сказано, да не очень! Вот вам и небольшая сказка...

Так начал старик сказку, когда однажды вечером улусная молодежь собралась в его юрте.

...Жил когда-то хан со своими прислужниками нойонами. Были эти нойоны один толще другого, другой жирнее третьего, третий хвастливей четвертого. Знали нойоны одно — собирали налоги с населения, а потом лежали на мягких шкурах, пили архи¹ и объедались до бесчувствия. Был среди ханских нойонов самый толстый и жирный, самый спесивый и хвастливый нойон Бадма. Не проходило и дня, чтобы он, важно поглаживая бритую голову, не уверял хана:

— Всемогущий хан! Жирный конь считается хорошим, а богатый человек — мудрым. Положись во всем на нас...

В это же время в далекой степи жил один бедный пастух со своей дочкой, которая в народе прославилась умом и находчивостью. Говорили, что она могла разгадывать самые хитрые загадки, а главное, так смело и остроумно разговаривать с нойонами — сборщиками ханских налогов, что они, каждый раз обескураженные, уезжали от нее ни с чем.

Прослышал о дочке пастуха сам хан и рассердился.

— Неужели эта девчонка из рода козопасов умней моих нойонов?

¹ А р х á (а р х í) — водка из заквашенного молока.

И решил хан проверить ее мудрость и остроумие. И приказал поехать к той девчонке самому жирному и, как считалось, самому мудрому нойону Бадме. Тот сел на своего такого же, как хозяин, жирного, чересчур откормленного коня и еще раз похвастал:

— Всесильнейший хан! Жирный конь считается хорошим, а богатый человек — мудрым. Надейся на меня!

Долго ехал по степи важный нойон, а когда подъехал к юрте бедного пастуха, не увидел ничего, за что можно было бы привязать коня. Даже столбика не было около юрты — так бедно жил старик. Потоптался нойон на одном месте, крикнул:

— Эй, кто там в юрте! За что привязать коня богатому нойону?

Распахнулась дверца юрты, и оттуда выглянула черноволосая девочка с бойкими, блестящими глазами. Послышался звучный голос:

— Если хочешь привязать коня, то привяжи его за лето или за зиму...

— Как сказала? — остолбенел ханский прислужник.

— Я сказала — привяжи коня за лето или за зиму.

Нойон Бадма рассвирепел.

— Глупая девчонка! Неужели ты думаешь, что ханский нойон глупей тебя?.. Или ты не знаешь, что жирный конь считается...

Однако Бадма так и не договорил свою излюбленную пословицу. Юркая девочка захлопнула дверцу юрты и скрылась.

«Глупа, как овца, глупа», — подумал толстяк нойон и погнал скорей коня назад, чтобы обрадовать хана известием, что в простом народе не бывает умных людей. А дни в степи стояли жаркие. Палило солнце. Чересчур жирный, малообъезженный конь Бадмы вскоре раскис и стал, отказавшись везти дальше своего жирного хозяина. Словом, не каждый жирный конь хорош... Нойон явился во дворец пешком, запыленный, в порванных унтах, но по-прежнему самодовольный и спесивый.

— Ну, что интересного видел? — спросил его хан.

— Ничего интересного, — отдышавшись, хихикнул Бадма, — ничего интересного. Глупа она, всемогущий хан, глупа, как овца.

И нойон рассказал хану о разговоре с дочкой пастуха. Хан задумался и спросил:

— А что еще ты видел у них возле юрты?

— Ничего, кроме худой телеги и саней.

— Сам ты дурак, Бадма,— нахмурился хан,— лето и зима — это и есть телега и сани... — И подумал тут хан, что недолго ему со своими глупыми нойонами царствовать над народом.

Вот какой, ребята, был случай в старину.

КАК СОБАКА НАШЛА СЕБЕ ХОЗЯИНА-ДРУГА

«Плохо жить одной,— решила собака.— Найти бы кого-нибудь самого смелого и сильного... Я была бы ему верным другом...» И пошла собака в лес искать себе друга. Только слышала она от зайца, что на свете самый смелый и сильный зверь — это волк, а он тут как тут, идет навстречу, зубами лязгает. Сказала ему собака:

— Давай, волк, дружить с тобой.

— Давай,— согласился волк.— Плохо одному...

Вечером легли они спать на мягкий мох под деревом. Ночью собака вдруг услышала какой-то шорох и принялась громко лаять. Волк испугался, поджал хвост и принялся унимать ее:

— Тише... Тише... Замолчи, не лай, услышит медведь — и тебя, и меня растерзает.

— Какой ты трусливый,— сказала собака.— Я меньше тебя, а и то не боюсь. Покажи мне медведя, что за зверь, интересно...

Пошли они тайгою. Скоро увидели, лежит в валежнике косматый бурый медведище...

— Вот он,— издали показал волк и убежал, оставив собаку одну.

Собака подошла к медведю и сказала, что хочет подружиться с ним. Медведь посмотрел на нее, проворчал:

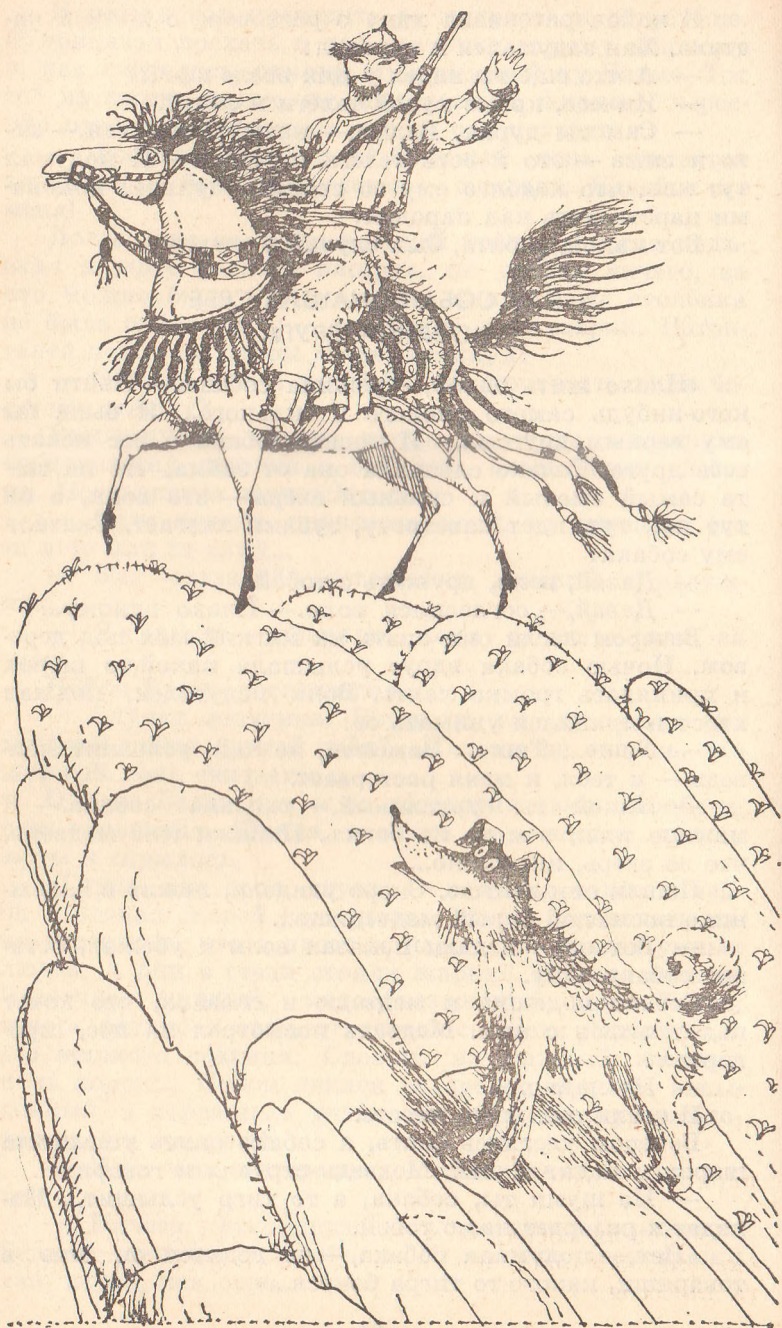
— Ну ладно.

И стали они жить вместе.

Вечером улеглись спать, а собака опять услышала шорох и подняла лай. Медведь струсил и говорит:

— Не шуми ты, собака, а то тигр услышит... Нападет и разорвет нас с тобой.

«Нет,— подумала собака,— не годится он мне в товарищи, какого-то тигра боится...»

— Покажи мне тигра,— попросила собака.

Утром медведь тихонько сказал:

— Вон он идет, тигр...— Сказал и быстро убежал. «Большой зверь, сильный. Он, наверно, никого не боится. Буду с ним дружить»,— решила собака.

Когда собака сказала тигру, что хочет с ним подружиться, тигр подумал, подумал и согласился.

Ночью, когда они спали, собака залаяла. Тигр вскочил и закричал на нее:

— Замолчи, лев услышит! Придет, обоих нас съест...

До того тигр перетрусил, что даже не стал показывать собаке, где живут львы,— побоялся. Пошла она одна. Искала, искала до самого вечера и не нашла льва. Ночью проснулась от страшного рева — земля содрогнулась, лес зашумел. Это был лев... Собака смело подошла к нему. Лев зарычал, грива у него встала дыбом.

— Что ты за зверь?— сердито спросил лев.— Почему не боишься меня? Я тебя задавлю.

Собака сказала, что хотела бы стать его другом.

— Ну что ж,— прорычал лев.— Иди со мной.

Целый день они ходили вместе по лесам и степям, все звери от них прятались, а вечером легли спать в кустах.

Ночью собака проснулась и громко залаяла. Лев рассердился:

— Тише, тише! Услышит человек — убьет нас с тобой. У него есть огненная железная палка с громовым голосом.

Собаке захотелось узнать, какой это такой человек... Пошла она вместе со львом искать человека.

Скоро им повстречался маленький мальчик.

— Может, этот?— спросила собака.

— Этот... Только он еще не вырос.— И пошли они дальше. Потом увидели старика. Он шел медленно, опираясь на палку.

— Этот?— спросила собака.

— Этот... Только он уже одряхлел, видишь — ходит на трех ногах...

Через некоторое время встретили они здорового парня, который ехал верхом на коне.

— Вот он!— закричал лев и бросился назад.

Подошла собака к человеку, помахала хвостом и сказала, что ищет она самого смелого и сильного друга для себя.

— Давай, человек, подружмся.

— Это можно,— приветливо отвечает человек.— Только знай, что я не люблю трусов.

Вечером легли они спать. Ночью собака залаяла — ей послышался какой-то шорох. Человек вскочил, схватил ружье — огненную железную палку с громовым голосом, о которой говорил лев, и принялся вместе с собакой искать, кто это шумел поблизости.

— Нам с тобой никакой враг не страшен,— сказал он собаке.

Собака поняла, что нашла наконец друга с бесстрашным богатырским сердцем. С тех пор она верно служит человеку.

ВОЛК-ПРОСТОФИЛЯ

Однажды голодный волк в поисках пищи брел по дороге и, увидев пасущуюся на лугу лошадь, сказал ей:

— Лошадь, я тебя съем.

— Ну что ж, ешь,— сказала лошадь.— Только прежде прочти, что у меня на копыте написано.

Стал волк рассматривать, что написано у лошади на копыте. А лошадь как лягнет его копытом по голове — так наш волк по траве и покатился.

А лошадь тем временем и скрылась.

Очнулся волк, побрел дальше и охает:

— Никогда я не был грамотеем. И какой шайтан угораздил меня читать, что на копыте написано?

Вот идет волк и встречает собаку охотника.

— Собака, я тебя съем,— говорит он.

— Хорошо, съешь,— отвечает собака.— Только помоги мне сначала из кустарника принесенную добычу достать: я сама-то уж стара стала — плохо вижу.

— Хорошо,— соглашается волк.

Собака повела волка в чащу кустарника, где ее хозяином-охотником был запрятан капкан, а возле него брошена приманка — кусок старой говядины.

— Вот здесь, поищи в кустах,— говорит собака.

Полез волк сдуру в кусты за мясом да и попал ногою в капкан. А собака что есть духу помчалась поскорее домой, чтобы привести с собой хозяина-охотника.

Тут только понял волк, в какую беду он попал; перегрыз себе лапу да на трех ногах насили убежал в свое логово, дорогой ругая себя на чем свет стоит:

— Дурень я, дурень. И зачем собаку послушал?

Вот прошло некоторое время. Снова волк проголодался и пошел отыскивать себе пищу. Бродил он вокруг деревни и увидел: на околице у амбара свиньи роются. Подошел к ним волк и говорит:

— Свиньи, я вас съем.

— Коли хочешь, ешь,— отвечают свиньи.— Только сначала послушай, как мы песни поем.

— Ну что ж, пойте, а я послушаю,— соглашается волк.

Свиньи стали кружиться вокруг изгороди и подняли такой оглушительный визг, что прибежали люди с палками и, увидев волка, принялись бить его.

Насилу волк вырвался и еле ноги уволок.

Убегая, он снова принялся ругать себя за оплошность.

— И поделом,— говорит он,— мне, дураку серому. Только больше я уж ничьих слов слушаться не буду и первого, кто мне попадется, живьем съем.

И попадается ему навстречу человек — из лесу дрова везет.

— Ну, теперь-то я тебя съем!— говорит волк. И уж совсем норовит на человека броситься.

— Ну, что же, ешь, я готов,— говорит человек.— Только тебе на земле меня съесть неудобно: слышат мои собаки, прибегут, отнимать меня будут. Ведь так?

— Так,— отвечает волк.

— Ну вот. А чтоб никто тебе не мешал, залезем оба на дерево. Там ты и съешь меня.

— Хорошо,— соглашается волк.

Человек быстро взобрался на дерево и кричит волку:

— Полезай и ты!

— Не могу взобраться,— отвечает волк.— Когти не берут.

А человек это и без того знал.

— Ну хорошо,— отвечает он.— Вот я брошу тебе сверху веревку, ты просунь в нее голову, и я тебя за-тащу наверх.

Сделал человек на конце веревки петлю и бросил ее волку. Волк живо просунул голову в петлю и кричит человеку:

— Тяни!

Соскочил человек с дерева, ухватился за конец веревки да и потянул волка вверх. Петля туго стянула шею волка,— тут ему и смерть пришла.

ХВАСТЛИВАЯ СОБАЧОНКА

В знойный полдень, обливаясь потом, везла старая лошадь тяжелый воз, а маленькая собачонка бежала рядом, прячась в тени от телеги, и громко лаяла.

К вечеру лошадь едва-едва дошла до хозяйского дома. Хозяин выпряг ее и привязал к столбу. Собачонка легла рядом, жалуется:

— Ох, устала! Ох, болят ноги, ломит спину! Худое житье, хоть умирай.

— А что ты делала? Отчего устала?— спросила лошадь.

— Бесстыжая, еще и спрашиваешь! Да я же тебя лаем подгоняла. Ты бы, старая кляча, и сейчас тащилась по дороге.

Собачонка хвост кверху задрала, гордая, важная похаживает.

Топнула лошадь сердито о землю копытом — хвастливая собачонка поджала хвост и убежала.

СНЕГ И ЗАЯЦ

Снег говорит зайцу:

— Что-то мне нехорошо.

— Наверное, ты таешь, оттого тебе и плохо,— ответил заяц. Сел на пенек и горько-горько заплакал.— Жалко, жалко мне тебя, снег. Я все по снегу бегал, круглые дырки делал. От лисицы, от волка, от охотника в снег зарывался, прятался. Как без тебя жить буду? Любая ворона, любая сова меня увидит, заклюет. Пойду я к Хозяину леса, попрошу его, пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

Стал заяц плакать, Хозяина леса просить.

А солнце уже высоко ходит, жарко припекает, снег тает, ручьями бежит с гор. Затосковал заяц, еще громче заплакал. Услышал зайца Хозяин леса. Просьбу его выслушал и сказал:

— С солнцем спорить не берусь, снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы, никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц. С тех пор всегда меняет зимнюю шубу на летнюю.

СКАЗКИ
ГОРНОГО АЛТАЯ

АЛЫП-МАНАШ

Вместе с небом и землей был сотворен Байбарак-богатырь, едущий на пятнистом, как барс, коне.

Луна и звезды засияли, когда родилась Ермен-Чечен. Она быстрее травы, как камыш, росла. Словно мальчик, диких коней объезжала Ермен-Чечен.

Рядом с ней один раз богатырь Байбарак встал; пал на правое колено и, крепко ухватив ее руку, сказал сквозь стиснутые зубы:

— Отныне мы вовек неразлучны.

— Всегда вместе будем,— ответила Ермен-Чечен.

Крепко, злобно ударил своего серого, как железо, коня старик отец, но молодых догнать не мог.

Через год пришел богатырь Байбарак на старое стойбище. Сбросил с плеч мертвого барса.

— Если хочешь, старик, убей меня, как я барса убил. Твою дочь Ермен-Чечен я украл.

Разгневался отец.

— За это целый год пусть проспит твой сын Алып-Манаш, когда станет мужчиной!

Возмужал Алып-Манаш. Он никогда своего деда не видал, угроз его не слышал. Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать нашли сыну добрую жену. Взяли они в дом девицу. Чистую Жемчужину — Кумужек-Ару.

Алып-Манаш узнал, что за большой рекой живет злой хан, у него есть дочь Ерке-Карачкы. Многие богатыри к ней сватались, домой ни один не вернулся: всех злой хан умертвил.

Алып-Манаш поехал к большой реке, чтобы с ханом сразиться, за смерть богатырей отомстить. Ночами богатырь не спал, днем не дневал. Сколько рек перепробовал — сосчитать нельзя. Какие горы перевалил — невозможно упомянуть. Белый конь вытянулся, как сыромятный ремень. Кружась, мелькали месяцы. Годы, как змеи, ползли. Подъехал Алып-Манаш к

бурной реке, вверх и вниз прошел он по берегу. Тихого брода нет. На берегу лежит вверх дном берестяная лодка шириной в две сажени, длиной в девяносто сажен. Алып-Манап спешился, перевернул лодку и увидел под ней белого, как лебедь, старика.

— Е-ей, балам¹, Алып-Манап! Красивые глаза, умную голову ты дома оставил. Чего тебе там не хватало? Что поехал искать?

Алып-Манап не стал спорить. Он пожал своей твердой рукой сморщенную руку старика, поцеловал его.

— Дедушка, переправьте меня!

Старик в ответ слов не нашел. Молча столкнул лодку, сел на нос. Алып-Манап, не выпуская повод, прыгнул на корму. Фыркает конь, удила грызет, не хочет плыть. Но крепко держит повод Алып-Манап. Так выехали на середину реки.

— О чем плачете?— спросил старика Алып-Манап.

— Мне тебя, балам, жаль. Сколько богатырей я на тот берег переправил! Обратно ни один не пришел.

Алып-Манап вынул из белой, как луна, сумки девятигранную стрелу:

— Жив я или мертв, по этой стреле узнаете.

Бело-серый конь на берег вышел, встряхнулся. Алып-Манап заседлал коня, прыгнул в седло и закричал, как сто богатырей кричат. Конь топнул, как сто громов гремят. Слеза, повисшая на реснице старика, не успела упасть — Алып-Манаша уже не видно.

Конь переступал по долине, и черные озера заполняли след его копыт. Низкие горки мягко отбрасывал конь. Высоким горам на грудь наступая, легко бежал. Едва Алып-Манап восход солнца увидит, конь уже к закату домчит его. Вот уже виден дым со стойбища Ак-каана. На четыре копыта разом встал конь. С места не идет, будто ноги пустили в землю цепкие корни.

— Ей-ей!— крикнул Алып-Манап.

— Алып-Манап, поверни повод,— сказал конь.— Много к стойбищу следов идет, обратного следа не вижу.

— Ты снаружи — подстилка, внутри — потроха,— отвечает Алып-Манап.— Умереть ли мне суждено, жив ли останусь — тебя не спрошу.

¹ Балам — дитя.

В гневе Алып-Манап был всегда свиреп. Он нагайкой коня хлестнул. Как вихрь взвился бело-серый конь. Он в гору, под гору, как птица, летел, по долине, как вода, бежал. От слез бело-серый конь дорогу не видел. Алып-Манап сам не помнит, как остановился, отстегнул подпруги, положил под голову седло и уснул. Бело-серый конь обернулся белой звездой и поднялся на небо.

Пастухи Ак-каана погнали табун коней на высокую гору. С высокой горы они увидели в долине две большие сопки. Посреди сопок круглый холм лежит. От холма вихрь-буря идет. Вихрь-ветерок рвет столетние деревья, гонит воду рек в обратную сторону. Пастухи чуть живы прискакали к своему хану.

— Посреди сопок, — говорят, — круглый холм встал. От холма, — говорят, — вихрь-буря идет.

— Лжете вы, лентяи, бездельники! — заорал Ак-каан.

Поднял меч, одним взмахом три головы отсек. Даже людоед Дельбеген сжалился над четвертым пастухом.

— Позвольте, — говорит, — великий хан, я сам посмотрю, что случилось?

Ак-каан поднятый меч не смог удержать. Меч на шею четвертому пал.

Темно-желтый Дельбеген заседлал своего синего быка.

Еще издали, почуяв недоброе, бык заупрявился. Грудь у синего быка покрылась мохнатой пеной. Что дальше было, не помнит темно-желтый Дельбеген. Вместе со столетними дубами и вечными скалами страшный вихрь затянул людоеда в темную пещеру. У семиголового Дельбегена все четырнадцать глаз на лоб вылезли.

Синий бык, высунув язык, стремглав вылетел из пещеры. За быком полетели деревья, камни и скалы. На ледяную высоту, на вершину всех вершин взбежал бык — только тут посмел обернуться Дельбеген-людоед.

Он увидел: в большой долине спокойно спит Алып-Манап. Его голова, словно холм между двух сопок, поперек седла лежит. Вдохнет Алып-Манап — деревья и горы в ноздрю ему летят. Выдохнет — горы и деревья обратно стремятся. Алып-Манап спокойно, ровно дышал, и вода в реках поднималась и опускалась от его дыхания.

Без памяти побежал Дельбеген к Ак-каану:

— Человек, сказать, — не человек. Гора, сказать, — не гора. Чудовище страшное в долине спит.

Звонко, пронзительно свистнул Ак-каан. Все свое войско собрал. Созвал далеких и близких богатырей. Сам, свирепо крича, поехал впереди всех. С вершины черной горы хорошо виден Алып-Манаш. Покрыв потником долину, он спит, раскинув руки, как дитя. Всем четырем ветрам открыта голая грудь. Меткие воины сощурили глаз и прицелились Алып-Манашу под левый сосок. Будто ударившись о вечный лед, стрелы скользнули вниз. Будто о камень стукнулись, погнулись медные наконечники. Еще ближе подъехали воины, с разбегу бросили тяжелые пики. Как пчелы, зазвенели острия пик и рассыпались, словно стекло.

Алып-Манаш прошептал во сне имя Ерке-Карачкы. От гнева солнца не взвидел Ак-каан. Из кожаных ножен он выхватил остро отточенный меч и рубанул Алып-Манаша по губе. Девять дней рубили богатыри твердое тело. Девять тысяч мечей в куски раскололись. На теле Алып-Манаша даже розовой царапины нет. Ак-каан приказал воинам спешиться. Вместо лука они мотыги в руки взяли. Выкопали яму в девяносто сажен и столкнули в нее Алып-Манаша.

Ак-каан хотел взять с собой оружие богатыря. Пик сдвинуть ни один воин не смог. Сабли поднять силача не нашлось.

Девять месяцев спал Алып-Манаш. Открыл глаза — неба не видно. Девятью тяжелыми цепями скручены руки. Девяносто цепей висит от колен до щиколоток. Тяжесть цепей легла на сердце.

Алып-Манаш первый раз в жизни запел. Отца и мать вспомнил. Помянул сестру Ерке-Коо, пожалел одинокую Кумужек-Ару. Не забыл Алып-Манаш в своей песне и бело-серого коня.

Но никто не пришел помочь.

Лето отцвело. Миновала осень. Зима растаяла. К весне на большом Алтае, на цветущем широком Алтае не осталось ни зверя, ни птицы. Толпясь, как у водопоя, они стояли у ямы, с жадностью слушая песню.

Высоко летели серые гуси. Всю дорогу они громко плакали об Алып-Манаше. Сложив крылья, один гусь упал на грудь богатыря. От радости Алып-Манаш глубоко вздохнул. Лопнули девять цепей. Алып-Манаш нежными руками тронул теплого гуся. Погладил широкие крылья и запел:

Гусь ты, славный мой гусь,
Верный мой ты друг!
Ты в воде не тони,
Ты по воздуху плыви.
На твоём крыле я пишу письмо.
Отнеси его Байбараку-отцу,
Про печаль мою расскажи
Доброй матери Ермен-Чечен.
Ерке-Коо поклонись, милый гусь,
Передай привет Кумужек-Ару.
Жарче солнца привет
Передай ей — Жемчужине.
Скажи всем друзьям, что Алып-Манаш
В черной яме лежит,
Он живой в земле похоронен.
Верный гусь, ты воздушный мой конь,
Иноходец ты мой водяной!
Полети, поплыви, распростерши крыло,
Дай письмо-мое все прочитать.

Белый гусь вылетел из ямы и поплыл, как облако, к водопою Байбарака.

А над водой в ту ночь стояла тоненькая Ерке-Коо и, смеясь, ловила ладонями в воде отражение луны. Вдруг луна погасла. Ерке-Коо глянула вверх и увидела гуся. Он висел над ее головой, распростерши белые крылья.

Быстрая Ерке-Коо поймала птицу и принесла домой. При свете костра отец и мать прочитали горькую грамоту. Как помочь Алып-Манашу, они не знали.

Чистая Жемчужина раньше всех вспомнила. Был в детстве у Алып-Манаша верный друг Ак-Кобон. В юности Алып-Манаш вместе с Ак-Кобоном на медведя ходил. Кумужек-Ару послала своего брата Кан-Чурекея к Ак-Кобону-богатырю. Не выслушав до конца Кан-Чурекея, Ак-Кобон прискакал к аилу Байбарака. Он погладил гуся и прочел письмо. Ермен-Чечен-мать дала Ак-Кобону лучшую пищу. Когда для Алып-Манаша лепешки стала месить, палец свой до крови укусила:

— Моя кровь пусть поможет тебе, сынок.

Ак-Кобон день и ночь мчался. В берестяной лодке переплыл быструю реку. На краю черной ямы коня осадил.

— Ты! — крикнул он вниз. — Ты! Отцу с матерью поклонился. Младшую сестру вспомнил. Жену не забыл. Для меня одного не нашел ты приветов. От меня теперь помощи ждешь?

Ак-Кобон схватил большую гору и придавил Алып-

Манаша. Сам сел на лесистую вершину и съел ту лепешку, что Ермен-Чечен сготовила сыну. От этой еды Ак-Кобон в десять раз сильнее прежнего стал. Он сюда ехал героем — обратно настоящим богатырем поскакал. У берега его ждал в берестяной лодке белый старик. Ак-Кобон прыгнул в лодку и горько заплакал.

— Алып-Манаш, друг мой, почему я тебя в живых не застал? Бело-серый твой конь упал на гриву, мертвый лежит. Ты сам, Алып-Манаш-богатырь, опустив лицо на рукав, спишь вечным сном!

Седой, как лебедь, старик слез не сдержал. Сухой рукой он достал из сумки девятигранную стрелу. По-зеленела стрела, проржавела.

— Да, видно, плохо тебе, Алып-Манаш,— прошептал старик.

Обливаясь слезами, взял Ак-Кобон из дряхлых рук в свои белые руки медную стрелу и, вскрикнув, уронил ее в черную воду.

Вот вышел Ак-Кобон на берег, легко прыгнул в седло и повернул повод к стойбищу Байбарака. Глаза Ак-Кобона опухли от слез. Сам он из седла то на один, то на другой бок валится. Еле-еле стоят ноги в стременах.

— На один день опоздал я милого друга Алып-Манаша спасти. Ой, больно! Ой, горько!

Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать свои слезы со слезами Ак-Кобона смешали. Ерке-Коо-сестра бросила горсть пепла в огонь. Тихо плакала Кумужек-Ару...

С высокого неба упала звезда и, стукнувшись оземь, стала конем. Громко заржал бело-серый конь, топнул копытом. Тяжелая гора пополам раскололась. Рыхлая земля от его ржания развеялась. Алып-Манаш со дна ямы увидел дно неба. Конь опустил в яму свой длинный, как Млечный Путь, хвост. Но Алып-Манаш-богатырь подняться не смог. Он рукой хвост коню оборвал.

Бело-серый конь замычал, как бык, как медведь, заревел, по камням сквозь леса, как олень, побежал. Он с разбегу ударил высокий тополь. Застонав, пало железное дерево. Бело-серый конь приволок тополь к яме и столкнул вниз.

От радости подпрыгнул Алып-Манаш. Девяносто цепей со звоном разорвались.

Алып-Манаш вылез по тополию из ямы. Он коня за шею обнял и горько-горько заплакал.

— Ты спас меня, верный конь...

От слез в десять раз лучше прежнего стал Алып-Манаш. Омытая слезами шерсть коня, как серебряная, тихо засияла. Верные слуги побежали к Ак-каану.

Ак-каан тут же созвал все свои войска. Сам на бело-чалом коне впереди всех летит. Рядом с отцом — Ерке-Карачкы на огненно-рыжем коне.

Свистят пики, гудят мечи, звенят стрелы — Алып-Манаш ничего не слышал. Он видит одну Ерке-Карачкы. Она на Алып-Манаша глядит.

Богатырь из кожаных ножен достал саблю, железный тополь пополам рассек. В расщелину сунул он Ак-каана верхом на бело-чалом коне. Потом обе половинки руками сжал и дерево повернул. Железный тополь, как скала, стоит.

Тугую плеть Алып-Манаш поднял, к Ерке-Карачкы близко-близко подъехал. Восьмигранной плетью ударил ее между глаз. Теперь к смелым воинам лицо свое он обратил и тихо сказал:

— Не бойтесь меня: Алып-Манаш с народом не воюет, он только ханов бьет.

И, тронув коня, поскакал богатырь в свой родной край, в ту землю, по которой сердце болит, по которой кровь стучит.

Вот подъезжает к берегу бурной реки. Бело-серый конь обернулся паршивым жеребенком. Богатырь Алып-Манаш стал карликом Тас-Таракаем. Кадык впереди подбородка, косёнка свесилась на глаза. И все же седой перевозчик под этой косой разглядел глаза, узнал их огонь.

— Садись, Тас-Таракай, в мою лодку. Я тебя на ту сторону переправлю. Богатырь Алып-Манаш не сын ли тебе?

Усмехнулся Тас-Таракай:

— Я множество богатырей знаю, однако про Алып-Манаша не слышал. Я много песен пою, о подвигах Алып-Манаша спеть нечего.

Белый старик брови высоко поднял, потом их вместе свел и сказал густым голосом:

— Теперь не поют, потом будут петь.

Он вынул из сумки девятигранную сияющую стрелу.

— Эту стрелу мне Алып-Манаш подарил. Эту стрелу его друг Ак-Кобон в реке потопил. Три года искал я стрелу. Как новую, из воды вчера выудил.

Тас-Таракай прыгнул с лодки на каменную рос-

сыпь и стал вновь Алып-Манашем. Рядом с ним стоит бело-серый счастливец конь. Старик перевозчик упал на дно берестяной лодки вниз лицом.

— Огонь моих глаз, свет моей груди, Алып-Манаш! Твой друг Ак-Кобон сегодня празднует свадьбу. Он Чистую Жемчужину в жены берет.

Услышав это, Алып-Манаш брови вниз опустил, его глаза кровью налились. Он снова стал карликом Тас-Таракаем. Верхом на паршивом жеребенке потрусил он к стойбищу Байбарака. Навстречу Тас-Таракаю едет молодой шурин Кан-Чурекей:

— Куда спешишь, Тас?

— К богатырю Ак-Кобону на великий той¹.

— Эй! — крикнул шурин, хлестнув коня. — После смерти Алып-Манаша для меня ничего великого нет. О чем ты плачешь, Тас-Таракай?

— Себя оплакиваю. Был бы я, как все люди, мог бы сейчас смотреть на сестру твою Кумужек-Ару.

— Не отставай, Тас: если вместе приедем, будем рядом сидеть.

Широкой легкой переступью побежал конь Кан-Чурекея. А Тас прутиком худого жеребенка стегает, короткими ножками его по ребрам бьет. Кан-Чурекей далеко вперед улетел. Его девятилетний конь легкой рысью бежит.

Вдруг видит Кан-Чурекей, что худой Тас-Таракай спокойным шагом далеко вперед уехал. Так, играя, один обгонял другого. Смеясь, подъехали оба к стойбищу старика Байбарака. Мясо там горой навалено. Арака озером стоит. Народу — как деревьев в лесу, как в долине трав. В белом шестигранном аиле² сидит белая Кумужек-Ару. Ее волосы, как жемчуг, поседел. Ее светлые волосы шесть женщин плетут в парные косы. Тас-Таракай медленно дверь открыл, протяжно-жалобно запел:

Жемчужные косы

В два ряда плетешь, Кумужек-Ару!

Молодого друга

Неужто нашла, Кумужек-Ару?

Со слезами отвечает Кумужек-Ару:

Жемчужные косы

Не я плету,

Старого друга

Не я бросила.

¹ Той — пир.

² Айл — здесь: юрта.

— Пошел вон, паршивый Тас!— заревел Ак-Кобон и вышвырнул Таса за дверь.

Но Тас снова дверь открыл, новую песню запел:

Из нарядного казана ¹
Ак-Кобон будет пить,
На мягкой постели
Ак-Кобону спать.
Из любимого казана
Алып-Манашу не пить,
На мягкой постели
Алып-Манашу места нет.

Кумужек-Ару отвечает:

Из нарядного казана
Пусть кто хочет пьет,
Мягкая постель
Для Алып-Манаша.

Оттолкнув женщин, она встала во весь рост. Ее волосы вниз потекли, как жемчужные струи воды, как серебряный туман. Ак-Кобон погнался за Тас-Таракаем. Далеко в долину, высоко в гору убежал Тас. Пущенная стрела с тетивы не слетела, а Тас-Таракай уже здесь и опять поет:

Если бело-серый конь жив,
Что будет?
Что случится?

Кумужек-Ару отвечает:

Бело-серому коню
Золотую шерсть приглажу,
Алып-Манаша милого
Обниму и поцелую.

И вот рядом с Чистой Жемчужиной светлый богатырь Алып-Манаш встал.

Ак-Кобон обернулся журавлем и вылетел в дымоходное отверстие. Алып-Манаш пустил за ним вслед быструю стрелу. Стрела скользнула по темени журавля. С тех пор журавль живет с этой отметиной. Алтайцы журавлиного мяса не едят.

— Эта птица,— говорят они,— хоть и поганой, но все же человеческой крови.

¹ К а з а н — кувшин.

Куда ворон не залетает, на краю голубой долины, куда сорока не может долететь, на краю желтой долины, под мышкой у ледяной горы стоял маленький аил. Из него вился тонкой нитью белый дым. В аиле жил мальчик Юскузек.

Он кормился молоком бурой коровы, играл с желтой козой, ездил на буланом коне.

Вот раз проснулся Юскузек, кликнул коня, а коня-то и нет, и коровы нет, и коза пропала. На вершину ледяной горы ведут следы семи волков.

Громко заплакал Юскузек:

— Оглянусь назад — кроме тени, нет ничего. Руки подниму — только за уши ухватиться можно. Нет у меня отца, который поддержал бы. Нет матери, что пожалела бы. Птенцу, выпавшему из гнезда, все равно где сгнить. Пока не отомщу волкам, домой не вернусь!

И ушел Юскузек от своего круглого аила.

Идет день. Идет ночь. Вот поднялся на узкое ребро горы. Шагнул — и скатился в пропасть. Здесь ни солнца, ни луны не видно. Закричал Юскузек. Этот одинокий плач тронул сердце орла Каан-Кередэ. Сомкнул Каан-Кередэ широкие крылья, камнем упал на дно пропасти, костистой лапой схватил Юскузека и поставил его туда, где листья на деревьях не желтеют. Кукушка там нежно кукует весь год.

Прямо против Юскузека, на розовой каменной россыпи, лежали семь серых волков, опутив свои черные морды на твердые лапы. Юскузек выхватил из-за пояса синий топор.

— Где мой буланный конь? Где бурая корова? Коза моя где?

Что дальше было, не помнит Юскузек. Очнулся он в большой пещере. На полу — медвежьи шкуры. Шелковые занавески затканы лунным и солнечным узором. Семь волков подают Юскузеку золотую чашу с крепким чаем, золотой поднос с жирным кушаньем. Юскузек поел.

— Не хотите ли теперь на свой скот взглянуть?

Юскузек вышел из пещеры. Сытый буланный конь опустил ему на плечо свою шелковую гриву. Корова пришла с приплодом; коза скачет, бородой трясет.

— Что подарить вам? — спрашивают волки.

— Если не жаль, дайте щенка, что валяется у вас под порогом.

Семь серых волков, как один, спиной повернулись, тяжелую слезу уронили.

— Берите собаку.

С розовой каменной россыпи от вечно цветущей белой черемухи ушел Юскузек. Шел по зыбким болотам, поднимался на крутые горные перевалы. Шел серым степным песком. Но дороги домой не видно.

Юскузек сел на пенёк и закрыл глаза.

— Приди, смерть! Меня, голодного, ты легко поведишь.

Но смерть не пришла. Открыл глаза Юскузек.

Что такое? Стоит перед ним поднос. На подносе сыр и мясо. Поел Юскузек, отдохнул, накормил щенка. Встал, а перед ним голубая долина и подмышкой у ледяной горы круглый аил. Юскузек зажег в темном аиле веселый костер и видит: через край деревянной чашки льются розовые сливки, над очагом в медном котле кипит густо заваренный чай.

Кто это приготовил?

Юскузек лег на козью шкуру, закрыл глаза.

Всю ночь и все утро лежал не шевелясь. Солнце из-за гор давно вышло, а Юскузек все лежит.

В полдень желтый щенок заскулил, завозился. Взвыл раз, взвыл другой, встряхнулся, и упала собачья шкура. Девушка к очагу подошла. Ее серьги — как две луны. Брови бархатно-черные. Золотые косы нежно сияют.

Юскузек схватил собачий мех, а красавица ударила ладонями по круглым коленям. Открытые глаза полны слез.

— Отдайте мне мою шкуру!

Юскузек на оба колена пал.

— Грязными пальцами вас тронуть нельзя. Вопросы вам задать я не смею, почему вы собакой стали.

— Караты-хан хотел меня в жены взять. Чтобы избавиться от него, мои братья обернулись волками, а я — собакой. Зовут меня Алтын-Чач — Золотые Волосы. Отдайте мою шкуру!

Юскузек спрятал собачью шкуру в золотой ящик, запер в железный сундук и все это опустил в деревянный ларь.

Вот как-то раз у Караты-хана пропал белый, как молоко, жеребенок с четырьмя ушками. За жеребцом убежал табун молочно-белых кобылиц. Караты-хан

сам поехал искать их. Куда только взгляд может достичь, всюду смотрел Караты-хан: белого табуна не увидел.

Уже хотел повод обратно повернуть, но вдруг заметил он на краю голубой долины, под мышкой у ледяной горы, тихий свет.

Присмотрелся Караты-хан: огонь выходит из маленького аила. Подобрал Караты-хан полы шубы, хлестнул восьмигранной плетью своего иноходца. Как стрела с тугого лука полетел бурый конь.

— Э... эй!— вскричал Караты-хан.— Чей аил горит?

Юскузек с испугу позабыл достать собачью шкуру. Алтын-Чач выбежала как была.

И понял Караты-хан: не луна светит, не аил горит — это волосы Алтын-Чач отражают утреннюю зарю.

Подобно низкой горе, сдвинулись брови Караты-хана. Как бурная река рвет берег, так разорвал, искусал он свои губы. Повернул коня и, не оглядываясь, позабыв о белом табуне, проскакал в свой белый дворец.

Он не может на трон сесть: трон будто раскаленный камень. Он есть не может: будто кость застряла в горле. Из круглой сумки достал бумагу и, стоя, написал:

«Я, хан Караты-каан, владеющий всеми народами Алтая, бесчисленным белым и красным, рогатым и копытным скотом, вызываю тебя, безлошадного Юскузека, на великий подвиг.

Если ты достанешь из орлиного гнезда золотое яйцо, то мои народы, говорящие на шестидесяти разных языках, твоими будут. Мой скот шестидесяти мастей я тебе отдам.

Но если я, хан Караты-каан, тебя в аиле найду, Алтын-Чач моей станет. Твою голову отрублю — к твоим ногам приложу, твои ноги отрежу — к голове приставлю.

Эту грамоту писал я, хан Караты-каан, едущий на темно-буrom коне».

На краю дымохода во дворце всегда сидели два ястреба.

— Быстрее слов летите!— сказал им Караты-хан.

Ястребы, прихватив клювами грамоту, устремились к маленькому аилу, бросили письмо и улетели.

Алтын-Чач прочла грамоту. Лицо ее два раза потемнело, два раза побелело.

— Караты-хан велит тебе за золотым яйцом к орлиному гнезду идти.

С того дня Юскузек днем без отдыха, ночью без сна шел. Таяли дни, как снежинки. Годы, как змеи, ползли. Летом солнце ему плечи жгло. Когда снег за ворот падал, он зиму узнавал. Шел он, все шел — и вдруг растаяла черная туча. Бронзовый тополь с девяноста девятью сучьями перед Юскузеком стоит. Из под корней тополя глядят глаза змеи. На вершине тополя в большом гнезде тихо плачут два орленка.

Юскузек отвел от ледяных зрачков змеи свои теплые глаза. Натянул черный лук. Концы лука сошлись. Юскузек спустил стрелу. Три змеиные головы покатились в три конца земли.

Из змеиной крови черное море налилось. Как вечная большая гора, тело змеи на берегу лежит.

— Потухший костер кто раздул? Мертвых нас кто оживил? — крикнули орлята.

Юскузек вышел из-за тополя.

Орлята выпростали голые крылья. Юскузек ухватился за них, и орлята подняли его в гнездо.

Луна всходила — Юскузек с орлятами мясо варил, трубку курил. Луна таяла — Юскузек с орлятами песни пел. Сколько раз вставало солнце, они не считали. Только когда страшный ветер подул, замолкли орлята.

— Это наш отец и мать крыльями машут.

Густой, буйный дождь пролился.

— Это отец с матерью по нас плачут.

Над горами, над реками, над всем широким Алтаем распластались два крыла, это Каан-Кередэ-орел летит.

И еще два крыла над всей землей распахнулись от восточного конца неба до западного: это летела Каан-Кередэ-мать.

— Чем в гнезде пахнет? — крикнули птицы Каан-Кередэ.

Как спущенные с тетивы, они рванулись вверх.

— Кто в гнезде сидит?

— Отец, мать под тополь взгляните! — просят птенцы.

Каан-Кередэ увидели под тополем труп трехглавой змеи. Они пали вниз, как сброшенные сверху мечи.

Три раза убитую змею глотнули, три раза выплюнули.

— Какой богатырь врага победил?

— Пока ваше сердце не успокоится, пока желудок

не согрется, пока клювы не высохнут, не покажем,— отвечают птенцы.

— Верные наши орлята, богатыря покажите! Мы его когтем не зацепим, клювом не тронем.

Орлята медленно крылья расправили. Робкими глазами смотрел Юскузек на больших орлов. Каан-Кередэ-отец взъерошил перья. Каан-Кередэ-мать страшным клекотом заклекотала. Страшным клювом рванула шубу Юскузека, увидала на его голом плече четыре глубоких шрама. Четыре раза простонал Каан-Кередэ.

— Когда-то из глубокой пропасти я спасла тебя, Юскузек. На твоём плече след моих когтей. Теперь ты орлят наших спас. Что хочешь? Зачем пришел?

— Караты-хан велел мне из вашего гнезда золотое яйцо украсть.

— Мы с Караты-ханом друзьями не были,— отвечают Каан-Кередэ.— Разве станет он свое добро в чужом гнезде хранить! Золотого яйца у нас нет.

Тут молодые кости Юскузека окрепли. Его голос мужским стал. От гнева смуглое лицо его посинело.

— Если позволите,— сказал Каан-Кередэ-отец,— я отнесу вас к вашему стойбищу.

Сел Юскузек на широкую спину отца Каан-Кередэ. Вцепился в темные перья. Как летел, не видел. Сколько летел, не понял. Куда попал, сам не знает. На этом стойбище еще никогда не бывал.

В пустом поле только один развалившийся шалаш стоит. В шалаше — черный старик. Передние зубы у старика выпали. Усы побелели. Ноги крепко спутаны тугим ремнем. Шея зажата деревянной колодкой.

— Откуда ты, милый мальчик, пришел?

Дал старик Юскузеку ломоть курута¹, угостил его молоком. Поздно вечером к шалашу подошла старуха. Хотела курут пожевать — не нашла. Хотела молока попить — чашка пуста. Подняла старуха деревянный костыль и стукнула старика по голове:

— Последний кусок проходимцу отдал! Как теперь будем жить?

— Шибко не брани меня, старуха. Жив ли, умер ли наш сын, мы не знаем. Я этого голодного накормил — может быть, и нашего сына люди не оставят.

В полночь старик уснул.

А старуха, думая о молоке и куруте, заснуть не

¹ Куру́т — прессованный копченый сыр из отжатого творога.

может. Со злобой взглянула она на голую спину Юскузека. Увидела родимое пятно. Встала старуха, старика разбудила. Старик проснулся, родимое пятно увидел. Холодное тело его согрелось, потускневшие глаза налились слезами.

— Э-эй, мальчик, юноша! Проснись! Ты огонь наших глаз. Ты кровь нашей груди. Ты наш единственный сын. Тебе только год был, когда мы по́дать Караты-хану не смогли уплатить. Нас поймали, связали, далеко увезли. С тех пор о тебе не слышали. Свою смерть мы на девять лет оттянули. Хотели перед смертью тебя увидеть.

Юскузек поцеловал отца и мать. Твердыми ладонями погладил их белые волосы.

Старики как сидели — так вечным сном и уснули.

Из дому Юскузек вышел дитятей. Из орлиного гнезда юношей улетел. Теперь Юскузек зубы стиснул, выпрямил плечи. Он возмужал, созрел, человеком стал.

Караты-хан ночью не спит. Днем не спит. Все время на ходу живет. Он ждет вести о гибели Юскузека, хочет скорее жениться на Алтын-Чач.

— Эй, раб! Ступай в круглый аил. Посмотри, плачет там или смеется Алтын-Чач. В тот же день обратно вернись, мне правду скажи.

Пятясь, вышел раб из дворца. Быстрее темно-бурого иноходца устремился к аилу Юскузека. В тот же день вернуться ему приказал Караты-хан. Раб спешил. Раб не останавливался. Раб одним глазом взглянуть хотел и обратно бежать. Но только полглазом увидел он Алтын-Чач и забыл, зачем шел. Рот широко открыл, не мигая на Алтын-Чач смотрит: волосы ее золотые, как осенние березы, ресницы — густая хвоя.

День сидел и ночь сидел раб у раскрытой двери, он не знал, зачем шел. Забыл, куда должен идти.

На второй день земля и небо покачнулись. Черный вихрь ударил, как сухой лист, взлетел вверх аил Юскузека. Ездящий на темно-буром коне Караты-хан раба за косу схватил.

— Ты как смеешь смотреть на Алтын-Чач?

Намотал Караты-хан косу раба на свою медную руку и перебросил его через две горы.

С сердцем холодным, как вечный камень, с черным сердцем вернулся домой Юскузек.

— А, это ты, Юскузек! Где золотое яйцо?

Ременной плетью ударил Юскузека Караты-хан.

— Питающийся человеческой кровью Караты-хан!— крикнул Юскузек.— Хвастаясь силой, не бей слабого. Злым языком молчаливых не оскорбляй. Под худым седлом ходит добрый конь. Под рваной шубой может оказаться богатырь непобедимый.

Схватил тут Юскузек Караты-хана за соболий ворот и стащил с темно-бурого коня.

Караты-хан обеими руками обхватил Юскузека. Началась великая борьба. Семь лет тягались. По щиколотку уходили их ноги в землю на твердом камне. По колено увязали в рыхлой почве. Ни один не упал. Ни один не коснулся земли рукой. Девять лет боролись. Земля дрожала от их борьбы. Горы прыгали, как сарлыки¹, а холмы — как косули. Озера вышли из берегов. Реки бросались с камня на камень в разные стороны.

Вот Юскузек уже тронул землю левой рукой и правым коленом тронул.

— Эй, братья волки! Ой, орлы Каан-Кередэ, помогите!

Раскинув крылья над горами и долинами, прилетели орлы. Серые волки, как серые вихри, в семь глотков сожрали темно-бурого иноходца, семь раз выплюнули. Орлы Каан-Кередэ железными когтями подцепили Караты-хана, унесли его в поднебесье и сбросили оттуда на вечный горный ледник. Собакам куска мяса не осталось от тела Караты-хана. Иголкой раз поддеть не осталось куска от шкуры Караты-хана. Ветер развеял прах его, словно пыль.

САРЫ-КААН

Жил на Алтае могучий Сары-каан. Скота у него как муравьев в муравейнике. Сундуки с добром в аиле не умещаются. Стоят один на одном вокруг стойбища, подобно высокому берегу.

А сам этот великий каан горького от сладкого отличить не умел, черное с бурым путал. Имена своих трех жен запомнить не мог.

Вот родилась у старшей жены дочь, потом и у средней дочка родилась.

— Хватит!— густым голосом сказал Сары-каан.— Теперь хочу сына.

Пришло время, и у младшей жены дитя родилось.

¹ Сарлык — як.

— Эй, раб!— позвал Сары-каан.— Пойди узнай, кто там родился.

Пошел раб, видит — девочка. Идет обратно и думает: «Как быть? Скажу: сын — Сары-каан поверит, да ему люди другое скажут, тогда за обман голова с плеч. Скажу: дочь — за дурную весть все равно шею под топор».

Пришел к каану, на колени пал.

— Ну!— требует каан.— Кто родился? Говори скорее, пусть мои уши порадуются.

Раб не может рта открыть, челюсти не отмыкаются. Подол старой овчинной шубы по коленкам хлопает. Шапка в руках дрожит. Косица на левое ухо свесилась. Зубы стучат, как в большой мороз. Наконец еле еле проскрипел:

— Родилась де-евочка...

— Нет! Я сказал: «Хочу сына», значит — сын. Хватит девчонок, довольно! Где мои палачи?

Прибежали палачи, раба ремнем скрутили, но тут вдруг прилетела перепелка и села на голову каана.

— Эй, раб,— вскричал Сары-каан,— сейчас же перепелку поймай!

— Не могу.

— Почему?

— Руки связаны.

— Эй, палачи! Развяжите его!

Палачи ремни развязали. Раб протянул руки, а перепелка взлетела и пошла метаться по аилу.

— Глупый ты, раб, глупый!— засмеялся Сары-каан.— Кто же перепелку руками ловит? Возьми железную кувалду и запусти в нее, пожалуй, не увернется!

А перепелка посвистела, побегала и опять села на голову Сары-каана.

— Чего медлишь?— гневается каан.— Возьми, говорят тебе, кувалду и ударь!

Сары-каан строго приказал. Раб послушаться не посмел. Кряхтя, кувалду обеими руками поднял. Размахнулся, а перепелка свистнула и улетела. И кувалда опустилась на голову Сары-каана.

ОБИДА МАРАЛА

Прибежала красная лиса с зеленых холмов в черный лес. Она в лесу себе норы еще не вырыла, а новости лесные ей уже известны: стал медведь стар.

И пошла лиса на весь лес причитать:

— Ай-яй-яй, горе-беда! Наш старейшина, бурый медведь, умирает. Его золотистая шуба поблекла, острые зубы притупились, в лапах силы былой нет. Скорей, скорей! Давайте соберемся, подумаем, кто в нашем черном лесу всех умнее, всех краше, кому хвалу споем, кого на медведево место посадим.

Где девять рек соединились, у подножия девяти гор, над быстрым ключом мохнатый кедр стоит. Под этим кедром собрались звери из черного леса. Друг другу шубы свои кажут, умом, силой, красотой похваляются.

Старик медведь тоже сюда пришел:

— Что шумите? О чем спорите?

Притихли звери, а лиса острую морду подняла и заверещала:

— Ах, почтенный медведь, нестареющим, крепким будьте, сто лет живите! Мы тут спорим-спорим, а дела решить без вас не можем: кто достойнее, кто красивее всех?

— Всяк по-своему хорош,— проворчал старик.

— Ах, мудрейший, все же мы хотим ваше слово услышать. На кого укажете, тому звери хвалу споют, на почетное место посадят.

А сама свой красный хвост распустила, золотую шерсть языком охорашивает, белую грудь приглаживает.

И тут звери вдруг увидели бегущего вдали марала. Ногами он вершину горы попирает, ветвистые рога по дну неба след вели.

Лиса еще рта закрыть не успела, а марал уже здесь.

Не вспотела от быстрого бега его гладкая шерсть, не заходили чаще его упругие ребра, не вскипела в тугих жилах теплая кровь. Сердце спокойно, ровно бьется, тихо сияют большие глаза. Розовым языком коричневую губу чешет, зубы белеют, смеются.

Медленно встал старый медведь, чихнул, лапу к маралу протянул:

— Вот кто всех краше.

Лиса от зависти за хвост сама себя укусила.

— Хорошо ли живете, благородный марал?— запела она.— Видно, ослабели ваши стройные ноги, в широкой груди дыхания не хватило. Ничтожные белки опередили вас, кривоногая росомаха давно уже здесь, даже медлительный барсук и тот успел раньше вас прийти.

Низко опустил марал ветвисторогую голову, колыхнулась его мохнатая грудь, и зазвучал голос, как тростниковая свирель:

— Уважаемая лиса! Белки на этом кедре живут, росомаха на соседнем дереве спала, у барсука нора здесь, за холмом. А я девять долин миновал, девять рек переплыл, через девять гор перевалил...

Поднял голову марал — уши его подобны лепесткам цветов. Рога, тонким ворсом одетые, прозрачны, словно майским медом налиты.

— А ты, лиса, о чем хлопочешь? — рассердился медведь. — Сама, что ли, старейшиной стать задумала?

Отшвырнул он лису подальше, глянул на марала и молвил:

— Прошу вас, благородный марал, займите почетное место.

А лиса уже опять здесь.

— Ох-ха-ха! Бурого марала старейшиной выбрать хотят, петь хвалу ему собираются. Ха-ха, ха-ха! Сейчас-то он красив, а посмотрите на него зимой — голова безрогая, комолая, шея тонкая, шерсть висит клочьями, сам ходит скорчившись, от ветра шатается.

Марал в ответ слов не нашел. Взглянул на зверей — звери молчат.

Даже старик медведь не вспомнил, что каждую весну отрастают у марала новые рога, каждый год прибавляется на рогах марала по новой веточке, и год от года рога ветвистее, а марал чем старше, тем прекраснее.

От горькой обиды упали из глаз марала жгучие слезы, прожгли ему щеки до костей, и кости прогнулись.

Погляди, и сейчас темнеют у него под глазами глубокие впадины. Но глаза от этого еще краше стали, и красоте марала не только звери, но и люди славу поют.

ЖАДНЫЙ ГЛУХАРЬ

Роняет береза золотистую листву, золотые иглы теряет лиственница. Дуют злые ветры, падают холодные дожди. Лето ушло, осень пришла. Птицам время в теплые края лететь.

Семь дней на опушке леса в стаи собирались, семь дней друг с другом перекликались:

— Все ли тут? Тут ли все? Все иль нет?

Только глухаря не слышно, глухаря не видно.

Стукнул беркут своим горбатым клювом по сухой ветке, стукнул еще раз и приказал молодой кукушке позвать глухаря.

Свистя крыльями, полетела кукушка в лесную чащу.

Глухарь, оказывается, здесь — на кедре сидит, орешки из шишек лущит.

— Уважаемый глухарь, — сказала кукушка, — птицы в теплые края собрались. Уже семь суток вас дожидаются.

— Ну-ну, всполошились! — проскрипел глухарь. — В теплые земли лететь не к спеху. Сколько здесь в лесу орехов, ягод... Неужто это все мышам и белкам оставить?

Вернулась кукушка:

— Глухарь орехи щелкает, лететь на юг, говорит он, не к спеху.

Послал беркут проворную трясогузку.

Прилетела она к кедру, вокруг ствола десять раз обежала:

— Скорее, глухарь, скорее!

— Уж очень ты скорая. Перед дальней дорогой надо маленько подкрепиться.

Трясогузка хвостиком потрясла, побегала-побегала вокруг кедра, да и улетела.

— Великий беркут, глухарь перед дальней дорогой хочет подкрепиться.

Разгневался беркут и повелел всем птицам немедленно в теплые края лететь.

А глухарь еще семь дней орехи из шишек выбирал, на восьмой вздохнул, клюв о перья прочистил:

— Ох, не хватает у меня сил все это съесть. Жалко такое добро покидать, а приходится...

И, тяжело хлопая крыльями, полетел на лесную опушку. Но птиц уже не видно, голосов их не слышно.

«Что такое?» — глазам своим глухарь не верит: опустела поляна, даже вечнозеленые кедры оголились. Это птицы, когда глухаря ждали, всю хвою склевали.

Горько заплакал, заскрипел глухарь:

— Без меня, без меня птицы в теплые края улетели... Как теперь буду я здесь зимовать?

От слез покраснели у глухаря его темные брови.

С той поры и до наших дней дети, и внуки, и правнуки глухаря, эту историю вспоминая, горько плачут. И у всех глухарей брови, как рябина, красные.

ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Хорошие дни не забываются, добрые дела — вечно в памяти. В давние времена порхала по нашим лесам веселая синица, насвистывала свои песенки.

Однажды в зимнюю пору навалилась беда: из черной тучи хлынул дождь. И не утихал девять дней. А на десятый день запощелкивал мороз, и вся земля покрылась толстой коркой льда. Животные копытами пробить его не могли, зубами не могли прогрызть. Ни одной травинки нельзя было достать. Весь скот погиб голодной смертью.

Люди позабыли вкус мяса. В котлах кипятили пустую воду. Старики умирали от голода. Крепкие молодцы обессилели. Девушки разучились улыбаться. Беда придавила всех, как темная ночь. Вместо песен — всюду глухие стоны. Даже птицы приумолкли. Только синица насвистывала свои простые песенки. А когда увидела умирающих людей — задумалась: «Как им помочь? Как спасти народ от голодной смерти?»

Много раз ей случалось летать далеко в степь. Там она видела русских людей. Те люди жили в домах. Землю пахали, хлеб сеяли. Женщины пекли калачи в жарких печах. Перелетных синиц хлебными крошками подкармливали. Вкуснее тех крошек ничего на свете нет!

Синица все припомнила и, бойко подпрыгнув на ветке, людям гор сказала:

— Я вам помогу.

Она взвилась в воздух и полетела в сторону степей.

Умирающие люди проводили ее глазами и вздохнули:

— Разве такая маленькая птичка может спасти народ? Не под силу ей...

А все-таки посматривали туда, куда она улетела, и ждали.

Солнце поднялось высоко, весеннее тепло растопило ледяную корку. Загремели ручьи, зазеленела молодая трава. Голодные люди, едва передвигаясь, выкапывали из земли и ели корни травы кандык. А сами все посматривали вверх:

— Не видно синицы...

— Наверно, злой коршун настиг, острыми когтями разорвал, кривым клювом расклевал...

А бойкая синица все летела и летела высоко над землей. В степях шумел ковыль, березки начинали одеваться зеленью.

Русские мужики пахали землю. На межах — мешки с семенным зерном: пшеница, рожь, ячмень.

Синица покружилась над мешками, а взять зернышко без спроса не посмела. Ударилась она об землю и стала молодой девушкой. Щеки лесными пионами горят, глаза на черную смородину походят. Брови словно крылья птицы в полете.

Подошла девушка к пахарю, поклонилась в пояс и рассказала, что в горах голодают люди.

— Дай мне пшеницы, — попросила она.

— В горах лето короткое, пшеницу осенний мороз убьет, — сказал пахарь. — Я дам тебе ячменного зерна.

Он насыпал ячменя в мешок и отдал девушке. А чтобы она не запоздала, подвел ей заседланного коня.

Девушка поблагодарила пахаря и помчалась в горы. А там, за высокой синей скалой, ее поджидал белый волк с хвостом в шестьдесят аршин. Пасть раскрыл, зубы наострил. Ноги у него напряжены, как тетива лука. Вот-вот на коня прыгнет, девушке перервет горло. Она уронила мешок, и ячменное зерно рассыпалось по камням. Конь повернулся и быстрее стрелы полетел домой.

Девушка опять обернулась синицей, прыгнула на землю и стала набивать клюв драгоценным зерном.

Белый волк бросился на нее, хотел смять, зубами разорвать, но бойкая птичка ускользнула от него. В зубах у волка осталось одно перышко.

Волк ударился о землю и стал зайсаном¹. Остатки рассыпанных ячменных зерен собрал в приподнятую полу широкой шубы и стал горстями кидать в ненасытный рот.

Синица вернулась к нашим людям и отдала им ячменное зерно.

Снова обернувшись девушкой, она рассказала, как русские землю пахут, хлеб сеют, как в жарких печах пекут калачи.

В долине взрыхлили землю, посеяли зернышки. Осенью собрали урожай. Из ячменных зерен женщины приготовили муку — талкан. Стали чай пить с талканом. Хорошо!

¹ З а й с а н — родовой старшина, князек.

Про голод скоро все забыли. На лицах парней появились улыбки, девушки запели песни.

В ту осень в горах играли свадьбы. К девушке, которая принесла ячменное зерно, сватались многие женихи. Все нахваливали ее. Ей надоело слушать льстивые слова, и она опять стала синицей.

Всю зиму по стойбищам летала и распевала свои простые песенки. Подлетит к юрте, сядет на ветку дерева и начнет посвистывать. И всем казалось, что пташка рассказывает про русских. Как они в домах живут, какие вкусные калачи пекут...

И наши люди решили перекочевать поближе к русским. Там они научатся дома строить, для скота сено косить, из муки для себя хлеб стряпать.

Так и сделали.

Жизнь хорошая пошла!..

СЕРЫЙ ВОРОБУШЕК

Давным-давно на голубом Алтае жил Байбарак, пребогатый бай. Скота у него в долинах было — как муравьев в муравейнике! Рабам своим Байбарак счета не знал. Был он жадный и злой. Если чужая собака к его стойбищу подбегала кость погрызть, он ту собаку на месте убивал. Если путник на его пастбище останавливался коня покормить, он того путника плетью порол.

Был у него пастух Кодурлу. Лето и зиму пас отару овец.

Под дождем и снегом, под ветром и знойным небом пастух постарел — крепкие кости его ослабели, зоркие глаза его притупились, ноги передвигать сил не стало.

Заметив старость пастуха, Байбарак позвал его в свою богатую кошечную юрту.

— Довольно тебе, старик, на моем стойбище без дела жить, — сказал Байбарак. — Удались на покой.

— Куда мне идти? — сквозь слезы спросил Кодурлу. — У порога вашего отца я на ногах ходить стал, мальчишкой таскал ему дрова из лесу. Ваш скот всю жизнь пас. Пожалейте меня, старого человека, не гоните. Долго мешать вам не буду...

— Ты думаешь, что у меня нет других дел, как только с тобой разговаривать? — закричал Байбарак, черные глаза его кровью налились, толстые губы задергались. — Свет широк: куда хочешь, туда и шагай!

Отошел Кодурлу от хозяйской юрты, взял свою старуху за руку и пошагал, сам не зная куда. Верный друг его, черный пес с желтыми пятнами вместо бровей, жалобно завыл, потом по следу пошел догонять хозяина.

Сколько времени старик со старухой шли, они сами не знали. Остановились под мохнатым кедром. Возле кедра текла веселая, светлая речка. Тут старик со старухой поставили шалаш и в нем жить стали. Их верный друг черный пес каждый день ходил на охоту и приносил им то серого зайца, то дикого козла, то краснобрового глухаря. Старик со старухой еще больше полюбили умного пса.

Проносились месяцы за месяцами, кружась, как веретена. Года за годами ползли, как тяжелые медведи. Вот и черный пес постарел, глаза его далеко видеть уже не могли, нос его запах зверя учуять не мог, ноги его стали тяжелыми.

Старик Кодурлу загоревал: «Видно, ко всем нам троим голодная смерть подходит».

Горы расцветали по-весеннему. В лесу пели птицы. Одна серая птичка прилетела к стойбищу старика Кодурлу, села на кедровую ветку, и умный черный пес услышал:

— Что ты, четвероногий охотник, пригорюнился? Зачем ты унынию поддался? Если ты не можешь теперь зверя настичь, то я помогу тебе...

Черный пес поднял голову и увидел на кедровой ветке маленького воробушка.

— Как ты можешь помочь мне?— удивился умный пес.— Ты даже сорок боишься.

— Ты ошибся, я сорок не боюсь,— сказал серый воробушек и спрыгнул на нижнюю ветку.— Я научу тебя легкой добычливой охоте. Ты сядешь в засаду, а я полечу с другой стороны горы, в лесу шум подыму, зайцы испугаются и прямо на тебя побегут, только успевай ловить.

Черный пес улыбнулся, показал свои пожелтевшие, стертые клыки.

— Попробуем.

Вот он сел в засаду в густые кусты, а воробушек полетел с другой стороны высокой горы, зачирикал, крыльями захлопал, в лесу шум поднялся, всех зайцев перепугал. Один заяц набежал на черного пса. Черный пес легко поймал зайца и понес его старику со старухой. Той порой к лесу подъехал Байбарак на

быстром как птица вороном коне, увидел собаку с добычей и зарычал по-медвежьему:

— Кто разрешил тебе моих зверей уничтожать?— схватил свой лук и выпустил стрелу в собаку.

Падая на шелковую траву, черный пес сказал:

— Друг мой, серый воробушек, старика со старухой не забывай...

Воробушек слетел к черному псу, а у того уже глаза затуманились.

— Подожди, Байбарак, я тебе отплачу за друга,— гневно сказал серый воробушек.

Байбарак слов его понять не мог, поднял зайца, привязал к своему седлу и поехал домой.

Рабы увидели приближающегося хозяина, бросились навстречу. Одни подхватили Байбарака под локти и осторожно спустили на землю, другие повели коня расседлывать. Байбарак заторопился в юрту показать жене зайца.

— Меткий стрелок привез тебе подарок.

Коня Байбарак очень любил и не позволял уводить далеко от юрты, часто выходил полюбоваться им. Рабы привязали коня на аркан на лужайке возле реки, а сами ушли ячмень толочь, кожи мять, сапоги и шубы шить. Вдруг откуда-то прилетел серый воробушек, сел коню между ушей и давай ему голову долбить. Конь головой трясет, катается, а назойливого воробья никак отогнать не может. Байбарак услышал, что вороной конь, который носил его как на крыльях, от врага не может отбиться, выбежал из теплой юрты и, не задумываясь, выпустил стрелу из тугого лука. Воробушек вспорхнул невредимый, а любимый конь упал без движения. Байбарак ногами затопал и закричал, чтобы рабы его уничтожили всех воробьев на земле.

Жена у Байбарака была еще жаднее мужа. Она очень любила есть кровяную колбасу. Увидев коня мертвым, она обо всем позабыла, побежала кровь конскую в ведро собирать, конские кишки выматывать. Серый воробушек вернулся, сел на голову байской жене и давай долбить.

— Что это за проклятая птица?— взревела байская жена.— Она мою дорогую шапку издолбит, темя проклевует.

Байбарак узнал серого воробушка и страшно обрадовался.

«Дурак воробей, смерти просит»,— подумал он и выпустил стрелу из лука.

Стрела просвистела в воздухе, голову байской жене расколола, как скорлупу ореха, а воробушек успел улететь невредимым.

Байбарак шубу на себе разорвал, обрывки ее в соседние долины забросил, а сам голый, рыдая, упал на землю. Имя любимого коня он повторял с горечью.

Серый воробушек снова вернулся на байское стойбище, сел самому Байбараку на спину и давай клевать острым клювом между лопаток и царапать когтями, как стальными иголками. Байбарак дико заревел, начал кататься по земле. А воробушек прилип к его спине и такую ямку выдолбил, что раздавить его было невозможно и руками достать нельзя. Байбарак испугался, что воробушек, продолбив спину, доберется до сердца, и закричал, чтобы сбежались все рабы, все прислужники.

Рабы прибежали и упали перед баем на колени.

— Подайте мне нож с желтым костяным черенком, острый, как алмаз,— потребовал Байбарак.— Я убью наконец этого негодяя. Убью проклятую птицу.

Прислужники поспешили выполнить требование хозяина — принесли ему нож, острый, как алмаз.

Байбарак схватил нож правой рукой и замахнулся на серую птичку. В это время воробушек перепрыгнул на его левый бок.

— Уж теперь-то я уничтожу врага!— в гневе вскричал Байбарак, сверкнул глазами и изо всей силы ударил ножом...

Серый верткий воробушек был уже высоко в воздухе, а Байбарак хрипел на земле... Черная кровь из него ручьем текла.

Умный воробушек, весело чирикая, полетел на пастбище, захватил там байскую отару и пригнал ее к старику Кодурлу.

— Вот тебе овцы, мой старый друг,— сказал воробушек, торжествуя победу.— Нет теперь Байбарака на голубом Алтае. Ты — хозяин этих овец. Молоко овечье пей, мясо ешь, из овчин сшей себе и старухе новые шубы. Долго, счастливо живи под ласковым солнцем!

Старик Кодурлу стоял как столб. Он не знал, что спросить, не знал, что сказать, а когда пришел в себя и понял все, то громко воскликнул:

— Я умирать собрался, ты меня оживил! В груди моей огонь угасал, ты его раздул, милый серый воробушек! Что я могу сделать для тебя хорошего? Чем

отблагодарить? Живи со мной, хорошая птичка, свей себе гнездо возле дымового отверстия моей юрты!

Серый воробушек так и сделал.

В юрте со стариком и старухой он прожил всю свою жизнь, много птенцов выкормил.

А потомки его и посейчас по юртам гнездятся и дружат с человеком.

НАРЯДНЫЙ БУРУНДУК

Жил на Алтае старый большой медведь. Его любимая еда — кедровый орех. Брал он орехи только с одного кедра. Толстый кедр, в шесть обхватов. Ветки чистые. Хвоя шелковая. Сквозь нее никогда дождь не каплет. Издали посмотришь — будто десять кедров из одного корня выросло. Это дерево старый большой медведь от зверей и людей заботливо охранял. Хорошо жилось медведю подле него.

Но вот однажды пришел медведь, а у толстого кедра орехов нет.

Ходил медведь вокруг, глазам своим не верил.

Уцепился за ветви — будто свинец к пояснице привязан. «Долго не евши, разве так отяжелеешь? Видно, состарился я».

Согнулись ветви кедра от тяжести медведя, чуть-чуть не треснули. На вершину кедра вскарабкался он, каждую веточку осмотрел. Нет орехов.

На другой год пришел медведь — орехов все нет. На третий год — опять пусто.

Посмотрел большой медведь на свою бурую мохнатую шерсть: как огнем опаленная, пожелтела.

«Э-э-э, как я похудел!»

Двинулся медведь сквозь частый лес искать себе пропитания.

Бурную реку перебродил, каменными россыпями шагал, по зеленой шелковой мураве ступал. Сколько зверей встречалось ему, даже глазом не повел.

— Брык-брык, сук-сук! — вдруг закричал бурундук, испугавшись большого медведя.

Медведь встал. Поднял переднюю лапу, шагнуть хотел и, не опустив ее, остановился...

«Э-э-э, как же я забыл?.. Бурундук очень старательный хозяин. Он на три года вперед запасается. Погоди, погоди! Надо нору его раскопать: у него закрома никогда пустыми не стоят».

И пошел нюхать. И нашел. Нелегко старому твердую землю копать. Вот корень. Зубами грызть — зубы не берут. Лапами тащить — силы нет. Медведь размахнулся: рраз! — сосна упала. Медведь размахнулся: два! — береза повалилась.

Услыхал эту возню бурундук и ум потерял. Сердце изо рта выскочить хочет. Передними лапами рот зажал, из глаз слезы ключом бьют. «Такого большого медведя заметив, зачем я крикнул? Рот мой, разорвись!»

Кое-как на дне норы, в сторонке, выцарапал бурундук ямку и спрятался туда.

Медведь наконец-то перегрыз корень, просунул лапу — один орех нашел.

«Э-э-э, сказал же я: бурундук — запасливый хозяин».

Морда медведя посветлела. От радости слеза блеснула. Дальше полез лапой — еще больше орехов нашел. Обрадовался медведь.

«Э-э-э... ма-а-аш, еще поживу, видно! Этого милого бурундука как же я поблагодарю? Чем отдарю?»

Отощавший желудок медведя наполнился. Утомленное тело легким стало.

Шерсть светится, как золотая. Большой медведь оглянулся, себя ощупал: бурундуку подарить нечего. «Стыд будет мне, если, чужую пищу съев, спасибо не скажу. Где же этот милый бурундук?»

Посмотрел кругом — бурундука не видит.

Медведь заглянул в норку, увидел ямку, хвост бурундука над ней торчком стоит.

— Э-э-э! Хозяин-то, оказывается, здесь. Благодарю! Пусть ваши закрома пустыми не стоят. Вы такой добрый, будьте всегда счастливым. Позвольте вашу честную лапу от души пожать!

Протянул медведь бурундуку правую лапу, но бурундук медвежьего языка не понимает. Увидев над собой черную лапу, закричал:

— Брык-брык, сык-сык! — и скок из норы.

А медведь левой лапой его подхватил.

— Благодарю вас, маленький, — говорит. — Голодного меня вы накормили, усталому отдых дали.

Бурундук слов медведя не может понять, он по-медвежьему разговаривать никогда не учился. Освободиться, бежать хочет, медвежьей жесткой ладонь тонкими коготками скребет, а у медведя ладонь даже не чешется.

— Э-э-э, ма-а-аш, где вы росли — моих слов не понимаете? Я вам говорю спа-си-и-бо! Сколько раз повторяю, а вы не отвечаете. Улыбнитесь хоть немножко. Я же вас благодарю. Спасибо вам говорю!

Замолчал медведь.

А бурундук думает: «Кончил со мной медведь разговаривать, теперь есть начнет».

Рванулся из последних сил.

— Э-э-э, ма-а-аш, не хотите слов понимать?

Поднял правую лапу и погладил бурундука с головы до хвоста. От пяти черных медвежьих когтей заструились на спине бурундука пять черных красивых полос. Вот с тех пор и носит потомство бурундука нарядную шубу — медвежий подарок.

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ

Один раз ночью барсук охотился. Посветлел край неба. До солнца к своей норе спешит барсук. Людям не показываясь, прячась от собак, держится, где трава выше, где земля темнее.

Подошел барсук к своей норе.

— Бррк, бррк... — вдруг услышал он непонятный шум.

Сон из барсука выскочил. Шерсть на голове поднялась. А сердце чуть ребра не сломало стуком.

— Я такого шума никогда не слыхивал — бррк... бррк... Скорей пойду, таких, как я, когтистых зверей позову. Я один умирать не согласен.

Пошел барсук всех на Алтае живущих когтистых зверей созывать:

— Ой, у меня в норе страшный гость сидит! Кто осмелится со мной пойти?

Собрались звери. Ушами к земле приникли. В самом деле — от шума земля дрожит.

— Бррк, бррк...

У всех зверей шерсть вверх поднялась.

— Ну, барсук, — сказала рысь, — это твой дом, ты первый туда и лезь.

Барсук оглянулся; большие когтистые звери ему приказывают:

— Иди, иди! Чего стал?

А сами от страха хвосты поджали.

Побоялся барсук главным ходом к себе домой войти. Стал сзади подкапываться. Тяжело скрести каменную землю! Когти стерлись. Обидно родную нору ло-

мать. Наконец проник барсук в свою высокую спальню. К мягкому моху пробрался. Видит — белеет там что-то. «Бррк, бррк...»

Это, сложив передние лапы поперек груди, громко храпит белый заяц.

Звери со смеху даже на ногах не устояли. Покатились по земле.

— Заяц! Вот так заяц! Барсук зайца испугался!

— Стыд свой куда теперь спрячешь?

«В самом деле, — думает барсук, — зачем я стал на весь Алтай кричать?»

Рассердился да как пихнет зайца:

— Пошел вон! Кто тебе позволил здесь храпеть?

Проснулся заяц: кругом волки, лисы, рысь, росомахи, дикая кошка. У зайца глаза круглыми стали. Сам дрожит, словно тальник над бурной рекой. Вымолвить слова не может.

«Ну, будь что будет!»

Приник бедняга к земле — и прыг барсуку на лоб! А со лба, как с холма, опять скок — и в кусты. От белого заячьего живота побелел лоб у барсука. От задних заячьих лап прошел белый след по щекам барсука.

Смех зверей еще звонче стал.

«Чего они радуются?» — не может барсук понять.

— Ой, барсук, лоб и щеки пощупай! Какой ты красивый стал!

Барсук погладил морду — белый пушистый ворс пристал к когтям. Увидав это, барсук пошел жаловаться медведю.

— Куланиясь вам до земли, дедушка медведь-зайсан! Сам дома не был, гостей не звал. Храп услышав, испугался. Скольких зверей я из-за этого храпа обеспокоил! Сам свой дом из-за него сломал. Теперь видите: голова и челюсти побелели. А виноватый без оглядки убежал. Это дело рассудите.

Взглянул медведь на барсука. Отошел подальше — еще раз посмотрел да как рявкнет:

— Ты еще жалуешься? Твоя рожа раньше, как земля, черная была, а теперь твоей белизне даже люди позавидуют. Обидно, что не я на том месте стоял, что не мое лицо заяц выбелил. Вот это жаль. Вот это в самом деле очень жаль!

И, горько вздыхая, побрел медведь в свой теплый, сухой аил.

А барсук так и остался жить с белой полосой на

лбу и на щеках. Говорят, что он привык к этим отметинам и даже очень часто хвастает:

— Вот как заяц для меня постарался! Мы теперь с ним на веки вечные друзья стали.

ЛЯГУШКА И МУРАВЬИ

Жила-была лягушка. Она жила у маленького круглого озера. Вот однажды вышла из своего дома и прыг-скок по берегу, прыг-прыг — в лес заглянула, скок-скок — дорогу домой потеряла.

Метнулась туда, кинулась сюда и попала на муравьиную тропу.

Муравьи десятками вскочили ей на спину, сотнями вцепились в живот.

— Ква-а,— заплакала лягушка,— кво-о... Как-ак не стыдно заблудившегося обижать, голодного кусать?

Муравьям стало совестно. Спрыгнули они на землю, низко лягушке поклонились:

— Уважаемая тетушка! Пожалуйте к нам в гости — пищу нашу отведайте, питье наше пригубьте.

Пришла лягушка к муравьям, села на почетное место. Ела и пила, песни пела и беседу вела, о чем говорила, сама не поняла — так много меду выпила. Где сидела, там и уснула.

Проснулась, когда солнце высоко поднялось. Муравьи давным-давно на работу ушли, только один муравьишка замешкался — он после вчерашнего пира чашки-ложки убирал.

— Пожалуйста, влезь на эту лиственницу,— попросила лягушка,— кругом посмотри. Не увидишь ли ты, в какой стороне мой дом, мое круглое озеро...

Муравей влез на дерево, во все стороны посмотрел и говорит:

— Вон там, на западе, блестит ваше озеро. Если хотите, провожу вас туда самой короткой дорогой.

— Ка-какой ты добрый!— обрадовалась лягушка.— Пойдем, пойдем скорее. Дома я тебя хорошо угощу.

— Дорогу показать могу,— ответил муравьишка,— но угощаться не стану. Мы, муравьи, ни работать, ни отдыхать поврозь не умеем.

— Ладно, ладно, пусть все идут ко мне в гости. Только бы домой засветло добраться.

Муравей спустился с дерева и побежал к озеру. Лягушка прыг-прыг, скок-скок за ним, а за лягушкой

муравьи, как ручьем, потекли — все-все, сколько их было в этом муравейнике, и в соседних, и в дальних. Со всего леса собрались к лягушке в гости.

Вот пришли к озеру. Обернулась лягушка, а на берегу черным-черно. Столько муравьев, что и травы не видно.

У лягушки глаза выпучились: «Что теперь делать? Сама же всех позвала...»

— Ква-а, ка-ак я рада! Подождите меня здесь на берегу, а я насчет угощения распоряджусь.

И бултых в воду!

Муравьи день стоят ждут, два дня ждут, а лягушки и не видно.

На седьмой день рассердилась муравьиная матка.

— Ну,— говорит,—лягушкиного угощения ждать— с голоду умрешь.

Затянула она потуже пояс на пустом брюшке и пошла домой.

Все муравьи тоже пояса подтянули и разбрелись по своим муравейникам.

С тех пор и поныне ходят муравьи перетянутые туго-натуго.

А глаза у лягушки так и остались выпученные.

МЕДВЕДЬ-СУДЬЯ

Зимней порой вышел горноста́й на охоту. Под снег нырнул, вынырнул, на задние лапы встал, шею вытянул, прислушался, головой повертел, приняхался...

И вдруг словно гора упала ему на спину. А горноста́й хоть ростом мал, да отважен. Обернулся, как вцепится зубами в гору — не мешай охоте!

— А-а-а-а!— раздался крик, плач, стон, и с горностаевой спины свалился заяц.

Задняя лапа у зайца до кости прокушена, черная кровь на белый снег течет. Плачет заяц, рыдает:

— О-о-о! Я от совы бежал, свою жизнь спасти хотел. Я нечаянно тебе на спину свалился, а ты меня укуси-и-ил...

— Ой, заяц, простите! Пожалуйста, не сердитесь, я тоже нечаянно...

Еще солнце не взошло, а горноста́й уже получил строгий указ:

*В мой аил на суд сейчас же явитесь!
Старейшина здешнего леса
Темно-бурый медведь.*

Круглое сердце горностаево екнуло, тонкие косточки со страху гнутся... Ох и рад бы горностаи не идти, да медведя послушаться никак нельзя.

Робко-робко вошел он в медвежье жилище.

Медведь на почетном месте сидит, трубку курит, а рядом с хозяином, по правую сторону,— заяц. Он на костыли опирается, раненую лапу вперед выставил.

Медведь пушистые ресницы поднял и красно-желтыми глазами на горностаю взглянул:

— Ты как смеешь кусаться?

Горностаи, будто немой, только губами шевелит. Сердцу в груди совсем тесно.

— Я... я... охотился,— чуть слышно шепчет.

— На кого охотился?

— Хотел мышь поймать, ночную птицу подстеречь.

— Да, мыши и птицы — твоя пища. А зайца зачем укусил?

— Заяц первый меня обидел, он мне на спину свалился.

Обернулся медведь к зайцу да как рывкнет:

— Ты для чего это горностаю на спину прыгнул?

Задрожал заяц, слезы из глаз водопадом хлещут:

— Кланяюсь вам до земли, великий медведь, у горностаю зимой спина, как снег, белая... Я его со спины не узнал... Ошибся...

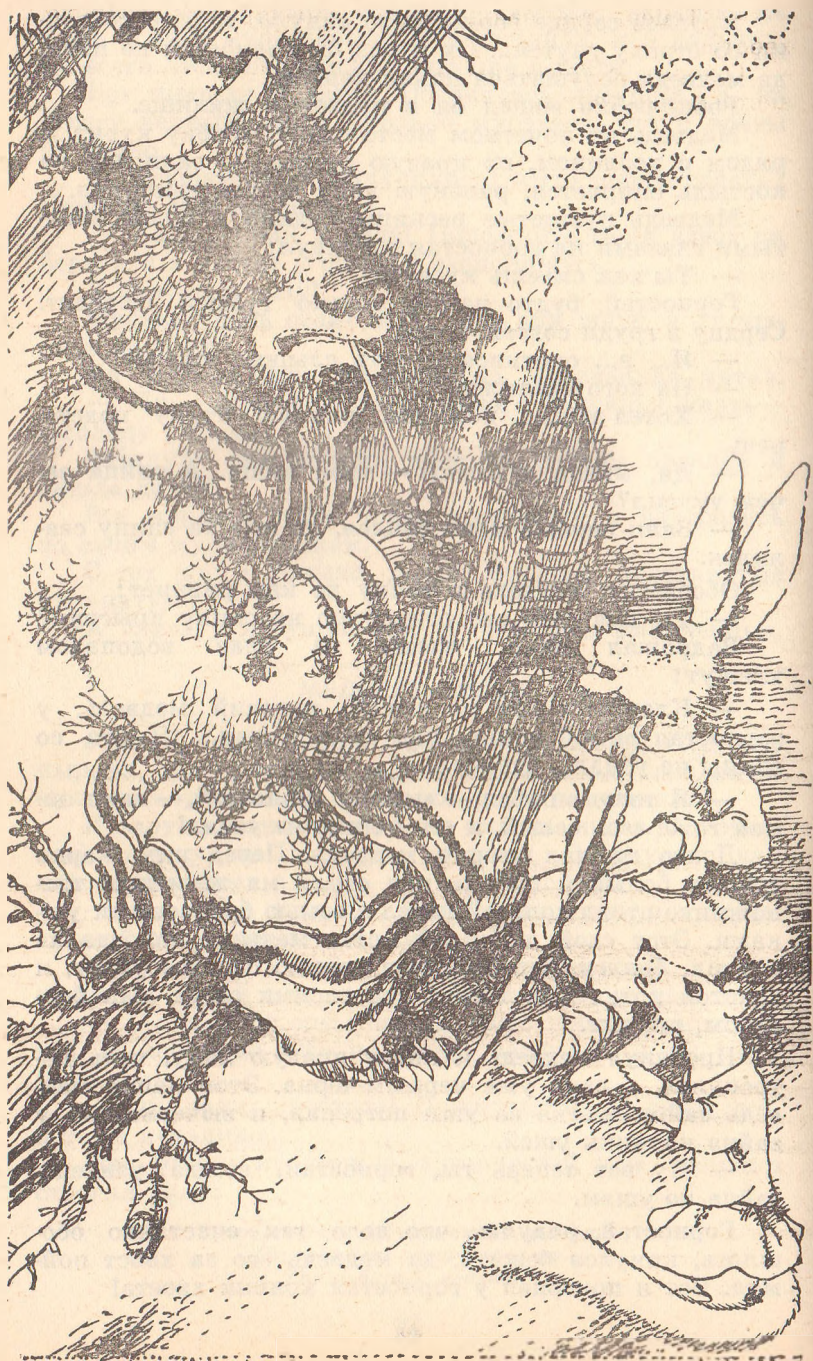
— Я тоже ошибся,— молвил горностаи,— заяц зимой тоже весь белый, я его с лица не узнал!

Долго молчал старик медведь. Перед ним жарко трещал большой костер, над огнем на железном треножнике стоял золотой котел с семью бронзовыми ушками. Этот свой любимый котел медведь никогда не чистил, боялся, что вместе с грязью счастье уйдет, и золотой котел был всегда ста слоями сажи, как бархатом, покрыт.

Протянул медведь к котлу правую лапу, чуть дотронулся, а лапа уже черным-черна. Этой лапой медведь зайца слегка за уши потрепал, и вычернились у зайца кончики ушей.

— Ну вот теперь ты, горностаи, всегда узнаешь зайца по ушам.

Горностаи, радуясь, что дело так счастливо обошлось, кинулся бежать, да медведь его за хвост поймал. Вот и почернел у горностаю кончик хвоста!

— Теперь ты, заяц, всегда узнаешь горностая по хвосту.

Говорят, с той поры и до наших дней заяц с горностаем не сталкиваются.

ПОЧЕМУ У ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ НОГИ ОТСОХЛИ

Теперь летучая мышь только ночами летает. А было время — она летала и днем.

Вот летит она, и вдруг навстречу серый ястреб.

— Однако,— говорит,— почтенная, я тебя три года разыскиваю.

— Да чего же я вам понадобилась?

— Все птицы свою дань беркуту уплатили, ты одна все еще в долгу.

— Я?! Да вы поглядите, разве я птица?— Спустилась в траву, посмеялась, зубы показала и побежала. «В самом деле,— подумал ястреб,— это зверь».

Прибежала летучая мышь к холмам, где мелкий лес стоит, но вдруг из-под куста выскочила серебряная лиса:

— Как живешь, уважаемая? Я седьмой год тебя ищу.

— Для чего я вам понадобилась?

— Все звери свою подать медведю уплатили, только с одной тебя еще причитается.

— С меня?! Да вы посмотрите, разве я зверь?

Расправила крылья и улетела.

С того времени, боясь с лисой повстречаться, летучая мышь совсем бегать перестала: у нее от страха ноги отсохли. И летать днем она тоже не смеет,— ястреба опасается.

Так и живет теперь в сумерках, в страхе от зверей отеклась, к птицам не пристала.

ЖЕНА ПАВЛИНА

Однажды выбрали птицы павлина зайсаном.

Павлин широко раскрыл свой сияющий хвост, высоко поднял голову в зеленой шапке с золотыми кистями.

— Зайсан, настоящий зайсан!— закричали птицы.

— Женить, женить, женить надо. Женить его надо, женить!— застрекотала сорока.

Вот привели к зайсану серенькую куропаточку:

— Она своих детей славно растит, и твоим детям будет доброй матерью.

— Нет, не хочу ее. Куропатка плохо летает.

— Ну синицу возьми. Она первая в лесу запекает весеннюю песенку.

— Не хочу. Она ростом мала.

Кедровка не понравилась — она рябая. Иволга не подошла — голос у нее печальный, трясогузка — хвостом трясет.

Только сорока пришлась павлину по душе: на ней шуба с белой оторочкой — на нее не налюбуйешься. Она трещит-болтает целый день — с ней не соскучишься.

После свадьбы павлин выщипал из своей груди зеленые перья и положил их сороке на спину и на хвост.

— Это тебе, любимая жена, от меня подарок.

Обрадовалась сорока:

— Эй, птицы-цы-цы-цы! Полюбуйтесь, какая у зайсана жена красавица-ца-ца!

Летит, новыми перьями хвалится, сидит — зеленые перья клювом перебирает.

Костер разжечь ей недосуг, пищу сварить ей некогда. Утром чуть свет выскочит из гнезда и пропадает до ночи.

— Куда летишь, милая жена? — спрашивает павлин.

— Лечу, куда хочу-чу-чу!

К ночи возвращается, а павлин опять:

— Где ты была, родная сорока?

— Куда душа желала, туда я и летала.

Рассердился павлин. Еще затемно, пока сорока спала, он слетел с ветки, спрятался за кустом акации.

Утром, едва край неба побелел, сорока выскочила из гнезда, распахнула черную шубу со светлой оторочкой и полетела, сверкая зелеными перьями.

Павлин, таясь от нее, пустился следом. Так прилетел он к жилью человека и увидал, что его нарядная жена опустилась на мусорную кучу и стала клевать отбросы.

— Стыдись! — крикнул павлин. — Пристало ли жене зайсана клевать отбросы? Сейчас же лети домой! Но сорока даже не обернулась: клюет и клюет.

Подлетел к ней павлин, стукнул клювом по голове:

— Больше ты не жена мне!

С тех пор сорока, роясь в отбросах, головой вертит и детей своих поучает:

— Один раз клюнь, а пять раз оглянись — не то павлин прилетит, по голове стукнет.

Крепко помнят эту науку сорочьи дети. Клюнут раз и обернутся, клюнут и вокруг поглядят — павлина они опасаются. Однако с перьями зелеными, что павлин подарил, не расстаются.

— Это нам от павлина на память осталось. Мы, сороки, как-никак, а все же самому павлину родня. Мы не простого, мы княжеского рода!

САРТАКПАЙ

На Алтае, в устье реки Ини, жил богатырь Сартакпай. Коса у него до самой земли. Брови — точно густой кустарник. Мускулы узловаты, как нарост на березе, — хоть чашки из них режь.

Еще ни одна птица не пролетала мимо головы Сартакпая: он стрелял без промаха.

Копытных зверей, бегущих вдали, всегда метко бил Сартакпай. В когтистых зверей он целился ловко.

Не пустовали его арчемаки¹. К седлу всегда была приторочена жирная дичь. Сын Адучи-Мерген, еще издали услышав топот иноходца, выбегал навстречу отцу, чтобы расседлать коня. Сноха Оймок готовила старику восемнадцать блюд из дичи, десять напитков из молока.

Но не был счастлив, не был весел прославленный богатырь Сартакпай. Он день и ночь слышал плач зажатых камнями алтайских рек. Бросаясь с камня на камень, они рвались в клочья. Дробились в ручьи, натываясь на горы. Надоело Сартакпаю видеть слезы алтайских рек, надоело слушать их немолчный стон. И задумал он дать дорогу алтайским водам в Ледовитый океан. Сартакпай позвал своего сына:

— Ты, дитя, иди на юг, а я на восток пойду.

Адучи-сын пошел к горе Белухе, поднялся туда, где лежит вечный снег, стал искать пути для реки Катунь.

Сам богатырь Сартакпай отправился на восток, к темному озеру Юлу-Коля. Указательным пальцем правой руки Сартакпай тронул берег Юлу-Коля — и следом за его пальцем протекла река Чулышман. В эту реку с веселой песней устремились все попутные

¹ Арчемаки — кожаные мешки, перекинутые через седло.

ручейки и речки, все звонкие ключи и подземные воды.

Но сквозь радостный звон Сартакпай услышал плач в горах Кош-Агача. Он вытянул левую руку и указательным пальцем провел по горам борозду для реки Башкаус. И когда засмеялись воды, убегая с Кош-Агача, засмеялся вместе с ними старик Сартакпай.

— Оказывается, левой рукой я тоже работать умею. Однако не годится такое дело левой рукой творить.

И Сартакпай повернул руку Башкаус к холмам Кокбаша и тут влил ее в Чулышман и повел все воды одной правой рукой вниз, к склонам Артыбаша. Тут Сартакпай остановился.

— А где же сын мой, Адучи? Почему не идет мне навстречу? Слетай к нему, черный дятел, посмотри, как работает Адучи-Мерген.

Черный дятел полетел к горе Белухе, от Белухи река Катунь бежала на запад. Дятел устремился следом за рекой. Недалеко от Усть-Коксы догнал он силача Адучи. Тот вел Катунь все дальше к западу.

— Что ты делаешь, Адучи-Мерген?— крикнул дятел.— Отец твой уж полдня ждет тебя в Артыбаше.

Сын сейчас же повернул Катунь на северо-восток. Дятел поспешил к Сартакпаю.

— Прославленный богатырь, ваш сын ошибся: реку к западу начал вести, теперь повернул ее на восток. Через три дня он будет здесь.

— Славный дятел,— сказал Сартакпай,— ты мою просьбу уважил. За это я научу тебя, как всегда сытым быть. Ты не ищи червей в земле, не лазай за мошками по веткам деревьев, а уцепись когтями за ствол, стукни клювом по коре и крикни: «Киук-Киук! Караты-хана сын свадьбу справляет, киук! Наденьте желтую шелковую шубу, черную бобровую шапку. Скорей, скорей! Караты-хана сын вас на свадьбу зовет!» И все черви, букашки, мошки тотчас выбегут из-под коры на свет.

Вот с тех пор и доныне дятел кормится так, как научил его старик Сартакпай.

Дожидаясь своего сына, Сартакпай три дня держал указательный палец в долине Артыбаша. За это время к нему под палец натекло Телецкое озеро. Отец повел из Телецкого озера реку Бию, а сын Адучи быстро бежал, ведя за собой Катунь. Ни на шаг не отстал он от своего могучего отца. Вместе в один миг слились обе

реки, Бия и Катунь, в широкую Обь. И эта река понесла воды Алтая в далекий Ледовитый океан.

Адучи-Мерген стоял гордый и счастливый.

— Сынок, — сказал Сартакпай, — ты быстро привел Катунь, но я хочу посмотреть, хорошо ли, удобно ли для людей ты вел ее.

И старик пошел от Оби вверх по Катунь. Адучи-Мерген шагала сзади, и колени его гнулись от страха. Вот отец перешагнул через реку Чемал и подошел к горе Согонду-Туу. Лицо его потемнело. Брови совсем закрыли глаза.

— Ой, стыд, позор, Адучи-Мерген, сынок! Зачем ты заставил Катунь сделать здесь поворот? Люди тебе за это спасибо не скажут. Плохо сделал, сынок!

— Отец, — отвечает Адучи, — я не мог расколоть Согонду-Туу. Даже борозду провести по ее хребтам не хватило сил.

Тут старик Сартакпай снял с плеча свой железный лук, натянул тетиву и пустил литую из меди трехгранную стрелу.

Согонду-Туу надвое расколосась. Один кусок упал пониже реки Чемала, на нем тут же вырос сосновый бор Бешпек. Другая половина Согонду-Туу до сих пор стоит над Катунью. И до сих пор хвалят люди старика Сартакпая за то, что провел он дорогу, прямую, как след стрелы.

Дальше идут отец и сын вверх по Катунь. Видит Сартакпай: река рушит и рвет берега. Свирепо и быстро бегут ее воды.

— Как же будут люди ездить с одного берега на другой, сынок?

У самого устья Чобы богатырь Сартакпай сел на камень и крепко задумался.

— Здесь, сын мой, — сказал он, — как раз середина реки. Надо будет выстроить тут большой мост.

Ничего не ответил молодой Адучи-Мерген. Он очень устал и, стоя, качался из стороны в сторону, как высокая трава.

— Пойди отдохни, милый, — позволил Сартакпай. — Только не смей спать, и жена твоя Оймок из уважения к моей работе пусть не смыкает век.

— Неужели, отец, вы всю ночь не уснете?

— Когда творишь великое дело, сон не посмеет прийти, — ответил Сартакпай.

Он стал собирать груды камней в подол своей шу-

бы. Весь день без отдыха работал Сартакпай. И, когда стемнело, он тоже не захотел отдохнуть.

Катунь бежала как бешеная. Ветер гнул деревья. В небе дымились черные тучи. Они грозно плыли навстречу друг другу. И маленькая туча, налетев на большую, высекла яркую молнию.

Сартакпай поднял руку, поймал молнию и вставил ее в расщепленный ствол пихты. При свете пойманной молнии Сартакпай стал строить мост. Он вонзил один камень в другой, и камни покорно лепились один к другому. До того берега осталось проложить не больше пятнадцати кулашей¹. И тут мост рухнул.

Сартакпай рывкнул, как медведь, выбросил камни из подола шубы, и они, гремя, просыпались от устья Чобы до устья Эдигана.

От страшного грохота проснулся сын Адучи, открыла глаза сноха Оймок. Испугавшись гнева Сартакпая, они обернулись серыми гусями и улетели вверх по реке Чуе. Сартакпай бросил им вслед стопудовый камень. Этот камень упал на Курайскую степь и до сих пор лежит там.

Сын Адучи и сноха Оймок остались гусями навечно.

Одиноким и печальным, сел Сартакпай на своего коня и вернулся к устью Ини. Его родной аил давно рассыпался. Сартакпай расседлал коня, бросил на большой камень стопудовый токум² и, чтобы он скорей высох, повернул камень к солнцу, а сам сел рядом и умер.

Тут кончается сказка про Сартакпая-строителя, про Сартакпая — хозяина молний, про Сартакпая-богатыря.

¹ Кулаш — мера длины: 2,5 метра.

² Токум — потник, войлок, который кладут на спину лошади под седло.

КАЛМЫЦКИЕ
СКАЗКИ

ДОБРЫЙ ОВШЕ

Бьют-кипят ключи, кричат олени-маралухи¹, цветы распускаются. Зелень лугов разливается, кукуют тонкоголосые кукушки, колышет ветер деревья сандаловые, что ветвей своих поднять не в силах. Кричат ястребы и беркуты, кустарники меж собой переплетаются, зеленая мурава стоит грядой.

Тянется синий дымок, голубь воркует, дерево-лиственница красою становится. Природа и люди рады.

В славный час родился на земле добрый батар² Овше. Отцом его был Енкэ-Мэнкэ (Спокойствие-Вечность), а матерью Ердени-Джиргал (Драгоценность-Радость).

Погладили спину ребенка — и не нашли позвонка, который мог бы согнуться, меж ребер пощупали — не нашли такого места — промежутка, в которое злой человек нож всадить бы мог. Зубы, как раковины, бело-розовые были, глаза прекрасные — за сто верст муравья видели.

Так родился славный батар, так родился лучший из мужей Овше.

Воздвигли Овше на прекрасной белой равнине Тюлькюр (Ключ) красную ставку³ чудесную. Из чистого золота терме⁴ сделали.

На семидесяти пяти подпорках ставка стояла. Набросили на них двадцать четыре стенных покрывала, завязали двадцатью четырьмя поясами. Переднее покрывало крыши было набито шкурами оленей, а сверху обшито белым шелком. Широкое покрывало сделали из прекрасного радужного шелка, а все завязки — из цветистых красных нитей.

¹ М а р а л у х а — самка оленя.

² Б а т а р — богатырь.

³ С т а в к а — здесь: стоянка, стойбище, временное поселение.

⁴ Т е р м е — решетки, составляющие остов кибитки.

На дверцах ставки была изображена гордо парящая в воздухе Гаруда, на косяках — собаки Басар и Хасар, на верхнем косяке — попугай. На решетке и жердях крыши были вырезаны бодающиеся козлы, на подпорках — львы и тигры.

Быстро рос Овше. Давно такого батара славного народ не видел.

В одно время с Овше родился Аранзал — конь чудесный. На спине того коня не было позвонка гнувшегося, меж ребер промежутка для ножа тонкого злодею нельзя найти было. По земле и воздуху Аранзал, как снежная буря, мчался, нес своего любимого хозяина Овше.

Скоро пришло Овше время своему народу помочь, батарскую силу и смелость, ум и бесстрашие показать.

Нападали на бедных людей жестокие и страшные мангадхаи¹. Был у мангадхаев предводитель. В бою никто ему страшен не был. Силу имел несравненную. Против силы такой и батар Овше слабым мальчиком казался.

Угоняли мангадхаи скот у бедных людей, селения их разоряли, сопротивляющихся убивали, детей в плен брали, рабами своими делали.

Пришел народ к Овше защиты просить, помочь мангадхаев разбить, злого предводителя их уничтожить.

Долго не думал Овше. В дорогу собрался мигом. Вскочил на Аранзала, попрощался с народом.

Напутствовали Овше люди кочевьев разных:

На пути своем
Счастлив будь!
В деяньях своих
Удачлив будь!

Уехал Овше. День едет, сто дней едет. Нет следа мангадхаева.

Решил отдохнуть Овше. Сам устал, и конь утомился. Лег Овше под деревом, а коня подле себя пастись пустил.

Проснулся утром Овше — нет коня.

Сразу догадался Овше, кто увел такого коня сильного.

¹ Мангадхаи — сказочные многоголовые чудовища, беспощадные и мстительные.

Оделся Овше пастухом, пошел по следам коней. Крупные следы — коня предводителя мангадхаев, поменьше — следы Аранзала.

Немного погодя догнал Овше мангадхая. Знал Овше, что мангадхай сильнее его, — решил осторожным быть, хитростью действовать.

— Я пастух, — говорит Овше, — сирота бедный. Взял ты коня хозяина моего. Если вернусь я домой один, без коня, убьет меня хозяин. Отдай коня.

Отвечает громовым голосом мангадхай:

— Ну, если убьет, так садись на своего коня и ездай, да только не к хозяину своему, а ко мне. У меня жить станешь, работать на меня будешь!

И от слов тех гудит-жужжит,
Старая земля дрожит.

Уцепился мангадхай за узду Аранзала, стегнул свою лошадь, тронулся в путь. Делать нечего. Поехал Овше с мангадхаем вместе.

Когда приехали, мангадхай первым делом за еду принялся. В один присест тысячу шага-чимгинов (бараньих ляжек) съел, два колодца айрака (простокваши) выпил, три колодца арзы осушил, четыре колодца хорзы вылакал, пять колодцев хорона¹ высосал.

Насытился мангадхай и пришел в хорошее настроение.

— Ну, — говорит мангадхай Овше, — расскажи, как твоего народа богатыри живут, что замечательного сморчки эти делать могут.

Отвечает Овше:

— Наши богатыри одним духом целый казан (котел) расплавленного чугуна выпивают и глазом не моргнут!

Усмехнулся мангадхай. Велел принести десять казанов расплавленного чугуна. Один за другим выпил их, невредим остался, только посмеивается.

Видит Овше — не прошла его хитрость.

— Еще что твои богатыри несчастные делать могут? — спрашивает мангадхай.

— Умеют наши богатыри еще зимой в воде стоять по грудь, пока вода не замерзнет. А как лед реку покроет, они лед, как соломинку, ломают, из воды невредимыми выходят.

¹ Х о р о ъ и — несколько раз перегнанная водка; яд.

— Идем за мной,— говорит мангадхай. Сели они на коней и поскакали в страну, где зима была лютая.

Залез мангадхай в воду по грудь, дождался, пока река льдом покрылась, двинул рукой — лед на мелкие кусочки рассыпался. Стал вылезать мангадхай из воды.

— Стой!— кричит ему Овше.— Это еще не штука. Я ведь ошибся, когда сказал, что вода по грудь должна быть. Стать надо в таком месте, чтобы вода до самого рта доходила, а кончики пальцев на ногах чуть-чуть только дна речного касались.

Залез мангадхай в глубокое место. Вода до рта доходит, льдом покрылась.

— Теперь вылезай!— кричит Овше.

Сколько ни пытался мангадхай, а вылезти не в силах. От злобы пыхтит, жила на лбу, что канат, надулась, а лед проломить не может.

Обрадовался Овше. Выхватил свой острый меч алмазный и бросился к мангадхаю. Да не тут-то было! Дунул на Овше мангадхай. От дыхания того Овше на сто верст отлетел, в воздухе тысячу раз перевернулся, еле жив остался.

Тогда перешел Овше реку с другой стороны, подошел сзади к примерзшей голове мангадхая, говорит ему:

— Ну что, злой батар! Вот и тебе конец пришел. Не будешь больше народ мучить. Теперь видишь, на что и наши богатыри способны.

Вздыхнул мангадхай и говорит:

— Об одном жалею, что дунул я на тебя. Мне бы вдохнуть в себя воздух следовало,— так ты у меня давно в животе бы сидел.

Овше мечом острым и разрубил ему голову. На голове той еще несколько меньших голов торчало. Отрубил их Овше, прикрепил к седлу Аранзала и помчался домой.

Когда узнали мангадхай о смерти своего предводителя, сами разбежались. Жена мангадхая за Овше в погоню пустилась. Колеса ее повозки были так велики, что, когда вдавливались в землю, появлялись глубокие ущелья. Быки взрывали рогами землю с такой силой, что от этого горы вырастали. Да не догнать было Овше на его Аранзале быстро.

И расстояние в три года
Он в трое суток проскакал.

Подобно ветру пролетая,
К себе домой он добежал.

Так победил добрый батар Овше злого мангадхая-предводителя.

ХРАБРЫЙ МАЗАН

Давно это было. Ни меня, рассказчика, ни вас, читатели, ни отцов наших на свете тогда не было.

Жил в одном хотоне¹ бедный калмык. Был он хилый, болезненный, пожил недолго и умер. Остались после него жена и крошка мальчик.

Умер калмык, и ушла его жена с ребенком к доброму старику — дяде мужа. Когда пришла, взял подслеповатый старик на руки новорожденного мальчугана, погладил его, пощупал, смотрел на него долго, внимательно.

— Как звать мальчика? — спрашивает.

— Мазан.

— Смотри, сноха, — говорит старик, — родился у тебя не простой мальчик. Вырастет — замечательным человеком будет. Береги его, осторожна будь.

Стал расти Мазан.

Часто вспоминала мать слова старика про ее сына. Не сбывались те слова. Рос Мазан мальчиком некрасивым, неловким. Голова у него, как котел, была большая. Живот на шар походил, а ноги, что палочки тонкие. Одно утешение: был Мазан мальчиком добрым, ласковым.

Все считали Мазана неудачником, жалели мать, что такого плохого сына единственного имеет.

По ночам не раз плакала мать Мазана: гладит спящего мальчика-неудачника, втихомолку горькие слезы льет.

Один только старик на своем стоит. Дряхлым он стал, ослеп совсем. А как приласкает Мазана, по волосам рукой высохшей погладит мальчика, так и твердит:

— Не мог я ошибиться. Не таким будет твой мальчик. Не пришло еще время его. Сына крепче жизни люби, расти его, береги.

Так и шел год за годом. Подрос Мазан, юношей стал.

¹ Хо т о н — селение в несколько кибиток, кочевавших вместе.

Однажды пошел Мазан вместе с табунщиками лошадей у колодцев поить.

Пришли к колодцам и видят — расположился около них на отдых караван. Из далеких мест караван пришел. Куда ни взглянешь — верблюды, лошади, палатки, повозки.

Посмотрел Мазан — на одной повозке луки со стрелами лежат. Заблестели глаза у мальчика, подошел он к повозке, рассматривает луки, пальцем трогает, а взять не смеет.

Заметил это один из путешественников. Видит — мальчик на вид слабенький, неуклюжий, и решил он посмеяться над ним.

— Что ж, — говорит, — смотришь на луки, а взять не смеешь? Выбери себе лук, постреляй.

— Можно? — спросил Мазан.

— Конечно, можно. Позволяю тебе из любого лука стрелу пустить.

Собрались у повозки люди смотреть, как это Мазан из лука стрелять будет. А Мазан самый большой лук выбрал. Не то что юноша — взрослый человек, си-
лач, и тот не мог такую тетиву натянуть.

Взял Мазан лук, стрелу вложил, мигом тетиву натянул, так что концы лука сошлись, пустил стрелу длинную.

Ахнули все кругом. Вышли сильнейшие люди, пробуют тот лук, да не в силах и на вершок тетиву оттянуть.

Попросил Мазан продать ему лук, из которого стрелял он. Запросил путешественник за лук этот косяк лошадей.

— Берешь? — спрашивает путешественник.

— Беру, — говорит Мазан и велит табунщикам отдать косяк лошадей.

Побежали табунщики к дяде отца Мазана, старику дряхлому, жалуются на юношу, рассказывают, как тот из лука стрелял и как за лук требуют теперь путешественники последний косяк лошадей отдать.

Улыбнулся старик, обрадовался.

— Не прекословьте, — говорит. — Отдайте моих лошадей путешественнику, пусть Мазан себе лук крепкий купит. Не ошибся я, значит. Долго я ждал, что Мазан сильней других станет, свой народ защищать будет. Вот и дождался.

Скоро по всем хотонам о Мазане молва пошла. С утра до ночи стрелял Мазан. Стрелы его на сотни

верст летели, и ни одна мимо цели не пролетела. Ни один стрелок не мог с Мазаном равняться. Не страшила его никакая опасность. Умен он стал, ловок, смел. Никто не узнал бы теперь в статном и сильном молодце Мазане хилого и нескладного мальчу-гана.

Крепко любил Мазан народ свой. Справедливым был. Защищал бедных, честных людей в обиду никому не давал. Любил и народ Мазана, видел в нем батара нового.

Одним утром проснулся Мазан от шума сильного. Слышит — мужчины кричат, женщины и дети плачут. Вскочил Мазан, оделся быстро, из кибитки вышел. Посмотрел и видит — приближается батар Байхтан-Эретын. Где батар тот непобедимый появится, там и скот весь угонит. Сильней Байхтан-Эретына на свете никого не было.

Перед Байхтан-Эретыном и Мазан устоять не мог, силой Байхтан-Эретына никто взять не мог. Знал Мазан, что не силой, а умом и храбростью ему действовать надо, встал спокойно и ждет.

Подъехал Байхтан-Эретын, разогнал людей, мимо Мазана проехал, посмеялся над ним. Весь скот, до последней козы и лошади, угнал с собой Байхтан-Эретын.

Просили Мазана люди помочь им, плакали, умоляли его. Стоит Мазан молча, с места не двигается.

Уехал Байхтан-Эретын.

Зашел тогда Мазан в кибитку, взял лук и стрелы к нему. Среди стрел была у него любимая стрела аминсомун (душа-стрела). Острие стрелы этой было смазано ядом. Когда летела стрела, пела песню чудесную.

Отправился Мазан по следам Байхтан-Эретына.

Знал Мазан, что неуязвимого батара того нельзя ни мечом, ни стрелой убить. Было у Байхтан-Эретына лишь одно место уязвимое. Чтоб убить его — надо было ему горло пронзить. Только никому сделать этого не удавалось. Носил Байхтан-Эретын стальной воротник высокий да еще голову всегда вниз опускал.

Долго блуждал молодой богатырь, пока не нашел Байхтан-Эретына.

Встретились богатыри.

Как увидел Байхтан-Эретын Мазана, вынул меч острый, стегнул коня черного, поскакал к Мазану. Быстрее ветра несется конь черный, блестит на солнце

шлем и кольчуга Байхтан-Эретына. Вот-вот снесет он голову Мазану.

Не дрогнул Мазан, с места не тронулся. Спокойно взял стрелу любимую, лук над головой поднял, тетиву натянул, будто вверх стрелу пустить хочет. Сам же с Байхтан-Эретына глаз не спускает.

Удивился Байхтан-Эретын. Никогда еще не видел он, чтобы богатыри себя так держали. «Что за диковина,— думает,— ведь я же его убить приготовился, а он в небо стрелу пускать собирается. Ну и глуп же богатырь калмыцкий! Интересно, куда это он целиться вздумал?»

Не сдержал Байхтан-Эретын любопытства. Поднял вверх голову, а Мазан тотчас в шею ему стрелу пустил.

Быстро и метко стрелял Мазан. Не успел Байхтан-Эретын голову склонить, как стрела ударила поверх воротника, где железные пуговицы расстегнулись.

Широка и остра была стрела. Покатилась с плеч голова Байхтан-Эретына.

Силен и могуч был Байхтан-Эретын. И без головы продолжал он скакать на лошади. Когда поравнялся с Мазаном, на полном скаку рубанул мечом, чуть не рассек пополам Мазана.

Въехал Байхтан-Эретын на холм невысокий, слез с лошади, стреножил ее, седло снял, постелил бурку свою, воткнул в землю меч глубоко, не выпуская рукояти лег на бурку, ноги вытянул, недвижим стал.

Когда подошел Мазан, Байхтан-Эретын уже мертв был.

Забрал Мазан скот, возвратил его народу.

Вот каков был храбрый богатырь Мазан.

Только не пришлось ему долго жить.

Было у Байхтан-Эретына двое сыновей. Когда узнали они о смерти отца, поклялись отомстить Мазану.

Однажды напали они вдвоем на Мазана, когда тот по степи ехал. Подкравшись сзади, искололи его кинжалами острыми, бросили мертвого в колодец глубокий.

Когда ехали мимо хотона, где Мазан жил, стали хвалиться, как Мазана убили.

Посмеялись над ними.

— Зря,— говорят им,— время тратили, кинжалы тупили. У богатыря Мазана ночью, когда на небе звезды появляются, все раны стягиваются и заживают сами. Поэтому и зовется он: «Мазан, сын Очира, оживающий, когда звезды появляются на небе полностью».

Скоро выползет он из колодца. Сначала очень слаб будет, как верблюжонок новорожденный. Через час снова богатырской силой наполнится. Тогда несдобровать вам в честном бою. Лучше поскорей убирайтесь подальше.

Отъехали братья, посовещались, обратно свой путь направили.

Ночь настала. На небе яркие звезды светят. Подъехали братья к колодцу и видят — ожил Мазан, из колодца лезет, не окреп еще.

Бросились братья к Мазану, схватили его, снова убили, на части разрезали, разбросали тело его по разным местам.

Так погиб храбрый батар Мазан.

ЛОТОС

Да, идут годы, текут седые века, и никто никогда не удержит их могучего бега. Будто недавно мои сморщенные руки были сильными и молодыми. Была молодой и та, лежащая в храме Тюменя¹.

Молодой и прекрасной, как ранняя весна, была Эрле, дочь Сангаджи. И у многих сердца бились, видя ее, и не забывались ее глаза, темные, как ночь.

Эрле была красива, как первый проблеск весенней зари. В высокой траве у задумчивых ильменей проводила она знойные дни, веселая, здоровая, гибкая. Подражала крику птиц, перепрыгивала с кочки на кочку, жила жизнью степных болот и знала самые сокровенные их тайны.

Эрле росла. А Сангаджи кочевал то близ широкой Волги, то по тихой Ахтубе. Летело время, множились табуны. Немало приезжало и купцов из Персии и из Индии, много добра накупил у них богатый Сангаджи для своей дочери.

Часто длинные караваны сытых верблюдов отдыхали у его кибитки, и руки рабов то и дело передавали в руки Сангаджи переливающиеся на солнце дорогие цветные шелка.

Знатные сваты в богатых, ярких одеждах слезали с коней за пятнадцать шагов, бросались на землю и ползли к Сангаджи.

Лунная летняя ночь дышала испарениями влажной, покрытой тысячью цветов земли, в тишине взды-

¹ Храм, названный именем нойона Тюменя.

хали верблюды, кашляли овцы, пели комары, трещали сверчки, стонали луны, спросонья вскрикивала какая-то птица. Жила и радовалась волшебница-степь, навевала красавице Эрле дивные девичьи сны. Улыбаясь, раскинув смуглые руки, лежала она на дорогах бухарских коврах. А ее мать, старая Булгун, сидела у ее изголовья, с глазами, полными слез, в глубоком горе.

«И зачем это так раскричался ночной кулик,— думала она,— зачем так печально шумят над ериком ветлы и о чем вполголоса говорит Сангаджи в соседней кибитке с богатым сватом?.. Милая моя Эрле! Когда я носила тебя под своим сердцем, я была счастливей, чем сейчас, ведь никто не мог тебя отнять у меня».

А в то время Сангаджи говорил знатному свату:

— Ничего мне не надо за мою Эрле потому, что она дороже всего на свете. Разреши мне поговорить с женихом, я хочу узнать, сколь он разумен, и пусть Эрле сама скажет ему свои условия.

Обрадовался сват, вскочил в седло, поскакал к нойону Тюменю и рассказал о том, что, видно, положат скоро Эрле поперек седла и привезут к молодому Бембе.

Старая Булгун плакала у изголовья дочери. Поджав ноги, сидел Сангаджи и печально глядел на Эрле.

— И зачем она так быстро выросла,— шептал Сангаджи,— и почему какой-то сын нойона Тюменя должен отнять у нас Эрле, веселую, как весенний ручеек, как первый луч солнца?

Шли дни, бродили табуны по сочной траве Ахтубинской долины. Накапливался жир в верблюжьих горбах и в овечьих курдюках. Печальны были мать и отец, только Эрле по-прежнему веселилась в цветущей степи. Вечерами дочь обвивала руками седую голову матери и шептала ласково о том, что не скоро уйдет от нее, что еще рано ей покидать стариков и что не страшит ее гнев свирепого нойона Тюменя.

У слияния двух рек догнали сваты нойона Тюменя и сына его Бембе.

Бембе не решился беспокоить Эрле, приказал раскинуть палатки на другом берегу сухого ерика и заночевать.

Не спал Бембе, не спал и Сангаджи. Красны были от слез глаза Булгун.

Богатые цветные наряды сватов играли радугой на утреннем солнце. Впереди всех ехал Бембе, сын бес-

пощадного, свирепого нойона Тюменя, чье имя приводило в трепет всю степь.

— Пусть сама Эрле скажет тебе условия,— промолвил Сангаджи, когда Бембе заявил о том, что Эрле нужна ему, как сурепка верблюду, как ильмень утке, как земле солнцу.

Громче заговорила степь и запели в реке волны, выше подняли голову камыши и приветливо смотрели верблюды, когда вышла к гостям красавица Эрле.

От великих гор до долины реки Или и глубокого озера Балхаш ездил Бембе, видел он тысячи прекрасных женщин, но такой, как Эрле, нигде не видал.

— Все, что хочешь, проси,— сказал он ей,— только согласись.

Улыбнулась Эрле и сказала:

— Бембе, сын знатного нойона, я рада видеть тебя и вечно останусь с тобой, если ты найдешь мне цветок, прекраснее которого нет не только в нашей степи, но и во всем мире. Я буду его ждать до следующей весны. Ты найдешь меня на этом же месте, и, если принесешь цветок, я стану твоей женой. Прощай.

Собрал нойон Тюмень нойонов и родовых старейшин и сказал им:

— Объявите всему народу, чтобы тот, кто знает о таком цветке, пришел без страха и сказал об этом за большую награду.

Быстрее ветра облетел степь приказ Тюменя.

Однажды ночью к кибитке нойона подъехал запыленный всадник. А когда впустили его в кибитку, он сказал нойону:

— Я знаю, где растет желанный твоей красавице Эрле цветок.

И он рассказал о своей чудесной стране, которая называется Индией и раскинулась далеко за высокими горами. Там есть цветок, люди зовут его священным лотосом и поклоняются ему, как богу. Если нойон даст несколько человек, он привезет лотос, и прекрасная Эрле станет женой Бембе.

На другой день шесть всадников пустились в путь.

Скучно рассказывать о том, как жил Сангаджи холодной зимой. Северо-восточные ветры загнали скот в крепь¹, а сам он целыми днями лежал и слушал, как за землянкой пели невеселые песни степные бури. Даже веселая Эрле тосковала о солнце и ждала весны.

¹ К р е п и — здесь: специально сделанные загоны.

Она мало думала о том, что когда-нибудь возвратится страшный Бембе. А тем временем шесть всадников держали путь на восток и уже достигли долины реки Или. Они спали и ели в седле. Бембе торопил их, и задерживались они только для того, чтобы добыть охотой еду.

Много лишений пришлось перенести им, пока они не достигли таинственной Индии. Дикие степи, высоченные горы и бурные реки встречались им на пути, но всадники упорно ехали вперед.

Наконец они прибыли в Индию и увидели чудный цветок — лотос. Но никто не решался его сорвать, все боялись навлечь на себя гнев богов. Тогда на помощь им пришел старый жрец. Он сорвал лотос и отдал Бембе, сказав:

— Помни, человек, ты получил прекрасный цветок, но потеряешь нечто еще более прекрасное.

Не слушал его Бембе, схватил лотос и велел немедленно седлать коней, чтобы пуститься в обратный путь.

Все реже и реже дул свирепый ветер, а солнце все дольше оставалось в небе. Близилась весна, а ее так ждала бледная, исхудавшая Эрле.

Напрасно ходили в землянку ее отца знахари, напрасно поили ее разными травами, с каждым днем таяла Эрле, как снег под солнцем. Не могла больше плакать Булгун. Безумными глазами она смотрела на свою дочь, уходившую от нее навсегда.

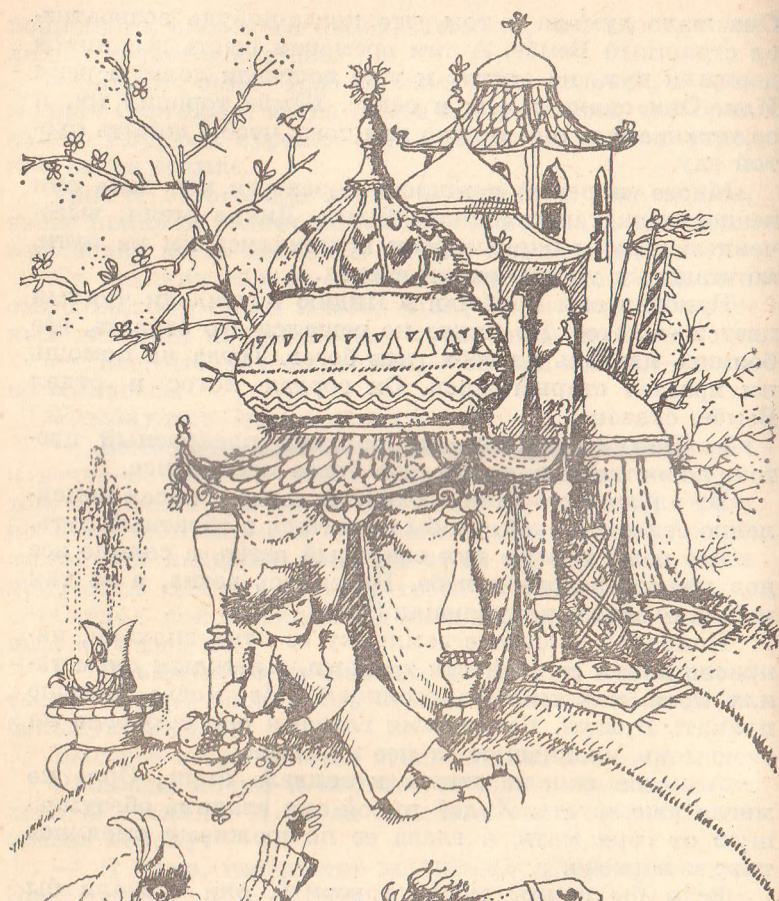
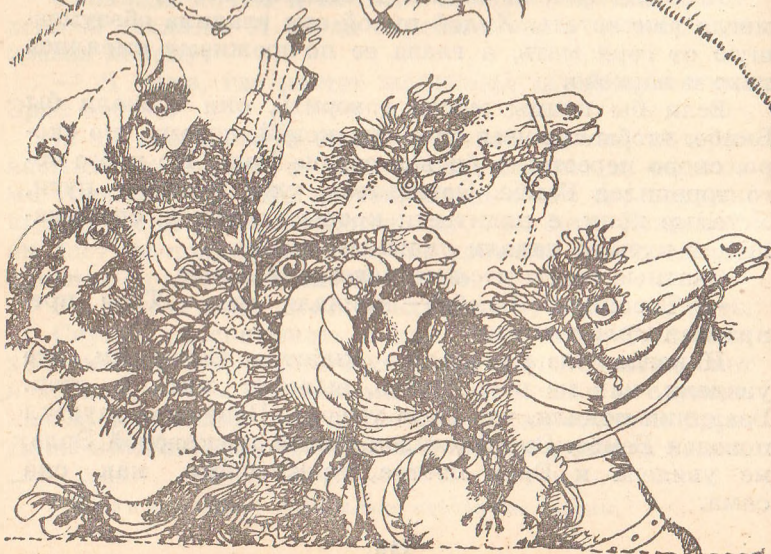
А когда запели птицы и зацвела степь, Эрле не могла уже встать. Худой рукой она гладила обезумевшую от горя мать, а глаза ее по-прежнему смеялись тихо и ласково.

Если бы птицы могли говорить, они сказали бы Бембе, чтобы торопил он своих коней, потому что скоро, скоро перестанет биться сердце Эрле. Но и без того торопился Бембе. Оставалось уже немного пути. Усталые кони, с налитыми кровью глазами, спотыкались и чуть не падали от изнеможения.

Знатные сваты неслись навстречу Бембе.

— Торопись, Бембе! — кричали они. — Твоя прекрасная Эрле умирает.

И когда уже показалась кибитка Сангаджи, все увидели, как из нее, пятясь, выходят мать и отец. Всадники поняли, что Эрле умерла. Печально опустил поводья Бембе. Он не увидел живой прекрасной Эрле, не увидела и Эрле цветка, прекрасного, как она сама.

Схоронили ее на берегу Волги, а в память Эрле выстроил Бембе храм.

Темной ночью Бембе ушел в камышовые заросли устья и посадил там чудесный лотос.

И до сей поры растет там прекрасный этот цветок.

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

В далекие времена у одного земледельца был сын. Он продал свое поле, купил три сажени полотна и поехал по чужим краям торговать.

Повстречалась ему дорогой толпа ребятишек, которые привязали на шнурок мышь и бросали ее в воду, а потом вытаскивали. Стал он упрашивать детей, чтобы они пожалели мышь и отпустили ее. А дети дерзят в ответ:

— А тебе что за дело? Все равно не отпустим!

Тогда он отдал им одну сажень полотна, и они выпустили мышь.

Только отошел, встречает другую толпу ребятишек, эти поймали молодую обезьянку и колотят ее немилосердно, а сами приговаривают:

— Прыгай! Прыгай хорошенько!

Но обезьянка была уже не в силах больше двигаться и только гримасничала.

Он погладил обезьянку и хотел было ее отпустить, а дети не соглашаются. Отдал он им вторую сажень полотна, и они отпустили обезьянку.

Дальше попадается ему на пути толпа ребятишек с маленьким медвежонком. Погоняют они его и бьют, ездят на нем верхом. Тут пришлось ему расстаться с последней саженью полотна, чтобы уговорить ребятишек отпустить медвежонка в лес.

Нечем стало ему торговать и нечего есть, вот он и думает: «Чем мне теперь заняться?»

Думал, думал, а сам все идет по дороге и вдруг видит на камышовой луговине кусок шелка, шитого золотом,— видно, очень дорогой. «Вот тебе небо послало вместо полотна за твое доброе сердце»,— говорит он сам себе. Но вскоре все пошло по-иному.

Подошли к нему люди, увидели шелк и спрашивают:

— Откуда такой дорогой шелк? Эту ткань с другими вещами украли из сокровищницы хана. Ну, наконец-то мы разыскали вора! Куда ты девал все остальное?

Они привели его к хану, а хан ему и говорит:

— Я велю посадить тебя в большой ящик, запечатать деревянным запором, положить два хлеба и забросить тебя в воду.

Так и сделали. Но ящик приплыл к берегу и остановился. Воздух в ящике спертый, бедный юноша задыхается. Вдруг кто-то стал скрестись и кричать ему:

— Упрись-ка теперь немного в крышку.

Уперся он в крышку, та приоткрылась, он вдохнул свежего воздуха, а в щель увидел мышь, которую он освободил.

Мышь ему и говорит:

— Погоди, я пойду позову товарищей, а то мне не под силу.

Мышь вскоре вернулась с обезьяной и медвежонком. Обезьяна раздвинула щель так, что медведь мог просунуть свою лапу и разломать сундук. Юноша вышел на зеленую лужайку на острове посреди реки. Звери принесли ему плодов и разной пищи.

На другое утро увидел он, что на берегу что-то сверкает, и послал обезьяну посмотреть.

Обезьяна принесла ему блестящий камешек. Камешек этот был волшебный.

Захотелось юноше иметь дворец, и сейчас же вырос дворец среди большой площади, со всеми службами, пристройками, в богатом убранстве, а вокруг него расцвели деревья, и из мраморных фонтанов забила с журчанием чистая, как хрусталь, вода. Поселился он в этом дворце и оставил у себя зверей.

Немного спустя пришли в эту страну купцы. Остолбнели они от удивления и спрашивают:

— Откуда же взялся этот дворец? Прежде здесь было пустое место!

Они спросили об этом юношу, а тот показал им волшебный камень и рассказал все, что с ним случилось.

Тут один из них и говорит:

— Возьми у нас все, чем мы богаты, и отдай нам волшебный камень.

Юноша не пожалел и подарил им камень, но не взял у них ничего взамен.

— Я и так счастлив, — сказал он, — с меня довольно и того, что у меня есть.

Купцы не были так благодарны, как звери, потому что они были купцами и великодушные, как и многое другое, считали просто глупостью.

На другой день, поутру, просыпается юноша и видит, что он опять на лужайке и что все богатство его исчезло.

Сидит, пригорюнился. Подходят к нему его звери и спрашивают:

— Что с тобой приключилось?

Рассказал он им все.

Они и говорят:

— Жалко нам тебя. Скажи-ка нам, куда купец пошел с твоим камнем. Мы пойдем его разыщем.

Приходят они к купцу. Тут обезьяна и медведь говорят мыши:

— Ну-ка, мышь, пошныряй, не найдешь ли где камня.

Мышь начала рыскать по всем щелям и попала в богато убранную комнату, где спал купец, которому достался волшебный камень. А камень-то висит, подвешен к концу стрелы, а стрела воткнута в кучу риса, и около рисовой кучки привязаны две кошки. Мышь не осмелилась подойти и рассказала обо всем своим друзьям.

А медведь-то был с ленцой, да еще и простоват, услышал он это и говорит:

— Ну, значит, ничего не поделаешь, вернемся назад.

Тогда обезьяна перебила его и говорит:

— погоди, мы придумаем еще что-нибудь. Мышь! Ступай к купцу и отгрызи ему несколько волос, а на следующую ночь посмотри, кто будет привязан к изголовью около его подушки.

Поутру купец увидел, что волосы у него обгрызаны мышью, и он с вечера привязал кошек около своей подушки.

А мышь опять не смогла добраться до камня.

— Ну,— говорит медведь,— теперь уж и подавно ничего не поделаешь, вернемся назад.

Обезьяна и говорит:

— погоди, мы опять что-нибудь придумаем, ты нас не отговаривай. Мышь! Ступай и погрызи рис, чтобы стрела упала и потом принеси камешек в зубах.

Мышь дотатила камешек до норки, а камешек-то большой и не пролезает в нее. Пришла мышь опять со своим горем к друзьям.

— Ну,— говорит медведь,— теперь все, поворачиваем домой, нам с обезьяной и подавно не пролезть через мышиную норку.

Но обезьяна разрыла нору, и мышонок пролез в нее вместе с камешком.

Отправились они назад, дошли до реки, устали, мышь села к медведю на ухо, а обезьяна залезла к нему на спину, а камешек во рту держит. Стали через реку переправляться, а медведь давай хвастать, что и он тоже не без дела сидел:

— Хорошо, что я могу вас всех перенести на себе: обезьяну, мышь и волшебный камень. Значит, я всех вас сильнее.

А звери молчат в ответ. Медведь не на шутку рассердился и говорит:

— Не станете мне отвечать, так я вас брошу в воду.

— Не топи, сделай милость,— проговорила обезьяна, а камешек-то изо рта у нее бух в воду.

Перешли они реку, обезьяна и давай ворчать:

— Ты, медведь, дубина!

Мышь проснулась и спрашивает:

— Что с вами?

Обезьяна рассказала все, как было, и говорит:

— Нет ничего труднее, чем достать камень из воды. Теперь нам больше ничего не остается, как разойтись.

А мышь говорит:

— Ну-ка я попробую вытащить камешек. Отойдите-ка подальше.

Принялась мышь бегать взад и вперед по берегу, словно беспокоится о чем-то. Вдруг из воды выходят водяные жители и говорят:

— Мышь, что с тобой?

Мышь им и отвечает:

— Разве вы не слышали, что собирается большое войско и хочет выгнать из воды всех водяных жителей?..

— Беда нам,— испугались водяные жители,— по советуй, что нам теперь делать.

— Вам теперь,— отвечала мышь,— ничего больше не остается, как выкинуть из воды все камни и сделать из них на берегу плотину.

Не успела сказать, как посыпались со дна реки камни. И наконец большая лягушка тащит волшебный камешек да приговаривает:

— Эта штучка не легкая.

— Молодец, мышь,— сказала обезьяна, когда увидела камень.

Пришли они к юноше, а тот их ждет не дождется. Отдали они ему камешек, и захотелось ему иметь такой же, как и прежде, дворец.

С тех пор юноша никогда не расставался с волшебным камнем и оставил у себя жить трех своих верных друзей. Медведь только и делал, что ел да спал; обезьяна ела и плясала, а мышь тоже ела и шныряла по всем норкам и щелям, а юноша никогда не держал во дворце ни одной кошки.

НЕПРИСУЖДЕННАЯ НАГРАДА

Много лет тому назад жила вдова-старуха. Было у нее четверо детей: три сына и дочь. Сыновья хороши собой, дочь еще лучше. Красавицы такой за тысячу верст кругом не сыскать. Кто хоть раз девушку эту увидел — всю жизнь красоту ее помнил.

Крепко любили ее и мать и братья, дорожили ею больше жизни своей, берегли ее как зеницу ока.

Братья-охотники, сильные и смелые, зоркие и быстрые, никогда не возвращались домой без обильной добычи.

Собрались однажды братья-молодцы в дальнюю охоту. Решили мяса запас сделать, разного зверья набить, матери и сестре мех на зиму раздобыть. Поели айрик¹, взяли с собой баранью ляжку, попрощались с матерью и сестрой, пошли.

Остались мать с дочерью.

К вечеру вышла мать из кибитки. Пока старуха занималась хозяйством, влетел в орко² страшный мангус³ и унес красавицу.

Вошла мать, а кибитка пуста. Нет дочери. Искала-искала — не нашла. Догадалась мать, что случилось. Пала на землю, плачет. Долго тянулася ночь. Глаз не сомкнула старуха, слезами горькими изошла.

Утром вернулись братья с охоты, довольные, веселые. Встретила мать сыновей у входа в кибитку. Как сказать о несчастье? Старуха поздоровалась с ними, говорит:

— Сыновья мои любимые! Как и отец ваш, вы храбры, сильны и ловки, в доброте и в честности ему не уступите! Только и хороших людей несчастье по-

¹ А й р и к — простокваша.

² О р к о — дымовое отверстие в кибитке.

³ М а н г у с — сказочное чудовище, пожирающее людей.

стигнуть может. Хочется знать вашей матери, на что из вас каждый способен, если придется родному человеку помочь!

Сказал старший сын:

— На всем свете нет такой вещи, какую я отыскать бы не смог. Иголку в степи и ту увижу, головку булавоочную на дне моря сыщу, за каменной стеной в сундуке, на семью семь замков запертом, булавоочный кончик острый найду.

— А я одним выстрелом на любой высоте любую птицу убить могу, в дождевую каплю под облаком попаду, одной стрелой на ходу десять зайцев прикончу, — сказал матери средний сын.

Не отстал от братьев и младший сын.

— Я, — говорит, — своими руками все поймать, удержать могу. Камень с горы поймаю, скалу на лету схвачу. Если бы с неба огромная и тяжелая гора свалилась, и ту бы целой поймал — комочка земли не отпало бы.

Обняла мать сыновей по очереди и призналась им в несчастье.

— Нет больше дочери у меня, сестры — у вас. Горе нам, сыновья мои! Ищите скорее сестру вашу любимую, простите меня, старую, что недоглядела за дочерью своей единственной.

Попадали у братьев из рук наземь оружие и добыча охотничья. Нет сестры...

Первым сказал старший брат:

— Ну, нечего делать! Времени попусту терять не зачем. Прощаемся с матерью и пойдем по белу свету — сестру разыскивать. Пока не найдем, не бывать нам дома. Только бы найти нам мангуса, пока не съел он нашу сестру.

Ушли.

Дня не прошло, как разыскал старший брат облако, в котором спрятался мангус.

Нацелился средний брат, натянул тетиву, так что концы лука вместе сошлись, пустил ввысь стрелу поющую. Прямо в сердце мангуса вонзилась, насмерть поразила злое чудовище. Выпустил мангус девушку. Камнем белым сестра вниз рухнула. До земли три четверти шага осталось — подхватил сестру младший брат, невредимой наземь поставил.

Слух о том, как братья свою сестру из ужасной беды выручили, от самого мангуса спасли, по всей земле прошел.

Собрались старики келмерчи¹ из хотонов разных — решили присудить награду тому брату, кто ее больше всех заслужил.

— Среднего наградить — он дракона убил, — говорит один.

— Что же, что убил! Если бы старший брат дракона не нашел, так и стрелять среднему брату было бы не в кого, — твердят иные.

— Младший брат больше заслужил, — настаивают третьи, — если бы не он, разбилась бы девушка, не помогли бы ни старший, ни средний братья.

— Младшему-то и ловить не пришлось бы, если бы не старший и средний братья: девушку мангус давно бы уже сожрал, а он всю жизнь искал бы сестру, пока не умер, — возражают некоторые.

Так и спорят келмерчи до сегодняшнего дня — все никак решить не могут, кому из братьев награду дать следует.

А ты как думаешь? Сказки слушать всякий умеет. Ты вот помоги решить, кому же из братьев награду нужно дать.

Всем трем? Нельзя. Не по правилу. Келмерчи будут против. Одному из трех? Так кому же?

ГЕЛЮНГ²-ОБОРОТЕНЬ И ЕГО РАБОТНИК

Жила-была старуха. У нее было три сына: два строптивых, а младший — добрый, отзывчивый, умный. Перед смертью позвала старуха своих сыновей и сказала:

— Я скоро умру. Живите, дети, мирно. Да глядите: не связывайтесь с гелюнгом.

Померла старуха мать, им досталась в наследство дырявая кибитка да шелудивая коза. Кое-как перезимовали братья.

— Пойду поищу себе работу, — сказал старший брат и отправился в путь-дорогу.

Идет он в ту сторону, куда ветер дует. Шел, шел — в степи застала ночь. Прилег он на кургане, переночевал. Рано утром пошел дальше. Смотрит: сидят у дороги три старухи, сшивают треснувшую землю.

— Эх, вы! — молвил старший. — Да не исполнится ваше дело.

¹ Келмерчи — мудрецы, сказители.

² Гелюнг — буддийский священнослужитель у калмыков.

— Не исполнится и твое намерение, парень,— ответили они.

Старший брат пошел дальше. Шел, шел, и вдруг навстречу ему идет гелюнг.

— Куда идешь, парень?— спросил тот.

— Ищу себе место. Хочу наняться в работники.

— Иди ко мне.

— Что за работа у тебя?

— Лошадей пасти, на кухне стряпать.

— Ладно,— согласился парень и пошел с гелюнгом.

Пока новый работник осматривал хозяйское подворье, гелюнг зарезал овцу и приказал:

— Затопи, парень, печь, свари мясо.

Нарубил работник дров, затопил печь, поставил варить мясо. Дело в его руках спорилось. Хотел он посолить мясо — под руками соли не оказалось. Вынул работник его из котла и ждет своего хозяина. Пришел гелюнг.

— Ну как? Готово мясо?

— Готово.

— А ты солил его?

— Нет.

— Тогда я сейчас принесу соли,— сказал гелюнг. Вышел он из кухни и превратился в рыжую собаку. Работник стоит у окна и смотрит, как во дворе дети играют. Заметил он рыжую собаку, сожравшую мясо, когда та выбегала из кухни. А тут, как на грех, и гелюнг появился.

— Где мясо?— спросил он у работника.

— Собака съела.

— Иди голодный пасти табун.

Подтянул работник ремень потуже, чтобы есть не хотелось, и пасет лошадей. Наступила ночь. Гелюнг обернулся волком, забежал в табун и заел лучшего коня. Заметил работник серого, когда он в лес побежал. За волком гнаться было поздно. Наступило утро. Пришел работник к гелюнгу.

— Беда случилась,— сказал он.

— Что за беда?

— Ночью заел серый волк лучшего коня.

— Чем расплачиваться будешь?!— закричал гелюнг и убил работника.

Ждали, ждали братья старшего брата — не дождались.

— Пойду и я поищу себе работу,— сказал средний брат и отправился на поиски заработка.

Идет он по дороге. Смотрит: сидят у дороги три старухи, сшивают треснувшую землю.

— Эй, вы! Да не исполнится ваше дело,— сказал он.

— Пусть, парень, неладным будет и твое намерение,— ответили они.

Идет средний брат дальше. Встретил гелюнга.

— Куда ты идешь, парень?— спросил гелюнг.

— Ищу себе хозяина.

— Иди ко мне лошадей пасти.

— Ладно,— согласился средний брат.

Пришли. Гелюнг зарезал овцу и приказал сварить мясо. Сварил новый работник мясо и вынул его из котла. Загляделся в окно, а собака сожрала всю баранину.

— Иди в наказание голодным пасти лошадей,— сказал хозяин.

Ночью, как и прежде, он превратился в серого волка, проник в табун и заел лучшую кобылу. Пришел утром средний брат к гелюнгу и говорит:

— Беда случилась, лучшую кобылу волк заел.

— Чем расплачиваться будешь?!— закричал гелюнг и убил среднего брата.

Ждал, ждал своих братьев самый младший из них. Все сроки прошли, а их все нет. Собрался и он в путь-дорогу. Идет по степи, смотрит: у дороги сидят три старухи, сшивают треснувшую землю.

— Да исполнится ваше дело,— сказал он.

— Да будет ладно и твое намерение,— ответили три старушки и тут же сказали:— Когда, паренек, пойдешь отсюда, то встретишь гелюнга. Он возьмет тебя к себе в работники. Придет гелюнг домой, зарежет овцу и заставит тебя варить мясо. А когда ты сваришь, он скажет: «Вынь мясо, а я принесу соли». И уйдет. Ты вытащи мясо и около себя положи плетъ. Гелюнг-оборотень прибежит в кухню рыжей собакой. Начнет жрать мясо, а ты, сколько сил есть, бей ее плетью по переносице. Убежит она, а немного погодя и гелюнг заявится в кухню. Разделит оборотень мясо, вы пообедаете, а на ночь он отправит тебя в табун лошадей сторожить. Ты не спи ночь, в табун он серым волком придет. Будет красться по балке, ты поймай, сдери с него шкуру и отпусти. Утром, когда придешь к нему в дом, ты увидишь: гелюнг будет лежать в по-

стели с ободранной кожей и орать не своим голосом. Он спросит: «Чего ты пришел?» Ты скажи ему: «Ночью поймал волка, содрал с него шкуру, что с ней делать?»

Поблагодарил младший брат старушек и пошел дальше. Встречается по дороге гелюнг.

— Куда идешь, паренек? — спросил он.

— Хочу наняться.

— Иди ко мне в работники.

— А какая у вас работа?

— На кухне стряпать, лошадей стеречь.

— Что ж, согласен, — сказал младший брат и пошел вслед за гелюнгом.

Пришли. Гелюнг зарезал овцу, приказал ему мясо сварить. Затопил новый работник печь и, как только сварилось мясо, вынул его из котла, разложил на столе.

Заходит в кухню хозяин.

— Готово мясо?

— Готово.

— А ты его солил?

— Нет.

— Сейчас принесу соль, — сказал гелюнг и вышел.

А младший брат, третий работник, положил возле себя плетъ и стоит, делает вид, будто смотрит в окошко. Вбегает на кухню рыжая собака и бросается к мясу. Работник ну ее плетью охаживать так, что она еле ноги свои унесла. Не успел плетъ положить — гелюнг-оборотень тут как тут. Нос перебит, глаз опух, от бороды одни клочья.

— Что случилось? — спросил работник хозяина.

— Да пустяк, споткнулся о порожек.

Пообедали. Гелюнг говорит: «Иди, парень, в табун, лошадей стеречь». Наступила ночь. Лошади паслись. Заметил работник, что волк по балке к табуну крадется, с плетью в руках бросился к нему.

Волк — в степь, работник — за ним. Долго гнался. Догнал, воткнул ему в рот шапку и стал охаживать серого. Бьет и приговаривает: «Это тебе за моего старшего братца, это тебе за моего среднего братца, а это вот от меня!»

Бил, бил, так что серый был рад-радешенек, когда из собственной шкуры выскочил. Не до нее было — тут хоть бы ноги унести.

Настало утро. Приходит работник к гелюнгу. Смотрит — он на ладан дышит.

— Чего тебе? — простонал гелюнг.

— Поймал я волка, да он без шкуры убежал, что с нею прикажете делать?

— Иди ты... — Гелюнг еще что-то хотел сказать, да не успел: умер.

МУДРАЯ НЕВЕСТКА

В давно минувшие времена жил-был некий хан. У хана был единственный сын. Был он дурак дураком. Это очень печалило хана. И хан решил во что бы то ни стало при жизни подыскать сыну-глупцу умную жену.

Поехал хан по своим владениям. У одного селения видит: три девушки собирают кизяки. Вдруг полил дождь. К пасшимся коровам подошли телята. Две девушки побежали домой, а одна накрыла бешметом кизяки и побежала к стаду, отогнать телят.

Хан подъехал к ней и спросил, почему она осталась под дождем, когда ее подружки убежали домой.

— Мои подружки один раз выиграли, два проиграли, а я два раза выиграла, а один проиграла, — ответила девушка.

— В чем же ты выиграла? — спросил хан.

— Я укрыла от дождя кизяки и отогнала телят от коров, а то бы они высосали молоко. Беда только, что дождь намочил мой бешмет. Но бешмет я высушу у огня, а огонь разведу сухими кизяками. А у моих подруг и кизяки намокли, и телята высосали молоко. Только бешметы свои не намочили. Видите, хан, у меня и молоко будет, и огонь, а у них ни того, ни другого.

Хану понравилась находчивость девушки, и он решил разузнать, кто она такая.

— А как переправиться через эту речку? — спросил хан девушку.

— Поедете направо — дальше будет, зато короче. Поедете налево — короче будет, зато дальше, — ответила девушка.

Хан понял девушку так: если поехать налево, то там брод будет болотистый, застрять можно, — и решил ехать направо.

Еще спросил он у девушки, как ему найти в селении ее кибитку.

— Моя кибитка стоит слева. Вы ее сразу увидите. У нее шестьдесят окон и шестьдесят пик торчат.

В селении по левую сторону хан увидел черную-пречерную кибитку. Через дыры в крыше виднелись все жерди. Хан догадался, что это и есть шестьдесят окон и шестьдесят пик.

В кибитке оказался отец девушки. Вслед за ханом пришла и девушка с кизяками.

Чтобы еще раз проверить находчивость девушки, хан вдруг спросил ее:

— Сколько у тебя в мешке кизяков?

— Столько же, сколько раз ступил ваш конь от вашего дворца до нашей кибитки, — не задумываясь, ответила девушка.

Перед отъездом из селения хан приказал старику приготовить на завтра кумыс из бычьего молока и обшить свою кибитку пеплом.

Заплакал старик и передал дочери повеление хана. Но дочь ничуть не смутилась и успокоила старика, что все сделает сама.

На следующий день девушка обшила кибитку рогожей и выжгла ее так, что пепел пристал к войлоку, затем она подняла и поставила у кибитки длинный шест.

Хан подъезжает к кибитке, видит — стоит шест, значит, в доме кто-то рождает.

— Отец рождает, — ответила хану девушка.

— А разве мужчины тоже рожают? — удивленно спросил хан.

— О великий хан! В ханстве, где готовят кумыс из бычьего молока, все возможно.

Уезжая, хан приказал старику приехать к нему на двуглавой лошади и скакать не по самой дороге и не по степи, а когда приедет к нему, сесть не внутри кибитки и не снаружи.

Как тут выполнить ханское приказание? Старик поделился своим горем с дочерью. Дочь объяснила ему повеления хана. Приехать нужно на жеребой кобыле, скакать нужно не по середине дороги и не по колею, а по полоске между ними, по приезде же к хану нужно сесть у порога снаружи и на спину накинуть войлок от двери.

Старик сделал так, как ему сказала дочь...

Наконец хан женил своего сына на девушке.

Через некоторое время после свадьбы хан тяжело заболел. Желая проверить, будет ли невестка помогать своему глупому мужу, хан призвал к себе сына и ве-

лел ему догнать перекасти-поле в степи и узнать у него, где оно будет дневать-ночевать.

Вернулся ханский сын домой и передал жене приказание отца. Тогда жена посоветовала ему:

— Передай отцу — перекасти-поле ответило: «Где я буду дневать — известно оврагу, где я буду ночевать — ветер о том знает».

Ханский сын ответил отцу так, как научила его жена.

Отец остался доволен и велел сыну привести из табуна лошадь с двумя головами и чтобы одна голова смотрела вперед, а другая — назад.

Сын привел к хану двух лошадей и спутал их так, что головы их смотрели в разные стороны.

Хан побранил сына за дурацкую выдумку и велел ему идти к себе в кибитку.

Дома ему жена посоветовала:

— Пойди приведи хану жеребую кобылу. У жеребой кобылы жеребенок лежит в утробе головой к хвосту.

Сын хана сделал так, как посоветовала ему жена.

Хан остался доволен сыном и спокойно умер, зная, что невестка поможет мужу во всем.

СКАЗКА О РОДНОМ КРАЕ

Нет человеку ничего дороже места, где он родился, края, где он вырос, неба, под которым он жил. Да и не только человек — звери и птицы, все живое под солнцем тоскует по родной земле.

Давным-давно, когда калмыки жили еще в Китае, привезли китайскому императору в подарок необыкновенную птицу. Она так пела, что солнце в высшей точке неба замедляло свой ход, заслушиваясь ее песней.

Приказал император сделать для птицы золотую клетку, постелить ей пух молодого лебедя, кормить ее из императорской кухни. Первого своего министра император назначил главным по уходу за птицей. Он сказал своему первому министру:

— Пусть птица здесь чувствует себя так хорошо, как нигде и никогда не чувствовала. И пусть она улаживает наш слух, жаждущий прекрасного.

Все было сделано согласно приказу грозного повелителя.

Каждое утро император ждал пения птицы. Но она молчала. «Видимо, птице, привыкшей к вольному

воздуху, душно во дворце», — подумал император и велел вынести клетку в сад.

Сад императора был единственным в мире по красоте. Могучие деревья шелестели прозрачно-зелеными резными листьями, живительно благоухали редчайшие цветы, земля играла всеми своими красками. Но птица по-прежнему молчала. «Чего же теперь ей недостает? — думал император. — Разве ей плохо у меня? Отчего же она не поет?»

Император пригласил всех своих мудрецов, чтобы выслушать их высокоученые суждения. Одни говорили, что, может быть, птица заболела и лишилась голоса, другие — что птица не та, третьи — что, вероятно, она вообще не пела. Самый почтенный столетний мудрец предположил, что воздух, выдыхаемый людьми, угнетает птицу и поэтому она не поет. Внимательно выслушав всех, император повелел вывезти клетку в девственный лес.

Однако и в лесу птица продолжала молчать. Крылья опущены до самого пола, из глаз катятся жемчужинки слез.

Тогда император приказал привести пленного мудреца.

— Если ты нам дашь хороший совет и птица запоет, получишь свободу, — сказал ему император.

Неделю думал пленный мудрец и доложил:

— Возите птицу по стране... Может быть, запоет.

Три года кочевал император с птицей по своим владениям. Наконец достигли они одного болотца. Вокруг него рос чахлый кустарник, а дальше простирались унылые желтые пески. Смрадные испарения поднимались из болот, роем летела назойливая мошкара. Повесили клетку на сухую ветвь саксаула. Поставили караульного, и все легли спать.

Когда загорелась на небе ясная утренняя заря и багрянец ее стал разливаться все шире и шире, птица вдруг встрепенулась, расправила крылья, торопливо стала чистить клювом каждое перышко.

Заметив необычайное поведение птицы, караульный разбудил императора.

А когда вековое светило показало свой алый гребень, птица стремительно взлетела, ударилась о золотые прутья клетки и упала на пол. Она грустно огляделась вокруг и тихо запела. Сто восемь песен печали пропела она, а когда начала песню радости, тысячи таких же птиц, как она, слетелись со всех сто-

рон и подхватили ее песню. Показалось людям, что это не птицы поют под струны лучей восходящего солнца, а поют их души, тоскующие по прекрасному.

— Вот откуда наша птица, это ее родной край,— задумчиво промолвил император и вспомнил свой несравненный Пекин, где он не был три года.

— Откройте дверцы клетки и выпустите птицу,— повелел он.

И тогда запели все птицы тысячу песен хвалы родному краю, тысячу и одну песню хвалы свободе.

Вот что значит родная земля и свобода, петть можно лишь там, где ты обрел жизнь.

НЕРАЗРЕШЕННЫЕ СУДЕБНЫЕ ДЕЛА

Давным-давно жил некий хан. Когда ему нужно было переключиваться, он на месте своего новоселья ставил рога антилопы, чтобы они очистили местность от аламасов¹.

Однажды некий охотник, вздумав принести в подарок хану лебедей, пошел к озеру и там, улегшись, держа наготове свое ружье, стал поджидать дичь. Прилетели на это озеро семь лебедей. Охотник решил застрелить всех семерых лебедей, когда все вытянутся в один ряд. Пока он ждал этого момента, другой охотник выстрелил в одного лебедя и убил его наповал. Убитого лебедя он привязал красной шелковой ниткой к поясу и понес в подарок хану. Явился к хану и первый охотник и сказал:

— Всесильный хан, я лежал на берегу озера и ожидал момента, когда все семь лебедей вытянутся в один ряд, чтобы одним выстрелом убить их всех и отнести к вам в подарок. Но в это время явился другой охотник, подстрелил одного из лебедей и понес вам, а остальные испугались выстрела и улетели. Прошу вас, хан, созвать справедливый суд и присудить тому охотнику, чтобы он оплатил мне стоимость семи лебедей.

В ответ на это хан сказал:

— Во-первых, неизвестно еще, мог ли ты убить всех семерых лебедей одним выстрелом, а во-вторых, охотник, на которого ты жалуешься, явился ко мне раньше тебя и не с пустыми руками, как ты, а с одним лебедем, поэтому я отказываюсь разбирать ваше судебное дело.

¹ А л а м а с — дьявол, черт.

Так и не удалось разрешить это судебное дело.

Во владениях хана жил богатый гелюнг. Когда табуны этого гелюнга гнали на водопой, то на пути, чтобы не мешать, должно было заранее перекочевывать в другие места все население.

Так однажды с пути табуна переселилось все население, осталась лишь одна кибитка бедняка, у которого рожала жена.

Когда табуны гелюнга шли на водопой, то подняли такой шум, что новорожденный ребенок бедняка скончался. На другой день бедняк пришел к хану с жалобой:

— Вчера, хан, когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, моя жена родила ребенка, и новорожденный от шума табунов скончался. Прошу вас, хан, разрешить это судебное дело и наказать виновника.

— Наверно, табуны, проходя через твою кибитку, задавили твоего сына? — улыбаясь спросил хан.

— Нет, табуны-то шли не через мою кибитку, а мимо нее, но если бы они не проходили мимо кибитки, ребенок мой не умер бы, — настойчиво сказал бедняк.

«Табуны шли на водопой мимо кибитки, кибитка осталась невредимой, хотя ребенок и скончался». — Так размышляя, хан сказал бедняку:

— Нет, я не в силах вынести решение по этому делу.

Так и не удалось решить и второе судебное дело.

Некий мальчик, имевший только мать, нанялся к хану пасти его телят, играть с его детьми и разрешать их споры. Дети хана всегда прислушивались к словам этого мальчика.

Однажды мальчику сильно захотелось есть, но есть было нечего. Тогда мальчик уговорил ханских детей зарезать теленка.

Как решили, так и сделали: теленка зарезали, мясо сварили и съели.

Вечером коровы пришли домой, только теленка не было. Стали разыскивать, стали расспрашивать, и ханские дети сознались — выдали зачинщика-мальчика.

Хан вызвал мальчика и спросил:

— Зачем, почему и каким образом ты зарезал нашего теленка?

— Есть очень хотелось, — ответил он.

Допросив мальчика, хан решил подвергнуть его казни. Узнав об этом, мать мальчика в тот же час прибежала к хану и начала его упрашивать:

— Господин хан, не казните моего сына, он ведь не из простых!

Хан заинтересовался мальчиком и вызвал его к себе.

— Имеется два неразрешенных судебных дела; если их разрешишь, то я тебя прощу,— сказал хан.

— Я могу решить, только скажите, что это за судебные дела,— ответил мальчик.

Хан тотчас же послал гонца за охотником. Охотник прибыл. Мальчик спросил его:

— Вы тот самый, который хотел одним выстрелом убить сразу семь лебедей?

— Да, я тот самый,— ответил охотник.

— А на каком расстоянии от вас находились лебеди?

— На расстоянии более ста шагов.

— Есть ли у вас дети?— спросил мальчик.

— Имею двухлетнего сына.

— Если вы действительно искусный стрелок, то уложите спать своего сына, положите на его голову лебединое яйцо и одним выстрелом на расстоянии более ста шагов пробейте его насквозь. Тогда можно будет убедиться, что вы смогли бы одним выстрелом поразить всех семерых лебедей,— сказал мальчик.

Охотник согласился. Здесь же, у всех на глазах, он уложил своего сына спать, положил на его голову лебединое яйцо и на расстоянии свыше ста шагов одним выстрелом пробил его насквозь, а сын остался невредимым.

Так разрешилось первое судебное дело. Охотнику возместили убыток.

— Есть еще одно судебное дело,— сказал хан.— Когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, то на пути их стояла кибитка одного бедняка, жена которого только что родила ребенка. Хотя табуны шли не через кибитку, а мимо нее, все же новорожденный ребенок испугался шума и умер. Отец этого ребенка требует осудить хозяина табунов гелюнга Гаванга. Разрешите это спорное судебное дело,— обратился хан к мальчику.

— Можно,— сказал мальчик,— но только наполните большой котел овечьим молоком и, вскипятив его, поставьте в кибитку потерпевшего бедняка.

В тот же час подоили овец, их молоком наполнили большой котел, вскипятители и поставили в кибитку бедняка на всю ночь. На другой день табуны гелюнга

Гаванга погнали на водопой мимо той кибитки, где стоял котел с молоком. От сотрясения и шума треснула на четыре части пленка, образовавшаяся на молоке.

— Мозг новорожденного ребенка подобен пленке молока, — сказал мальчик. — Когда табуны гелюнга Гаванга шли с шумом на водопой мимо кибитки, то получилось сотрясение мозга ребенка — и он умер.

Гелюнг Гаванг был наказан.

Так разрешилось и второе судебное дело.

Хан отменил решение о казни мальчика и сделал его своим судьей.

ЛЕВЫЙ ГЛАЗ ХАНА

Некогда на краю кочевьев одного хана жил старик. У него было три дочери; младшая, по имени Кооку, отличалась не только красотой, но и мудростью.

Однажды старик вздумал гнать на ханский базар для продажи скот и попросил, чтобы каждая дочь сказала откровенно, какой подарок привезти ей.

Две старшие просили отца купить им разные наряды, а мудрая и прекрасная Кооку отказалась от подарка, говоря, что тот подарок, который желателен ей, трудно достать и опасно. Но отец, любя ее более других дочерей, поклялся, что он непременно удовлетворит ее желание, хотя бы это стоило ему жизни.

— Если так, — ответила Кооку, — то прошу вас исполнить следующее: распродав весь скот, оставьте одного кургузого бычка и не отдавайте его никому ни за какие деньги, а просите за него левый ханский глаз.

И тут старик понял весь ужас своего положения. Он хотел было отказать ей, но, вспомнив свою клятву и полагаясь на мудрость дочери, все же решился исполнить ее желание.

Приехав на базар, старик распродал весь свой скот, а за оставшегося кургузого бычка стал просить левый глаз хана.

Слух о таком странном и дерзком требовании старика скоро дошел до ханских приспешников. Они связали старика и привели к хану.

Старик, упав к ногам хана, признался, что требовать левый глаз научила младшая дочь, а для чего — неизвестно.

Хан, предполагая, что в таком необыкновенном

требовании непременно кроется какая-нибудь тайна, отпустил старика с условием, что он немедленно покажет ему свою дочь.

Кооку явилась.

Хан строго спросил ее, для чего она научила отца требовать левый ханский глаз.

— Для того, — отвечала Кооку, — чтобы вы, хан, услышав столь странное требование, пожелали увидеть меня из любопытства.

— А какую ты имеешь нужду видеть меня?

— Я хотела сказать одну важную и полезную как для вас, так и для вашего народа истину, — ответила девушка.

— Какую именно?

— Хан, — ответила Кооку, — из двух вами судимых обыкновенно знатный и богатый стоит по правую сторону, а бедный — по левую. При этом, как я слышу в уединении моем, вы оправдываете знатных и богатых. Вот почему я уговорила батюшку просить левый глаз ваш, ибо он у вас лишний: вы не видите им бедных и беззащитных.

Хан был очень раздражен таким ответом, тотчас же поручил своим приспешникам судить Кооку за ее дерзость.

Суд начался. Избранный в председатели старший лама предложил испытать — от злобы или мудрости она решилась на столь неслыханный поступок.

И вот судьбы прежде всего показали Кооку дерево, обтесанное ровно со всех сторон, и приказали, чтобы она узнала, где вершина и где корень его.

Кооку бросила дерево в воду: корень потонул, а вершина всплыла наверх. Так Кооку разрешила первую задачу.

Затем суд прислал к ней двух змей, чтобы узнать, которая из них женского и которая мужского пола.

Мудрая Кооку положила обеих змей на вату и, заметив, что одна из них свернулась клубком, а другая поползла, признала в последней мужской, а в первой — женский пол.

Но недовольный хан решил смутить Кооку еще более трудными вопросами и тем доказать, что она не должна быть признана мудрой.

Призвав Кооку, хан спросил ее:

— Если пошлют в лес девиц собирать яблоки, то которая из них и каким способом наберет их больше?

— Та,— ответила Кооку,— которая не полезет на яблоню, а останется на земле подбирать яблоки, падающие на землю от зрелости и трясения сучьев.

— А приехав к топкому болоту,— спросил хан,— как удобнее через него переправиться?

— Прямо переехать, а объехать кругом будет ближе,— ответила Кооку.

Хан, видя, что девица на все вопросы отвечает мудро и без замешательства, очень досадовал и после долгого размышления задал ей еще следующие вопросы:

— Скажи мне, какое верное средство стать известным многим?

— Оказывать помощь многим и неизвестным.

— Кто именно мудр?

— Тот, кто сам себя не считает таким.

Хан был изумлен мудростью прекрасной Кооку, но все же, зlobствуя на нее за упрек в несправедливости его, желал погубить ее.

Несколько дней он выдумывал вернейшее к тому средство.

Наконец призвал Кооку и предложил ей, чтобы она узнала настоящую цену его сокровищ. После этого хан обещал объявить, что она о его несправедливости говорила действительно не из злобы, а как мудрая женщина, желая предостеречь его.

Девица согласилась охотно и на это, но с тем, чтобы хан дал слово быть четверо суток в ее послушании.

Кооку потребовала, чтобы он не ел четверо суток.

В последний день девица поставила перед ханом блюдо с мясом и сказала:

— Хан, признайтесь, что все ваши сокровища не стоят одного куска мяса.

Хан, убежденный в истине слов ее, признался, что она отгадала цену его сокровищ, объявил ее мудрою и выдал замуж за своего сына.

О ГЛУПОМ СТАРИКЕ

Это было в стародавние времена. Жили старик и старуха. Было у них три коровы: две молодые, одна старая. Решили они продать буренку: мало она давала молока. Отправился старик на ярмарку. Гонит он корову и песенки поет. Ему навстречу едет парень верхом на гнедом коне.

— Здравствуйте, папаша!

— Здравствуй, молодец!

— Издалека едешь?

— С ярмарки.

— А какова там цена коровам?

— Скотина без рогов в большой цене,— ответил парень и поехал дальше.

Не раздумывая долго, достал старик нож и отрезал буренке рога. Гонит он корову и песенки поет. Парень объехал старика сторонкой и вновь едет ему навстречу.

— Здравствуйте, папаша!

— Здравствуй, молодец!

— Откуда ты едешь?

— С ярмарки.

— А какова цена на коров?

— Скотина без рогов и ушей в большей цене,— ответил парень и уехал.

Не думая долго, отрезал старик у буренки уши и погнал ее дальше. Гонит он корову и песенки поет. Парень скрылся за бугром, повернул коня и поскакал в объезд. Немного погодя еще раз подъезжает к старику.

— Здравствуйте, папаша!

— Здравствуй, молодец!

— Куда гоните корову?

— На ярмарку. А ты откуда и куда путь держишь?

— Я еду с ярмарки.

— Какова там цена коровам?

— Без рогов, без ушей и без хвоста скотина в большой цене,— ответил парень и поехал дальше.

Старик отрезал у буренки хвост. Гонит он корову и песенки поет. Добрался старик до места и ждет покупателя.

Люди смотрят на корову, посмеиваются.

— Чего глядите?— говорит им старик.— Покупайте, нынче такая скотина в цене.

— Где ты ее, старина, взял?

— Такая скотина, папаша, и даром никому не нужна. Гони свою животину домой, не срамись!— выкрикивали из толпы.

Сколько ни стоял он с буренкой на ярмарке — не нашлось покупателя. Глядит он: собака подбежала к его буренке, ходит вокруг нее и все нюхает.

«Может быть, она хочет купить корову, надо у нее

спросить», — подумал старик и направился было к ней.

Собака оскалила зубы, зарычала и побежала прочь. Разозлился старик, убил корову и бросил ее возле воезов. Походил, походил он по ярмарке, купил за копейку пряник, съел его и пошел домой. Идет и думает: «И денег нет, и буренки нет, что я скажу своей бабке?»

Думал он, думал и придумал: «Зайду-ка я дочь свою замужнюю навещу».

Обрадовалась дочка приходу отца и приготовила ему вкусный булмук¹. Старик ел, ел и так наелся, что не мог дышать.

— Дочка, как называется эта еда?

— Булмук.

— Вот еда так еда. Пойду домой, скажу своей старухе: пусть сварит.

Чтобы не забыть этого слова, старик всю дорогу твердил: «Булмук, булмук».

И случилось ему переходить болотистую балку, упал он в грязь, а слово-то «булмук» и вылетело из головы.

«Что ж, — подумал он, — выходит, что я его потерял в балке». — И ну по грязи ползать, слово «булмук» искать. В ту пору два парня переходили балку.

— Папаша, что ищете? — спросил один из них.

— Дочка на выданье. Купил ей золотое кольцо, да здесь обронил.

Парни залезли в болото и стали со стариком искать. Лазили, лазили — ничего не нашли.

— Теперь нам кольца не найти, — сказал кто-то из них, — видишь, грязь-то, как булмук.

— Да, да, булмук, булмук! — выкрикнул старик и заспешил домой.

Поняли парни, что старик попросту обманул их, и ну дубасить его. Поколотили и пошли своей дорогой. Старик, держась за больные бока, вспоминал, вспоминал слово «булмук», да так и не вспомнил.

Пришел он домой и говорит старухе:

— Бабка, свари мне это самое... Как его?..

— А корову продал?

— Ее волки съели. Свари этот самый... ну..

— Будан², что ли? — спрашивает старуха.

¹ Булмук — национальное блюдо: мучная каша, приготовленная на сливках и молоке.

² Будан — суп, приготовленный из муки и небольшого кусочка мяса.

— Нет.

— Что же варить?

Разозлился старик и принялся ее колотить. Зашла к ним в кибитку соседка, видит: старики бьют друг дружку.

— Что вы деретесь?— спросила она.— Оба вы стали, как булмук.

Услышал старик слово «булмук» — обрадовался.

— Свари, бабка, булмук!— сердито приказал он.

Сварила она ему булмук. Старик так наелся, что заболел и умер. С тех пор и присловье пошло: «*Наелся булмука до смерти*».

СМЕНА ВРЕМЕНИ

Один хан, желая знать мудрость своего народа, сделал объявление:

— Все, кто считает себя келмерчами, в семидневный срок должны явиться ко мне.

Объявление хана с молниеносной быстротой дошло до самых отдаленных хотонов и кибиток ¹.

На объявление хана откликнулись три старика.

Три старика церемонно сели в приемной хана ².

Хан, узнав, что к нему пришли три старика, вошел в приемную.

Увидев стариков, он заметил, что у первого старика на голове совсем нет волос, у второго волосы седые, а усы черные, а у третьего нет усов.

— Сколько вам лет? ³— обратился он к первому старику.

— Пятьдесят,— последовал ответ.

— Сколько вам лет?— обратился он ко второму.

— Пятьдесят,— ответил старик.

¹ Быстрое распространение по хотонам известий соответствует действительности и объясняется кочевым образом жизни и тем, что калмыки-скотоводы, особенно табунщики богачей, половину жизни проводили верхом на лошади.

² В старой Калмыкии имела распространение сложная система церемоний. Существовали особые, неписанные правила для детей, женщин, стариков, для людей «черной» и «белой» кости и т. д. Особые церемонии устанавливались для калмыцких праздников. Особенно унижительные церемонии для простолюдинов существовали в ханской ставке.

³ Обращение на «вы» считалось среди калмыков совершенно обязательным для всех при разговорах со старшими и с родителями (Все три примечания — из сборника. «Калмыцкие сказки». Элиста, 1962.)

— Сколько вам лет?— обратился он к третьему старику.

— Пятьдесят,— ответил старик.

— Значит, все ровесники?

— Да,— подтвердили старики.

— Вот вы все ровесники,— обратился хан к первому,— почему же у вас на голове нет волос?

— Я на своем веку видел много плохого и хорошего. Я так много думал, как лучше жить людям, что на голове ни одного волоска не осталось.

— Вы с ними ровесник, почему у вас волосы седые, а усы черные?— спросил хан у второго старика.

— Мои волосы — мои ровесники. Они у меня были еще тогда, когда я только что родился, а усы выросли, когда мне было двадцать пять лет. Волосы на двадцать пять лет старше, чем усы. Поэтому волосы седые, старые, а усы молодые, черные.

— Вы ровесник с ними, почему у вас совсем нет усов?— спросил хан у третьего старика.

— Я единственный потомок моих родителей. Поэтому, для того чтобы не обидеть отца, я родился мужчиной, а для того чтобы не обидеть мать, я родился, чтобы быть безусым.

Хан за находчивость стариков подарил им мешок золота. Старики, поблагодарив хана, поспешно вышли.

Один приближенный хана, увидев их с мешком золота, подумал: «Эх, глупый же наш хан. С какой стати он отдал мешок золота этим корягам? Неужели они мудрее меня? Нет! Равного мне не найти на свете! Так держитесь у меня! Задам я вам три вопроса и загоню в тупик! Не ответите, так вам конец. Давай сюда золото». С этой мыслью он пустился догонять стариков.

Первый старик увидел вихрем летевшего всадника и сказал:

— Слушайте, он — за нами. Вы с золотом продолжайте путь, а я подожду, что скажет молодец.

Те согласились и ушли.

Приближенный хана, прискакав, прямо с лошади спросил:

— Вы мудрец?

— Да, мудрец.

— Тогда дайте ответ на мои вопросы. Что такое мир?

— Это день и ночь. Днем работаем, а ночью отдыхаем.

— Что такое земля, что такое вода?

— Земля — это мать человека и животных, а вода — мать рыб.

— Что такое смена времени?

При этом вопросе старик, делая вид, что он смутился, говорит:

— Ах, какое несчастье! Ответ на этот вопрос я забыл у тех стариков. Позвольте на минутку мне вашу лошадь. Сейчас же доставлю ответ.

«Попался, гадюка! Вот когда я тебя возьму за жабры!» — подумал приближенный хана и сказал:

— Бери!

Старик, сев на лошадь, сказал:

— У вас была лошадь, у меня не было. Вы сидели на лошади, я стоял на земле. Вы сейчас на земле, а я на лошади. Это и есть смена времени. Спасибо вам! — С этими словами старик ускакал.

Приближенный хана остался не только без золота, но и без своей лошади.

МУДРЕЦ И ГЕЛЮНГ

Жили старик и старуха. Был у них только один сын. Жили в нищете. Заболел старик, умер. Не во что старика завернуть схоронить. Жалко сыну отца голым в землю зарыть. Разорвал он бешмет, завернул тело отца, схоронил.

Прошло время; не забыло несчастье дорогу к мальчику. Заболела мать-старуха, умерла. Остался он круглым сиротой. Жалко сыну мать голой зарыть. Снял с себя рубашку, разорвал, завернул в нее тело матери и похоронил.

Остался сирота один в травяной кибитке. Есть нечего, делать нечего. Вышел сирота-голыш из кибитки и пошел по первой дороге, какая встретилась.

Идет по дороге туда, откуда дует ветер, и сам не знает, зачем идет. Устал сирота-голыш, силы к концу подходят. Тогда подумал сирота-голыш, что он едет верхом на лошади, ударил себя ладонями по бедрам — побежал, еще раз ударил себя ладонями по бедрам — веселей побежал, и усталости будто не было.

Вот видит сирота-голыш: навстречу едет верхом гелюнг. Подъехал гелюнг и спрашивает:

— Куда ты идешь?

— Туда, где работают и едят, — отвечает сирота-голыш. И рассказал гелюнгу о своем несчастье.

«Пригодится голыш», — думает гелюнг и говорит: — Садись сзади седла, я найду тебе и работу и еду.

Сел сирота сзади седла и поехал с гелюнгом.

Едут они по степи, видят: журавли летят и кричат. Гелюнг говорит:

— Журавли — птицы благородные, они щиплют в степи только душистую сочную травку эревни. Потому они и кричат так ласково, приятно: крык, крык, крык!

Сирота-голыш отвечает:

— Журавли не щиплют никакой сочной травки эревни, журавли ходят по грязному болоту и едят лягушек, потому они так и кричат: курлы, курлы!

Рассердился гелюнг на мальчика. Как смеет этот голыш возражать ему, гелюнгу! Вскочил он с кобылы и ударил сиротку. Не стерпел сиротка-голыш и бросился на гелюнга. Дрались, дрались — помирились, поехали дальше.

Подъехали они к озеру, в озере утки плавают. Гелюнг и говорит:

— Утки — птицы благородные, им бог дал хороший шелковый пух и широкие плавники. Поэтому лучше их никто не плавает.

Возразил сиротка-голыш гелюнгу:

— Уж не имеет ни шелкового пуха, ни широких плавников, он круглый, как палка, а плавает быстрее вашей утки.

Рассвирепел гелюнг: как смеет голыш возражать ему! Вскочил гелюнг и ударил сироту. Сиротка не стерпел и бросился на гелюнга. Дрались, дрались — помирились, поехали дальше. Поехал гелюнг с сироткой к дворцу хана: гелюнг был братом жены хана. Стал гелюнг жаловаться ханше на сиротку:

— Я пожалел этого голыша, взял его с собой, а он избил меня. Прикажи наказать его.

Ханша была злая, приказала она казнить сиротку-голыша. Видит мальчик — дело плохо. Он и говорит:

— Вы безжалостная, а не знаете, что козлиная голова ханши не может вмешиваться в управление вашего ханства, для этого есть голова барана. Вот придет хан, пусть он и казнит, а от вас я не приму смерти.

Рассвирепела ханша, а возразить сироте-голышу ничего не может.

Приехал хан, услышал о дерзком сироте-голыше и велел позвать его.

— Как ты посмел, — говорит хан, — избить гелюнга и обругать ханшу?

Сиротка-голыш рассказал хану, из-за чего они дрались с гелюнгом и за что обругал ханшу.

— Вы, хан, сделали бы так же, как и я, — закончил сиротка.

Понравился хану мудрый ответ сиротки, решил он оставить сиротку при своем дворце.

Однажды хан созвал всех своих келмерчи. Пришел и сиротка. Дал хан каждому келмерчи по овце и приказал:

— Так вскормите овец, чтобы сала у них не было видно, а были бы очень-очень жирными.

Пришел сиротка домой с овцой, нашел шкуру волка, набил в нее соломы и зашил. Как только овца наестся, сиротка ей соломенного волка покажет. От страха у овцы все жиринки по телу разбегутся.

Пришел срок, созвал хан келмерчи. Пришли келмерчи и овец с собой привели. Зарезали келмерчи своих овец — у каждой овцы сало висит в ладонь ширины. Зарезал сиротка свою овцу — ни одной жиринки не видно. Стали варить вскормленную сироткой овцу — полон котел жира набралось.

В другой раз созвал хан всех келмерчи и дал каждому по собаке. Досталась собака и сиротке.

— Каждый келмерчи должен научить свою собаку говорить, — сказал хан-сумасброд.

Пришел сиротка домой и стал учить собаку говорить. Поставит перед собакой пищу, есть ей не дает и все твердит: «Кезя, кезя» (когда, когда). Долго учил сиротка. Собака исхудала от голода, а молчит. Наконец собака поняла и гавкнула:

— Кезя, кезя. — Тогда сиротка дал ей пищу.

Пришел срок, созвал хан келмерчи. Пришли келмерчи, привели с собой собак. У всех келмерчи собаки жирные, злые, на людей кидаются, лают, а ничего не говорят. Видит хан: собака сиротки такая худая, что все позвонки можно сосчитать. Хан и говорит ему:

— Ты, верно, свою собаку голодом заморил.

— Нет, хан, я ее лучшей пищей кормил, — ответил сиротка, а сам тихонько из кармана пищу собаке показал.

— Кезя, кезя! — закричала собака.

Удивился хан, удивились келмерчи, что сиротка научил говорить собаку.

С тех пор сиротка стал самым славным в степи келмерчи.

ГЕЛЮНГ И МАНДЖИК¹

У одного калмыка померла мать. Просил калмык гелюнга, чтобы тот отправил своими молитвами душу матери прямо в рай.

Взял гелюнг мальчишку-манджика и отправился к кибитке калмыка. Хотелось ему побольше заработать; для этого дела поймал он дорогой степного мышонка, передал манджiku и велел: когда запоют они молитву изгоняющему душу старухи, манджик должен выпустить мышонка. Калмык примет мышонка за душу старухи и заплатит подороже,— так решил хитрый гелюнг.

Пришли. Гелюнг запел молитву, манджик ему подпевает. Вот гелюнг вместо молитвы и запел:

— Выпускай мышонка, выпускай мышонка!

А манджик в ответ ему поет:

— Я мышонка раздавил, я мышонка раздавил!

Рассердился гелюнг и поет вместо молитвы:

— Ах ты, сукин сын, ах ты, сукин сын! Дай лишь выйди мне отсюда. Тебе голову сниму!..

А манджик не испугался и запел:

— Попытайся меня тронуть, всем калмыкам расскажу, как ты за нос хитро водишь...

Разобрал калмык, о чем поют вместо молитвы гелюнг и манджик, понял все и выгнал их из кибитки.

СКУПОЙ БОГАЧ

Шел один старик из селения и встретил юношу. Юноша спросил его:

— Чье это селение?

Старик ответил:

— Это селение одного скупого богача.

Удивился юноша и спрашивает опять:

— Почему вы называете его скупым?

— А потому, что я живу в этом селении много лет и никогда не видел, чтобы богач ел что-нибудь днем,

¹ М а н д ж и к — мальчик-послушник.

И все, кто с ним вместе живет, не знают, когда и что он ест.

— Этого не может быть.

— Нет, это правда. Пусть я умру, если это ложь. Тогда юноша сказал:

— Я не только разужнаю, какая у жадного богача пища, но и возьму себе в жены его дочь.

— Где тебе, не выйдет у тебя,—ответил старик.— Не один мужчина этого добивался, но уходил ни с чем, а тебе и вовсе не удастся.

— Нет, я сумею,—сказал юноша и пошел в селение.

Поздним вечером незаметно подошел он к задней стене кибитки скупого богача и лег там. Долго лежал. В селении уже все уснули, не спал лишь скупой богач, в его кибитке горел огонь.

Заглянул юноша в щель и увидел: старик палит на огне задние бараньи ножки, а дочь его печет пресные лепешки. Поглядел, поглядел и пошел в кибитку.

Старик услышал шаги и спрятал бараньи ножки под рубашку, а дочь спрятала лепешки под подол.

Вошел юноша в кибитку и говорит:

— Шел я к вам в селение и по пути увидел в степи кровожадного змея, как раз такого, как бараньи ножки под рубахой у старика. Взял камень и ударил им змея. Тогда змей полетел и стал как раз таким, как лепешки под подолом у дочери старика.

Богач испугался, молчит, а бараньи ножки все-таки не показывает.

Тогда юноша сказал, что идти ему ночью некуда и потому придется ему здесь переночевать. Нечего делать, пришлось богачу согласиться.

Лег юноша, а богач не ложится. Вот богач решил, что юноша уснул, и говорит жене:

— Надо выжить этого юношу, не то он наболтает про нас. До утра я сожгу его сапоги и утоплю в колодце его лошадь. А сейчас сделай мне еще лепешку, я выйду во двор и съем, а то этот шайтан не даст спокойно поесть. Откуда его только к нам принесло!

На рассвете, когда богач еще спал, юноша встал, взял свои сапоги и поставил их на место сапог богача, а его сапоги поставил к себе, вышел из кибитки, взял черную лошадь богача и обсыпал ее мукой, а свою белую выкрасил черной краской. Вернулся после этого в кибитку и лег спать.

Проснулся богач, схватил сапоги, а сапоги-то были его собственные. Потом взял свою лошадь и утопил ее. А подумал, что утопил чужую лошадь.

Ранним утром богач будит юношу и кричит:

— Эй, твои сапоги сгорели!

Юноша встал и говорит:

— Мои сапоги не сгорели, вон они стоят, я их сразу узнаю, они рваные.

Взял свои сапоги и надел. Богач остался без сапог. Тогда богач опять кричит:

— Эй, твоя лошадь утонула!

А юноша спокойно отвечает:

— Моя лошадь ученая, у нее хватит ума, чтобы не утонуть в колодце. Вы, старик, ошибаетесь.

— Нет, я не ошибаюсь, пойдем посмотрим.

Вышли из кибитки. Юноша обмыл свою лошадь водой, и она опять стала белая.

— Видите, моя лошадь белая, а ваша — черная, значит, это моя лошадь.

Так богач остался без лошади. Побежал он скорее домой и говорит жене:

— Пропал я; дай мне скорее лепешек, я с собой возьму, в степи поем, а то этот шайтан не даст мне спокойно поесть.

Вынула жена лепешки, старик взял и уже хотел положить в карман, да не успел.

Юноша вошел в кибитку и спрашивает:

— Куда это вы, старик, собираетесь?

— На работу иду.

— Ну тогда прощайте.— И протянул старику руку. Нечего делать старику, бросил он со злобы лепешки, схватил косу и выбежал из кибитки.

Юноша поднял лепешки, съел, а потом пошел вслед за стариком. Догнал его в степи и говорит:

— Старик, ваша дочь взяла мой бешмет и никак не отдает, я бы давно уехал из селения...

Разозлился старик, испугался, что юноша теперь всем наболтает про его дочь, и говорит:

— Бери, шайтан, и свой бешмет, и мою дочь вместе с ним.

Юноша скорее вернулся в кибитку и говорит:

— Старик разрешил мне взять в жены вашу дочь. Если вы не верите, то спросите у него сами.

Старуха кричит, ругается, не отдает дочь. Пришел старик, юноша и говорит ему:

— Старик, мамаша не дает мне в жены дочь...

— Отдай, старуха, — сказал жадный богач, — пусть проваливает отсюда, шайтан.

Юноша взял дочь богача в жены и жил с ней счастливо.

СТАРИК И СТАРУХА

Давным-давно жил старик со старухой. Пошел старик за дровами, а на обратном пути нашел иголку и положил ее в вязанку дров. Рассказал он об этом своей старухе, а старуха и говорит, что иголку нужно было воткнуть в шапку.

Пошел старик за дровами, а на обратном пути нашел топор. Порвал он свою шапку, засунул туда топор и принес его старухе, а старуха и говорит, что топор надо нести за поясом.

Пошел старик за дровами, а на обратном пути нашел щенка, сунул его за пояс и принес своей старухе. А старуха и говорит, что щенка надо было кликать за собой «кич, кич».

Пошел старик за дровами, а на обратном пути повстречал гелюнгов, стал он звать их «кич, кич», а они от него все дальше и дальше. Рассказал о гелюнгах своей старухе, а старуха и говорит, что гелюнгов следует пригласить к себе откусывать чего-нибудь.

Пошел старик за дровами и повстречался он с семьей волками, стал он приглашать их к себе откусывать, они подошли к старику и съели его.

ПЕТУХ И ПАВЛИН

В далекие, седые времена жили соседи: петух и павлин. Красив и наряден был петух. Золотистые его перья, ослепительно блестя, переливались под солнечными лучами. Все птицы завидовали петуху. Многие из них, сидя на деревьях, жалобно пели: почему они не имеют такого красивого наряда, как у петуха? Важен и горделив был петух. Ни с кем он не разговаривал, кроме павлина. Ходил он важной походкой и так же важно клевал зернышки.

Петух дружил с павлином. Оттого ли он был снисходителен к павлину, что наряд того был беден, оттого ли он дружил с ним, что были близкими соседями, — не знаю, но жили они дружно.

Однажды павлин собрался в далекие края в гости. Грустен был павлин, что наряд его слишком беден. С завистью он смотрел на петуха и думал: «Каким бы я был счастливецом, если бы имел такой красивый наряд, как у петуха. Что у меня есть? Кроме жалких перьев, ничего. Разве я могу появиться в чужом краю в таком убогом виде! Нет, мне стыдно показаться в таком виде чужим. Почему не обратиться к петуху? Лучше я попрошу у него его наряд. Неужели он откажет мне?»

И обратился павлин к петуху с этой просьбой, обещая вернуться к следующему утру.

Подумал петух и говорит:

— Что же я буду делать, если ты завтра к рассвету не явишься?

Павлин ответил:

— Если я не приду к рассвету, то ты кричи, на твой зов я обязательно явлюсь. Но если меня не будет утром, то кричи в полдень, а если и в полдень не явлюсь, то кричи вечером. К вечеру, конечно, я буду.

Поверил петух павлину, снял свой красивый наряд и отдал ему, а сам оделся в перья павлина. В красивом наряде петуха стал павлин самой красивой птицей. Радостный и гордый, он отправился в далекие края.

Прошел день. Прошла ночь. Ждет петух павлина. Но павлина нет. Стал беспокоиться петух. Не выдержал петух, закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

И еще раз, еще раз, но павлина нет. Опечалился петух. Ждет, когда настанет полдень. Настал полдень. Опять кричит петух. Нет павлина. Ждет вечера. Настал вечер. Опять кричит петух, зовет павлина, но павлина след простыл.

Так и пропал павлин, а вместе с ним и красивый наряд петуха.

С тех пор петухи каждый день три раза — утром, в полдень и вечером — зовут павлина, который унес их прежний красивый наряд.

ВЕСЕЛЫЙ ВОРОБЕЙ

С ветки на ветку, с крыши на землю — скок.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — С утра до вечера порхает воробышек. Веселый, неутомимый. Все ему, ма-

лому, нипочем. Там зернышко клюнет, здесь червячка найдет. Так и живет.

Сидела на дереве ворона старая. Черная, угрюмая, важная. Посмотрела одним глазом на воробья и позавидовала веселому. Сядет — вспорхнет, сядет — вспорхнет. «Чик-чирик! Чик-чирик!» Несносный воробей!

— Воробей, воробей, — спрашивает ворона, — как живешь-поживаешь? Чем пищу себе добываешь?

Воробей и минутки посидеть на месте не может.

— Да вот камыша головки грызу, — отвечает на лету воробей.

— А если подавишься, тогда как? Умирать придется?

— Для чего ж умирать сразу? Поскребу, поскребу ноготками и вытащу.

— А если кровь пойдет, что делать будешь?

— Водой запью, промою, остановлю кровь.

— Ну, а если ноги в воде промочишь, замерзнешь, простудишься, болеть ноги станут?

— Чик-чирик, чик-чирик! Огонь разведу, ноги согрею — снова здоров буду.

— А вдруг пожар случится? Тогда что?

— Крыльями махать буду, затушу огонь.

— А крылья обожжешь, тогда как?

— К лекарю полечу, вылечит меня лекарь.

Не унимается ворона:

— А если лекаря не будет? Тогда как поступишь?

— Чик-чирик! Чик-чирик! Там, глядишь, зернышко подвернется, там червячок в рот попадет, там для гнездышка уютное место найдется, ласковое солнышко прогреет, ветерок погладит. Вот и без доктора вылечусь, жить останусь!

Сказал так воробышек, вспорхнул — и был таков. А ворона старая нахохлилась, глаза прикрыла, по сторонам клювом недовольно водит.

Хороша жизнь, чудесна! Жить надо не унывая. Стойким будь, бодрым будь, веселым будь!

ЗЛАЯ ВОРОНА

Жили в травяной кибитке дед и бабка. Села на ту кибитку ворона старая, да попала на терновый куст и бок себе уколола.

Разозлилась ворона:

— Кар-кар! Я тебя, я тебя, терн! Пойду к козе,

попрошу, чтобы она твою голову дурную отъела. Кар-кар!

Полетела ворона и говорит козе:

— Коза, коза, пойди съешь верхушку терна колючего!

— Не до терна твоего мне сейчас: мне козлят своих малых кормить надо,— отвечает коза.

Обиделась ворона и на козу: «Кар-кар!» Прилетела к волку.

— Волк, волк, пойди козу противную съешь!

— Ну тебя с козой твоей: мне своих деток кормить надо.

— Ах так! Ах так!

Полетела злая ворона к табунщикам.

— Табунщики, табунщики! Бросайте своих лошадей, ступайте за мной к волку, убейте того волка!

— Пускай себе живет. Пока за волком пойдем, табун растеряем — лошади разбегутся без присмотра,— ответили табунщики.

— Я вас! Я вас! Кар-кар!— раскаркалась ворона.— Самому князю на вас пожалуюсь.

Полетела ворона к князю, жалуется на табунщиков, побить их просит.

Отвечает князь:

— Рад бы побить их, да некогда мне возиться с табунщиками; я вот еле-еле свой тучный живот поднимаю.

— Я тебя! Кр...— Так обиделась ворона, что и прокаркать не может.

Прилетела ворона к молодым пастухам, что телят пасли:

— Дети, дети! Бегите скорее, кошку возьмите, играйте с ней, а к голодным котяткам не пускайте.

— Нужно нам твою кошку брать! Телят растеряем, потом кто искать будет?

— Я вас! Я вас! Пойду вашим матерям пожалуюсь, пожалеете.

Прилетела ворона, заглянула в окно, видит: две старухи сидят, шерсть прядут.

— Старухи! Дети ваши телят растеряли да перемешали, а теперь ловят да разбирают, чей теленок; пойдите своих детей побейте.

— Только нам и бить детей, тут шерсть до вечера допрясть нужно, а с телятами дети и сами справятся.

Пуще прежнего ворона обиделась. Подумала и говорит:

— Ах так! Ах так! Всем плохо будет! Кар-карр-каррр!

Прилетела ворона к вихрю.

— Вихрь, вихрь! Полети, разбросай шерсть у старух скверных.

Налетел вихрь, ворвался в кибитку, закружил шерсть, в трубу выбросил, обратно в трубу вкинул. Рассердились старухи, побили со зла детей,— и началось: дети кошку шлепают, князь табунщиков бьет, табунщики волка лупят, волк козу дерет, коза голову терна кусает.

А злая ворона по земле поскакивает, смотрит на всех, смеется не умолкая. Смеялась, смеялась, до того досмеялась, что становая жила порвалась. Сдохла ворона.

ТУВИНСКИЕ
СКАЗКИ

АНЧЫ-КАРА

(Волшебные цветы с поднебесья)

Это было давным-давно, когда от жары реки пересыхали и клювы птиц плавились.

В устье Кара-Хема жил сирота по прозвищу Анчы-Кара. Родители его умерли, оставив ему трех коз, лук и колчан со стрелами. Сколько ни ходил Анчы-Кара на охоту, каждый раз возвращался без добычи. Пришлось ему заколоть трех коз. Когда кончилось козье мясо, пошел парень опять на охоту, но ни одного зверя не повстречал. Сел на пригорок под седым кедром и прислушался. Показалось ему, что речка Кара-Хем тихую песнь поет. Стал он ей подпевать, сначала тихо, потом все громче и громче. Вдруг вблизи ветка хрустнула. Огляделся — а вокруг него зверей собралось так много, как звезд на небе. Стоят недвижимо, песню слушают. Замолк Анчы-Кара, схватился было за лук, а зверей как и не бывало. Закручинился парень. Вдруг из поднебесья на верхушку кедра спустился старый ворон и заговорил человеческим голосом:

— Я слушал твою песню, и мне стало жаль тебя. Взберись на крутую Кара-Хая¹. Там в моем гнезде лежат три бусины — белая, красная и синяя. Проглоти их и ты будешь понимать язык зверей и птиц. — Сказал так ворон и улетел.

«Если я буду понимать язык всех зверей и птиц, тогда моя охота будет удачной», — подумал Анчы-Кара и отправился к черной скале. Долго он карабкался вверх. Несколько раз срывался, висел над пропастью, но наконец все-таки поднялся на острую вершину и здесь, в расщелине, разыскал гнездо ворона. Опустил в него руку и на самом дне нащупал три шарика. Поднес к глазам — видит: одна бусина белая, дру-

¹ Кара-Хая — Черная Скала.

гая — красная, третья — синяя. Проглотил он их и стал спускаться с Кара-Хая в тайгу.

Идет по лесу дремучему, прислушивается, ко всему приглядывается. Заметил на ветке густой лиственницы двух белохвостых сорок, подобрался к ним тайком и диву дался: все, о чем стрекотали сороки, было ему теперь понятно.

Молодая сорока рассказывала старшей своей сестре историю про ламу¹:

— У Кара-Суга в скале есть пещера. В ней толстый лама три месяца читал судур². Потом надоело ему уединяться и голодать, бросил судур в речку и отправился по аалам³. А я за ним, где ложком, где леском. Лечу, высматриваю. Интересно, думаю, что дальше будет делать ученый лама.

— Уверена, что он поглупел от судура,— сказала старая сорока, прочищая клювом крылышки.

— Ты права. Зашел лама в юрту, а там нет никого. Только в котле кургулдай⁴ варится. Выхватил лама кургулдай из чана и скрутил колечками внутри шапки. Потом нахлобучил шапку на лоб и быстрым шагом пошел прочь от аала. Горячая кургулдай жжет голову, а лама терпит, торопится уйти подальше, чтобы кто-нибудь, чего доброго, не поймал его. А когда наконец сбросил шапку, голова оказалась лысой. Все волосы выпали.

— Есть люди глупые, есть умные. Лама — глупец,— глубокомысленно заметила старая сорока.

— Ты права,— согласилась молодая сорока.— Полечу-ка я теперь в желтую тайгу. Там пять зверей спор завели. Любопытно!— И улетела.

Недолго думая, Анчы-Кара направился в желтую тайгу. Хотелось ему узнать, будет ли он понимать и язык зверей.

Вошел Анчы-Кара в желтую тайгу и на одной из полянок увидел зайца, манула⁵, архара⁶, кабана и лису. Спорят, до хрипоты кричат. И странное дело — Анчы-Кара все понимает. Больше всех заяц разоряется:

¹ Л а м а — монах-священник у ламаистов, приверженцев разновидности буддизма.

² С у д у р — молитвенник, священная книга.

³ А а л — селение у кочевников, состоящее из нескольких юрт.

⁴ К у р г у л д а й — овечья кишка, начиненная жиром и мясом.

⁵ М а н у л — дикий кот.

⁶ А р х а р — парнокопытное животное из рода баранов.

— Если мне на мои раскосые глаза посмеет человек показаться, я его первым согну, как твои рога, архар.

— Нет, я его первой когтями задеру и хвостом забью,— перечит зайцу лиса.— А тебя съем.

— Я ему раньше всех глаза выцарапаю,— не уступает манул.

— А я его на рога поддену, вы и шевельнуться не успеете,— твердит свое архар.

— Э, все это пустые разговоры,— вступает в спор кабан.— Только я своими клыками могу дух из человека выпустить.

Рассмеялся Анчы-Кара и выступил из-за деревьев на поляну. Заяц сразу же прыг в кусты — и был таков. Ощерил кабан клыки и кинулся на Анчы-Кара. Тот не растерялся, ухватил за уши, прижал к земле и говорит:

— Чем с человеком воевать, лучше бы бродил по лесам и добывал из-под земли пяточком себе пищу.

С этими словами Анчы-Кара отбросил кабана в молодой ельник. Тогда, пригнув голову и выставив вперед рога, на охотника бросился архар. Схватил его Анчы-Кара за рога, скрутил ему шею, забросил на гору и крикнул вслед:

— Чем с человеком силой мериться, лучше бы тебе пастись на горах, пить родниковую воду и стеречь диких овец!

Тогда манул прижался к земле, распустил когти и прыгнул на Анчы-Кара, но тот увернулся, ухватил его за хвост, забросил на дерево и сказал посмеиваясь:

— Чем на человека прыгать, ты бы лучше сидел на дереве и высматривал мышек. Ну, а ты что скажешь?— обратился охотник к лисе.

— Я не люблю, когда к моему пушистому хвосту прикасаются чужие руки,— важно ответила лиса и, помахивая хвостом, ушла прочь.

Довольный собой, Анчы-Кара отправился прямо на север. Когда кончилась желтая тайга, увидел он перед собой аал, посреди которого стояла такая большая юрта, что ее и на девяти конях не обскачешь. Анчы-Кара зашел в черную юрту, что стояла на отшибе. Ее обитатели — старики рассказали ему, что у хана Дарынза стряслась беда. Дочь хана Нагыр-Чечек, излучающая свет луны и солнца, стала слепнуть. Пригласил хан лам и шаманов со всех дальних и близких земель, но они помочь беде не могут. Хан

обещал выдать свою дочь за того человека, который излечит ее от недуга.

Поспешил тогда Анчы-Кара в ханскую юрту, поклонился хану и ханше, сел в сторонке. Огляделся и увидел Нагыр-Чечек, лежавшую на красном девяти-слойном олбуке¹. И такая она была красивая и печальная, что Анчы-Кара решил во что бы то ни стало помочь ей. Поднялся он и обратился к хану:

— Я — Анчы-Кара из Кара-Хема. Скажите, Дарынза-хан, что за беда стряслась с вашей прекрасной дочерью?

Посмотрел хан презрительно на парня в оборванной одежде, хотел было приказать слугам прогнать его палками, но тут вдруг заговорила Нагыр-Чечек:

— Я не вижу, но мне по душе голос пришельца. Расскажи, отец, ему про мою болезнь.

Не успел хан и рта раскрыть, как выступил вперед толстый лама с лысой головой:

— Гони, хан, этого голодранца. Я, всевидящий и всемогущий лама, вылечу твою дочь, или никто ее не вылечит.

Посмотрел Анчы-Кара на лысую голову ламы и вспомнил подслушанный им рассказ сороки. Догадался, что перед ним тот самый лама, который украл кургулдай.

— Какой же ты всевидящий и всемогущий? Надо совсем потерять совесть, чтобы забраться в чужую юрту и выкрасть недоваренный кургулдай. Надо совсем потерять разум, чтобы надеть его вместе с шапкой на голову. Вот почему у тебя голова лысая.

Для ламы слова Анчы-Кара были как удар грома среди ясного неба. Стоял он посреди юрты с открытым ртом, как истукан.

Все рассмеялись, а хан почтительно обратился к Анчы-Кара:

— Ты, знать, не простой человек. Невидимые черви гложут глаза моей дочери. Если ты вылечишь, я отдам тебе Нагыр-Чечек в жены.

— Попытаюсь, хан. Пойду пораздумаю,— ответил Анчы-Кара и вышел из юрты.

Взобрался он на гору Болчайтылыг, лег средь кустов на землю и стал гадать-раздумывать о том, как бы ему помочь бедной Нагыр-Чечек. Вдруг откуда ни

¹ О л б у к — войлочный коврик.

возьмись прилетели два лебедя и завели меж собой такой разговор.

— Много я летал по белу свету, но нигде не видел такой красавицы, как Нагыр-Чечек,— говорит один лебедь.— Жаль, что ничто не может спасти ее глаза.

— Нет, есть одно средство,— возражает ему другой лебедь.— Нужно, чтобы в ее глаза попал сок синего цветка с маленькими, как звездочки, листьями. Растут они только в поднебесье, на горном хребте Сюмбер-Ула.

— Давай полетим, сорвем по цветку.

— Хоть и трудно, но ради царевны я готов полететь в поднебесье. Но что мы будем делать с цветками? Ведь не залетишь же ты в юрту?

— А мы сбросим цветки в дымовое отверстие. Как знать, может быть, кто-то из людей и догадается полечить ими глаза Нагыр-Чечек. К вечеру вернемся. Полетели!

Захлопали лебеди крыльями и поднялись высоко в небо.

Обрадовался Анчы-Кара. Вскочил на ноги, машет рукой вслед лебедям, улыбается: «Летите, добрые птицы! Я буду ждать-дождаться волшебных цветов с поднебесья».

Повеселевшим вернулся Анчы-Кара в ханскую юрту.

— С добрыми или плохими вестями пришел Анчы-Кара?— спрашивает его хан.

— С добрыми. Вылечу вашу дочь.

Услышала его голос Нагыр-Чечек, заплакала от радости. Велела подойти ему к ней. Взяла его руку, держит в своей и не отпускает. Так и сидит Анчы-Кара возле царевны, глаз с нее не сводит. А лысый лама хану на ухо что-то нашептывает. Хмурится хан, на молодого охотника косится.

— Посмотрим, как ты будешь лечить мою дочь. Если обманешь — вечером отрублю твои руки вместе с рукавами, сниму голову вместе с шапкой,— пригрозил Дарынза-хан.

— Прикажи, хан, затушить костер,— попросил Анчы-Кара.— Дым ест глаза больной.

Затушили костер. Все ждут, когда Анчы-Кара лечить царевну начнет. Прошел час, другой, а он все сидит недвижим. День уже к вечеру клонится. Забеспокоился Анчы-Кара — а вдруг запоздают лебеди или цветков не найдут? Прислушивается: не раздастся ли

шум лебединых крыльев? А царевне все хуже. Стонет от боли.

— Почему же ты не лечишь мою дочь, негодный?— закричал Дарынза-хан так, что вся юрта задрожала.

— Я жду, хан. Еще солнце не зашло. Дай срок.

— Как только скроется солнце, прикажу казнить тебя,— пригрозил хан.

— Будешь знать, как над божьим слугой насмехаться,— проворчал лысый лама, потирая от радости руки.

«Где же лебеди? Неужели ослепнет царевна? Неужели моя смерть пришла? А ведь солнце желанно и жизнь дороже золота...» — думал в тревоге Анчы-Кара.

Поднялся хан, распахнул дверь. Видит, что солнце уже прикоснулось золотым обручем к вершине Болчайтылыг, красными лучами землю напоследок озаряет. Хотел было хан уже дать знак слугам своим — схватить и казнить Анча-Кара, да вдруг раздался шум крыльев. Над юртой пронеслись большие птицы.

Один только Анчы-Кара заметил, как через дымоход в юрту упали два синих цветка. И пока все столпились у двери, смотря вслед птицам, он успел брызнуть в глаза Нагыр-Чечек соком синих цветов.

Царевна подняла голову и прозрела. Увидела она перед собой доброго молодца, стройного, как пихта, с черными, как спелая черемуха, глазами.

— Вижу, вижу!— вскричала Нагыр-Чечек и от радости заплакала. Вскоре она заснула спокойным сном.

— Вылечил я твою дочь, хан,— обратился Анчы-Кара к Дарынза-хану.— Хочу знать теперь: верное ли слово ханское? То, что я должен взять,— возьму. То, что вы должны дать,— дайте.

Смутился хан. Не хочется ему выдавать дочь за простого человека. А лысый лама опять ему что-то на ухо нашептывает.

— Слово мое верное,— говорит хан.— Но ты оскорбил мудрого ламу — служителя бога. Посажу я тебя в тамы¹. Замаливай там свои грехи. Если выберешься оттуда, тогда приходи говорить со мной о женьбе.

¹ Там ы — специально отрытая яма для заключения провинившихся перед ханом.

Бросили Анчы-Кара в глубокую тамы, привалили ее сверху каменной глыбой. Сидит Анчы-Кара ночь, сидит день — горюет, ламу лысого проклинает. Вдруг слышит: в углу мыши пищат.

— Если бы этот узник понимал наш язык, то мы бы спасли его. Вырыли бы подземный ход. Нас ведь в этом аале тысячи,— говорит черная мышь.

— А как же узнать, понимает он по-мышинному или нет?— спросила серая мышь.

— А вот как. Если он понимает нас, то пусть хлопнет три раза в ладоши.

Анчы-Кара поспешил хлопнуть три раза в ладоши, да от радости так громко, что мыши вмиг скрылись в своих норках. «Что я наделал?— корит себя парень.— Спугнул мышек. Потухнет теперь мой доселе не угасавший очаг!»

Но не прошло и часа, как яма наполнилась мышинным писком. Видимо-невидимо мышей собралось, и все они принялись подземный лаз рыть.

Прошел еще день, прошла еще ночь. Утром пропичала черная мышка: «Выходи, человек, понимающий наш язык, на свободу». Вильнула хвостиком и скрылась.

Выбрался Анчы-Кара на свет белый, отряхнулся и пошел к ханской юрте. А там в это время Нагыр-Чечек отца допрашивает, правды допытывается:

— Где тот добрый молодец, что меня спас? Я хочу его видеть.

— Дал я ему скота из своего скота, дал добра из своего добра, и он ушел в свой аал довольный. Про тебя даже не вспомнил,— отвечает ей хан.

— Анчы-Кара плохой человек, не нужно о нем даже и думать, прекрасная Нагыр-Чечек!— вторит хану лысый лама.

— Неправда!— вскричала царица.— Анчы-Кара хороший человек. Я по глазам это видела. И я пойду следом за ним, куда бы ни лежал его путь!

Тут распахнулась дверь и в юрту вошел Анчы-Кара. Черный он был от земли, но узнала его Нагыр-Чечек и от радости заплакала.

Говорит ей тогда Анчы-Кара:

— Не давал мне твой отец ни скота, ни добра. Посадил он меня в глубокую тамы и камнем тяжелым вход завалил. Нарушил он свое слово — отдать мне тебя в жены. А лысый лама — злой советчик. Не верь ему. Вот он и сейчас ему что-то нашептывает,

— Какие бы козни они ни придумывали, я буду твоей женой, Анчы-Кара,— сказала царевна.— Ты слышишь, отец, что говорит твоя единственная дочь — Нагыр-Чечек?

— Слышу, слышу,— отвечает ей хан.— Но пусть сначала твой жених подвиг совершит. На юге, за белой тайгой, в скале возле черной речки объявился шулбус¹. Если его не уничтожить — в мире разразится большая война.

Простился Анчы-Кара с царевной, излучающей свет луны и солнца, и отправился на гору Болчайтылыг. Сел на камень и горькую думу думает: как же ему, пешему, добраться до скалы, где шулбус живет, как же ему, только лук имеющему, победить такое чудовище?

Вдруг из поднебесья опустились два лебедя и спрашивают Анчы-Кара, чем он удручен. Рассказал им охотник про ханские козни, и лебеди стали его утешать:

— Не горюй, Анчы-Кара. За то, что ты спас от слепоты нашу любимицу — Нагыр-Чечек, мы поможем тебе. На северном склоне Арзайты-горы пасется табун пестрых жеребцов. Среди них зааркань белолобого черного жеребца. Садись на него и разыщи за желтой тайгой ущелье, где живет девяностосажженная змея. Прикажи ей приползти в логово шулбуса и обвиться вокруг его туловища. И только потом спусти стрелу в его единственный глаз.

Поблагодарил охотник лебедей и отправился на северный склон Арзайты-горы. Увидел там среди табуна пестрых коней белолобого черного жеребца, вскочил на него и вихрем помчался по желтой тайге. В ущелье разыскал Анчы-Кара девяностосажженную змею. Свернувшись в клубок, она грелась на солнце-пеке. Приказал ей Анчы-Кара ползти к шулбусу и обвить его туловище, а сам поскакал через белую тайгу. Затаился у логова шулбуса возле черной речки и ждет, когда подползет змея.

Три дня и три ночи ждал Анчы-Кара. Наконец, когда взошло солнце и камни стали золотисто-пестрыми, подползла змея. Обвила спящего шулбуса кольцом, как железными обручами охватила, и тот не мог ни рукой шевельнуть, ни ногой ступить. Вошел тогда Анчы-Кара в пещеру, прицелился из лука в огненный глаз шулбуса и спустил стрелу. Раздался тут сильный

¹ Шу л б у с — злой дух, чудовище.

гром. Еле успел охотник наружу выскочить, как скала рухнула и завалила пещеру.

Услышал Дарынза-хан громовые раскаты и догадался, что это Анчы-Кара расправился с шулбусом. Испугался хан, прогнал лысого ламу из своего аала и стал готовиться к свадьбе своей дочери.

Когда прискакал Анчы-Кара на белолобом черном жеребце в ханский аал, то увидел рядом с ханской юртой другую, белую да большую-пребольшую юрту. Вошел в нее и видит: Нагыр-Чечек восседает на ковре и улыбается, а рядом огромные расписные сундуки с разным добром красуются.

— Вот наша юрта,— сказала Нагыр-Чечек.— Ты рад, Анчы-Кара?

— Очень рад. Но я хочу вернуться в родные края, на берега родного Кара-Хема. Ты пойдешь со мной?

— Пойду,— не раздумывая, ответила Нагыр-Чечек.

Откочевали Анчы-Кара и Нагыр-Чечек к Кара-Хему и зажили там мирной жизнью.

КОДУР-ООЛ И БИЧЕ-КЫС

Это было давным-давно, в незапамятные времена. На берегу реки Густуг-Хем жил богач по имени Бура-Баштыг. У него была белая богатая юрта, тысячи голов скота и много работников. Среди них были старый охотник, его сын Кодур-оол и девушка Биче-кыс, возлюбленная Кодур-оола. Однажды старый охотник, не выдержав побоев Бура-Баштыга, решил уйти с сыном в лес. Перед уходом Кодур-оол пошел проститься с любимой.

— Я ухожу с отцом в лес. Проклятому Бура-Баштыгу мы не хотим покориться,— сказал Кодур-оол.

— Ты меня покидаешь?— спросила Биче-кыс и заплакала. Кодур-оол крепко прижал ее к себе и поцеловал.

— Я никогда не покину тебя, моя Биче. Пойду в лес, убью много зверя. Освобожу и тебя от Бура-Баштыга.

Биче-кыс страхнула кончиком рукава слезы и улыбнулась.

— Ладно, милый! Желаю тебе большой удачи.

Кодур-оол пошел догонять отца. В дорогу он взял свой бызанчы¹, на котором любил играть, когда пел

¹ Б ы з а н ч ы — музыкальный инструмент со струнами из конского волоса.

песни. Кодур-оол шел, часто оглядываясь на черную юрту¹, где осталась любимая. Он хотел, чтобы она еще долго слышала его голос, и громко пел:

Если у подножья Кускуннуга я вырою колодец,
То найду в нем чистую воду,
Если девушку в белой юрте я посватаю,
То найду в ней добрую жену.

Он шел, думая о Биче-кыс. Вдруг перед ним старшая дочь Бура-Баштыга — Чилбакай. Она сидит верхом на красивом белом коне с серебряной сбруей. На ней шелковый халат и шапка из богатого меха, в ушах блестят золотые серьги. Ее глаза колют, как шипы караганника².

— Ты самый красивый среди людей моего отца. И ты оставляешь наш аал и меня! Если я захочу, кто будет ласкать меня?

Кодур-оол некоторое время стоял молча. Что скажешь хищной рыси, когда она готовится растерзать свою жертву?

Наконец он сказал Чилбакай спокойно, гордо:

— Ты богата и нарядна. Но у тебя нет сердца. Я тебя ненавижу, не хочу видеть никогда.

Чилбакай изо всей силы хлестнула коня и помчалась по степи. А Кодур-оол отправился дальше по следу отца. Он пересек широкую ровную степь и пришел к опушке леса. Здесь текла бурная горная река, за рекой раскинулись бескрайние леса, а за ними — цепи гор, вершины которых упирались в небо. К тому времени солнце уже почти подошло к одной из высоких скал и должно было скоро упасть на нее.

Кодур-оол пошел вверх по крутому берегу реки. Наконец он увидел отца у большого утеса, подступившего к берегу.

— Где ты так долго пропадал? Из-за тебя я пропустил вечерний выход зверя, — сказал отец.

— Нигде не пропадал, но я шел не той тропой и потратил время на обход, — ответил Кодур-оол и смутился под взглядом строгих отцовских глаз. Он ни слова не сказал о Биче-кыс.

Схотники развели большой костер и легли спать под утесом.

¹ Черная юрта — ветхая, черная от дыма и копоти юрта аратов-бедняков. Богачи жили в юртах, крытых белой дорогой кошмой.

² Караганник — колючий кустарник.

Глядя на искры, улетающие в черное небо, Кодур-оол размышлял: «И деревья вокруг нас, и звезды на небе, и мы с отцом — все хотят жить. Трудно жить, а все-таки жить хорошо! Только нужно быть таким, как отец. Он молчалив, а добычи у него больше, чем у других охотников. Вот набьем много зверя, и Биче-кыс станет хозяйкой нашей новой юрты». С этими мыслями он заснул.

Когда он проснулся, костер уже давно погас. Отца не было. Кодур-оол встал, быстро прочистил и зарядил ружье.

Тут он вспомнил о своем неразлучном друге бызанчы.

— Пожелай мне удачи в охоте,— сказал он, крепко сжимая в руках бызанчы, и запел:

Как голосом кукушки
Полны леса,
Так словами любимой
Полны сердце мое и кровь.

Потом он поставил бызанчы перед большим камнем в укрытом месте и, взяв ружье, пошел на охоту. Он шел, осторожно ступая, чтобы не хрустнула под ногами ни одна ветка.

Так проходил он до вечера и возвратился к утесу, не убив ни одного зверя.

Вскоре вернулся отец. Он нес на одном плече ружье, на другом — дикого козла. Но Кодур-оол, занятый мыслями о Биче-кыс, не заметил прихода отца.

— О чем ты горюешь, сынок?— спросил отец.

Кодур-оол вздрогнул, но скрыл свое смущение.

— Как не горевать? Видишь, с какой добычей ты вернулся, а я пришел с пустыми руками.

— Не печалься,— сказал отец,— козел — наш. Возьми бызанчы, сыграй и спой. Я люблю, когда ты поешь.

Кодур-оол пел и играл, пока не уснул с бызанчы в руках. Когда он проснулся, отца опять не было. Кодур-оол взял ружье и твердо решил вернуться с добычей. В это время грянула гроза.

«Что это? Все пошло мне наперекор. Осенью — гроза!» Он поставил ружье к скале, взял бызанчы и стал играть и петь. Голос у него был сильный, как буря, и в то же время нежный и высокий, как призывный зов марала. Лил дождь, гремел гром. Кодур-оол не слышал воя бури.

Едруг раздался страшный треск. Это молния разбила в щепки большой старый кедр, прижавшийся ветвями к скале. Кодур-оол очнулся. Вот раздался еще более сильный треск, и из скалы, у которой сидел Кодур-оол, вышла нарядная девушка, в халате из красного шелка, подпоясанном зеленым поясом, в рысьей шапке с парчовым верхом, в расшитых идыхах¹. Ее узкие черные глаза сверкали, концы длинных кос доставали до земли. Она спокойно села у погасшего костра, словно не замечая бури.

Кодур-оол не знал, что ему делать. Он вспоминал то своего отца, то свою Биче-кыс и сурово молчал. Наконец он спросил:

— Кто ты? Откуда пришла?

— Я царевна этих гор и лесов, — ответила девушка. — Звуки твоего бызанчы привели меня сюда. Они проникли в мое сердце. За это я полюбила тебя.

Когда Кодур-оол услышал эти слова, то сердцу стало тепло. Но что-то отталкивало его от незнакомки. И Кодур-оол сурово спросил:

— Что тебе нужно от меня?

— Пойдем со мной. У меня тысячи голов скота. Юрта моя из чистого золота и серебра. Если ты станешь моим другом — будешь хозяином этого богатства. Согласен ли ты?

— Нет, не буду я твоим другом, — сказал Кодур-оол и отправился на охоту.

Но в это время с новой силой разразилась гроза, загредел гром, полил дождь. Какая-то неведомая сила подняла Кодур-оола и понесла по воздуху. Упав на землю, он увидел возле себя богатую юрту.

Кодур-оол вошел. Пол юрты был покрыт узорчатыми коврами, вдоль стен стояли сундуки, украшенные серебряной чеканкой, наполненные доверху дорогими мехами и драгоценностями. На очаге большая чаша была полна молока с желтой пенкой. Справа стоял шкаф для посуды с узором из драконов и львов, а слева — кровать, покрытая шелковым одеялом. В юрте никого не было. Через некоторое время вошла царевна.

— Вот моя юрта, — сказала она. — Если ты будешь жить в ней, все это будет твоим.

Кодур-оол ничего не ответил.

— Разве можно мужчине быть таким застенчи-

¹ И д ы к и — национальная обувь с загнутыми вверх носами.

вым? Почему ты боишься меня? Хочешь, я стану твоей женой?— говорила она.

Видя, что Кодур-оол молчит, она продолжала:

— Если ты думаешь о своих, то не беспокойся: когда будем жить вместе, ты приведешь их сюда.

— Мне не надо твоего богатства и твоей красоты,— сказал Кодур-оол.— У меня есть бедная, но любимая девушка.

— Ах вот оно что! Ну нет, уж к ней-то ты не уйдешь. Я тебе дороги не покажу и коней не дам!— крикнула разгневанная красавица и убежала.

Вокруг юрты она поставила стражу.

Кодур-оол мог уходить из юрты лишь до того места, куда долетает стрела, пущенная тугой тетивой.

Он каждый день взбирался на горку и там играл на бызанчы свои любимые песни. Все жители аала собирались слушать его.

Кодур-оол долгие дни и ночи думал о том, как убежать от красавицы. Случай ему помог. Лесная царевна решила испытать терпение Кодур-оола. Перед заходом солнца она пришла к нему и сказала:

— Послушай, Кодур-оол. Если ты хочешь получить то, что тебе дороже всего на свете, девяносто дней ничего не говори. Если ты выполнишь это условие, то получишь все, что захочешь. Если нет — будешь изгнан отсюда и ни с чем вернешься к своему костру. Но не думай меня обмануть: если ты нарочно что-нибудь скажешь, то всю жизнь будешь сидеть в этой юрте под стражей.

— Я готов выполнить твое требование,— согласился Кодур-оол.

Много дней Кодур-оол не говорил, выполняя условие. Время от времени он поднимался на гору и играл на бызанчы. Он думал о родине и о Биче-кыс. Он больше не хотел оставаться здесь, но не знал, как сказать что-нибудь вслух, чтобы слова сказались сами собой, а не нарочно.

Как-то Кодур-оол вошел в юрту и стал подбрасывать дрова в очаг, все думая о том, как бы что-нибудь нечаянно сказать.

Он не заметил, как огонь разгорелся, молоко в чаше закипело и стало с шумом заливать пламя. Он невольно воскликнул:

— Молоко кипит, молоко кипит!

Раздался страшный грохот, кто-то поднял Кодура-оола и понес. Он долго летел. Потом сильно ударился

и, когда опомнился, увидел себя возле знакомой скалы, у своего костра, в старой одежде, с бызанчы в руках.

— Где ты был, сын мой? Я много ночей не спал. Много таежных троп исходил, искал тебя. Порой я слышал твою песню. Но она доносилась ко мне эхом со всех сторон. Я доходил до ущелий и возвращался назад. Почему ты не сказал, куда ушел?— спрашивал отец, прижимая голову сына к своей груди.

Кодур-оол рассказал все, что было. Выслушав его, отец сказал:

— Богачи все одинаковы. Хорошо, что ты вернулся.

— А ты опять с добычей?— спросил Кодур-оол.

— Как же! Сорок лет охочусь, а такой богатой добычи у меня никогда еще не было.

Отец подошел к большой куче и снял ветки — под ними лежали сложенные рядами драгоценные шкуры зверей. Обрадовался Кодур-оол.

— Теперь у Бура-Баштыга желчный пузырь лопнет!— воскликнул он.— Как жаль, что я ничем не помог тебе, отец! Ты все добыл один.

— Не горюй, сын. Это ты помог мне своей песней. Когда ты пел и играл, все звери тайги останавливались и поднимали уши.

Отец почистил ружье и связал пушнину. Взвалив на себя шкуры, они отправились домой. На стоянке остались только кости зверей да угли потухшего костра.

Бура-Баштыг, увидев, что Кодур-оол с отцом вернулись с богатой добычей, приветливо встретил их. Но они не поклонились Бура-Баштыгу, как прежде, а прямо пошли в свою юрту.

Бура-Баштыг не стерпел обиды. Он вошел в юрту Кодур-оола и с укором проговорил:

— Что вы за люди? Забыли древний обычай — делиться с друзьями и близкими после удачной охоты?

— Почему-то ты нашего горя не замечал, а наше богатство сразу увидел,— сказал отец.

Бура-Баштыг быстро ушел, размахивая длинными рукавами халата. Кодур-оол с отцом разложили и развесили в юрте богатую добычу. Вскоре снова явился Бура-Баштыг. Он привел свою дочь в праздничном наряде.

— Слушай, ашак¹, — сказал Бура-Баштыг отцу Кодур-оола, — мне нужно поговорить с тобой наедине.

Они вышли из юрты. Кодур-оол услышал сквозь кошму громкий шепот Бура-Баштыга: «Послушай, у тебя сын, у меня дочь. Надо подумать об их счастье».

Кодур-оол обернулся и посмотрел на дочь Бура-Баштыга.

— Теперь мы ровня, милый Кодур, — сказала она. — Я знатна, и ты богат. Я буду твоей женой. Я люблю тебя.

— Ты любишь не меня, а шкуры зверей, убитых моим отцом. Можешь уходить. Не нужна мне твоя знатность.

В это время Биче-кыс работала в юрте Бура-Баштыга и горько плакала.

— Кодур-оол теперь богат, — говорила она себе. — Бура-Баштыг захочет женить его на Чилбакай.

Тут вошли Бура-Баштыг и его дочь с красными от злобы глазами.

— Ты чего здесь торчишь? Вон из моей юрты! — крикнул он Биче-кыс.

Биче-кыс, не понимая причины такой злобы, быстро откинула полог и выскользнула из юрты. Может быть, Кодур-оол не согласился и еще думает о ней, Биче-кыс? С этой надеждой она побежала к юрте Кодура-оола, но встретила его на полпути.

Кодур-оол схватил ее за руки и сказал:

— Я не хочу больше никогда расставаться с тобой!

— И я тоже, — ответила она.

И Биче-кыс стала женой Кодур-оола, хозяйкой их новой юрты.

БЕРЕЗОВАЯ ДЕВУШКА

Жили-были четыре брата. Младший на охоту ходил, два средних за скотом и добром присматривали, а старший брат из тайги дрова приносил.

Однажды зашел старший брат далеко в тайгу, смотрит — большая береза стоит. Срубил ее парень, хотел расколоть на дрова, да залюбовался белизной дерева. Вытесал он из березы куклу.

Связал вязанку дров, нагрузил на свои могучие плечи и отправился домой, прихватив с собой березовую куклу.

¹ А ш а к — старик.

Увидел куклу второй брат и нарядил ее в свой праздничный халат. Третий брат поставил рядом с куклой еду и смочил ей губы парным молоком.

Сидит около юрты кукла-красавица, совсем как живая девушка. Пришел вечером с охоты младший брат Биче-оол и залюбовался березовой девушкой. Смотрел, смотрел на нее — не вытерпел и поцеловал ее в губы. И вдруг видит: ожила кукла, открыла глаза, засмеялась серебряным смехом и нежно обняла Биче-оола.

Увидели это братья и стали спорить.

Старший говорит:

— Это я ее вытесал из березы. Она моя.

Второй брат говорит:

— Нет, моя. Я ее одел.

Третий брат говорит:

— А я ее накормил.

Один только Биче-оол молчит, сидит рядом с девушкой и глаз с нее не сводит.

Долго спорили братья. Наконец старший брат предложил:

— Пусть девушка сама решит, кто для нее больше сделал. Кого она выберет, тот и будет ей мужем.

Подумала березовая девушка и говорит:

— Старший брат вытесал меня из березы. Он отец мне. Второй брат одел меня. Он мать мне. Третий брат накормил меня. Он брат мне. А Биче-оол оживил — приласкал меня, как жених невесту. Он должен быть мне мужем.

Подивились братья мудрому ответу девушки и согласились. Счастливо зажил Биче-оол со своей женой. Говорят, они до сих пор живут и не старятся.

МАЛЯР И РЕЗЧИК

Среди слуг Караты-хана был резчик по дереву Ананда и маляр Онанда. Резчика Ананду хан ценил и похваливал, а маляра Онанду часто ругал — то не так, это не так.

Маляр Онанда был завистливым, задумал сжить со света искусного резчика. Написал он письмо хану от имени его давно умершего отца. Пришел к Караты-хану с этим письмом и говорит:

— Вот, хан, упал с неба кусок шелка с какими-то письменами, а что они означают — я не понимаю.

Хан призвал резчика Ананду и велел читать вслух. Тот выполнил волю хана и прочел такие слова:

«Сын мой, Караты-хан младший! На небесах переродился я в бога. Строю большой монастырь. Для укрощения его пришли мне резчика Ананду верхом на дыме. Караты-хан старший».

Обрадовался хан, что его отец сделался богом на небесах, и хотя ему и жалко было расставаться с умелым резчиком, но все же стал его торопить:

— Собирайся скорее в дальний путь, Ананда. Служи моему отцу так же хорошо, как мне. Завтра разожжем большой костер, и ты на его дыме поднимешься в верхний мир к моему отцу.

Догадался Ананда, что это письмо его недруг маляр Онанда сочинил. Подумал и говорит хану:

— Раз хан приказывает, простой человек должен повиноваться. Прошу показать мне место, откуда я отправлюсь в путь, и дать мне девять дней на сборы. Инструмент нужно приготовить.

Согласился хан, указал место, где будет костер сложен, и отпустил резчика. А тот, не теряя времени, по ночам, тайком стал из своей юрты копать подземный ход к тому месту, где хан решил сжечь его. На девятый день лаз был готов. Выход из него Ананда заложил плоским камнем и травой. После этого явился к хану с котомкой и заявил, что он готов верхом на дыме предстать перед Караты-ханом старшим. Хан велел резчику встать на указанное им место, а слугам своим обложить его дровами и хворостом. Из всех слуг особенно старался маляр Онанда. Он, обливаясь потом, тяжелые бревна к костру волочил.

— Смотри,— говорит, посмеиваясь, Онанда резчику,— как я для тебя стараюсь. Хочу, чтобы дым был погуще. Тебе удобнее будет его оседлать.

Промолчал Ананда, а сам подумал: «Смейся, смейся, злой человек. Придет время, и я посмеюсь».

Вспыхнул костер. Выждал немного Ананда и, когда дым скрыл его от глаз собравшихся, открыл лаз и стал спускаться вниз. Уже под землей услышал он восторженные крики Онанды: «Вот он, Ананда! Вот он летит! Смотрите вверх!»

Восемь дней сидел Ананда в своей юрте, никому не показываясь. На девятый день явился к хану, протянул письмо и говорит:

— Вернулся я от Караты-хана старшего. Он письмо тебе прислал.

Подивился Караты-хан, повертел бумагу в руках и опять вернул ее Ананде:

— Читай!

Ананда стал читать:

«Сын мой, Караты-хан младший! Выполнил твой резчик Ананда работу хорошо. Награди его. Монастырь стал красивым. Теперь нужно красить. Пришли ко мне поскорее маляра Онанду верхом на дыме. Караты-хан старший».

Вызвал хан Онанду. А тот, как увидел живого, не вредимого резчика, пустился наутек. С трудом поймали его ханские слуги.

— Читай, Ананда, еще раз, — приказал хан.

Вновь прочитал Ананда написанное им же самим письмо. Заплакал Ананда, упал на колени перед ханом, просит дать ему девять дней на сборы.

— Нет, воля отца для меня священна. Раз он требует срочно явиться к нему, ты должен подчиниться.

Вышел хан в степь, приказал слугам обложить Онанду дровами и хворостом. Ананда тоже принес большое бревно. Бросил его и крикнул маляру:

— Вот, Ананда, как я для тебя стараюсь! Дым будет густой, и ты его легко оседлаешь. Будешь знать, как другим яму копать.

Подожгли костер. С воплями выпрыгнул Ананда из огня, но поймал его резчик и в костер бросил со словами:

— Если мужчина назад с полпути вернется, то в безрогого черного быка, на котором дрова возят, переродится.

Недаром в народе говорят: «Не рой другому яму — сам в нее попадешь».

РЫБАК ОСКЮС-ООЛ

Было это раньше раннего, древнее древнего. В верховьях Кара-Хема жил Караты-хан, а в устье — лама с двумя послушниками. В среднем течении реки в чуме из коры лиственницы жил бедный рыбак Оскюс-оол. У него была огромная черная злая собака.

Лама каждый день думал: «Как бы взять в жены прекрасную дочь Караты-хана, Сияющую красавицу? Как ее увезти? Ехать свататься нельзя. Запрещает закон. Надо хана обмануть. А как его обмануть?» И наконец придумал. Он приехал к Караты-хану. Когда они сели пить — незаметно всыпал ему в араку бе-

лый порошок, сделанный из ядовитой травы. И поскорей уехал, чтобы хан заболел без него.

Только он вернулся домой — прискакали ханские слуги.

— Скорее, достопочтенный лама, скорее садитесь на коня! Наш хан тяжело заболел! — сказали они.

— Сейчас возьму лекарство, — сказал лама и побежал к послушникам. — Мои верные послушники! — сказал он. — Я еду к хану. По Кара-Хему я скоро спущу большой сундук, обтянутый кожей. Стойте у реки и караульте, чтобы его не пропустить. Поймайте этот сундук и принесите в мою юрту. Но не вздумайте открывать без меня!

И лама уехал вместе с ханскими слугами. Он пришел к больному хану и начал бросать гадальные кости.

— О хан, у вас страшная болезнь, — сказал он. — Очень скоро вы должны умереть. Эрлики¹ в нижнем мире уже знают об этом и приготовились вас встречать... Но вместо вас можно послать в нижний мир другого человека. Этим человеком может стать только ваша единственная дочь. Надо посадить ее в сундук, обтянутый кожей, и пустить вниз по Кара-Хему.

— О, что ты, что ты, достопочтенный лама! Свою единственную юную дочь я в воду не брошу. Уж если умирать, то пусть я умру, я ведь старик, — сказал хан.

Лама снова подсыпал яду — совсем хана скрутило. А сам собрался уходить.

— Постой, постой! — закричал хан. — Я больше не могу терпеть боль. А жизнь — ох, как дорога! Я согласен. Отправляй мою дочь в нижний мир, только избавь меня от мучений! Я, я должен жить, а не она. Ведь она не сможет сесть после меня на почетное место — управлять ханством и вершить суд, она не сможет стрелять в тайге дикого зверя... Ох, спаси!

Лама положил ханскую дочь, Сияющую красавицу, в большой черный сундук, обтянул его кожей коровы и пустил вниз по Кара-Хему. А хану подсыпал порошок, который выгоняет яд. Хан сразу поправился.

Оскюс-оол, как обычно, рыбачил. Около него сидела его огромная злая собака. В полдень он увидел

¹ Эрлики — божественные существа нижнего, то есть загробного, мира; по преданиям, якобы осуществляли суд над умершими.

плывущий по реке большой сундук, обтянутый кожей. Оскюс-оол зацепил его длинной палкой и вытащил на берег. Он принес сундук в свой бедный чум, открыл... и увидел в нем прекрасную девушку, Сияющую красавицу, излучавшую свет солнца и луны. Он бережно вынул девушку и посадил в сундук вместо нее огромную злую собаку. Сундук закрыл, обтянул кожей и пустил вниз по Кара-Хему.

Послушники ламы не отрываясь смотрели на реку — ждали сундук. И наконец увидели: плывет, плывет! Они бросились в воду, вдвоем вытащили его и отнесли в юрту ламы.

Скоро вернулся и сам лама, радостный, возбужденный и пьяный.

— Ну, мои верные послушники, поймали вы сундук, который я спустил по реке? — спросил он.

— Поймали, башкы ¹, — ответили они.

— Где он? — спросил лама.

— В вашей юрте, башкы, — ответили они.

— Очень хорошо, очень хорошо! Слушайте: сегодня ночью я буду совершать тайную священную молитву. Никто не должен меня видеть во время этой молитвы. Не входите в мою юрту, даже если услышите крики и стоны: это я буду разговаривать с бургуном ². Вы поняли меня? — спросил лама.

— Поняли, башкы, — ответили послушники.

Лама ушел в юрту. С нетерпением открыл сундук. Оттуда выскочила огромная злая голодная собака и бросилась на него. Лама закричал, застонал, стал звать на помощь. Но послушники знали: как бы он ни кричал, входить нельзя. Утром они принесли мясо и лепешки своему башкы. Вместо ламы лежали обглоданные кости.

А рыбак Оскюс-оол все смотрел и смотрел на Сияющую красавицу и не мог насмотреться. Он даже перестал ходить на реку, ловить рыбу.

— Что с тобой стало? Прежде, говорят, ты работал, рыбачил. Почему теперь дома сидишь? Что мы есть будем? — спросила красавица.

— Я люблюсь твоей красотой и не могу от тебя отойти, — ответил Оскюс-оол.

¹ Башкы — учитель (обращение к ламе).

² Бургун (бурган) — божество.

— Тогда я нарисую себя. Смотри на мое изображение и лови рыбу,— сказала красавица.

Оскюс-оол снова начал ходить на рыбалку. И всегда брал с собой рисунок красавицы. Рыбы стал ловить больше прежнего.

Но однажды сильный порыв ветра вырвал рисунок из рук Оскюс-оола и унес неизвестно куда. Сколько рыбак ни искал его — нигде не нашел. С заплаканными глазами вернулся домой.

— Что случилось, Оскюс-оол? Почему ты так печален?— спросила красавица.

— Я печален потому, что ветер вырвал у меня из рук твой рисунок и унес неизвестно куда,— ответил Оскюс-оол.

Загрустила красавица.

— Не умиравший, теперь ты умрешь, негаснувший твой огонь погаснет,— сказала она.

А рисунок долго летел по ветру и опустился в аале соседнего хана. Его нашла ханская шивишкин¹ и поскорей отнесла повелителю.

— О, какая красавица живет на земле! Я на ней женюсь!— воскликнул хан.

Он собрал войско и отправился искать прекрасную девушку. Скоро его воины нашли чум Оскюс-оола. Хан забрал Сияющую красавицу, разрушил чум, а Оскюс-оола прогнал.

Бедный Оскюс-оол заплакал и пошел вверх по Кара-Хему. Пришел в аал Караты-хана и нанялся к нему пасти овец. Пас целых три года. За работу попросил серого безрогого быка, медвежью шубу и волчью шапку. Надел он шубу и шапку, сел на быка и поехал искать свою жену.

А жена его, Сияющая красавица, за три года ни разу не улыбнулась. Сколько ни старался хан — не мог ее развеселить. Даже уголки губ красавицы ни разу не дрогнули.

И вдруг она увидела человека в медвежьей шубе и волчьей шапке, ехавшего на сером безрогом быке. Она засмеялась таким радостным смехом, какого ни хан, ни его шивишкин никогда не слышали.

— За три года ты ни разу не улыбнулась, даже уголки губ у тебя ни разу не дрогнули. Почему же

¹ Ш и в и ш к и н — ханская прислужница, приживалка.

ты сейчас, увидев захудалого нищего парня на плохом безрогом быке, так обрадовалась, так засмеялась?— спросил хан.

— Как же мне не смеяться — у него такие смешные шуба и шапка и такой смешной бык!— ответила красавица.

— Ну, а если я так же наряжусь и поеду на этом безрогом быке, ты будешь весело смеяться?— спросил хан.

— О хан, если вы так же нарядитесь, я буду смеяться еще больше!— ответила красавица.

Хан побежал к Оскюс-оолу и упросил его поменяться шубами и шапками. Потом он сел на серого безрогого быка и уехал в степь, чтобы неожиданно вернуться на быке и рассмешить красавицу. А она поскорей позвала Оскюс-оола в юрту и уложила в ханскую постель. Потом созвала воинов и сказала:

— Наш хан тяжело заболел. Жизнь его держится на волоске, на лезвии ножа. По степи на сером безрогом быке ездит черт в медвежьей шубе и волчьей шапке. Это он нагнал болезнь на нашего хана. Вы должны черта убить. Скоро он опять появится здесь. Он вас захочет обмануть, будет кричать: «Я ваш хан! Я ваш хан!» Но вы черту не верьте. Ваш хан лежит здесь, в юрте. Он болен.

Красавица поставила воинов вокруг аала. Воины увидели: кто-то едет к аалу на сером безрогом быке.

— Посмотрите, как он одет?

— На нем медвежья шуба и волчья шапка.

— Это черт, черт!— закричали все воины.— Он едет сюда, чтобы убить нашего хана!

Они побежали навстречу и стали в него стрелять.

— Стойте! Я ваш хан! Я ваш хан!— закричал хан.

— Нет, ты нас не обманешь, ты — черт!— кричали воины. И они убили переодетого хана.

А Оскюс-оол с Сияющей красавицей жили долго и счастливо.

ОСКЮС-ООЛ,

КОТОРЫЙ ПОСТИГ ТРИ НАУКИ

Жил когда-то старик. У него были сын Оскюс-оол, тридцать коней, тридцать коров и тридцать коз. Скоро старик умер. Оскюс-оол остался совсем один. «Нет у меня братьев, нет у меня сестер,— думал он.— Зачем

мне одному столько скота? Лучше я променяю свой скот трех родов на три науки».

Он погнал свой скот на север. И вот увидел три юрты. Он вошел в одну из них. Там люди играли в шахматы.

— Откуда ты пришел? Что ты ищешь?— спросили его.

— Я пришел с юга. Родители мои умерли. Мне оставили скот трех родов. Я решил променять его на три науки. Научите меня играть в шахматы, и я отдам вам тридцать коз,— сказал Оскюс-оол.

Игроки согласились, взяли у него тридцать коз и за месяц научили играть в шахматы. Оскюс-оол стал играть даже лучше своих учителей. «Одну науку я постиг,— подумал он.— Осталось еще две». Он попрощался с учителями и погнал свой скот на север.

Скоро он подъехал к юрте. В ней три человека показывали друг другу китайские фокусы.

— Откуда ты пришел? Что ты ищешь?— спросили его.

— Я пришел с юга. Родители мои умерли. Мне оставили скот трех родов. Я решил променять его на три науки. Одну я постиг — научился играть в шахматы. Научите меня вашим фокусам — и вы получите тридцать коров,— сказал Оскюс-оол.

Искусники согласились, взяли у него тридцать коров и за месяц научили своему искусству. Оскюс-оол стал показывать фокусы даже лучше своих учителей. «Две науки я постиг,— подумал он.— Осталась одна». Он попрощался с учителями и погнал своих коней на север.

И снова встретил юрту. В ней три человека сидели и считали. Оскюс-оол рассказал им, что своих коз и коров он променял на две науки — умеет теперь играть в шахматы и показывать фокусы.

— Научите меня считать — и вы получите двадцать девять коней,— сказал он.

Ученые люди согласились, взяли у него двадцать девять коней и за месяц научили счету. Оскюс-оол стал считать не хуже своих учителей.

«Я постиг три науки,— подумал он.— Теперь можно ехать по аалам». И поехал на своем единственном коне.

Он услышал, что Караты-хан играет в шахматы на голову: кто ему проиграет — голову потеряет, а кто трижды его обыграет — сам ханом станет.

«Нет у меня братьев, нет у меня сестер,— подумал Оскюс-оол.— Один я на свете. Некому будет обо мне горевать. Поеду, сражусь с Караты-ханом».

Недалеко от аала хана, на перевале, он увидел много отрубленных человеческих голов. Они висели, подвешенные за косы, на деревьях вдоль тропы. Оскюс-оол сосчитал головы. Их оказалось девяносто девять. «С головой хана будет сто»,— подумал он и смело пошел вперед.

— Откуда ты приехал? Что тебе надо, странник?— спросил его Караты-хан.

— Я приехал из-за той горы. Хочу сыграть с вами в шахматы. Я слышал, что можно выиграть ваше ханство,— сказал Оскюс-оол.

— Ха-ха-ха!— рассмеялся хан.— А когда ты ехал из-за той горы, ты что-нибудь видел на перевале?

— Я видел много голов.

— Пойди-ка сначала сосчитай, сколько там голов, а уж тогда будем играть,— сказал хан.

— Я их сосчитал. Девяносто девять. С вашей, хан, будет сто.

Удивился хан, что простой человек счету обучен, и сел играть. Скоро он увидел, что проигрывает.

— Э-э, парень, стой, шахматы — игра трудная, долгая. А человек есть-пить хочет. Давай отдохнем, поедим,— сказал он.

Жена хана принесла им еду на двух золотых тарелках. Оскюс-оол понял, что еда, которая стоит перед ханом, глаз просветляет и ум оживляет, а еда, которая стоит перед ним, глаз затуманивает и ум одурманивает. Не зря он учился фокусам. За то время, пока хан глазами моргнул, он успел обменять тарелки. Хан ничего не заметил.

После еды продолжили игру. Через несколько ходов хан проиграл.

— Один раз я выиграл, осталось два,— спокойно сказал Оскюс-оол.

Хан злобно на него посмотрел, и они начали играть снова. И опять Оскюс-оол одолевает, и опять хан кричит:

— Принеси, жена, вкусной еды — силы наши подкрепить!

Опять перед ними появились две золотые тарелки, и опять их сумел поменять ловкий парень.

После еды продолжили игру. Глаза хана затуманились. Не знает, что делать. Быстро проиграл.

— Осталось обыграть вас один раз,— сказал Оскюс-оол.

Хан со страхом на него посмотрел, и они начали последнюю игру. После первых ходов хан понял: приходит ему конец. Снова он приказал, чтобы принесли еды, снова Оскюс-оол поменял тарелки. Только хан поел — в глазах его зарябило, фигуры запрыгали. Три хода сделал и проиграл.

— Ну что, хан, все три раза выиграл я! На перевале — девяносто девять голов. С вашей головой будет сто!

— О Оскюс-оол, пощади меня! Возьми все золото и серебро, возьми весь скот и всех слуг, будь ханом, только не отрубай мне голову!— взмолился хан.

— Те девяносто девять человек, которые опередили вас, не нарушали условий. Они играли на голову и проиграли. Теперь ваша очередь расплачиваться!— сказал Оскюс-оол и повел Караты-хана на перевал. Там он отрубил хану голову, и больше никто в тех землях на голову не играл.

А Оскюс-оол, постигший три науки, стал править ханством.

СТАРИК АК-САЛ¹ И ДУЖУМЕТ²

Жил когда-то белоголовый старик Ак-Сал. И жил в соседнем аале злой дужумет. Он любил издеваться над людьми. Каждому, кто приходил в его аал, он загадывал загадки-головоломки. Каждого, кто не мог их отгадать, он избивал тяжелой плетью.

— Кто отгадает загадку — сам меня избьет плетью!— весело говорил дужумет.

Но никто не мог отгадать мудрых загадок. Каждому доставались плети.

Мудрым, бывалым человеком был белоголовый старик Ак-Сал. Решил он защитить простых людей, отомстить дужумету. Пришел он в соседний аал и вошел прямо в юрту к злодею.

— Старик, разве ты не знаешь моих правил? Каждый, кто сюда приходит, отгадывает мои загадки-головоломки. Отгадаешь — ты бьешь меня плетью. Не отгадаешь — сам попробуешь тяжелую плеть!

— Я слушаю твою загадку-задачу. Я пришел про-

¹ Ак-Сал — Белая Борода.

² Дужумет — ханский чиновник.

учить тебя, разбойник! — смело сказал белоголовый старик Ак-Сал.

— Вон ты какой! Ну смотри. Бидишь вон ту гору? На вершине горы — белый всадник¹. Пойди спроси у него, когда и откуда он приехал, когда и куда собирается уехать, — сказал джумет.

— Хорошо. Все узнаю, — сказал старик.

И пошел к горе. А на ней никого. Вершина снегом сверкает. Посидел старик на камне, покурил и вернулся к юрте джумета. А около юрты народ собрался, все хотят узнать, что будет. Джумет вышел со своей любимой плетью в руках:

— Ну что, расспросил всадника?

— Да, расспросил, — ответил старик.

— Он все тебе рассказал? — спросил джумет.

— Да, все рассказал, — ответил старик.

Джумет вдруг испугался и притихшим голосом спросил:

— Что же он сказал?

— Белый всадник сказал, что приехал он осенью с верхнего мира, а уезжать собирается весной в нижний мир, — ответил старик.

Все поняли его мудрый ответ. И шагнули навстречу джумету. Он бросился в юрту. Но люди вытащили его. Старик взял тяжелую плеть и избил злодея. Отомстил за всех бедняков, над которыми он издевался.

С тех пор джумет перестал загадывать загадки.

ТРИ БРАТА, КОТОРЫЕ ВИДЯТ ПРАВДУ

Жили когда-то три брата. У них был один-единственный конь. Однажды они проснулись, и младший брат говорит:

— Нашего коня украли.

Средний брат говорит:

— Скорее пойдем по следам.

Старший брат говорит:

— Не надо спешить. Давайте сначала сварим чай, попьем, подумаем.

Они сварили чай, попили, подумали.

— Нашего коня увели на ту сторону реки, — сказал старший брат.

¹ Белый всадник — всадник на белом коне.

— Нашего коня увел человек из белой юрты, которая стоит на той стороне реки,— сказал средний.

— Нашего коня увел человек, которого зовут Оодежик,— сказал младший брат.

Втроем они пришли к Оодежику.

— Ты украл нашего коня. Отдавай!— сказали они.

— Как вы докажете, что я украл вашего коня? Где ваши свидетели?

— У нас нет свидетелей, мы это сами поняли,— ответили братья.

— Ну, а если вы такие находчивые и наблюдательные, то давайте я что-нибудь спрячу, а вы найдите.

Братья вышли из юрты. Оодежик поймал паука и спрятал под коврик.

— Входите!— крикнул он.

Братья вошли.

— Вы что-то спрятали под коврик,— сказал старший брат.

— Что-то с длинными лапками,— сказал средний.

— Это паук!— сказал младший брат.

— Я вам не верю. Вы, наверное, подсмотрели. Давайте снова. Уйдите подальше в степь,— сказал Оодежик.

Братья отошли далеко от юрты. Оодежик спрятал в сундук ягоду шиповника.

— Идите сюда!— крикнул он братьям.

Братья вошли.

— Вы что-то спрятали в сундук,— сказал старший брат.

— Что-то из ягод,— сказал средний.

— Это шиповник,— сказал младший брат.

Оодежик решил, что это необыкновенные люди, ссориться с ними нельзя. И привел украденного коня. Братья сели на него втроем и поехали по степи. На берегу реки они увидели следы.

— Колесо у телеги сломано,— сказал старший брат.

— Верблюд у них слепой, а конь — короткохвостый,— сказал средний.

— У хозяина одна дочь, а жена его беременна,— сказал младший брат.

Скоро они догнали кочевников. Хозяин отстал. Братья поравнялись с ним.

— Колесо у твоей телеги сломано, верблюд слепой, у тебя одна дочь, а жена — беременна,— сказали они.

Хозяин удивился.

— Все верно,— сказал он.— Откуда вы узнали?

— Мы посмотрели на следы,— ответили братья.

Хозяин угостил их чаем. Братья поехали дальше. И приехали в ханский аал. Они вошли в юрту к хану.

— Кто вы такие, где живете?— спросил хан.

— У нас нет аала,— сказал старший брат.

— Мы странствуем на своем единственном коне,— сказал средний.

— Увидели ваш аал и заехали переночевать,— сказал младший брат.

— Рядом есть пустая юрта,— сказал хан.— Поешьте там и переночуйте.

Братья пришли в юрту. Их угостили мясом и аракой. Хан послал свою шивишкин к юрте, чтобы она послушала, о чем будут говорить братья.

— Вы думаете, нас принимал хан? Нет, мы кланялись простому человеку,— сказал старший брат.

— Вы думаете, нас угощали аракой? Нет, мы пили воду,— сказал средний.

— Вы думаете, нам давали баранину? Нет, мы ели собачье мясо,— сказал младший брат.

Шивишкин все донесла хану.

— Голодные бродяги!— закричал хан.— Они были рядом со смертью, я их накормил, напоил, а теперь они ругают мое угощение да еще называют меня простым человеком! Я прикажу отрубить им головы!— Но потом он подумал и решил сначала спросить у матери: а вдруг правы эти братья.

Он пришел к матери.

— Мать, ведь эти братья кланялись хану, а говорят — простому человеку. Почему они так говорят?

— Хан, мой муж, надолго уезжал в тайгу. Твой отец — простой человек. Потому они так говорят,— ответила мать.

— Но ведь угощал я их бараниной! А они говорят — собачьим мясом. Почему они так говорят?

— В прошлом году весной пала овца. Ее маленького ягненок пустили к собаке, и она его выкормила. Это был тот самый барашек, выкормленный собачьим молоком. Потому они так говорят.

— Но ведь пили-то они араку! А говорят — воду. Почему они так говорят?

— Араку, которую давали братьям, варили анимой. На чашку клали лед. И лед попал в араку. Потому они так говорят.

Хан удивился и сказал:

— Это не простые братья. Это — братья, которые видят правду.

Он приказал угостить их и проводить с почестями. Братья сели втроем на единственного коня и поехали странствовать по степи.

ОРЛАН-ООЛ¹ И ЧЕЧЕН-КЫС²

Когда-то давно в далеком ханстве жило одно племя. В племени было два богача — большой богач, Улуг-бай, и малый богач, Биче-бай,— и два судьи. Первый судья был чином выше второго, а второй — чином ниже первого.

Жил в этом племени старик Чолбен с сыном Орлан-оолом. У них была одна корова и одна коза.

И жил старик Багайтык. Его дочь Чечен-кыс была самой прекрасной во всем племени. И не было у них не то что скота — даже собаки у двери юрты. Старик каждый день уходил в тайгу искать коренья. А дочь — большая искусница — шила богачам халаты из черного шелка и идики из черной кожи. Этим они и жили.

Старики Чолбен и Багайтык были соседями, часто ходили друг к другу, заводили длинные разговоры-беседы. И договорились поженить своих детей.

Слух об этом дошел до ушей Биче-бая.

— Неужели нищий Чолбен сосватает за своего оборванца Орлан-оола такую красавицу?! — закричал он. — Нет! Прекрасная Чечен-кыс будет женой моего сына!

Слух об этом дошел до ушей Улуг-бая.

— Нет, Чечен-кыс будет женой моего сына, — сказал он. — Ведь у меня больше скота и добра, золота и серебра, чем у Биче-бая! Да и сам он должен испугаться меня и не сватать красавицу. Завтра я еду к старику Багайтыку.

На другое утро Улуг-бай сказал жене:

— Совсем ни к чему делать бедняку хорошие подарки. Хватит ему одного куска сыру и одного когер-жика³ араки. А вечером я приведу прекрасную Чечен-кыс.

¹ Орлан-оол — Удалой парень.

² Чечен-кыс — Изящная девушка.

³ Когер-жик — плоская кожаная фляга для араки.

Биче-бай тоже стал собираться к Багайтыку. Он сварил козлиную ногу и взял когержик араки.

А в это время старик Чолбен зарезал свою последнюю козу, сварил ее, попросил у добрых людей араки и принес эти угощения старику Багайтыку. Начали они праздновать-араковать, длинный разговор-беседу завели.

Приехал Улуг-бай. Приехал Биче-бай. Оба начали сватать красавицу за своих сыновей.

Старик Багайтык не знал, что делать. Богачам отказать боялся, друга обижать не хотел. Стал он бегать туда-сюда: то выбежит из юрты, то опять вбежит. Все думает, думает.

Чечен-кыс спросила:

— Что это с вами, отец? Вы так растерянны.

— О дочь! Кому и горевать, как не мне! И Улуг-бай и Биче-бай — оба сватают тебя за своих сыновей. Но ведь у меня сидит наш друг Чолбен. И вот не знаю, кому отказать, кому согласие дать.

— О отец, тут нечего горевать. Принимайте подарки у всех и скажите, что ответ будет через три дня.

Старик Багайтык вернулся в юрту и сказал, как посоветовала дочь. Сваты оставили подарки и ушли.

— Через три дня старик даст согласие мне, — сказал Улуг-бай. — Тебе ли, Биче-бай, тягаться со мной, с моим богатством!

— Хоть ты и Улуг-бай, хоть ты и богаче всех, но не ты, а я принес старику мясо, целую козлиную ножку. Старик даст согласие мне! — сказал Биче-бай.

Они шли и всю дорогу ругались.

Бедный Чолбен думал: «Где мне тягаться с баями!.. Неужели прекрасная Чечен-кыс станет невесткой одного из них?»

Через три дня пришли байские слуги за ответом.

— Скажите им, отец, пусть женихи через три месяца приходят в нашу юрту с подарками. Чей подарок будет лучше, тот и станет моим мужем, — подсказала отцу Чечен-кыс.

Старик Багайтык объявил решение слугам.

Улуг-бай отсчитал сыну пятьдесят ланов¹ серебра.

— Иди к торговцам. Что тебе понравится, то и купи в подарок невесте.

Биче-бай дал сыну сорок ланов серебра.

¹ Л а н — денежная единица.

Старик Чолбен продал свою корову за двадцать пять ланов и отдал их Орлан-оолу.

Три парня пошли по базарам искать самые ценные подарки. Ходили очень долго, кончался третий месяц. Наконец они увидели красивую узорчатую телегу на восьми колесах из крепкой стали. Она стояла пятьдесят ланов серебра.

— Почему так дорого? — спросили байские сыновья.

— Потому что она сама, без лошадей, может проехать трехмесячный путь за три дня, — ответил торговец.

Телегу купил сын Улуг-бая.

Потом они увидели зеркало в серебряной оправе. Оно стоило сорок ланов серебра.

— Почему так дорого? — спросили байские сыновья.

— Потому что в этом зеркале виден любой уголок земли, какой захочешь, — ответил торговец.

Зеркало купил сын Биче-бая.

Орлан-оол подумал, что самые лучшие подарки уже куплены, но все-таки продолжал искать. Он подошел к китайцу, который торговал целебными травами. У него была небольшая деревянная шкатулка. В ней лежала такая маленькая кучка порошка, что она уместилась бы в вороньем глазу. Шкатулка стояла двадцать пять ланов.

— Почему так дорого? Что в ней? — спросил парень.

— В этом порошке — все целебные травы всех девяти хребтов, — ответил китаец. — Травы измельчены в золотой ступке и просеяны через самое тонкое сито. Этот порошок может оживить человека даже через три дня после смерти.

Орлан-оол купил шкатулку. Байские сыновья начали смеяться над ним и хвалиться своими подарками. Сын Биче-бая взмахнул зеркалом и сказал:

— А ну, зеркало, покажи, где сейчас прекрасная Чечен-кыс?

Зеркало показало старую юрту. Прекрасная Чечен-кыс была мертва. Рядом с телом сидел старик Багай-тык. Он плакал.

Байские сыновья сказали:

— Поедем на восьмиколесной телеге — успеем на похороны. Его с собой не возьмем.

— Возьмите меня, — попросил Орлан-оол. — Ведь

у меня есть целебный порошок, которым я оживлю Чечен-кыс.

Байские сыновья бросились на него, чтобы отнять порошок. Тогда Орлан-оол схватил их за пояса, придавил к земле. Сын Улуг-бая сказал:

— Ладно, ты поедешь на телеге, но, если она в дороге сломается, ты будешь работать на меня пятьдесят лет.

Орлан-оол согласился. Сын Биче-бая сказал:

— Если твой порошок оживит Чечен-кыс, то, я думаю, наши отцы согласятся отдать тебе твои двадцать пять ланов.

Через три дня восьмиколесная телега приехала в аал. Орлан-оол всыпал в рот красавице порошок, сделанный из целебных трав всех девяти хребтов. Девушка ожила.

И снова стали спорить Улуг-бай, Биче-бай и старик Чолбен: чьей невесткой станет прекрасная Чечен-кыс.

— Главное — восьмиколесная телега, — сказал Улуг-бай. — На ней они успели вовремя вернуться.

— Нет, главное — зеркало, — сказал Биче-бай. — Иначе как бы они узнали о смерти Чечен-кыс?

Пошли к судьям. Судьи долго думали, и младший судья предложил:

— Надо позвать Чечен-кыс. Пусть она сама разрешит спор стариков.

Чечен-кыс сказала:

— Я не могу решать такой спор, потому что спорят обо мне. Но, будь я судьей, я решила бы его в пользу того, кто понес больше убытков.

Старший судья вызвал к себе баев и старика.

— Твой сын не понес никаких убытков, — сказал он Улуг-баю. — У него теперь есть волшебная телега. Он не женится на Чечен-кыс.

— И твой сын не понес никаких убытков, — сказал он Биче-баю. — У него теперь есть волшебное зеркало. Он не женится на Чечен-кыс.

— А у твоего сына, — сказал он старику Чолбену, — ничего не осталось. Целебным порошком он оживил красавицу. Он женится на Чечен-кыс.

На этом кончился спор. Все племя собралось на свадьбу Орлан-оола и Чечен-кыс. И стали они наслаждаться счастьем и довольством, а народ — миром и благоденствием.

В давние времена на Кара-Хеме жил охотник Ак-Сал. Он хорошо знал повадки зверей и места их сборищ. Всмотрел однажды Ак-Сал полянку, где волки в стаи сбивались, и поставил там капкан. Ночью в этот капкан попался как раз тот волк, который перед собратьями всегда своим умом похвалялся.

— Где же твой ум, раз ты в капкан угодил? — смеялись над ним волки. Потом разбежались в разные стороны.

Всю ночь волк пытался и так и сяк вырваться из капкана, но тщетно — капкан крепко зажал волчью лапу.

Утром на поляну пришел Ак-Сал и хотел камнем прибить волка, но тот завопил человеческим голосом:

— Не убивай! У меня есть жалоба.

— Ишь ты какой умный! — удивился Ак-Сал. — Какая может быть у тебя, разбойника, жалоба?

— Пусть нас рассудят трое первых встречных. Кто виноват: ты, поставивший на нашей поляне капкан, или я, горемычный, угодивший в него? Как они решат, так пусть и будет.

Согласился охотник — интересно ему узнать, что скажут первые встречные-поперечные о сером волке. Связал он концом веревки морду волка, а другой конец намотал на руку и только после этого снял с его лапы капкан.

Идет Ак-Сал впереди, а за ним волк, прихрамывая, плетется, на охотника зло смотрит — загрыз бы, да морда туго перевязана.

Вышел Ак-Сал в желтую степь и видит: стоит у овражка черная корова и жалобно мычит, а из набухшего вымени молоко на землю стекает.

Обратился к ней Ак-Сал:

— Рассуди, черная коровушка, кто виноват: я, поставивший капкан на волчьей поляне, или волк, попавший в него?

— Конечно, волк! Это он вчера задрал моего пестрого теленка. Распороть бы ему ненасытное брюхо рогами.

И корова, пригнув голову, кинулась было на волка, но тот отскочил в сторону и потянул старика за веревку в лес. Насилу удержал его Ак-Сал.

— Слышал? Погоди в лес смотреть, давай еще по степи походим.

Идут дальше. Увидел Ак-Сал на лугу пегую кобылицу и спрашивает:

— Рассуди нас, пегая кобылица, кто виноват: я, поставивший капкан на волчьей поляне, или волк, попавший в него?

— Конечно, волк! Это он прошлой ночью загрыз моего жеребенка. Разбить бы ему, проклятому, голову.— И кобылица принялась прыгать вокруг волка, норовя лягнуть его задними копытами.

Волк рванулся к лесу. Ак-Сал, откинувшись назад и упираясь в землю ногами, пытался удержать его, но не тут-то было — волк так напугался пегой кобылицы, что уволок его в лес. Здесь наткнулись они на старика-дровосека. Спросил его Ак-Сал:

— Рассуди нас, мудрый старик. Кто виноват: я, поставивший капкан на волчьей поляне, или волк, попавший в него?

— Ясное дело, волк виноват! Он задрал теленка моей коровы, загрыз жеребенка моей кобылы. Сейчас я отрублю ему голову!— И старик взмахнул топором.

Видит волк, что все против него и жизнь висит на волоске, и пустился на последнюю хитрость. Взмолился он жалобным голосом:

— Обожди, старик! Отрубить голову ты всегда мне успеешь. Но ведь надо разобраться. Ты не видел ни поляны волчьей, ни капкана, как же ты можешь выносить приговор? Корова и кобылица тоже сразу хотели меня умертвить. Так неужели человек ничем не отличается от животных?

— Отличается!— засмеялся старик.— Ты в этом убедишься. Пойдем на то место, где ты в капкан попался.

Волк идет и подвывает — надеется, что слышит стая волков его голос и придет на помощь. Но волки, заведя хвастливого собрата на привязи, разбежались в разные стороны. «Не помог тебе твой ум, попался в петлю. Туда тебе и дорога»,— ухмылялись волки.

Пришли на волчью поляну, старик и говорит Ак-Салу:

— Покажи мне, где и как ты ставил капкан.

Ак-Сал выполнил требование старика, тогда тот обратился к волку:

— Теперь ты покажи, как попался в капкан.

Волк, не долго думая, побежал через то место, где был запрятан капкан, и опять попался в него. Только

тут он и понял, что маху дал, но делать нечего — капкан крепко сдвинул лапу, не вырвешься.

— Вот чем отличается человек от зверей и животных, — сказал старик. — Умом. Теперь я отделию острым топором твою голову от туловища.

— погоди, старик! — взмолился волк. — Разве это справедливо — выносить приговор, не опросив свидетелей?

— Кто же твои свидетели?

— А вот они, на кедре сидят. Ворон и сорока.

— Так это вы хотите оправдать волка? — крикнул Ак-Сал.

— Что вы, что вы, охотник! — вскричали ворон и сорока в один голос. — Мы помогаем людям, а не волкам. Когда они задирают скот, мы вьемся над ними и кричим вам: «Здесь волк! Здесь волк!»

— Ну вот, суд окончен, — заключил старик и отрубил волку голову.

С тех пор волки стали бояться людей.

ОСКЮС-ООЛ, КОТОРЫЙ ПЕЛ ПЕСНИ ТАЙГИ

Давным-давно на склоне Карагыра-Карангыты-тайги жил семидесятилетний старик Челелдей. У него была шестидесятилетняя старуха. И не было у стариков ни скота, ни детей.

И вот старуха родила мальчика. Через два месяца она умерла. А еще через шесть месяцев умер старик. Мальчик остался в люльке совсем один. «Нет у меня матери, которая бы меня накормила, нет у меня отца, который взял бы меня на руки», — подумал он и выполз из люльки. А потом вышел из чума и увидел Ак-Сара-коня, который был привязан девятиностаженым арканом. Мальчик приковылял к коню и спросил:

— Куда девались мои отец и мать?

— Они умерли, — ответил конь. — Ты сам должен себя вырастить и воспитать. Вытащи из моего хвоста несколько волосин, сплети веревку и сделай петлю. Здесь есть маленькие зверьки, которые пищат и прячутся в норах. Их ты должен ловить этой петлей. Мясо будешь жарить, а из кожи делать идики. В чуме найдешь огниво, будешь разводить костер. А меня отпусти. Я должен свободно пастись. Приходи ко мне, что непонятно — спрашивай.

Мальчик сделал волосяную петлю и стал ловить

мышей и сусликов. Он жарил их мясо, ел и быстро рос. Однажды он пришел к коню и спросил:

— Что это за белый зверек, который бежит петляя? Можно ли его есть?

— Это заяц,— ответил Ак-Сара,— его мясо вкусное, суп из зайца наваристый.

— А как убивают зайца?— спросил мальчик.

— Его убивают стрелой, выпущенной из лука. У твоего отца были лук и стрелы. Разыщи их.

Мальчик разыскал лук и стрелы и стал бить зайцев. Он ел заячье мясо и рос еще быстрее. И скоро снова пришел к коню.

— Что это за зверь — на длинных ногах, с белым хвостиком и кричит: «Ог-ог!»?— спросил он коня.

— Это косуля,— ответил Ак-Сара.— Вот ее мясо действительно вкусное. Постарайся ее убить.

Мальчик стал бить косуль. И вырос настоящим охотником, сильным и выносливым. Он надел одежду, которую оставили ему мать и отец, и стал охотиться верхом на Ак-Сара-коне, стал ездить по всей тайге, по всем склонам и перевалам.

А у подножия Карагыра-Карангыты-тайги жил Бай-хан. У него было семеро сыновей и семь дочерей. Семеро сыновей ездили в тайгу охотиться, а семь дочерей собирали ягоды и орехи.

Однажды семеро сыновей хана вместе со слугами поехали охотиться на склоны Карагыра-Карангыты-тайги. Но сколько ни ездили — не могли убить зверя. Каждый раз, как только они начинали целиться, их опережал какой-то расторопный, ловкий и очень меткий стрелок на светло-соловом коне. Они подъехали к стрелку и спросили:

— Кто ты, как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище?

— Я Оскюс-оол. Живу на склонах Карагыра-Карангыты-тайги. А вы что за люди?

— Мы — сыновья Бай-хана, который живет у подножия этой тайги. Мы давно охотимся и никак не можем убить зверя,— ответили охотники.

— У охотников цель одна. Давайте охотиться вместе,— предложил Оскюс-оол.

Братья согласились. Вместе они охотились целый день. Оскюс-оол подстрелил косулю и марала и отдал добычу братьям.

Бай-хан удивился, увидев, что сыновья его принесли косулю и марала, и похвалил их.

Однажды семь дочерей хана вместе со служанками пошли за ягодами и за орехами. В лесу они услышали нежные звуки: кто-то играл на игиле¹ и пел горловые песни². Песни были такие красивые, что девушки забыли про ягоды и пошли на голос. Они увидели прекрасного юношу, который сидел на траве. Рядом пасся светло-соловый конь.

— Кто ты, как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище? — спросили они.

— Я Оскюс-оол. Живу на склонах Карагыра-Карангыты-тайги. А вы кто такие?

— Мы — дочери Бай-хана, который живет у подножия этой тайги. Мы собираем ягоды и орехи.

Девушки стали просить Оскюс-оола, чтобы он еще поиграл на игиле, еще спел горловую песню. Он спел, а потом помог им собрать ягод и орехов.

Слушайте дальше. Приходили ханские сыновья на склон тайги — Оскюс-оол за них охотился. Приходили ханские дочери на склон тайги — Оскюс-оол собирал за них ягоды, да еще и пел им горловые песни.

Скоро на склон стали приходить ханские пастухи и слуги — все хотели послушать чудесное пение, в котором были щебет и свист всех таежных птиц и голос таежного ветра, гудящего в вершинах древних кедров.

Однажды хан подумал: «Что это такое: каждое утро и дети, и пастухи, и слуги — все устремляются к Карагыра-Карангыты-тайге? А возвращаются только к вечеру. Что они там делают?» И стал всех расспрашивать.

— Мы слушаем Оскюс-оола, поющего песни тайги, — ответили пастухи.

— Мы слушаем Оскюс-оола, поющего песни тайги, — ответили дочери. — Мы приносим ягоды и орехи, которые собирает за нас Оскюс-оол.

— А мы приносим мясо и шкуры зверей, которых убивает Оскюс-оол, — ответили сыновья.

Хан подумал: «Когда-то на склоне тайги жили старик со старухой. У них был конь Ак-Сара. Когда старику было семьдесят, а старухе — шестьдесят, у них

¹ Игиль — тувинский смычковый народный инструмент с двумя струнами из конского волоса.

² Горловые песни — горлобье (или гортанное) пение — особое двухголосное пение некоторых тюркских народов (тувинцев, хакасов, горноалтайцев и башкир). Поющий извлекает два звука одновременно. На фоне низкого, опорного, звука звучит звук высокий. Так образуется единая мелодия.

родился сын. Через два месяца умерла старуха, а еще через шесть месяцев — старик. Неужели выжил Оскюс-оол? Как он выжил?.. А теперь он лучше всех охотится и поет песни тайги!» И черная зависть перевернула душу хана.

— Ну что ж, — сказал он, — если этот Оскюс-оол подходяще играет и сносно поет горлом, приведите его сюда.

Слуги прибежали к Оскюс-оолу.

— Бай-хан приказал тебе прийти! — сказали они.

— Когда хан зовет, простой человек не идти не может, — ответил парень. Он сел на Ак-Сара и поехал к хану.

— Здравствуйте, хан, здравствуйте, ханша, — сказал он.

— Как твое имя-прозвище, где твой аал-стойбище? — спросил хан.

— Я Оскюс-оол. Живу на склонах Карагыра-Карангыты-тайги.

— Ну, а как ты играешь на игиле? Как ты поешь? Мы хотим послушать, — сказал хан.

— Я играю только когда захочу, — ответил парень, — и когда захочу — пою.

— Сыграй и спой сейчас, — попросил хан, все еще не веря, что услышит настоящее пение.

Оскюс-оол запел. Из его горла вырывались голоса всех птиц Карагыра-Карангыты-тайги. Казалось, таежный ветер запутался в вершинах древних кедров. Притихли сороки и вороны, которые кружились над стойбищем. Женщины плакали, а мужчины боялись шелохнуться. Хан и ханша были как во сне. Тридцать дней (один месяц), шестьдесят дней (два месяца), девяносто дней (три месяца) звенел голос Оскюс-оола над зеленой тайгой!

На звуки горлового пения собралось все ханство. И хан сказал:

— Я отдаю за Оскюс-оола свою прекрасную младшую дочь! В хороший день, в начале месяца, устроим свадьбу.

Он поставил для дочери белую юрту, выделил белый скот из своего скота и добро из своего добра.

Девяносто дней (три месяца) веселились люди на свадьбе. Девяносто дней (три месяца) восхищались они голосом Оскюс-оола.

А потом Оскюс-оол взял жену, скот, юрту и откочевал на склоны Карагыра-Карангыты-тайги, туда, где

жили его отец и мать. Он ухаживал за скотом и пел песни тайги, и ветер через перевалы разносил его голос по всем горам и долинам нашей земли.

Пока жил Оскюс-оол со своей прекрасной женой, удлинились овраги, углубились лощины.

АК-САГЫШ И КАРА-САГЫШ (ЧУМ ЗВЕРЕЙ)

Давным-давно жили два брата — Ак-сагыш и Кара-сагыш. Не было у них ничего, кроме двух коней: белого у Ак-сагыша и черного у Кара-сагыша.

Ездили братья на своих конях по аалам и кормились тем, что давали им добрые люди.

Однажды застал их в степи большой туман. Долго блуждали братья, сильно проголодались.

— Давай съедим твоего коня, — сказал брату Кара-сагыш, — а на моем вместе будем ездить.

— Хорошо, — согласился Ак-сагыш.

Голодные братья быстро расседлали белого коня, зарезали его и наелись досыта. Потом они стреножили коня Кара-сагыша и пустили пастись. Сами легли спать, положив под голову седла.

Дождался Кара-сагыш, когда Ак-сагыш уснул, и ускакал от него на своем коне.

Проснулся утром Ак-сагыш — нет брата. «Наверно, Кара-сагыш ушел искать коня», — подумал он и стал ждать. Ждал, ждал — не дождался и сам отправился искать. Но ни коня, ни брата не нашел.

Запечалился Ак-сагыш, да делать нечего — пошел один куда глаза глядят.

Шел, шел и поднялся к верховьям реки Кара-Суг.

Смотрит, стоит чум из конских голов и коры. Заглянул Ак-сагыш в чум — никого нет. Залез он под топчан и стал ожидать — кто же придет?

Вечером в чум ввалились медведь, волк, лисица и кабан.

— Хороший день выдался сегодня у меня, — заревел медведь. — Вдоволь я полакомился кедровыми орехами. А чем вы поживились, друзья?

— А я накопал своей серебряной палкой столько сараны, что и съесть не смог, — похвалился кабан.

— Ты смотри береги свою палку, а то, не ровен час, украдет кто-нибудь, — предупредил кабана медведь.

— Не украдут, я спрятал ее в надежное место — под бревно около чума, — ответил кабан.

Потом лисица похвасталась:

— У меня тоже удачный был день. Много наловила я сусликов.

— Я тоже не отстал от вас, — сыто пробурчал волк. — У Караты-хана попиrowал. Там люди и скот гибнут от жажды. Вода куда-то исчезла.

— А как же найти воду? — спрашивает лисица.

— Я знаю, — ответил кабан. — Черный валун величиной с корову завалил родник Караты-хана. Только моей серебряной палкой можно столкнуть его под гору.

— Не болтай лишнего, хоть и дверь закрыта, — остановил его медведь.

Поговорили звери и заснули. Выбрался потихоньку Ак-сагыш из чума, нашел серебряную палку и отправился в аал Караты-хана.

Зашел Ак-сагыш прямо в ханскую юрту. Дали служанки Ак-сагышу сыворотки и стали гнать его из юрты.

— Не гоните меня, я хочу помочь вашей беде, — говорит Ак-сагыш.

Услышал хан и сказал:

— Ну что ж, попробуй, простой смертный. Пустишь воду, спасешь скот — награжу тебя. Отдам за тебя свою дочь, выделю скот из своего скота, добро из своего добра. А не сможешь — прощайся с жизнью.

— Ладно, — согласился Ак-сагыш и пошел к роднику.

Положил он под огромный валун серебряную палку и легонько скатил его под гору.

Звонко за журчала вода родника и разлилась широко вокруг.

Скот жадно двинулся к воде, топча и толкая друг друга.

Сдержал свое слово Караты-хан: выдал за него свою дочь, выделил скот из своего скота, добро из своего добра.

Однажды после долгих скитаний пришел в аал Ак-сагыша голодный и усталый Кара-сагыш. Очень удивился и испугался он, когда увидел своего брата. А тот обрадовался, стал его угощать.

— Как это ты сделался таким богатым? — завистливо спросил Кара-сагыш.

Рассказал ему все Ак-сагыш. Разгорелись от жадности глаза у Кара-сагыша: «Чем я хуже Ак-сагыша? Тоже хочу быть богатым». И побежал он искать чум зверей. Разыскал его и спрятался под топчан.

Вечером в чум ввалились медведь, волк, лисица и кабан.

— Расскажите, друзья, кто чем поживился сегодня? — спрашивает медведь.

Кабан говорит:

— Мою серебряную палку кто-то украл. Попадись он мне — разорвал бы его. За весь день с трудом выкопал одну сарану. Пусто в брюхе у меня.

Потом лисица пожаловалась:

— Я тоже сегодня голодная. За весь день только одного маленького мышонка и съела.

— Я тоже ничего не нашел сегодня, кроме одной обглоданной кости, — зло прорычал волк. — У Каратыхана теперь много воды и весь скот здоров. Кто-то подслушал нас и помог воду пустить. Попадись он мне — загрыз бы его.

Слушает всех медведь, сам помалкивает. Стали звери его расспрашивать.

— У меня сегодня тоже был плохой день, — нехотя начал медведь. — Попался мне всего один кедр с шишкой на макушке. Только я до вершины добрался, как налетел сильный ветер и сшиб меня с кедра. И шишку не достал, и бока помял. Все болит! — заревел медведь и грохнулся на топчан, да так, что доски затрещали.

Испугался Кара-сагыш и выскочил из-под топчана. Голодные звери схватили его и хотели сгрызть. В это время раздался выстрел. Это был Ак-сагыш, прибежавший искать пропавшего брата.

Все звери в страхе разбежались.

Кара-сагыш сидел на земле с разинутым ртом, чуть живой от смертельного ужаса.

— Никогда не завидуй и не жадничай, — сказал ему Ак-сагыш.

КОТ-НАСТАВНИК

Жил-был на свете бродячий лама. Ходил он из аала в аал, совершал молебны и обирал темных людей. Надоело ему бродить по свету, и решил он на берегу Кара-Суга построить себе хуре¹. «Пусть, — ду-

¹ Х у р é — ламаистский монастырь.

мает, — ко мне ходят верующие, а не я к ним». Стал жить он еще лучше прежнего, люди сами к нему идут и несут подношения. А он только молитвы пробубнит, наестся до отвала и спать — на боковую.

Все шло у ламы хорошо, да вот беда — развелись в подполье мыши и оттуда набегии совершать стали — не только припасы, а все, что на глаза попадетсЯ, грызут и портят. Даже книги молитвенные и те погрызли. «Э! Так дело не пойдет, — решил лама. — Чего доброго, до моего носа еще доберутся проклятые грызуны». Думал он, думал и надумал пригласить себе в помощники кота. Собрал лама все мышинные выводки на хурал¹ и объявил им, указывая на кота:

— Вот мой помощник и ваш наставник. Он вам будет молитвы читать по вечерам. Слушайтесь его, иначе вас постигнет кара небесная.

Испугались мыши и согласились подчиняться коту. И вот каждый вечер они собирались в кошачью келью. Кот, мурлыкая и жадно на них поглядывая, читал им церковные книги о кротости и любви к ближнему. Когда же заканчивался молебен и мыши расходились по своим норам, кот хватал мышку, которая выходила из кельи последней. Полакомившись мышкой, кот забирался к ламе, и они, довольные друг другом, вместе задавали храпака.

Шел день за днем, и стали мыши замечать, что их становится все меньше и меньше. Решили они совет между собой держать.

— Что случилось, подружки? — спрашивает серая мышка. — С тех пор, как появился у нас кот-наставник, наш род стал сокращаться. В чем причина?

— В коте, — уверенно ответила черная мышка. — Я заметила, как он нас жадно рассматривает и облизывается.

— Не может быть! — возразила ей серая мышка. — Кот такой ученый, обходительный и всех нас любит. Не верю я, чтобы он мог быть мышеедом!

Разгорелся спор. В конце концов условились мыши привязать к кошачьему хвосту ламский бубенчик, чтобы знать, куда кот идет и что делает. Сказано — сделано. И вот в ближайший вечер, когда кот-наставник принялся бубнить им молитвы, две мышки, черная и серая, незаметно подобрались к нему сзади и привязали к хвосту бубенчик.

¹ Х у р а л — собрание, совет.

Окончил кот молебен и распустил мышей по норкам. Все мышки, кроме серой, выпшмыгнули за дверь, но домой не спешат, как раньше. Отошли немного и ждут. А серая мышка последней направилась к выходу. Не торопясь лапками перебирает, оглядывается и на кота умиленно поглядывает. Кот, не долго думая, в два прыжка догнал мышь, хватъ ее за спинку. Запищала серая мышка, да поздно!

На звон бубенчика сбежались мышки к двери, в щелочки подглядывают. Видят — поиграл, поиграл кот с серой мышкой и сожрал ее. Облизывается, мурлычет. Потом стал за хвостом своим гоняться, погремушку ловить.

— Что я вам говорила? — спрашивает у своих подружек черная мышка. — Теперь все убедились, как наш наставник кроток, как он любит своих ближних. Это не наставник, а мангыс¹-обжора. Он нас всех сожрет, если мы не убежим отсюда.

Разбежались мышки по разным местам и с тех пор стали остерегаться кошек.

ПОЧЕМУ ЛИСА СТАЛА КРАСНОЙ

Когда-то лиса была черной.

Однажды она вздумала состязаться с налимом: кто из них резвее. Она подошла к реке и закричала:

— Гадкий налим, ты здесь?

— Я здесь, — ответил налим.

— Завтра утром будем состязаться в беге вверх по течению!

— Согласен, — сказал налим.

Он ушел в воду, собрал всех налимов этой реки и сказал:

— Лиса вызвала меня на состязания. Сейчас я вас расставляю вдоль берега. Когда подбежит лиса и спросит: «Гадкий налим, ты здесь?» — высовывайте голову из воды и отвечайте: «Здесь!» Так мы прочим заносчивую лису.

Назавтра, чуть взошло солнце, прибежала лиса к реке и кричит:

— Гадкий налим, ты здесь?

— Я здесь, — ответил налим.

— Ну давай, побежали!

— Побежали, — сказал налим.

¹ Мангыс — чудовище.

Лиса пустилась вдоль берега, вверх по реке, а налим нырнул в воду. Во всю прыть бежала лиса, устала, остановилась и кричит:

— Гадкий налим, ты здесь?

Далеко впереди высунулась из воды голова налима и ответила:

— Здесь!

Лиса пустилась еще быстрее, совсем из сил выбилась, язык высунула. А когда прибежала в условленное место, там ее поджидал налим.

— Эх ты,— сказал он с усмешкой.— Я давно тебя жду. Не можешь обогнать гадкого налима! Как же тогда тебя назвать, лиса? И названия такого нету!

От этих слов заносчивая лиса покраснела вся от головы до ног. И осталась навсегда красной.

СЕМЬ БРАТЬЕВ-МЫШЕЙ

Давным-давно жили на земле семь братьев-мышей. У них была своя юрта величиной с ладонь.

Однажды утром проснулись они и увидели, что за ночь снегу навалило — стены скрыло! Сделали братья деревянные лопаты и начали разгрести снег. Целый день трудились, очень проголодались.

И вдруг на том месте, где только что отгребли снег, все увидели кусочек масла. Он лежал прямо перед носом Самого Младшего Брата. Не успели все и рта раскрыть, как он съел это масло.

Самый Старший Брат закричал:

— Что ты наделал?! Все съел сам! Вот я тебя сейчас!

И на глазах у перепуганных братьев-мышей он прыгнул и проглотил Самого Младшего Брата прямо с хвостиком. Тогда пять братьев накинулись на него, связали и поволокли на суд к хану. Долго шли, очень устали, пока добрались до хана. Связанного брата оставили у дверей, а сами вошли в юрту.

Хан величественно восседал на троне. Он с усмешкой посмотрел на взмокших, запыхавшихся мышей.

— Откуда вы пришли?— спросил хан.

— Мы пришли из-за семи рек, из-за семи перевалов,— ответили мыши.

— Это и видно, вон как язычки-то высунули!— заметил хан.

— Нас было семеро,— сказали мыши.

— Ого, как много!— засмеялся хан.

— У нас была своя юрта величиной с вашу ладонь,— сказали мыши.

— Большая юрта!— усмехнулся хан.

— Когда мы разгребали снег, наш Самый Младший Брат нашел кусочек масла и съел. И тогда Самый Старший Брат проглотил его прямо с хвостиком!

— О, какой он страшный! Где же он?— спросил хан.

— Мы его связали и приволокли к вам на суд. Он лежит за дверьми. Он очень большой. Когда мы его нашли, он был совсем маленький, мы взяли его к себе и стали звать наш Самый Младший Брат, но он рос быстрее всех, и скоро мы стали его звать наш Самый Старший Брат. Он стал спать уже не в юрте, а снаружи.

— Втащите его сюда,— приказал хан.

Братья-мыши втащили связанного Самого Старшего Брата.

— Ха-ха-ха!— хохотал хан.— Да ведь это — кот!— И он стал развязывать травинки, которыми были спутаны лапы кота.

— Хан, как вы его накажете?— спросили мыши.

— А вот как: развяжу и отпущу. Он хорошо сделал, что съел мышь! И пусть он всех вас сожрет!— крикнул хан.

Испугались братья-мыши и разбежались кто куда.

А хан их Самого Старшего Брата сделал своим котом.

С тех пор кот не дружит с мышами. Он помнит, как они волокли его, связанного, через семь рек, через семь перевалов на суд к хану.

А мыши обиделись на хана, что он оправдал кота-преступника, и начали таскать у хана зерно, лепешки, сало, масло.

Вот с тех пор и стали мыши врагами людей, а кошки — врагами мышей.

КАК ЗАЯЦ СПАС ОВЦУ

Когда-то давно жила серая овца. У нее было двое ягнят. Однажды овца задумала пойти поклониться богдо-бурхану¹. И пошла вместе с ягнятами.

Идет она по степи, а навстречу — волк.

— И тебя и твоих ягнят сейчас съем!— кричит.

¹ Богдо-бурхан — святой.

— Ах, волк, подожди немного, дай мне помолиться-поклониться богдо-бурхану. А когда буду идти обратно, тогда и съешь.

— Ну ладно, так и быть, съем тебя, когда пойдешь обратно, но пойдешь к бурхану одна, ягнят оставишь здесь! Если через три дня не вернешься, я их съем! — сказал волк.

Что делать овце? Пришлось оставить ягнят.

Через три дня идет овца назад, идет совсем печальная. Думает, как бы выручить ягнят, да ничего придумать не может. И вдруг навстречу — заяц.

— Что ты, овца, такая грустная, такая печальная? Откуда ты идешь? — спрашивает он.

— Я шла поклониться богдо-бурхану. По дороге встретился волк. Он хотел меня съесть, но оставил у себя моих ягнят и сказал, что, если я через три дня не вернусь, он их съест. Три дня прошло. Вот потому я и печальная.

— А мы с тобой обманем волка, — сказал заяц.

— Как же его обмануть? — спросила овца.

— Пойди и найди какую-нибудь бумагу с надписью, — сказал заяц.

Побежала овца туда, откуда недавно откочевал аал, нашла там пеструю обертку от чая с китайской надписью и радостная вернулась к зайцу.

— Ну вот, — сказал заяц, — эту бумагу я надену на твои рога, и ты скажешь волку, что несешь указ самого богдо-бурхана. Скажи ему: «Сначала прочитай указ, а потом ешь меня!»

Овца пришла к волку и закричала:

— Я несу указ самого богдо-бурхана! Волк, прочитай его, а потом ешь меня!

Волк взял бумагу, посмотрел на нее со всех сторон, письмена видит, а прочитать не может. И вдруг увидел зайца.

— Эй, заяц, друг, иди сюда, прочитай мне, что тут написано! А потом мы с тобой вместе съедим эту овцу! — крикнул волк.

Заяц взял бумагу, посмотрел на нее, посмотрел на волка... И, заикаясь, прочитал: «Указ. Сделать шубу из шкуры волка. Сделать шапку из шкуры лисы...»

Волк услышал эти слова и пустился наутек.

А заяц начал хохотать.

Так спаслась овца с ягнятами от жадного волка. Они жили очень долго, и овец в наших степях становилось все больше и больше.

Жил когда-то старик Мёге-Сарыг. Не было у него ни детей, ни скота. Ходил по аалам, ел что дадут.

Однажды на слиянии двух дорог он увидел большой кожаный мешок. «О, это моя дорожная добыча-удача!» — радостно подумал он и скорее развязал мешок.

Оттуда выскочил голодный серый волк с оскаленными зубами. И рычит:

— Сейчас я тебя разорву! Всего проглочу, ни капли не оставлю, все съем-вылижу! Наконец мой радостный день настал!

Старик так испугался, что не сумел ответить волку, а только пробормотал:

— Подождите... не торопитесь... съешьте меня вечером.

Волк подумал: «Можно и вечером. Добыча моя никуда не уйдет». И посмотрел на солнце.

Старик говорит:

— Я тебя спас, а ты хочешь меня съесть. Это неправильно. Пусть нас рассудят.

Вдвоем они пошли по дороге. Скоро им встретился огромный вол. Старик ему говорит:

— Этот волк сидел в мешке. Я его спас. Так скажи, родной вол, должен ли он меня съесть?

Вол долго думал, а потом сказал:

— Я не могу разрешить ваш спор. Я не могу понять, как это человек спас волка. Но в этом лесу живет белый заяц. Он вас рассудит. Идите к нему.

Старик и волк вошли в лес. Но зайца там не видно. Волк уже так хочет есть, что вот-вот проглотит старика. И вдруг вдалеке мелькнул заяц.

— Эгей, заяц! Подожди! Не убегай! Разреш наш спор! — закричал старик.

Заяц подошел к ним и спросил:

— В чем ваш спор?

— А вот в чем. Шел я дорогой и увидел мешок. Развязал я мешок, а оттуда — волк! Видишь, я его спас, а он теперь хочет меня съесть, — сказал старик.

— Да, хочу! — подтвердил волк.

Заяц сказал:

— Я — настоящий судья. Я должен прийти на то место, где все это было, и посмотреть, как ты спас волка.

Втроем они пришли на развилку дорог.

— Покажи, старик, где лежал мешок,— попросил заяц.

— Мешок лежал вот тут,— показал старик.

— Положи его на это место,— сказал заяц.

Старик положил.

— А ты, волк, покажи, как ты лежал в мешке,— сказал заяц.

Волк залез в мешок.

— Мешок был завязан?— спросил заяц.

— Да, завязан,— ответил старик.

— Как он был завязан? Покажи!— потребовал заяц.

Старик завязал мешок.

— Ну вот и все,— сказал заяц,— я разрешил ваш спор. Ты, старик, иди своей дорогой, а волк пусть лежит в мешке. Прощайте!

И заяц, петляя и путая свои следы, побежал в лес. А старик пошел своей дорогой.

ГОЛОДНЫЙ ВОЛК И ЖИРНЫЙ КОЗЛИК

Это было тогда, когда рога козла упирались в небо, а хвост верблюда тащился по земле.

Шел по дороге голодный хромой волк. Голод его был виден во впалых глазах. Нemoщь его была видна в подгибающихся ногах.

Тридцать дней месяца он лизал лужи и глодал сухие кости на покинутых стойбищах. По ночам он выл, а днем грелся на солнце и все думал о теплой крови, о свежем мясе.

И вот он пришел к желтой отвесной скале и увидел, что возле нее пасется жирный козлик. «О-о, наконец-то,— радостно подумал волк,— наконец-то я наемся!» Он осторожно крался между кустами и облизывался. Но шустрый жирный козлик почуял врага и легко вскарабкался на скалу. Встал на вершине и стал гордо поглядывать вниз.

Потухла радость в глазах волка. Темно стало в его животе. И крикнул волк:

— Эй, козлик! Лучше сам отрежь мне кусок мяса от своей ноги! Не то буду ждать тебя здесь день и ночь и уж тогда съем без остатка, съем так, что мокрого места — змее лизнуть — не останется, съем так, что капли крови — суслику попробовать — не достанется!

Козлик подумал и сказал:

— Я согласен отрезать тебе кусок своего мяса, но у меня нет острого железа. Чем я отрежу? Сбегай к Донгулу, попроси нож.

Волк подумал: «Чем стоять и ждать, лучше сбегать за ножом». И побежал к Донгулу.

— Донгул, дай мне нож, и мне отрежет мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Нож бери хоть сейчас,— ответил Донгул,— но он совсем тупой. Надо его наточить. Пойди к Чалдыю, попроси брусок.

Волк подумал: «Чем спорить с Донгулом, лучше сходить за бруском». И пошел к Чалдыю.

— Чалдый, дай мне брусок, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Брусок бери хоть сейчас,— ответил Чалдый,— но он слишком тяжелый, тебе его не поднять. Сбегай к Чаннику, попроси сани.

Волк подумал: «Я совсем ослаб, еле ноги таскаю, где мне тащить тяжелый брусок!» И заковылял к Чаннику.

— Чанник, дай мне сани, чтобы отвезти на них брусок Чалдыя, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Сани бери хоть сейчас,— ответил Чанник,— но сами они не пойдут, и тебе их не свезти. Сходи к Кулдую, попроси коня.

Волк подумал: «Такие огромные сани мне, конечно, не свезти. Надо коня». И заковылял к Кулдую.

— Кулдуй, дай мне коня — тащить сани Чанника, чтобы отвезти на них брусок Чалдыя, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит на отвесной скале.

— Нет человека, который не знает резвости моего коня,— ответил Кулдуй.— Конь сейчас на пастбище, и без аркана его не поймать. Сходи к Алдаю, попроси аркан.

Волк подумал: «Без аркана такого коня, конечно, не поймать». И, шатаясь, поплелся к Алдаю.

— Алдай, дай мне аркан, чтобы поймать коня Кулдуя, чтобы он тащил сани Чанника, чтобы отвезти на них брусок Чалдыя, чтобы наточить нож Донгула, чтобы отрезал мне мяса козлик, который стоит

на отвесной скале,— собрав все силы, еле-еле выговорил волк.

— По правде говоря, мне совсем не жалко для тебя аркана, волк,— сказал Алдай.— Но аркан мой лежит в сундуке, а сундук — на замке, а ключ — у охотника. Сходи принеси ключ.

Волк начал думать. И понял, что без ключа не обойтись. Он собрал последние силы и медленно потащился в лес — искать охотника.

Охотник был сильным и ловким. У него было черное ружье. Вдруг он увидел, что к чуму на брюхе ползет волк.

— Что, волк, сам идешь ко мне?— сказал охотник.

Волк испугался и повернул обратно. Но охотник снял с плеча черное ружье и выстрелил. Волк упал.

А козлик стоял на неприступной скале, грелся на солнышке, щипал траву. Он знал, что человек всегда защитит его от волка.

ЛЕНИВАЯ СОВА

Жила у реки ленивая сова. Однажды теплым тихим утром сидела она на иве и сладко дремала.

Из огромного зеленого леса вылетел пестрый дятел, сел недалеко от совы на лиственницу и начал стучать по стволу своим длинным носом: тук-тук, тук-тук!

Сова вздрогнула, проснулась, огляделась и увидела, что пестрый дятел устроился рядом с ней и стучит по дереву. Сова рассердилась, захлопала крыльями и закричала:

— Эй, дятел! Зачем ты сюда прилетел? Что ты тут делаешь?

— Как что?— удивился дятел.— Я тут ем! Тут много еды. Тук-тук.

— Убирайся в другое место и там ешь! Ведь ты мешаешь моему величавому спокойствию, моему блаженству, моему сладкому сну! Сейчас же убирайся!— крикнула сова.

— Эх ты, засоня!— сказал дятел.— Ты — сонный мешок!

Он с удивлением посмотрел на сову маленькими, как зернышки проса, глазками и улетел в зеленый лес.

Сова снова заснула. Но вот прилетела кукушка, села где-то рядом и начала куковать.

— Перестань куковать, кукушка! Какой шум! Ты меня разбудила!

— Ха-ха, ха-ха, ха-ха! — засмеялась кукушка. — Разве можно спать в такое веселое утро? Вода в ручейках звенит, листья на деревьях шелестят, трава блестит под лучами золотого солнца! Разве ты не видишь, что для всех зверей и птиц настало лучшее время? Я славлю этот день своей песней! Я не уйду отсюда!

Что делать сове? Пришлось улетать самой. Она села на кустарник, который свесился над водой. И сразу же задремала. Но скоро опять проснулась от какого-то шума. Злыми зелеными глазами всмотрелась она и увидела, что прямо рядом с ней крохотный ремез, птичка-мастерица, вьет свое круглое мягкое гнездышко. Птичка сновала туда-сюда над тальником, ловила тополиный пух и неумоимо строила свой домик. Посмотрела сова, как без отдыха трудится маленькая пташка, и стало ей стыдно своей лени.

Решила она улететь подальше, чтоб никого не видеть. Опустилась на голой скале с острыми камнями и думает: «Вот это — хорошее место. Никто сюда не придет, спать не помешает». Но в трещинах скал гнездились ласточки, и их щебет опять разбудил сову.

«Нет, это плохое место, — подумала она. — Полечу в степь».

Но в степи ей мешали спать жаворонки и кузнечики. Всюду, куда бы она ни прилетала, кипела жизнь, работа.

И сова подумала: «Чем я хуже ремеза, этой крохотной птички-мастерицы? Я тоже совью себе гнездо!» Но она очень устала от перелетов и тут же решила: «Совью завтра, а сейчас посплю...»

На другой день сова опять отложила постройку гнезда на завтра. Так было каждый день. Наступили морозы. Выпал снег. Уже не было вокруг ни сухой травы, ни тополиного пуха, ни мягкой глины, чтобы сделать гнездо.

Так ленивая, сонливая сова до сих пор все откладывает работу на завтра, до сих пор у нее нет гнезда, и летает она то туда, то сюда и промерзает в холодные ночи до самых костей.

ХРАБРЫЙ КОЗЛИК

В глухом лесу в берестяном чуме жил козлик. Как-то бродяга волк наскочил на его чум. И спрашивает:

— Что это у тебя на голове такое белое сверкает?

— Это моя сабля, которой я убиваю волков и медведей.

— А что это у тебя около рта такое серое болтается?

— Это мой платок, которым я утираюсь, когда съем волка или медведя, — ответил козлик и с криком «Бол-бол!» поскакал да так боднул свой берестяной чум, что рассыпался чум на части. Козлик снова крикнул: «Бол-бол!» — и боднул скалу.

Испугался волк силы козлика и убежал. Скоро ему встретился медведь. И спрашивает:

— Никого не боявшийся, кого же ты испугался? Никогда не отступавший, от кого ты бежишь?

— Козлик меня испугал, — ответил волк.

— Э-э, какой ты маленький трусишка! Надо было стеснь этого козлика! Пойдем вместе.

— Нет, дедушка, я боюсь.

— Не бойся, я привяжу тебя к себе веревкой, и ты будешь чувствовать, что я все время с тобой.

Медведь привязал один конец веревки к шее волка, а другой конец — к своей шее. Вдвоем пришли к козлику.

— Что это у тебя на голове такое белое сверкает? — спросил медведь.

— Это моя сабля, которой я убиваю медведей и волков.

— А что это у тебя около рта такое серое болтается?

— Это мой платок, которым я утираюсь, когда съем медведя или волка.

И с криком «Бол-бол!» козлик боднул скалу.

Медведь испугался и побежал. Он бежал и приговаривал:

— Страшный козел кричит: «Бол-бол!» Страшный козел кричит: «Бол-бол!» — И тащил за собой волка.

— Дедушка, я задыхаюсь! — кричал волк.

— Задыхайся, задыхайся! — отвечал медведь.

— Дедушка, я умираю! — кричал волк.

— Умирай, умирай! — отвечал медведь. И бежал еще быстрее.

— Бол-бол! — кричал козлик и бежал за ними по пятам.

Тяжело стало медведю. Оглянулся и видит: тащит он мертвого волка. Перегрыз медведь веревку и ушел поскорей.

А козлик подбежал и видит: мертвый волк. Взвалил он волка на плечи и потащил. Скоро он подошел к берестяному чуму. Сбросил волка у входа, а сам вошел в чум. Там было семь волков. Один играл на чадагане¹, остальные слушали. Увидев козлика, они пропели:

Сегодня есть, что поесть!
А что завтра будем есть?

Козлик не растерялся и сказал:

— Дайте-ка я поиграю!

Волки удивились и дали ему чадаган. Козлик запел:

В черном чуме семь зверей.
Восьмой, убитый, — у дверей!
Я для шубы вас нашел.
Ах, как это хорошо!

Волки испугались и тихонько говорят одному:

— Посмотри-ка, что там у дверей.

Волк пошел посмотреть и не вернулся. Послали второго — второй исчез. По очереди волки выходили, и никто не возвращался. Двое последних выскочили вместе, увидели мертвого волка и пустились наутек. Козлик — за ними.

— Я вас всех забодаю, кулугуры, я из вас шубу себе сошью! Бол-бол! — кричал он.

Волки побежали по льду. Козлик заскользил, остановился и закричал им вслед:

— Эх, если бы не скользкий лед, расправился бы я со всеми этими врагами. Всех бы на рога надел!

ВЕРБЛЮД

Раньше у верблюда были ветвистые рога и длинный густой хвост. И был он самым красивым среди животных.

Однажды, когда верблюд пил воду из реки, подбежал к нему марал и говорит:

— Дай мне свои рога, брат. Я иду на праздник,

¹ Ч а д а г а н — музыкальный инструмент в виде длинного ящика с четырьмя — восьмью струнами из жил или конского волоса. Внешне чадаган похож на гусли.

хочу нарядиться. Завтра на этом же месте отдам их тебе. Поверь, брат.

Верблюд поверил и отдал рога. Только он снова начал пить, подбегает конь. Тяжело дышит, но приветливо ржет. И говорит:

— Дай мне свой густой длинный хвост, брат. Я иду на скачки, хочу нарядиться. Завтра верну тебе твой хвост. Поверь, брат.

Верблюд отдал хвост.

Много дней ждал он марала и коня. Все стоял у реки и смотрел вдаль. Пил все реже и реже. Смотрел и смотрел, боялся пропустить коня и марала.

Но ни конь, ни марал не пришли.

И с тех пор стал верблюд смотреть вдаль ожидающим взглядом. И стал редко пить воду.

А марал убежал в тайгу, в степи больше не показывался. С тех пор он ходит с красивыми ветвистыми рогами. Но рога у него не свои, поэтому они каждый год отпадают.

Конь с тех пор бежит с длинным густым хвостом. А с верблюдом встречаться не любит. Избегает его, сторонится.

ОТЧЕГО У ЛОСЯ МОРДА ВЫТЯНУТАЯ

Однажды лось и пищуха — суслик таежный — поспорили.

Пищуха говорит:

— Надо удлинить лето в два раза.

Лось возразил:

— Э-э, нет! Летом много комаров и мошки и очень жарко. Надо сделать так, чтобы его совсем не было. Тогда будет хорошо.

Пищуха ответила ему:

— А если зима будет все время, тогда снег засылет тебя. Ты не сможешь ходить, и человек убьет тебя.

— Ах ты негодная! Меня убить? — возмутился лось и наступил на нее. Пищуха с трудом вырвалась и заскочила в нору. Только ее хвост остался у лося под копытом.

Лось сердито надулся и уставился на нору. Стал он ожидать, когда она покажется. Да так и не дождался. И с тех пор его морда стала вытянутой и надутой. А пищуха осталась с коротким хвостом.

ХАКАССКИЕ
СКАЗКИ

ВОЛШЕБНЫЙ ЧАТХАН

Давным-давно жил старик пастух. Звали его Чатхан. Много скота было у хана. Много было и пастухов. Трудная служба у пастуха: одни заботы, и совсем нет радостей.

Долго думал Чатхан, чем бы облегчить жизнь пастухов, и придумал: сбил из дощечек длинный и узкий ящик, натянул на нем волосяные струны и начал играть на них. По вечерам к нему приходили послушать музыку пастухи. Так красиво звенели семь волосяных струн, что у людей сладко замирало сердце, птицы складывали крылья в полете, звери останавливали свой бег. Очарованные рыбы замирали в реках и озерах, в степи слушали волшебную музыку табуны коней. Легкой стала работа пастухов. Стоило разбить стаду, как Чатхан брал свой музыкальный ящик, трогал струны, и стада снова собирались. Чатхан один управлялся с бесчисленными стадами хана.

Однажды случилась беда. О волшебном инструменте узнали одноглазые разбойники. Они пришли из-за гор, убили старика, унесли музыкальный ящик, угнали скот бедняков. Только ханские стада остались в степи.

Был у старика внук. Рос он не по дням, а по часам. Когда подрос, сказал матери:

— Сделайте мне лук и стрелы.

Мать сделала ему лук из табылки¹, нарезала из тальника стрелы. Хорошим стрелком стал внук Чатхана. Направо пустит стрелу — тридцать птиц падает, налево пустит — сорок птиц убивает. Мать строго-настрого запретила сыну ходить за высокую гору. А мальчику любопытно, что же там есть, за высокой горой. Однажды он поднялся на вершину и увидел возле

¹ Табылка — таволожник.

пещеры большой дом без окон. Мальчик подкрался к дому и прислушался. За стеной людские голоса, как пчелы, жужжали. Один говорил:

— Еда кончилась...

Другой добавил:

— Нужно яловую кобылицу вызвать.

Третий предложил:

— Хорошо бы яловую корову и яловую овцу заколоть.

Вдруг в доме все притихло и послышалась чудесная музыка. Закачались леса, затрепетали на деревьях листья. Легко и весело стало кругом. Заржала кобылица, замычала корова, заблеяла овца. Они подбежали прямо к дому и остановились. Мальчик спрятался за большой камень и стал смотреть, что будет дальше.

Из дома вышли семь черных людей. На левой половине головы у них было по одному глазу. Вместо лиц был один огромный рот с двумя клыками. Они зарезали животных и стали носить в дом мясо.

Давно не ел мальчик домашних животных. Он протянул из-за камня стрелу и наколол наконечником конскую, коровью и овечью грудинки. Одноглазые разбойники ничего не заметили.

Мальчик притащил свою добычу матери. Сильно она обрадовалась, так как тоже давно не ела мяса. Скот ведь остался только у хана, а у пастухов ничего не было.

Но когда мать узнала, куда ходил сын и откуда достал грудинку, она опечалилась и сильно поругала его.

— Эти разбойники убили твоего деда. Я боюсь: не было бы новой беды. Зачем ты туда ходил?— сказала мать.

— Ничего не бойся,— ответил мальчик.

На другой день он взял лук и стрелы и снова отправился за гору.

Подкрался к дому и стал прислушиваться. В доме сильно спорили.

— Кто съел грудинку?— спрашивал один.

— Сам, наверное, и съел,— отвечал другой.

— Ни коровьей, ни бараньей грудинки не было, вы всё потихоньку съели,— говорил третий.

Спорили они, спорили и решили пересчитать кости. Посчитали — нет грудинок. Тогда один сказал:

— Все вы ничего не понимаете. Вырос внук Чат-хана. Это его рук дело. Надо убить его,

Выбежали одноглазые из дома, спешат, толкаются. Были они почти совсем слепые. Взялись за руки и пошли с горы.

Мальчик переждал немного и пробрался в дом. Перед дверью он вырыл глубокую яму, прикрыл ее ветками, присыпал ветки землею. После этого он взял инструмент деда и заиграл.

Одноглазые услышали и побежали обратно. Только кинулись к двери, как все провалились в яму. Мальчик всех их камнями побил, а яму закопал.

Взял он чудесный ящик и заиграл на нем. Открылась пещера, заржали кони, замычали коровы, заблеяли овцы. Пошел мальчик с горы, перебирая струны, а за ним шли стада.

Мальчик играл на чудесном инструменте и пел им о злых ханах, о добрых и могучих богатырях.

С тех пор в народе волшебный ящик называли чатхан в честь старика, а мальчика прозвали Хайджи¹.

МАЛЬЧИК В БОЧКЕ

Не в наши дни, но и не в далекую старину у подножия Черной горы, около Черной реки, жили три бездетных рыбака.

Однажды рыбачили они, и как закинут невод, так рыбы полно. До краев лодку рыбой завалили. В последний раз невод пустым вытащили — ни одной рыбешки, только обнаружили в нем наглухо заколоченный бочонок.

Стали делить улов.

— Дайте мне этот бочонок и больше ничего не надо, — сказал один старик. И когда отдали ему бочонок, он отнес его домой и осторожно открыл. В бочке оказался ребенок.

Растил старик найденного в бочке мальчика, как родного сына. Рос мальчик не по дням, а по часам. Немного времени прошло, а он вырос в сильного юношу. Стал старик его с собой на работу брать. Как-то нанялся старик рыбачить к царю и юношу с собой взял.

И вот случилось так, что царь увидел юношу и стал требовать его у старика. Много хлеба, скота и товаров предлагал царь взамен, но старик от всего отказывался: очень юноша ему понравился, родней родного стал.

¹ Х а й д ж и — народный певец.

Отобрал юношу царь силою, привез в свой дворец и всю работу определил делать; на побегушках держал да безо всякого повода тумачами награждал. А между тем видел царь, что юноша умный и смысленный.

Однажды в той земле исчезли луна и солнце. Во всем царстве темно стало. Царь вызвал юношу, приказал ему:

— Иди луну с солнцем искать. Смотри, на землю без них не возвращайся.

Юноша заплакал и вышел. Подбежал к нему чалый жеребенок и спрашивает:

— О чем ты плачешь?..

Юноша рассказал, какую службу задал ему царь. Жеребенок успокоил его:

— Если мы луну с солнцем не найдем, то кому их найти? Иди попроси пять сажень красной материи. По дороге встретится нам озеро. Возле озера — маленькая избушка. В той избушке живет мать солнца. Она-то нам все, что надо, и расскажет.

Взял юноша у царя пять сажень красной материи, сел верхом на чалого жеребенка и поехал. Плеткой не погоняет, поводом не управляет, а жеребенок бежит куда надо.

Долго ли, коротко, а доехали до большого озера и маленькой избушки. Зашел юноша в избушку и увидел: на лавке старушка лежит — одно ухо под головой, а другим ухом прикрыта. Увидела старуха юношу, спросила:

— Откуда и куда путь держишь?

— Луна и солнце в нашей земле пропали, ищу их, — ответил мальчик.

— Иди расстели красную материю на берегу озера: сядут на нее гуси с золотыми перьями на крыльях. Ты поймай гуся, выдерни у него золотое перо, сделай кольцо и надень на палец. Дома брось кольцо на землю, тогда луна с солнцем в ваше царство вернутся, — сказала старуха.

Сказано — сделано. Расстелил юноша материю на берегу и сам под ней спрятался, лежит, ждет. Прилетели гуси.

Изловчился юноша, поймал одного гуся и выдернул перо. Приложил перо к пальцу, а из него само по себе кольцо сделалось. Зашел юноша к матери солнца проститься.

— Ну как, выдернул перо? — спросила она.

— Выдернул,— ответил юноша. Попрощался, сел на чалого жеребца и поехал в обратный путь.

Недолго они ехали, скоро домой приехали.

— Нашел то, за чем ездил?— спросил царь.

Юноша снял с пальца кольцо и бросил его на пол. Не успело кольцо упасть, как луна с солнцем на небе появились, тепло и светло стало.

Царь юношу хвалил, народ радовался. Юноша и поест не успел с дороги — зовет его к себе царь и новую службу назначает.

— Иди, найди мне жену, да смотри, чтобы хороша была, по душе мне пришлась. Привезешь плохую — убью!

Вышел юноша на царский двор, стоит плачет. Прибежал чалый жеребец, спросил:

— О чем плачешь?

— Как же не плакать? Царь послал жену ему найти, красивую и чтобы по душе ему пришлась.

— Не плачь,— успокоил жеребец.— Если мы не найдем, кому же найти? Иди проси пять сажень красной материи.

Взял юноша материя, сел на чалого жеребца и отправился в путь. Ехали, ехали и доехали до той же избушки. Переступил юноша порог, мать солнца на лавке лежит.

Поздоровались.

— По какому делу?— спросила старушка.

Юноша рассказал обо всем.

— Иди к тому же месту,— говорит старушка,— добыть золотое перо.

Сказано — сделано. Расстелил юноша материя на берегу озера и сам под нее спрятался, лежит, ждет. Прилетели гуси. Вырвал юноша у одного перо золотое, обмотал его вокруг пальца, перо в кольцо обернулось.

Поблагодарил юноша старушку, простился с ней и поехал домой.

Приехал домой, пошел во дворец и бросил кольцо на пол. Поднялась с пола красавица краше луны и солнца. Пошла по залу. В дверях остановилась и сказала царю:

— Если привезешь мой золотой гребень, стану твоей женой.

Снова задал царь юноше службу — погнал золотой гребень искать. Вышел юноша на царский двор, стоит плачет. Прибежал жеребец, спросил:

— О чем плачешь?

Рассказал юноша. Послал его жеребец к царю за мотком бело-голубых ниток. Принес юноша нитки, и отправились они в путь-дорогу. Скачет жеребец, юношу поучает:

— Встретим мы в пустынной степи лиственницу, вершиной она до неба выросла. На нее без счастливых бело-голубых ниток не залезешь. Есть на этой лиственнице гнездо белого гуся. Ты подкараулишь его и выдернешь из крыла золотое перо, это и будет девичий гребень.

Доехали они до лиственницы. Обвязался юноша ниткой и полез. Добрался он до гнезда, спрятался и ждет. Недолго сидел — видит: летит белый гусь в гнездо, а сам плачет, причитает:

— Уж если взяли мою дочку, зачем же гребень ее золотой не взяли? Ходит она теперь, и нечем ей голову расчесать.

Сел гусь в гнездо, а юноша вырвал из крыла золотое перо и начал вниз спускаться...

— Да будет крепок сучок, на который ты ступишь, да будет твердо, как железо, место, где ты ногой упрешься. Дожить тебе до белых волос, до желтых зубов! — закричал обрадованный гусь.

Не успел юноша домой вернуться, а уж царь его к себе призвал, кричит в гневе:

— Нашел гребень?

— Нашел, — ответил юноша. Бросил на стол кольцо, глядь, а на том месте гребень лежит. Царь схватил его и поднес красавице.

Взяла она гребень и говорит царю:

— Коль сумел гребень найти, так еще одну просьбу исполни: найди живую и мертвую воду, тогда пойду за тебя замуж.

Послал царь юношу живую и мертвую воду искать. Вышел юноша на царский двор, стоит плачет. Прибежал чалый жеребец, спрашивает:

— О чем горюешь? Отчего горькими слезами плачешь?

Рассказал юноша, в чем дело. Задумался жеребец и говорит:

— Тяжелая задача. Охраняют живую и мертвую воду сорок голодных волков. Мимо них никому не пройти, одолеть их мало кому под силу. Ну, да делать нечего, пойдем... Только две бутылки возьми: одну — белую, другую — черную.

Поехали сии к тому месту, где живая и мертвая вода хранилась.

Напустил жеребец на три дня такой мороз, что скалы на вершинах гор затрещали, кругом выюга замела, по лощинам туман поднялся. Забегали сорок волков, места себе не находят. А потом жеребец на три дня такой жары напустил, что забились волки в тень да заснули. Юноша набрал в белую бутылку живую воду, в черную — мертвую и поехал домой.

Проснулись волки, а юноша уже далеко был, только волчий вой издалека услышал.

Приехали во дворец. Юноша бутылки с водой царю отдал, а царь — красавице. Взяла она бутылки. На юношу живой водой брызнула, а на царя — мертвой. Царь умер не сходя с места, а юноша стал еще сильнее, еще красивее, чем раньше.

Вышла за него красавица замуж, и стали они жить и поживать.

ШЕСТЬДЕСЯТ НЕБЫЛИЦ

Пошли три брата в тайгу на охоту. Наступила ночь, а костер нечем развести: кресало дома забыли. Видят, неподалеку огонек светится.

— Пойду огня принесу, — сказал старший брат и ушел.

Ждали, ждали его, не дождались. Пошел средний брат и тоже пропал.

Тогда младший отправился посмотреть, что с братьями случилось. Подошел он к костру. Возле него старик лежит, спину греет. К двум большим лиственницам братья привязаны.

— Ты зачем их, как воров, к лиственницам привязал? — спросил младший брат у старика.

— Такой уговор был, — ответил старик. — Условились мы небылицы друг другу рассказывать. Кто удивится, того к дереву привязать. Давай с тобой попробуем?

— Давай, — согласился младший брат и начал: — Помню, родился я утром от отца и матери, к вечеру на охоту пошел. Зашел в тайгу, муха мне на лоб села. Большая муха, с двухголовую телку будет. Хлопнул я себя по лбу, поймал муху. Распорол ей брюхо, потом снял шкуру и удивился: наружного сала на ней было в четверть аршина, внутреннего — на четыре пальца. Снял я с коня седло, привязал повод за пе-

нек, потом из снега распалил костер, изо льда вертел сделал и муху поджарил. Жиром ее один чигир¹ смазал, а другой смазать забыл. Лег спать. Утром проснулся, один чигир есть, а другой найти не могу.

Пошел к своему коню, и того не видно. Повернулся к озеру — конь мой в воде плавает. Оказывается, я его не к пеньку привязал, а к шее лебедя. Плавает лебедь и коня за узду водит. Взял я широкий камень и сделал лодку. Взял плоский камень и сделал весло. Сел в лодку, гребу веслом, за лебедем гонюсь. Гонялся, гонялся по всему озеру, насилу поймал. Отвязал я коня, а лебедя не отпустил: решил с собой взять. Как только отвязал я коня, лебедь взлетел и меня поднял. Летел, летел лебедь и на небо залетел. А на небе жизнь такая же, как на земле. Люди там на нас похожи: одни хлеб сеют, другие со скотом по небу кочуют.

Отпустил я лебедя и начал пешком ходить в одном чигире. Хожу по небу, второй чигир ищу, нет его нигде. Три года проходил в одном чигире — надоело. Решил домой на землю спуститься. Сплел из соломы веревку, нашел в небе дырку и вылез через нее. Веревки моей до земли не хватило, и я повис в воздухе. Десять лет висел, качался между небом и землей. Потом решил: будь что будет, выпустил аркан, упал вниз головой и в землю по самые пятки ушел.

Проторчал в земле три года. Как ни старался, не мог выбраться. Думал, думал и догадался: сбегал домой, взял сошник и выкопал себя...

Младший брат рассказывает, на старика поглядывает, а тот лежит себе, спину греет, бороду гладит, ухмыляется. «Ну ладно,— думает младший брат,— я тебя все равно дойму»,— и дальше говорит:

— Пришел я в улус. В одной юрте пир идет. Я туда. Народу в юрте полно. Все пьют, веселятся. Смотрю, мой пропавший чигир меж гостей ходит, вино каждому подает, а меня мимо обносит. Я ему подмигиваю, а он вроде не замечает. Раз я стерпел, два, а потом как хлопну его по шее, размял руками и надел на ногу... А за тобой, старик, долгу моему отцу шестьсот рублей осталось и матери пятьсот. Когда отдашь эти деньги?

— Какие деньги?..

¹ Чигир — саног на мягкой подошве.

Старик спохватился, да было поздно. Сгреб его младший брат да привязал к дереву. Старших братьев освободил, захватил огня, и пошли они на свою стоянку.

БАТРАК ТОРСЫХ

На берегу быстрой реки жил бай Хырым. У него была жена Хырха. Летняя юрта их стояла у самой воды. Жил у бая в батраках бедный человек по имени Торсых. Бай не позволял ему ставить юрту близко к реке, боялся, что будет бедняк воду бесплатно брать. Всего в хозяйстве у Торсыха были одна коровенка, одна овца и одна собака — все черной масти. Жил Торсых с женой и двумя детьми. Сорок лет работал на бая, ничего заработать не мог и уйти от него не мог. Пройдет год — придет Торсых за расчетом, и он же должен остается. Всё подсчитают: сколько жена Торсыха в речке брала воды, сколько навозу спалила. За долги снова работать заставляют.

Так и в этом году случилось. Всю зиму пас Торсых байские табуны и опять в должниках остался.

Весной прилетели ласточки. Попробовали вить гнезда у бая, но жена бая прогнала их. «Нечего мусор около жилья разводить», — сказала она птицам.

Ласточки поселились в юрте Торсыха. Жена бедняка никогда их не ругала, еще и подкармливала.

Как-то рано утром ласточки сидели на юрте и между собой разговаривали: «Никогда мы не сорили возле жилья бая, а его жена нас выгнала, гнезда наши разорила. Зато здесь, хоть и насорим иногда, никто не ругает, а еще и покормят».

Услышала сорока их разговор, и зависть ее взяла.

— Я, — говорит, — у бедных ничего не ем, брезгую. Вот у богатых — другое дело.

А ласточки ей отвечают:

— Ты нечистая птица. Ты самая плохая из всех птиц. Ты отбросами богатых кормишься, лягушек и змей ешь. Ты в жаркие страны летать не можешь.

— Я чистая, я чистая! — закричала сорока.

— Мы к тебе и близко не хотим подходить. Ты лгунья. Ты летом смеешься, а зимой плачешь, — ответили ласточки.

Не вытерпела сорока и со злостью улетела.

Однажды Хырха и Хырым увидели детей Торсыха и рассуждают между собой.

— Торсыха мы крепко держим,— сказала Хырха.— А вот его дети вырастут и не станут на нас работать.

— Надо юрту Торсыха спалить, тогда и его детей в кабалу заберем. Новую юрту нелегко построить,— сказал Хырым.

Как решили, так и сделали. Ночью проснулся Торсых — двор горит. Разбудил он жену, детей, схватили они ведра и побежали на речку. Хырым и Хырха уже там стоят, воду не дают.

— Вы и так уже задолжали,— сказали они Торсыху.

Ласточки полетели к реке, воду в рот набирают и заливают пожар, а сорока сухой травы в огонь подбрасывает и хохочет:

— Ха-ха-ха, как горит весело! Пусть все горит!

В степи на кургане волк завыл:

— Так и надо Торсыху: ни одного жеребенка не дал нам съесть, пусть дотла сгорит двор его. А корову с овцой мы задерем.

Собака Торсыха вокруг юрты бегаёт, просит:

— Хоть бы дождь пошел, хоть бы дождь пошел.

В табуне чалый жеребец заржал:

— Торсых нас днем и ночью никому в обиду не давал, пусть хлынет дождь и зальет пожар.

Сорока хохочет:

— Ха-ха-ха... Если волк у Торсыха корову съест, мне кишки останутся.

Ласточки, летая, кричали:

— Пусть дождь польет... Пусть дождь польет...

Подул ветер, нагнал черную тучу, и полил дождь. Дождем быстро залило пожар...

Волк подкрался к чалому жеребцу:

— За то, что ты просил дождь, я съем тебя,— сказал волк.

— Ты сначала посчитай, сколько у меня волос в хвосте,— ответил жеребец и повернулся задом.

— Ну что же, посчитаю,— согласился волк. Подобрался к жеребцу, а жеребец как ударил задними ногами, так волчью голову на две части и расколол.

Дождь лил все сильнее. Хырха и Хырым в свою юрту спрятались. Тут речка из берегов вышла. Хлынула волна, смыла юрту, и Хырха с Хырымом захлебнулись. Уцелела только юрта Торсыха, потому что стояла она на бугре, вдали от реки.

Смотрит утром Торсых, а от байских дворов и следа не осталось.

Ласточки поют, радуются, а сорока плачет:

— Свила я себе гнездо на низкой иве. Вода поднялась и унесла моих бедных детенышей.

Ласточки ей в ответ кричат:

— С черными мыслями сорока на черной иве плачет! У нас нет злых мыслей, и мы радуемся. Сегодня радуемся, и завтра, и послезавтра, и всегда будем радоваться.

Торсых собрал батраков. Они поделили между собой байский скот, поставили на берегу новые юрты и стали жить хорошо.

БАЙ И ОХОТНИК

В одном большом улусе жил жадный и злой бай по имени Хара-хан. Он облагал народ данью, разорял. На другом конце этого улуса, в плохонькой юрте, жил сирота охотник. Ничего у него не было, кроме лука, из которого бил он зверей, да игреневой лошади, на которой он ездил на охоту. В феврале — месяце «запаса» — много добывал охотник пушнины, потому что был сильным и ловким.

Невзлюбил бай охотника, теснил его, забирал всю добычу. Чем удачней бывала охота, тем большую дань накладывал Хара-хан. Время шло. Случилось так, что не смог охотник заплатить дани. Тогда бай забрал у него игреневую лошадь. Совсем стало трудно жить.

Была в улусе у бедных стариков дочь. Очень любил ее охотник, и она его любила. Решили они пожениваться, уйти из улуса и жить в тайге. Так и сделали.

Поставили юрту в глухом месте. Охотник бьет зверей и птиц, домой их на себе носит, живут спокойно. Жена охотника была очень красивой.

Однажды сын бая Хара-Пидекей поехал в тайгу. Наткнулся на жилье охотника. Подъехал байский сын к юрте и бросил в дымоход стрелу. Подождал немного и говорит:

— Вынесите мне стрелу.

— Зайди и возьми, — ответила в юрте жена охотника. Сам хозяин на охоте был.

Хара-Пидекей слез с лошади, вошел в юрту за стрелой и остановился: глаз от женщины оторвать не может. Потом взял стрелу и вышел.

Сел байский сын на коня и про охоту забыл. По дороге в улус ругал себя: где раньше глаза были, такую девушку проглядел!

Дома Хара-Пидекей сказал отцу:

— Возьми жену охотника для меня.

— Коня мы у него за ясак отняли, а вот как жену взять? — ответил Хара-хан.

— Ты — бай, ты — начальник, как хочешь, так и отбери.

Охотник вечером вернулся домой. Жена ему ничего не сказала про встречу с байским сыном. Приняла добычу, накормила мужа и легла спать. Наутро приходит в юрту слуга Хара-хана и говорит:

— Бай велел к нему явиться.

— Ладно, приду, — ответил охотник.

Слуга ушел, а охотник спрашивает жену:

— Зачем меня Хара-хан зовет?

— Пойди — узнаешь, — сказала жена.

Пришел охотник в улус. Открыл дверь в байскую юрту — поздоровался, перешагнул порог, поклонился.

— По какому делу вызвал, начальник мой? — спросил охотник.

— Будешь с моим сыном в прятки играть. Завтра, как придешь утром, ищи его. Не найдешь — голову отрублю, — ответил бай.

Выслушал охотник и пошел домой. Сидел в юрте повесил голову. Жена спросила:

— По какому делу бай вызывал?

— В прятки со своим сыном заставляет играть. Голову грозит отрубить, если сына не найду. А к чему это — не пойму.

Жена сразу сообразила, в чем тут дело, сказала:

— Ты не печалься. Ложись спать. Утром я научу, как в прятки играть.

На рассвете она разбудила мужа и, пока он ел, поучала:

— Ты, как зайдешь в дом бая, не здоровайся. Все, что есть в доме, переворачивай. Посуду на пол сбрасывай — пусть бьется. Во все углы заглядывай. Когда все перевернешь вверх дном, иди во двор. У коновязи увидишь трех одинаковых коней под седлом. Ты на них внимательно посмотри — у одного коня будет левый глаз чуть прикрыт, а конец удила ржавый. Ты на этого коня садись, по сильнее повод дергай, рот до крови ему раздери и плеткой по глазам, не жалея, бей.

Дальше сам увидишь, что будет. Только смотри — бей посильнее.

Пришел охотник в юрту Хара-хана. Ни здравствуй, ни прощай не говорит. Молча все вверх дном перевернул, всю посуду переколотил и на двор вышел.

На дворе прямо к коновязи пошел. Стоят у коновязи три коня один на другого похожи. Охотник внимательно посмотрел и видит: глаз у среднего коня веком наполовину прикрыт, а конец удила ржавый. Сел охотник верхом на этого коня. Рвет повод, бьет изо всех сил плеткой по глазам. Конь под ним завертелся, на дыбы встал и вдруг в сына Хара-хана обратился — глаза у него распухли и изо рта кровь идет.

— Вот он, твой сын, — сказал охотник Хара-хану.

— Ладно, ступай домой. Завтра мой сын придет тебя искать. Если найдет, я тебе голову отрублю.

Пришел охотник домой невеселый. Жена стала расспрашивать. Рассказал ей все, как было.

— Не печалься раньше времени. Садись покушай и спать ложись.

На другое утро проснулись, слышат конский топот. Забегал охотник: где в юрте спрячешься? А сын Хара-хана уже с лошади слезает. Жена, ничего не говоря, превратила мужа в ножницы, взяла в руки и что-то режет. В юрту вошел байский сын, все перевернул — нет никого. Растерялся. Стоит, по сторонам смотрит.

— Нашел? — спрашивает его жена охотника.

— Нет, не нашел, — ответил Хара-Пидекей.

Когда он отвернулся, жена ножницы уронила. Оглянулся Хара-Пидекей, а охотник посреди юрты стоит и вместе с женой над ним смеется.

Вернулся Хара-Пидекей к отцу и говорит:

— Ты здесь самый главный. Как хочешь, а жену охотника заведи, иначе я тебе не сын, ты мне не отец.

Хара-хан снова охотника вызвал и сказал ему:

— В черной тайге живет черный медведь. Пойди к этому медведю и спроси, сколько ему лет.

Вернулся охотник домой, голову повесил. Жене говорит:

— Решил меня бай жизни лишить, к черному медведю посылает.

— Ничего, ложись и отдыхай, а я в улус схожу, — сказала жена.

Пошла в улус, собрала на свалке разных лоскутков от шкур и вернулась в тайгу. Всю ночь просидела,

из тряпья семь шапок сшила. На рассвете разбудила мужа, сказала:

— Вот тебе семь шапок. В черной тайге увидишь три тополя. Под ними будет логово медведя. Ты подойди без страха, ляг на спину. Две шапки надень на ступни, две — на колени, две — на руки и одну — на голову. Так и лежи, и смотри, что будет.

Охотник собрался и ушел. Долго ли, мало ли шел, дошел до черной тайги. Идет по тайге и видит три тополя. Подошел к ним, лег на землю перед берлогой и сделал все так, как велела жена.

Выскочил из берлоги медведь, зарычал. Никак не может понять, что за семиголовое чудо перед ним лежит. Ходит вокруг, сам с собой рассуждает:

— Триста лет стоят тополя. Я под ними в берлоге шестьдесят лет прожил, а такого еще не видел.

Подумал медведь и убежал в лес подальше от беды.

Пришел охотник к Хара-хану.

— Узнал, что я тебе велел? — спросил Хара-хан.

— Узнал, — ответил охотник. — Тополя над берлогой триста лет стоят. А медведь шестьдесят лет на свете живет.

Взял Хара-хан черную книгу, раскрыл ее и читает. Все оказалось так, как сказал охотник.

Ушел охотник домой, а Хара-хан начал сына уговаривать:

— Зачем тебе обязательно жена охотника понадобилась? Возьми другую — девушку. Разве мало их?

Сын на своем уперся:

— Какой же ты бай, если не можешь заставить охотника отдать жену?

Махнул рукой Хара-хан, сказал:

— Ладно, завтра опять его вызовем.

Наутро охотник явился к Хара-хану. Дверь открыл — поздоровался, через порог ступил — поклонился, спросил:

— Зачем звал, начальник?

— С тех пор, как умерли мои мать и отец, прошло тридцать лет, — сказал Хара-хан. — Когда умер отец, я надел на него черную шубу. Когда умерла мать, я покрыл ее черным шелковым платком. Ты сходи в царство дьявола Эрлик-хана, разыщи отца с матерью — пусть отдадут платок с шубой. Если за полмесяца не управишься, голову отрублю.

Вернулся охотник домой, голову повесил, не ест, не пьет. Жена его принялась расспрашивать. Рассказал ей муж все, как было.

— Ты вот что сделай,— сказала жена.— Найди череп собаки, возьми вот этот клубок ниток и брось перед собой. Клубок покатится, а ты за ним иди. Он тебя очень далеко заведет. Попадешь в темноту. Страшно тебе станет. Ты брось череп собаки и дальше иди. А там сам увидишь, что надо делать. Ну иди, дорогой.

Бросил охотник перед собой клубок. Клубок покатился, а он за ним пошел. Долго ли, мало ли шел, покатился клубок в пещеру. Кругом темнота, страшно стало. Охотник бросил череп собаки и дальше пошел. Шел, шел, и вдруг почудилось ему, что бродят кругом какие-то тени. Потом голос слышит:

— За делом ли ты пришел, сирота?

Рассказал охотник, за каким делом он пришел.

Тогда одна из теней говорит:

— Жадный Хара-хан. Мы ему оставили скот, богатую юрту, деньги. Все ему мало. Теперь последний платок и шубу у матери и отца требует. Иди к нему и скажи: «Из-за своей жадности превратись в черного дятла. Жена твоя Кокей-Пурчун пусть обратится в синего дятла. День и ночь долбите клювами черное дерево. А сын ваш Хара-Пидекей пусть превратится в со-року и роется в навозе. Передай: так пожелали твои умершие отец с матерью. На обратном пути собачий череп не забудь. Он день и ночь лает, покоя нам не дает».

Пошел охотник домой. Мимо черепа прошел, но брать его не стал: «Пусть лает».

Долго ли, мало ли шел, дошел за клубком до своего дома. Смотрит: пустая юрта — одна зола да пепел в очаге. Побежал охотник к Хара-хану. А в улусе ханский сын на его жене женится, свадьбу собираются справлять.

Зашел охотник потихоньку в юрту к Хара-хану, слышит, жена говорит:

— Подождите, срок ведь еще не вышел...

— Он все равно не придет,— ответил ханский сын.

— Я уже пришел,— сказал охотник.

Хара-хан оглянулся. Видит: охотник цел и невредим стоит.

— Прийти-то ты пришел. А принес ли, что я тебе велел?— спросил Хара-хан.

— Я тебе принес привет от отца с матерью, — ответил охотник. — Сказали они так: «Пусть Хара-хан из-за своей жадности обратится в черного дятла, а его жена — в синего дятла. Пусть оба день и ночь долбят черное дерево. Сын Хара-хана пусть обратится в сороку и всю жизнь роется в навозе».

Только он так сказал, как Хара-хан с женой обратились в дятлов, а сын их — в сороку. Все трое улетели из юрты.

Богатые гости Хара-хана в испуге разбежались, а охотника бедняки выбрали на место Хара-хана и весь байский скот поделили между собой.

КАК БЕДНЯК БАЯ ОБМАНУЛ

Бай Сатин считал себя самым умным и самым хитрым на всю округу. Как-то пошла по улусам молва, что появился пастух, который всех богатых обманывает.

— Не знаю, как он других обманывает, но меня ему не обмануть, — сказал бай Сатин, и все, кто сидел в его юрте, ел и пил за его столом, закричали:

— Куда ему тягаться с мудрым Сатином!..

Бай довольно разгладил бороду и приказал батраку разыскать и привести бедного пастуха.

В это время мимо юрты как раз проезжал Айдолай на своей кляче.

— Эй ты, — крикнул бай, — ты, говорят, всех богатых обманываешь!.. Попробуй обмануть меня, бая Сатина...

Оглянулся пастух на бая и его гостей и молча едет дальше, клячу свою плеткой поторапливает.

— Бойтся, — захохотал бай. — Еще не родился тот человек, кто бы меня обманул.

— Обмануть тебя ничего не стоит, — ответил пастух. — Только я сейчас тороплюсь. Красное озеро, что в трех километрах от твоей юрты, за ночь высохло, я спешу рыбу собрать, на зиму запас сделать... Вот на обратном пути я тебя обману, если захочешь.

Услышали гости о рыбе и кинулись к своим коням, а бай закричал на батраков:

— Чего смотрите, берите мешки, запрягайте подводы, несите лопаты!

Немного времени прошло. Из улуса по дороге к озеру поскакали всадники, помчались подводы. Обогнали пастуха Айдолая, а озеро как было, так и есть.

Даже как будто в нем после осенних дождей еще прибавилось. Стоят все и не поймут ничего. Смотрят, а Айдолай по дороге мимо едет, ни на кого не смотрит.

— Эй ты, врун на сивой кляче, какая мать тебя родила? Какой отец человеком вырастил?..— закричал ему бай.

— Зачем ругаешься? Ведь ты сам просил, чтобы я тебя обманул,— сказал бедняк пастух и проехал мимо.

С тех пор рассказывают в народе, как мудрый бедняк проучил хвастливого бая.

КАК МАЛЬЧИК ЗАСТАВИЛ СМЕРТЬ НА СЕБЯ РАБОТАТЬ

Жил-был мальчик-сирота. Плохо жил, со дня на день еле-еле перебивался. Однажды сказал он сам себе: «Пойду-ка я куда-нибудь, наймусь в работники. Может, хорошо жить начну». И вот пошел. Попалась ему речка, и он направился вдоль нее по берегу. Шел, шел и видит: под ногами батожок валяется — красивый. Мальчик взял его и пошел дальше. Подошел к развилке. Одна дорога идет налево, другая — направо. Подумал мальчик и решил направо идти, а батожок говорит:

— Не ходи по правой дороге: смерть тебе встретится. Если пойдешь по левой дороге, бая с семью дочерьми встретишь.

Мальчик пошел по левой дороге. Вскоре байское жилье попало. Заходит мальчик и видит: сидит толстый бай с женой и семью дочерьми. Бай с женой старые, а дочери молодые и красивые.

— Куда идешь, что надо?— спросил бай.

— Иду, работу ищу.

— Нанимайся ко мне. Есть у меня работа. Но одно условие тебе ставлю. Если справишься с работой, сколько хочешь платы проси. А не справишься, я тебя изобью и выгоню.

Некуда мальчику деваться. Согласился он год у бая работать. Мальчику во всем батожок помогал. Что бы ни сказал бай, все делалось.

Младшая дочь очень мальчику понравилась, и он по душе ей пришелся.

Год прошел. Настало время плату получать. Бай спрашивает мальчика:

— Что дать — денег или одежды?

— Отдай мне за работу свою младшую дочь,— отвел мальчик.

Рассердился бай, приказал мальчика избить и ни с чем выгнать. Мальчик взял свой батожок и пошел правду искать. По дороге встретил дряхлого старика. Идет старик, спотыкается, а зубы у него во рту молодые, как у волка.

— Кто ты, дедушка, и куда идешь?

— О, о, мальчик, я Смерть. Иду к богам, чтобы узнать, кого мне есть.

— А где они — боги?— спросил мальчик.

— Очень далеко боги. Устал я, пока иду, а еще и половины не прошел. Надо все прямо по этой дороге идти, пока лестница на небо не встретится. Эта лестница прямо к богам и приведет. Но и по ней путь долг. Очень она высокая, не знаю, как и доберусь.

— А зачем тебе идти, мучиться? Ты садись и отдыхай. Я за тебя сбегаю.

— Ладно, сынок, сходи...

Пошел мальчик, и все так было, как Смерть сказала. Взобрался он на небо и видит: все там, как на земле, только теплее. Трава круглый год зеленая и не вянет, листья с деревьев не падают, белые цветы растут, и юрты больше, чем на земле. Зашел мальчик в самую нарядную юрту и видит: сидят за столом десять богов и большие книги просматривают.

— Меня к вам Смерть послала. Кого ей есть, спрашивает,— сказал мальчик.

— Пусть три года ест она худых стариков,— ответили боги и отпустили мальчика.

Жалко стало мальчику стариков. «Раз старик худой, значит, бедный,— подумал мальчик,— зачем бедного человека жизни лишать?» Спустился мальчик на землю и пошел. На батожок обопрется — сразу пять земель¹ за спиной оставляет.

За один день мальчик в оба конца сбегал. Пришел к Смерти и говорит:

— Боги сказали, чтобы ты три года древесную кору в тайге ела.

Повздыхал старик — делать нечего. Отправился в тайгу.

Через три года мальчик опять Смерть встретил. Идет старик едва живой. Увидел мальчика, заохал, стал жаловаться:

¹ Земля — *здесь*: в смысле расстояния. Хакасы расстояние до горизонта называют «землей».

— Зубы я об эту кору обломал, живот испортил... За что боги на меня рассердились?

— Ничего, дедушка, может, на этот раз боги добрей будут. Ты посиди, отдохни, я к ним сбегая.

Пришел мальчик к богам и говорит:

— Смерть от стариков сама чуть не умерла. Зубы обломала, живот испортила. Кого ей теперь есть?

— Пусть она теперь три года детей ест,— сказали боги и отпустили мальчика.

Жалко ему стало детей, вернулся он к Смерти и сказал ей:

— Я передал богам жалобу. Они сказали, чтобы ты три года водоросли ела. Они мягкие и сочные.

Прошли и эти три года. А вместе шесть лет миновало, и никто из людей в степи не умирал. А мальчик ходит себе с батожком, все правду ищет.

Всю землю обошел — нет правды. Вот на дороге снова старика встречает.

Идет старик, распух весь, позеленел от водорослей. Увидел мальчика, стал жаловаться:

— Совсем меня боги решили уморить. Сил больше нет. Видно, мне пришлось время умирать...

— Ты посиди, на солнышке погрейся, а я на небо сбегая, твои жалобы передам,— сказал мальчик, а сам подумал: «Правды я не нашел, так хоть Смерть изведу».

— Нет,— ответил старик.— Я сам к богам схожу. Пусть посмотрят, какой я стал.

Пошел старик по дороге, а мальчик впереди него отправился. Дошли до лестницы, стали наверх взбираться. Проползет Смерть немного и сидит отдыхает. Когда Смерть отдыхала, мальчик тоже останавливался.

Была у него табакерка с табаком. Как остановятся они, так мальчик табак нюхает.

Старик спрашивает:

— Что ты ешь, мальчик?

— Да вот тут у меня сушеное человечье мясо. Я и закусываю потихоньку.

— Дай мне поесть. Совсем я ослаб...

— Дать можно. Почему не дать! Но ведь ты, дедушка, не достанешь так, как я: у тебя пальцы толстые. Обратись в комара, залезь в табакерку и кушай сколько хочешь.

Старик так и сделал. Влез в табакерку, а мальчик ее крышкой закрыл и спустился на землю. Сел и думает, что дальше делать.

Батожок ему говорит:

— Иди теперь к хану. Там у него все баи пируют, и твой бывший хозяин с ними. Там ты свою правду найдешь.

Пошел мальчик к хану. Обопрется на батожок — сразу десять земель за спиной оставляет. Пришел он в улус хана, в самую большую юрту.

Пир у хана богатый был. Толстый бай тоже пировал. Увидел мальчика и зашептал хану:

— Гони этого чертенка. От него горя наберешься.

Старик в табакерке услышал запах пищи, завозил-ся, пищит тонким голоском так, что один мальчик слышит:

— Выпусти меня поесть, — я для тебя что хочешь сделаю.

А хан тем временем грозно мальчика спрашивает:

— Ты кто такой? Откуда пришел?

— Пришел я к тебе как к главному в степи — правду искать. Обманул меня вот этот человек. — Мальчик на толстого бая рукой показал. — Прикажи ему заплатить за мою работу тем, что я сам выбрал.

Рассердила хана дерзость сироты, приказал он гнать его и палками бить.

Тогда мальчик зашептал в табакерку:

— Я тебя, дедушка, выпущу, только ты всех толстых людей, которых увидишь в юрте, должен съесть.

— Съем, съем... всех съем, — застонал старик.

Кинулись ханские слуги к мальчику, а он открыл табакерку, вылетел из нее комар, ударился об пол и обратился в Смерть.

Кинулась Смерть подряд жирных баев глотать. Хану первому конец пришел.

Много было батраков у хана. Мальчик всех отпустил. У кого не было одежды — того одел. У кого не было денег — тому дал деньги. Весь ханский скот поровну поделил. С тех пор началась в степи счастливая жизнь.

ДВА БРАТА

Жили-были два брата: один бедный, другой богатый. Однажды пришел богатый брат к бедному и говорит:

— Иди ко мне работать. Как отработаешь день от солнца до солнца, так мешок хлеба получишь.

— Ладно, — согласился бедный брат. Проработал день от зари до зари, пришел плату получать.

— День,— говорит,— кончился. Плати.

— Нет, день еще не кончился,— ответил богатый.— У солнца младший брат есть, видишь, на небе светит? Вот когда месяц зайдет, приходи.

Проработал бедный брат всю ночь. Перед тем как солнцу взойти, пришел домой, взял мешок с распоротым дном и внизу к нему второй мешок подставил. Приходит к богатому брату.

— Постой-ка... Да ведь у тебя, кажется, два мешка?— спросил богатый брат.

— Если у солнца есть младший брат, так почему бы мешку младшего брата не иметь?— ответил бедный.

Делать нечего. Пришлось богатому два мешка зерна отдать — перехитрил его бедный брат.

АДЫЧАХ И КЕЧОХ

Жили два парня. Были они большими друзьями. Одного звали Адычах, другого — Кечох. Дали они клятву не покидать друг друга в беде.

— Мой отец очень храбрый. Я весь в него пошел. Ты, Кечох, со мной не пропадешь,— говорил Адычах.

Кечох молча выслушал своего друга и хорошо запомнил его слова.

Как-то шли они по тайге. Навстречу им медведь. Адычах мигом оказался на дереве. Кечох упал на землю и притворился мертвым. Медведь подошел к нему, обнюхал лицо и заковылял в тайгу — мертвых медведи не трогают. Адычах подождал, пока медведь ушел, слез с дерева и спросил у товарища:

— Что тебе медведь говорил?

— Он сказал: никогда не ходи в тайгу с другом, который только о себе думает...

С тех пор появилась у хакасов пословица: *«Без беды друга не узнаешь»*.

ЛЕНИВЫЙ МАЛЬЧИК И СИНИЧКА

Ленивый мальчик сидел на берегу реки.

Мальчику было жарко. Его тянуло в воду. Но было лень раздеваться. Больше того, лень было двигаться с места.

— Ох, как жарко!— вздыхал мальчик.— Исккупаться бы теперь. В воде, наверно, хорошо-хорошо!..

Услышала это синичка, сидевшая на ветке, склонилась голову и посмотрела вниз на мальчика.

— Искупайся, друг мой,— посоветовала она.— Ведь тебе никто и ничто не мешает.

— Да, хорошо тебе говорить «искупайся»,— обиделся мальчик.— А если я утону?

— Держись за осоку, что растет на берегу,— сказала синичка и спрыгнула на ветку пониже.— Вот за эту осоку.

— Да, хорошо тебе говорить «держись за осоку»... А если я руку порежу?

— Надень кожаные рукавицы,— продолжала советовать синичка.

— Да, кожаные рукавицы... А если они промокнут?

— Ты их на солнце высушишь.

— Я высушу, а они порвутся.

— Ну, если порвутся, ты их починишь,— не унималась синичка.

— Ты научишь...— обиделся мальчик.— Начну починять да уколую себе палец...

— А ты надень наперсток...

Мальчик рассердился. Такая маленькая, совсем незаметная птичка, а смеется над ним! Он схватил камень.

— Сейчас я тебя проучу...

Но в это время ноги его поскользнулись, и он упал в реку.

Синичка улетела.

Мальчик вылез из воды и лег на солнечную полянку. Он лежал и долго ругал синичку за то, что ему приходится сушить на себе мокрую одежду.

А синичка летала по кустам и посмеивалась над ним.

ЛИСИЦА И КОЛОНКИ

На вершине высокой лиственницы жили колонки. Были у них маленькие дети. Повадилась ходить под лиственницу лиса. Придет и говорит:

— Колонки, колонки, вот я пришла. Сбросьте мне одного детеныша.

— Пошла прочь. Не дадим тебе наших детей,— отвечали колонки.

— Не дадите? А я все равно возьму.

— Где тебе нас на дереве достать!

— А вот и достану, — сказала хитрая лиса, — разбегусь, прыгну на облака и оттуда на вас упаду. А уж тогда не только ваших детенышей, но и вас самих съем.

Колонки испугались, поверили лисе и одного детеныша ей сбросили. Лиса подхватила его и в лес убежала. Сидят колонки на дереве, плачут.

На другой день лиса вновь пришла. Опять требует:

— Кидайте его быстрее, а то прыгну на луну, с луны к вам спущусь и всех вас съем.

Пришлось глупым колонкам еще одного детеныша лисе отдать.

Загрустили колонки, плачут. Прилетели журавли, сели на лиственницу, спрашивают:

— Вы чего плачете?

— Лиса повадилась к нам ходить. Пугает, детенышей наших уносит.

— Как же вас лиса пугает?

— На дерево грозит прыгнуть и всех нас съесть.

Засмеялись журавли:

— Никогда лиса на дерево не залезет. Да она выше березового пня и не прыгнет. А если еще будет вас пугать, вы ей скажите: «Ну-ка, прыгни» — и посмотрите, что получится.

Журавли поднялись с дерева и низко полетели вдоль косогора. Колонки сидят, лису ждут. На другой день лиса прибежала, запыхалась, детеныша требует.

— Кидайте его поскорей, а то мне сегодня некогда, — сказала лиса и облизнулась.

Колонки сидят и молчат, на лису испуганно косятся.

— Ну чего же вы? — торопит лиса... — А то вот прыгну на дерево — худо будет.

Тогда колонок-отец набрался смелости и говорит:

— Прыгни попробуй...

Лиса от злости хвостом замахала, разбежалась, все силы напрягла, но выше березового пня не прыгнула... Упала и лежит.

Колонки глядят на нее и смеются. Стыдно стало лисе, начала она вокруг дерева бегать. Долго ли, мало ли бегала, спрашивает колонок:

— Кто вам сказал, что я лазить по деревьям не умею?

— Журавли сказали.

— А где они?

— Вниз по косогору улетели.

«Ну ладно же. Я с ними рассчитаюсь»,— подумала лиса и побежала журавлей искать. Долго ли, мало ли бежала, видит: низко летят журавли. Позади них закат полнеба захватил. Крикнула лиса:

— Оглянитесь, журавли, пожар! Бежим ко мне в нору спастись.

Лиса побежала. Журавли за ней полетели. Прилетели к норе. Стали спорить, кому вперед в нору лезть.

— Лезьте вы,— сказала лиса,— а я у входа стоять буду; если большой пожар сюда дойдет, я вам крикну.

Посоветовались журавли и полезли в нору. Лиса тут же у входа села.

— Ну-у... что вы сказали колонкам?— ехидно спросила лиса.— Что-то вы теперь скажете?

Журавли говорят:

— Чего уж теперь говорить. Виноваты. Ты хоть дай нам перед смертью на свет взглянуть, хотя бы из-под твоих ног.

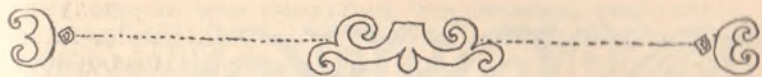
Лиса не выдержала, подняла одну ногу. Журавли собрались будто на свет глядеть, а сами как навалились на лису, толкнули ее и улетели. Два молоденьких журавля не успели улететь: лиса выход им загродила.

— Вот я вам покажу свет,— сказала лиса.

— Ты на нас не сердись. Хочешь, мы тебя на крыльях перенесем через море и ты всю стаю догонишь?— сказали молодые журавли.

— Ладно, несите,— согласилась лиса.

Оба журавля присели, соединили крылья между собой, лису на них посадили и полетели. Летели, летели, прилетели к морю. Наверху небо, внизу вода. Залетели журавли на середину моря. Над самым глубоким местом разлетелись в стороны. Лиса упала в море и утонула.

ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ

УДЮРГАЙ-БАТЫР

На зеленой мураве, около речки быстротечной, среди белых березок стоял ветхий домик. В этом домике жили старик со старухой. С малого возраста, не разгибая спины, трудились они для скупого и жадного богача Хара-Хаана. Богач Хара-Хаан был похож на огромного паука: если кто по нужде непредвиденной попадал в его сети, он не выпускал его до самой смерти.

На старости лет старуха совсем уже перестала двигаться. Тогда Хара-Хаан заставил старика трудиться за двоих. Но горевали старики не от тяжелой работы, а оттого, что нет у них детей, которые продлили бы их род.

Однажды, возвращаясь с работы, шел старик через березовую рощу. Хотя не было ветра в этот вечер, почему-то ласково шептались листья белых берез. Где-то так радостно пела птичка, что старик, усталый и голодный, не мог уйти, не оглянувшись в ту сторону, откуда доносилось пенье. Но увидел он не птицу, а большой-пребольшой удюргай¹. Остановился старик, сошел с тропинки, по которой ходил около семидесяти лет. Подошел он к удюргая, оглядел его со всех сторон. Тут перестали шептаться листья, умолкла птица. Старик подумал: «Может, что-нибудь сделаю из этого удюргая. Красивый чорон² с узорами... Или резной черенок для ножа...» Срубил он удюргай и понес домой.

Увидела старуха старика, согнувшегося под тяжестью удюргая, всплеснула руками и воскликнула:

— Эх, старик, из ума ты выжил!.. Зачем тебе такой огромный удюргай?

¹ У д ю р г а й — нарост на коре березы.

² Ч о р о н — чарка для кумыса.

А старик уже придумал, что ответить старухе:

— У нас с тобой нет детей, а я, может, вырежу такое, что продолжит наше имя.

Тут старуха стала внимательно осматривать удюргай, заставляя усталого старика поворачивать его во все стороны. Вдруг она всплеснула руками.

— Да, смотри, старик, чудо какое ты принес! Удюргай-то похож на ребенка! Вот как будто ноги, вот руки, а вот голова!— Старуха уже видела ребенка в еще не отесанном удюргae.

Старик ничего не ответил, но, отдохнув немного, сразу принялся за дело. Мог бы он быстро сделать, что задумал, да времени у него было мало — почти целый день работал он на Хара-Хаана. Семь лет мастерил он куклу. Часто старик, прервав работу, говорил старухе, устало улыбаясь:

— Мы состарились, и нет у нас детей. А я сделаю человечка из крепкого удюргая, и он останется после нас...

Старуха, глядя на куклу, тоже улыбалась. Очень она похожа на ребенка! Вот только глаза осталось сделать, и тогда они дадут ему имя, и он будет их наследником... Но старик не закончил человечка из удюргая — умер...

Осталась старуха с незаконченным деревянным человечком. Скучно ей было целыми днями одной. Положила она однажды куклу рядом с собой, полюбовалась ею и уснула. Вдруг сквозь сон слышала она плач. Просыпается старуха и видит — превратился деревянный человечек в живого ребенка, только глаз у него нет.

Рос ребенок не по дням, а по часам и вырос богатырем. Стал он работать. Старуха нарадоваться не могла. Но увидел однажды слепого богатыря Хара-Хаан. Пришел он к старухе и говорит:

— Старуха, твой старик умер, но долги его остались. Ты должна отработать их!

— Где же мне силу взять?

— Тогда я забираю твоего сына!— сказал богач и увел с собою Удюргая-батыра.

Силен был богатырь, но не было у него глаз. Если нужно было дрова приготовить, его подводили к дереву, и он разламывал его, как щепку. Если нужно было сено привезти, его запрягали в огромные сани, и он тащил стог. Он не знал усталости.

Однажды Удюргай-батыр услышал свист змеи, шум крыльев и клёкот орла. Остановился он, прислушался и понял, что невдалеке происходит драка.

— Что за шум?— спросил Удюргай-батыр.

Шум прекратился, на траве у его ног что-то зашуршало, а над головой зашумели огромные, сильные крылья.

— Удюргай-батыр, давно мы ждем тебя. Только ты один можешь рассудить наш вековечный спор,— услышал он.

— Кто вы такие?— спросил Удюргай-батыр.

— Я — Могой¹,— зашипела в траве змея,— выслушай меня. Это было давно, когда я была молодой. Хотела я тогда подняться выше всех и поползла на высокую гору. Там солнце пекло, и не было ни сырости, ни влаги. Я задыхалась от жажды. Тут я увидела три яйца. Не подыхать же мне от жажды! Выпила я эти яйца. И вдруг на меня напал Хотой². За что он напал на меня, я и по сей день не знаю.

Тут послышался клёкот орла:

— Послушай меня, добрый человек. Чтобы размножить наше орлиное племя, высоко на горе я положил три золотых яйца. Думал я, что будут у меня птенцы, молодые Хотой-батыры. И вдруг, прилетев в свое гнездо, я нашел разбитыми золотые яйца, а в моем гнезде лежала Могой. Лишив меня потомства, она еще говорить смеет, что не знает, за что я напал на нее!

Могой и Хотой еще долго бы спорили, но Удюргай-батыр сказал им:

— Принесите мне глаза, тогда я смогу рассудить вас.

— Принесу!— зашипела Могой и уползла.

— Принесу!— заклекотал орел и улетел.

Долго ли, мало ли ждал Удюргай-батыр, и услышал он шуршание змеи в траве.

— Нагнись, я тебе приставлю глаза!— зашипела Могой.

Всю жизнь Удюргай-батыр хотел видеть мир, зелень трав, свет солнца.

Волнуясь, нагнулся он. Могой поставила ему в глазницы что-то мокрое, мягкое. Удюргай-батыр увидел солнце маленьким красным пятнышком в черном небе. Все вокруг имело расплывчатые очертания.

¹ М о г о й — змея.

² Х о т о й — орел.

— Почему же люди хвалят этот черный туманный мир?— спросил Удюргай-батыр и тяжело вздохнул.

— Правду ты говоришь,— зашипела Могой.— Нет ничего прекрасного в этом мире при дневном свете. Но ночью, когда наступит мрак, ты будешь видеть лучше, чем сейчас!

Задумался Удюргай-батыр над словами змеи. Они казались ему странными. Если ночь лучше дня, то почему же люди спят ночью? Когда он спросил об этом, Могой засмеялась:

— Ш-ш-ш! Не верь ты людской болтовне! Люди слабые, они боятся ночного света. Этот свет для сильных, могучих, как ты и я. Ночью все сильные не спят. Не спят тигры, пантеры, филины, совы.

Не успел Удюргай-батыр поблагодарить змею за глаза, как в воздухе зашумели могучие крылья Хотоя. Подлетел он к Удюргаю и говорит:

— Возьми вот эти глаза!

Удюргай-батыр взял глаза, принесенные орлом, и приставил их к своим глазницам. О, чудо! Он увидел землю, зелень трав, яркое солнце и голубой шатер неба. Тут он понял, что змея не права.

Удюргай-батыр поблагодарил Могой и Хотоя за глаза.

— Теперь три дня отдыхайте. Я посмотрю мир и подумаю, кто из вас виноват.

Пришел Удюргай-батыр к своему хозяину Хара-Хаану. Приставил он глаза, которые принесла ему змея, и увидел: сидит его хозяин, со всех сторон к нему идут радостные люди, он их кормит и поит.

Тут Удюргай-батыр подумал: «Почему же я слышал, что люди недовольны хозяином? Я вижу, что он поит и кормит людей».

Приставил Удюргай-батыр глаза, принесенные Хотоем, и увидел: Хара-Хаан, толстый, маленький, сидит на высоком кресле, по левую руку от него стоит стол с едой. К этому столу подходят измученные люди, и хозяин дает им лишь столько, чтобы они не умерли от голода. В правой руке он держит длинный хлыст и бьет им каждого, кто осмеливается тут же поесть его пищу и не сразу уходит на работу.

Тут Удюргай-батыр еще яснее понял, какие глаза принесла ему змея. Эти глаза способны были скрасить злодейство богачей и хищников.

Идет он по лесу и думает, как справедливо решить спор Могой и Хотоя. Вдруг слышит старческий голос:

— О чем задумался, добрый батыр?

Огляделся Удюргай-батыр, но никого не увидел.

— Кто со мной разговаривает?— спросил он.

Тут увидел Удюргай-батыр перед собой домик величиной с гриб. В дверях домика стоял старичок с длинной седой бородой. Он был одет в доху, сшитую из шкурки одной белки. Из передних лапок были сшиты рукавицы, из задних — унты.

Нагнулся Удюргай-батыр к старику и спросил:

— Кто же вы, почтенный старец?

— Я всегда добрым делам советчик, зовут меня Сэркан-былинником. О споре змеи с орлом я давно знаю. Знаю и то, что ты должен решить этот спор.

— Думаю я: как рассудить их, как найти наказание виновнику?

— Рассудить их ты сам должен. А наказание найти я помогу. Вот тебе мой меч. Отсеки им голову того, кого считаешь виновным,— сказал Сэркан-былинник и подал батыру богатырский меч.

Удюргай-батыр взял в руки богатырский меч и хотел поблагодарить старичка, но его уже не было. Снова шумел лес, пели птицы.

Пришел Удюргай-батыр на условленное место, где его ждали Хотой и Могой. Прежде чем приступить к выполнению своего решения, Удюргай-батыр в правую глазницу вставил орлиный глаз, а в левую змеиный. Он считал, что это будет справедливым.

Посмотрел Удюргай-батыр левым глазом на змею и увидел ее доброй, улыбающейся. А когда посмотрел правым глазом, то увидел это отвратительное существо горящим злостью и ненавистью. Вспомнил Удюргай-батыр и то, каким предстал перед ним хозяин Хара-Хаан, когда он посмотрел на него глазами Могой.

Это еще больше убедило его в том, что нужно избавить мир от змей.

— Слушайте мое решение! Виновата ты, Могой, высосавшая душу и тело птенцов Хотоя. Ты и умрешь от моего острого меча!

Размахнулся батыр мечом, но вместо головы Могой меч рассек только пустую змеиную шкуру. Удивленный, стоял батыр и ворошил мечом старую шкуру змеи. Хотой посмотрел на это и сказал:

— Могой хитра и увертлива, ее так быстро не убьешь. Теперь, в новой шкуре, она коварнее, чем раньше. Если ты хочешь избавить мир от злодейки, выбрось ее глаза и пользуйся только моими глаза-

ми — орлиными, острыми. Ты всегда разглядишь зло, в какой бы шкуре оно ни было!

Улетел Хотой в высокое синее небо, а Удюргай-батыр пошел по земле, чтобы избавить мир от всех злодеев.

КАК ВЕТЕР К ВЕЛИКОЙ ГОРЕ ХОДИЛ

Жили у голубого озера гордый якут с дочкой и добрый якут с сыном. Совсем рядом их юрты стояли, а никогда они друг к другу в гости не ходили. Встретятся, бывало, на берегу, добрый якут почтительно кланяется, а гордый якут и не смотрит на него. Добрый якут сядет на улице курить лицом к юрте соседа, а тот спиной повернется. Добрый якут идет ловить рыбу на ближний берег, а гордый якут — на самый дальний. Так вот и жили.

Однажды пробежал мимо глубокого озера большой ветер. Посмотрел он на людей, как они в неладу живут, и думает: «Дай-ка попробую их одинаковыми сделать».

Подкрался ветер к тому месту, где гордый якут с дочкой рыбу ловили, да как подует! Полетела вяленая рыба в ту сторону, где добрый якут с сыном рыбачили, и попадала на их берегу. А ветер забрался на сопку и смотрит, что люди дальше будут делать. Собрали добрый якут с сыном рыбу, перенесли ее в лодку и гордому якуту повезли. Увидел он, что соседи рыбу везут, велел дочери в другую сторону смотреть и не разговаривать.

Подплыли отец с сыном к берегу, вытащили из воды лодку и говорят:

— Принимай, сосед, рыбу, которую от тебя ветер унес.

А гордый якут с дочерью как немые стоят. Обидно стало добрым соседям за такое неуважение, высыпали они из лодки на берег рыбу и обратно поплыли.

Дождлся гордый якут, пока соседи к своему берегу пристанут, а потом побежал к оставленной на берегу рыбе и всю ее в воду побросал.

Увидел это ветер и еще пуще рассердился. «Пожди, — думает, — я сейчас собью твою гордость».

Только сел гордый якут в лодку, чтобы снова сеть закинуть, ветер как рванет по озеру волной. Ударила высокая волна в лодку и выбросила ее у самой рыбалки доброго якута. Подбежали отец с сыном к гордому

соседу, а он еле дышит. Положили его на крепкую сеть и в юрту понесли. Прибежала дочь, забилась в угол, плачет и разговаривать ни с кем не хочет. Стали добрый якут с сыном за больным ухаживать. Дрова готовят, воду носят, чай варят, по ночам у очага дежурят, а ветер потихоньку вокруг юрты ходит и ждет: что же дальше будет?

В одно прекрасное утро здоровым гордый якут стал. Поднялся он на ноги, поманил за собой свою дочь и на рыбалку повел, даже спасибо соседям за заботу не сказал. Тяжело вздохнули отец с сыном, а ветер в этот день совсем злым стал. Лег он на высокий камень и ждет, когда якут с дочкой домой пойдут. Только они к юрте подошли, ветер как выскочит из-за камня, как закрутит столб черной земли. Сорвал он юрту гордого якута, деревянный остов в щепки превратил, а оленье шкуры за сопки унес.

В это время добрый якут с сыном с работы шли. Посмотрели они на то место, где юрта соседа стояла, и ахнули. Глубокая яма там образовалась. Жалко им стало гордого якута с дочкой, которые без крова остались, подошли они к ним и говорят:

— Идите в нашу юрту, а мы себе другую поставим.

Опять не поблагодарил гордый якут доброго соседа, даже теплым взглядом его не порадовал, вошел в чужую юрту и по-своему хозяйничать стал. Увидел ветер, что добрый якут с сыном из прутьев юрту собирают, а гордый якут идет и по-прежнему нос кверху поднимает, и решил ветер к великой горе сбегать, совет попросить: какой силой заставить людей породниться?

Много дней и ночей бежал по долинам ветер, пока до великой горы не дошел.

Остановился у горы и спрашивает:

— Скажи мне, великая гора, вся ли земля тебе видима?

— Как есть вся,— отвечает гора.

— Посоветуй, великая гора,— продолжал ветер,— чем людей породнить можно?

— Дружбой,— говорит гора.

— А как найти эту дружбу?

— Беги на свою старую землю, колыхни от края до края большие и малые деревья в тайге, подними в широких реках и морях седую воду, разгони в небе черные тучи и дай дорогу ясной заре. Тогда увидишь, как дружба рождается.

Пропел большой ветер великой горе свою благодарность и обратно побежал. День бежит, два бежит — что ни дальше, тем больше силы чувствует. Влетел в широкую тайгу и уняться не может. Ходит из конца в конец и все, что есть на земле, поднимает. Смотрит и не верит: гудит земля, столько его сила дел надела, что поверить трудно. Обходит ветер долины и любуются. Олени, что рассеявшись по тайге бродили, в одно большое стадо перешли. Люди все вместе у большого костра сидят, одну работу выполняют. Шумит ветер и вместе с людьми молодеет. Подошел он рано утром к глубокому озеру, а там много народа ясную зарю встречать вышли. Гордый якут с добрым соседом новый дом рубят, а их веселые дети вместе большую сеть к озеру несут. Посмотрел большой ветер на равных в счастливой доле людей, радостно ему стало, и запел он над миром могучую песню: как великая гора научила его пронести по земле небывалый ураган, от которого развеялась рознь и навечно воссияла дружба.

БОГАЧ БОИЛЫТ И БЕДНЯК БЕРТ-ЭРЬ

Некогда в соседстве, в урочище Бурунур, жили богач Боилыт и бедняк старик Бордо с тремя сыновьями: старшего звали Додой, среднего — Налыбыр, младшего — Берт-Эрь.

Бордо и сыновья занимались охотой, тем и существовали. В один год, неизвестно почему, совершенно не было охотничьего промысла, и беднякам пришлось очень трудно. Несмотря на то что иной раз им приходилось ничего не есть, они все-таки держались, не ходили на грабеж. Пришла, однако, такая сильная нужда, что отец предложил сыновьям, чтобы один из них продался в рабы к Боилыту. Сыновья подумали и решили между собой, чтобы шел в рабы старший, Додой. На другой день Додой пошел к Боилыту, рассказал ему, что охота у них неудачна, что дома есть нечего, и просил Боилыта помочь им, спасти их от голодной смерти, а его взять за то в рабы. Боилыт выслушал, пожалел их и сказал:

— Хорошо, я тебя возьму и дам твоему отцу и братьям на прожиток, но ты поклянись, что будешь мне верным слугой!

Додой согласился.

— Ну ладно,—сказал Боилыт,— возьми теперь бересту и сделай на ней свой клятвенный знак!

Заторопился Додой, вытащил из ножен костяной ножик и порезал им палец-мизинец, кровью он намазал конец ножа, нарисовал им на бересте не то копые, не то просто палку и проговорил:

— С сего дня чту тебя над собой владыкой!

После этого он поцеловал окровавленный нож и, стоя на коленях, подал бересту Боилыту. Боилыт взял Додоя за руку и привел к своим семи женам.

— Вот мой новый подданный — ваш раб.

После этого богач дал Додою несколько штук рогатого скота и лошадей и позволил идти домой к отцу ночевать. На другой день, когда Додой пришел к Боилыту, Боилыт ему сказал, что, если Додой в точности не исполнит всего, что ему прикажут, он его жестоко накажет. Затем дал Додою хороших быков, топор для рубки дров, дал мясо для еды и сказал, чтобы он возил дрова. Выслушал приказ Додой и вспомнил о том, как один старик работник рассказывал про раба, с которого хозяин велел содрать кожу за самую малую провинность, и стало ему страшно. В страхе он не знал, что ему и делать; надо было, однако, собрать все, что нужно, и ехать по дрова. В лесу он все время думал о том, как с раба содрали кожу, а также о том, что невозможно ему одному нарубить десять возов дров в один день. Пот лился с него, а он все рубил да рубил. Наконец он так устал, что без чувств упал на землю. Очнувшись, он стал кричать:

— На десять быков дров наколоть! Это невозможно!

Хотел было он встать на ноги, но сил у него не было, и он опять повалился. Стал он свою прежнюю жизнь вспоминать, как он охотился по своей воле. А теперь ждет: быть может, и его такая же участь, как того раба, с которого кожу сняли! Не знал Додой, что и делать; голова у него кружилась, начал он плакать и причитать: «Лучше бы мне не жить, не видать света, лучше умереть!»

Оборотаясь в ту сторону, где лес был гуще, он стал просить себе или смерти, или помощи у лесного духа, покровителя всех находящихся в беде. Запел Додой свою просьбу:

— Владыка всех лесов претемных, владеющий пушниной, богатый милостью для бедных, меня, горе-мыку, спаси!

Долго он тянул эту песню, пока не задремал. Когда он проснулся, не было около него ни быков, ни инструментов, ни мяса. Как бешеный искал Додой свою пропажу, но куда ни бросался, нигде не находил.

В то время как Додой спал, приходил Боилыт и все утащил. Додой подумал, что быки могли уйти домой; он кинулся поскорее на хозяйский двор; но лишь только он вошел в ворота, как его встретил Боилыт и сказал:

— Плохой ты раб, клятвы своей не исполнил!

Потом, обратясь к слугам, он велел принести меч. Когда принесли меч, Додоя повалили и без всякой жалости содрали у него кожу со спины, с ног и рук. После этого Боилыт приказал Додоя бросить в воду, а отцу и братьям сказать, что его в лесу медведь задрал.

Сильно горевали в семье о том, что Додой погиб.

— Верно, духу лесному так было угодно, коли его медведь растерзал! — говорили отец и братья Додоя.

Промысла все не было, голод продолжался. Бордо с семьей опять стал бедствовать и решил, чтобы средний брат Налыбыр шел к Боилыту в работники. С Налыбыром случилось то же самое, что и с Додоем; его так же зверски убили и бросили в воду. Старик Бордо так горевал о сыновьях, что и сам умер; остался теперь из всей семьи один Берт-Эрь. Он был человек смышленный и имел необыкновенную силу; ему не раз приходилось на охоте без всякого оружия убивать медведя или волка. Берт-Эрь не поверил, что его братья были зарезаны медведем, и сильно ему хотелось узнать настоящую причину их смерти; ему часто думалось: не виноват ли в их смерти сам Боилыт? Думал-думал Берт-Эрь и решился идти к Боилыту в рабы. Берт-Эрь, заключая с Боилытом условие, выговорил себе, чтобы десять дней ему жить без работы. В эти десять дней, живя без работы, познакомился Берт-Эрь с другими рабами и с тем стариком, что рассказывал Додоя, как с раба кожу содрали, и от него узнал, какой смертью погибли его братья. Сильно рассердился после этого Берт-Эрь и поклялся отомстить Боилыту.

Когда прошли десять дней, богач дал Берт-Эрю быков, топоры и пищу и послал в лес за дровами. Поехал Берт-Эрь; там он живо справился с работой: как какое дерево схватит, так его с корнем и выдернет, положит в сани — и готово! Не прошло и часу, как у него все десять саней были деревьями навалены; возы бы-

ли такие тяжелые, что быки их едва тащили; Берт-Эрь убил быков, связал все сани и сам поволок все десять саней.

Когда увидели это слуги, все страшно перепугались, сам Боилыт был ни жив ни мертв от страху. Очнувшись, Боилыт послал спросить: как дерзкий раб посмел убить его быков? Посланный с большим страхом подошел к Берт-Эрю, поклонился ему и говорит:

— Добрый друг, хозяин спрашивает, зачем ты убил его быков?

— Скажи хозяину, пусть он прежде скажет, зачем он убил моих братьев, тогда и я ему скажу, зачем убил быков,— отвечал Берт-Эрь.

Посланный пересказал ответ Боилыту.

Богач рассердился; в другое время он убивал рабов ради своего удовольствия, а тут так струсил, что послал сказать Берт-Эрю: «Эту первую вину я ему прощаю, а вторую не прощу! Пусть больше не попадается, а то не миновать и ему жестокой казни!»

Берт-Эрь велел ему сказать: «Нечего меня пугать, не боюсь я наказаний! Пусть лучше хозяин подумает, как жестоко отомщу я ему за братьев».

Возвращаясь с этим ответом, посланный думал: «Вот какой молодец Берт-Эрь! Он Боилыта знать не хочет; верно, он сильный богатырь, коли такие дела проделывает. Скоро, видно, конец настанет Боилыту. Поделом ему! Жестокий он хозяин, с кого кожу драл, кого под стрелами заставлял стоять; мало ли, собака, нашего брата мучил? Теперь остынешь! Научит тебя Берт-Эрь, как с людьми надо жить!» При этом даже подпрыгнул от радости,— так он был рад, что приходит конец Боилыту.

С этого времени Берт-Эрь стал всем известен; стали на него все смотреть как на необыкновенного человека. Стали ему все почет оказывать; всем казалось, что он защитник угнетенных, всякое слово рабы его слушали, как священное. Каждый раб старался, чтобы Берт-Эрь обратил на него внимание. Имя его везде было слышно, везде говорили о добрых делах, какие делал Берт-Эрь. Добродетель и геройство Берт-Эря почитались и в доме Боилыта. У Боилыта была дочь, красавица и добрая, совсем на отца не похожая; звали ее Кытень-Кыталын; она полюбила Берт-Эря, а он полюбил ее.

Боилыту не нравилось то, что все любили Берт-Эря, что рабы готовы были во всем его слушаться; он

боялся за свою жизнь, он знал, что рабы ждут не дождутся его смерти. Ему не раз самому приходилось слышать, как рабы говорили: «Хорошо, если бы Берт-Эрь этого Боилыта предоставил нам! Мы бы убили его как собаку!» Боилыт задумал известить Берт-Эря.

Вот раз приходит к нему один человек и говорит:

— Ты теперь, господин наш, в большой опасности! Этот сиргиляк (негодяй), дьявольское отродье, слишком дерзок! Мы покажем ему, с кем он имеет дело! Ведь ты искони наш великий владыка; никто никогда не смел против тебя идти!

— Что и говорить! Он кестюбэть (*очень бранное слово*), ты песминя (*ласковое слово*)! — сказал Боилыт. — Не знаешь ли, как бы избавиться нам от Берт-Эря?

— Как не знать! Пошли его за медведем, который, кажется, уже три века сидит взаперти. Ты, господин, верно, слышал о богатыре Халлан-Ола-Харыллы-Мохсоголе, который жил еще при твоём прадеде? Мохсогол схватил этого медведя и посадил в подземелье, а медведь этот, говорят, питается только человеческим мясом и не пропадет, пока наш мир стоит.

— Ну что же будет из того, что мы пошлем Берт-Эря за медведем? Еще согласится ли он идти!

— Не беспокойся! Наверное согласится и наверное оттуда не вернется. Ты обойдись с ним поласковее, скажи: «Верный ты мой слуга и храбрый человек! Приведи ты мне моего быка; стоит он у меня в таком-то подземелье; бык совсем особенный: он без рогов и без хвоста». Чтобы он наверняка согласился, ты пообещай ему, что в награду отдашь за него свою дочь замуж; я слышал, что он ее очень любит и за нее на все согласится.

На другой день Боилыт позвал к себе Берт-Эря, принял его ласково и с почетом, усадил на бильирик (*самое почетное место в доме*), угостил его жирным конским мясом и кумысом с молоком. После этого он начал говорить:

— Я почувствовал близость смерти, шаманы и снотолкователи тоже предсказывают мне скорую смерть, вот я и думаю: кому оставляю я свое богатство и власть? Сына у меня нет; а дочь без мужа — что за человек! Чужие люди могут все расхитить и дочь мою отдать на поругание. Вот я и придумал найти поскорее зятя. Тебя, Берт-Эрь, я люблю! Ты храбрый человек, хороший; у нас давно таких людей, как ты, не

было; то же самое говорит и моя дочь. Я желаю, чтобы ты был моим зятем и моим наследником!

Берт-Эрь не поверил своим ушам и глазам. Он себя не помнил от радости; забыл все обиды, забыл и о том, что поклялся мстить Боилыту за братьев. Он упал на колени и, держа ноги своего будущего тестя, уверял его в своей преданности и говорил:

— Ты меня прости, а я тебя прощаю!

Боилыт поднял с пола Берт-Эря и сказал:

— Теперь все твое: мое богатство, моя власть и моя дочь! Но ты, конечно, знаешь обычай: если кто желает жениться на девушке, то прежде он должен почтить ее родителей — исполнить одно из их желаний, хотя бы ему это грозило опасностью для жизни. Так вот я, по обычаю, желаю, чтобы ты для меня послужил. Давно, очень давно, когда еще моего отца не было на свете, жил на свете медведь, Ага-огус (отец-бык); мы так называем его из уважения. Он был страшен всякому; он мстил тем, кто о нем отзывался непочтительно. По ночам он будто бы обращался в Эренкыла (змею) и в этом виде летал по всему свету; к какому сонному человеку притронется, так тому либо болезнь, либо смерть приключалась. Вот этого-то медведя во времена моего деда один сильный, как ты, богатырь, по имени Халлан-Ола-Харыллы-Мохсогол, заковал в железные цепи и запер в подземелье, какое я тебе недавно показывал. Не знаю, за что он его туда запер, а много чудесного об этом звере рассказывают в народе; хотелось бы мне посмотреть, каков он и правду ли про него говорят. Сходи, сын мой, приведи это чудовище ко мне, и тогда и дочь будет твоя, и все богатство.

— Хорошо, отец! — проговорил Берт-Эрь, поклонился Боилыту и пошел из его дома, думая, как бы ему скорее достать чудовище.

Боилыт рад был, что устроилось все, как он желал, так легко и скоро, и говорил своим приближенным:

— Довольно нам Берт-Эря бояться. Пришло время с ним покончить!

Немного времени прошло, слышит Боилыт — на дворе у него страшный шум; люди кричат, быки, коровы мычат, лошади ржут, собаки лают; немного погодя в его юрту вбежали человек двадцать, чуть в дверях друг друга не передавили, и все кричат: «Абытай! Абахы! Аллярхай!» Выбежал Боилыт на

двор, видит — везде лежат мертвые люди и всякая скотина, а по двору бегает чудовище и нападает на Берт-Эря, и всякий раз, как оно на него наскочит, Берт-Эрь бьет его дубиной. Сильно испугался Боилыт, упал перед Берт-Эрем на колени и молит: «Спаси, владыка!»

Тогда Берт-Эрь, недолго думая, с одного взмаха убил дубиной чудовище и изрубил его на мелкие куски. Потом он подошел к Боилыту и сказал:

— Вот я твое желание исполнил, теперь ты свое обещание исполни.

— Бери, все твое, — сказал Боилыт, взял его за руку и повел к своей дочери.

Показывая ей Берт-Эря, он сказал:

— Дитя мое, вот твой муж!

После этого богач никогда не отваживался просить о чем-нибудь Берт-Эря.

УМНАЯ ЖЕНА

Много лет тому назад жил, говорят, один старик с сыном. Жена старика умерла давно. Парень был по-лоумным, тем не менее он, оказывается, был смелым, сильным человеком.

Однажды старик, оставив сына дома, отправился вниз по реке, возле которой он жил. Шел он и пришел к людям. Ураса¹ их стройно возвышалась на верхушке холма. Старик спустился с того животного, на котором ехал, и вошел в урасу. Здесь сидел, оказывается, один старик с дочерью. Зашел он в урасу, снял рукавицы и шапку.

— Домашние, здравствуйте!

— Здравствуй, проезжий человек! Нет ли у тебя каких-нибудь новостей?

— Ничего особенного нет, — ответил он и сел на почетное место, против двери. Сидит он, смотрит краем глаза на девушку, сидящую в левом переднем углу. Думает: «Как она хороша, похожа на сияющее солнце после дождя. Но не глупа ли она, как и мой сын?» У него появляется желание проверить свою мысль.

В это время девушка встает и начинает готовить еду. Нарезала мяса и сварила. Выложила на тарелку, принесла и поставила перед стариком. Старик говорит:

¹ Ураса — старинное жилище якутов, имело конусообразную форму, покрывалось орнаментированной берестой.

— Ты, девушка, сколько поварешек в мою тарелку положила?

— Не знаю, сколько поварешек положила. Если бы ты сказал, сколько шагов заставил ступить своего оленя в пути от дома до дома, то я бы ответила тогда.

Старик подумал: «Девушка, оказывается, умна».

Назавтра старик приводит глупого сына Эрбэхтэй Бэргэна и говорит: «Если бы мы, старики, поженили своих детей, каково бы это было?» Старики хозяева, отец и мать девушки, подумав, согласились, а сами переехали к дальним родственникам.

Старик, Эрбэхтэй и умная девушка жили вместе долго, говорят.

Однажды старик отец и Эрбэхтэй Бэргэн уходят на охоту. Только умная девушка, жена парня, остается дома.

Старик, идя вниз по течению реки, встречается с людьми другого рода, с которыми враждовал с самого рождения. Схватив его, они привязывают его к дереву и разжигают под таганом¹ огонь. Решили задушить его дымом.

Старик просит: «Выслушайте мое последнее слово».

Люди соглашаются.

Старик начинает:

— У меня дома остался мой единственный сын. Передайте моему сыну такие слова: *«Я лишился сил, превратившись в шишку, катаюсь, с молодыми листьями борюсь»*. И еще скажите: *«Пусть сын, услышав мои слова, срубит верхушки двух берез, растущих на самом севере. Затем пусть посмотрит прямо на запад, там будет с бесчисленным множеством деревьев сосновый бор. Пусть срежет верхушки всех этих деревьев и принесет их мне. Если мой сын не знает, как срезать их, то поможет белый камень, который лежит у меня под постелью. Если он не сможет понять мое слово, то поможет острый ножик, лежащий под его подушкой, передайте, что я так сказал»*.

Богатыри советуются. Их вожак говорит:

— Ну, эти слова доведите до парня быстрее! — и посылает двух богатырей. Когда два богатыря пришли в дом, то парня не было, сидит только его жена.

Богатыри спрашивают:

— Где сын старика?

¹ Таган — крюк над очагом для подвешивания котлов и чайников.

— Э-э, его сейчас нет, подождите чуточку, он придет! — отвечает она.

Богатыри соглашаются. Скоро парень приходит.

— Парень, отец твой с нами послал тебе весть, слушай! — И передают парню все поручение старика.

Тогда жена парня тихо ему говорит:

— *«Острый нож под твоей подушкой»*, или твой ум, — это буду я. Парень, слушай внимательно! *«Я лишился сил, превратившись в шишку, катаюсь, с молодыми листьями борюсь»* — это значит, что твоего отца привязали к дереву. *«Мой сын, услышав мои слова, пусть срубит верхушки двух берез, стоящих на самом севере»* — это значит, ты должен срубить головы этим двум богатырям. *«Затем пусть посмотрит прямо на запад, там будет стоять бесчисленное множество деревьев соснового бора, пусть им всем срубит верхушки и принесет мне»* — это значит, что ты должен убить всех воинов этих богатырей. *«Если мой сын не будет знать, как срезать их, то под моей постелью лежит белый камень, он поможет»* — это отцовский острый меч. *«Если мой сын не поймет смысла моих слов, то поможет острый ножик, лежащий под его подушкой»*, — это буду я, твоя умная жена.

Парень соглашается:

— Хорошо, я все понял!

Из-под постели отца он выхватывает острый меч и срубает головы двум богатырям. Затем он идет и убивает всех воинов, отца развязывает и снимает с дерева. Спасает его перед самой смертью.

Вот так старик спасся от смерти с помощью умной невестки, говорят.

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ ПАРНИ

В старину после смерти бедняков — старика и старухи — остались три сына. Эти парни жили охотой.

Однажды они втроем поехали в лес, заблудились там и блуждали несколько дней. Ни спичек, ни кремня у них не было. Они не могли развести огонь и очень изголодались. Вдруг однажды вечером они увидели, что на опушке леса в сумерках пылает огонь величиной с юрту. Увидев огонь, они очень обрадовались и послали туда старшего брата. Подошел он ближе и увидел: возле костра величиной с юрту сидит старик с белыми волосами и белой бородой и медным прутом мешает в костре. Парень сказал:

— Эй, дедушка, поделись с нами огнем. Мы заблудились и оказались в большом затруднении.

Старик ответил:

— Расскажи-ка мне сначала историю — полуправду-полувымысел. Тогда дам тебе огня.

Парень подумал: что бы ему рассказать? — но ничего не придумал и тогда просто выхватил из костра одно горящее полено и побежал. Но старик не дал ему бежать долго, напал на него, ударил его медным прутом и отнял полено. Парень рассказал об этом своим братьям. Тогда средний брат сказал:

— Да, нечем тебе похвастаться, если ты не мог взять огонь у девяностолетнего старика.

Так, упрекнув брата, он сам пошел к старику. Как и прежде, старик попросил его рассказать историю — полуправду-полувымысел. Парень молча схватил одно горящее полено и побежал. Старик не дал ему бежать долго — нагнал его, ударил прутом и отнял полено. Парень с поникшей головой вернулся к братьям. Тогда младший брат сказал:

— Как же так, ребята, вы считаете себя людьми, а не можете рассказать старику полуправду-полувымысел?

И он пошел к старику. Сказал ему:

— Эй, дедушка, дай огня!

Старик попросил его сначала рассказать полуправду-полувымысел.

Парень начал бойко рассказывать, без запинки:

— В старые времена, еще до рождения моих родителей, я пошел за ягодами и в течение нескольких суток бродил по лесу, потом остановился возле реки. Я захотел переплыть реку, поэтому схватил себя за уши обеими руками и перебросил на другой берег. Во время полета в ушах моих свистело, как свистят крылья утки. Перелетел я на другой берег реки и упал так, что мои ноги вошли в землю. Когда я так лежал, мимо пролетал серый дятел, я схватил его за хвост, и он вытащил меня из земли. Я пролетел вместе с ним по воздуху, и он сел на дерево. Я провалился по полному стволу дерева вниз. Тут ворон подхватил меня и потащил с собой. Я оказался в стране, где кругом все было красивее, чем у меня на родине. Я блуждал там, но не знал, как вернуться к себе в родные края. В это время ко мне подошел старик крестьянин и посоветовал: «Ты наставь соломинки одну на другую и по соломинкам доберешься вниз — в средний мир». Соло-

мы не хватило до земли, и я повис в воздухе. Я не мог лететь, так как у меня не было крыльев. Я упал в тундру, возле реки, и угодил прямо на спину медведю. Медведь перепугался от неожиданности и с ревом убежал в лес. Таким образом, карабкаясь по соломинкам, я добрался до своей страны и остался человеком.

Все это рассказал младший брат старику, и тот, очень довольный, дал ему огня.

БЫЧЫ-БЫЧЕХАН И ЛЯГЛЯР-БЕРГЕСЕ

Бычы-Бычехан и Лягляр-Бергесе жили хоть и вместе, а дружбы между ними не было. Они и пропитание добывали по-разному: Бычы-Бычехан ловил рыбу, а Лягляр-Бергесе промышлял белок.

Как-то Бычы-Бычехан пошел ставить верши¹ и вернулся домой с пустыми руками: какой может быть улов, если ловушки только поставлены! А Лягляр-Бергесе в этот день добыл двух белок. Пришел, сварил себе обед из беличьих тушек, одну съел, другую на утро оставил. У голодного Бычы-Бычехана при виде пищи слюнки потекли.

— Друг, Лягляр-Бергесе, поделился бы добычей,— говорит он товарищу.— Завтра я наловлю рыбу — тоже поделюсь.

— Не могу,— отказал ему Лягляр-Бергесе.— Мне утром надо как следует поесть, а то силы не хватит целый день по лесу ходить.

Так и пришлось Бычы-Бычехану ложиться спать голодным.

Добычливый охотник Лягляр-Бергесе спит крепко и встает рано. Голодный сосед спит плохо и встает поздно. Когда он встал, Лягляр-Бергесе уже успел съесть вторую беличью тушку и отправиться на охоту.

Побрел и Бычы-Бычехан осматривать свои верши. Попались ему два здоровенных налима. Радостный идет он домой.

Вскоре возвращается с охоты и Лягляр-Бергесе. В этот день удачи ему не было и вернулся он с пустыми руками.

Бычы-Бычехан варит из налимов обед. Сварил, садится есть.

¹ В е р ш и — орудие ловли рыбы из прутьев, плетенных в виде конуса.

— Друг, Бычы-Бычехан, дал бы и мне рыбки,— просит Лягляр-Бергесе.

— Ты-то мне вчера мяса дал?— отвечает товарищ.— Если бы ты вчера поделился, тогда и я бы с тобой рыбу поделил.

Жалеет Лягляр-Бергесе, что вчера пожадничал, да теперь, жaley не жaley, дело не поправишь. Приходится ложиться на голодный желудок.

Сытый Бычы-Бычехан встает рано, голодный Лягляр-Бергесе — намного позже. Каждый уходит своей дорогой: один идет на реку, другой — в лес.

Бычы-Бычехан на этот раз вынимает из вершей сразу несколько налимов. От радости он начал прыгать через прорубь. Прыгал, прыгал, поскользнулся, угодил прямо в прорубь и утонул.

Лягляр-Бергесе в этот день на охоте тоже повезло: он убил двух белок. Но ему показалось этого мало, погнался за третьей. Догнал, выстрелил в белку, когда та уселась на суку лиственницы, а сук возьми да обломись и — прямо ему на голову. Упал охотник и больше не встал.

Вот так и погибли в один день два живших вместе человека.

Старые люди говорят, что если бы они не только называли один другого «друг», но и в самом деле дружили, ничего плохого с ними бы не произошло и они жили бы себе да жили. Может, и до наших дней бы дожили.

НАХОДЧИВЫЙ САВВА

В старину был бедный человек по имени Савва, занимавшийся ружейной охотой. Однажды весной, когда только начали прилетать птицы, этот человек убил одного гуся. «Какой мне прок от него»,— подумал он и отнес этого гуся своему богатому соседу. Хозяин был очень доволен, даже обрадовался.

Он слышал и раньше, что Савву считают разумным человеком и хорошим охотником. Чтобы самому проверить это, он сказал: «Принеся этого гуся, ты обрадовал меня. Ты сам знаешь: у меня есть старуха, двое сыновей, две дочери. Вот нас шестеро человек, а как нам поделить и съесть гуся, чтоб никому не было обидно? Ты бы сам поделил его». И Савва стал делить гуся так: «Ты хозяин дома — глава семьи, ты всегда во главе всех, поэтому тебе полагается голова». Ска-

зав так, он отрезал и подал ему торчащую голову гуся. «Старуха постоянно сидит дома, поэтому ей полагается то место, на котором сидят»,— и, отрезав огузок, подал ей. «Сыновья последуют по следам, такие они люди»,— говоря так, он каждому парню отрезал по ножке. «Дочери, как известно, сушат свои крылья, чтобы улететь из родного дома»,— говоря так, он отдал им по крылышку. «А круглое туловище должно достаться мне, круглому дураку»,— сказал он и оставшееся положил себе. Хозяин дома был очень доволен. «Вот ты поделил точно так, как я думал, даже обрадовал и восхитил меня»,— сказал он и на радостях щедро одарил его съестными припасами и даже деньги дал. Савва богатым отправился домой.

Прослышав про это, один сосед Саввы отнес тому же богачу пять убитых им гусей сваренными и приготовленными, чтобы поскорее получить вознаграждение от богача. Богатый господин, догадавшись, что этот пришел из жадности, узнав о полученных Саввой подарках, встретил его не так радостно. Он сказал: «Нас шестеро. Как нам поделить этих пятерых гусей, чтобы никому не было обидно? Ты сам подели их между нами». Что ж делать, тот постарался поделить, но не смог угодить хозяину. Из-за этого хозяин рассердился, ничего ему не дал, накричал на него: «Ты пришел сюда только из-за жадности!» И выгнал его.

Потом он вспомнил про Савву и решил посмотреть, как он разделит, обрадует, развеселит. Велел позвать охотника. Савва пришел и поделил гусей вот так: «Хозяину и хозяйке — один гусь, тогда вас вместе с гусем будет трое. Двум парням отдаю одного гуся, тогда вместе с гусем их тоже будет трое. Двум девушкам тоже отдаю одного гуся, тогда их, считая и гуся, тоже станет трое. Оставшихся двух гусей беру я, тогда нас с этими гусями тоже будет трое. Нас всех по трое, всех нас стало поровну». Увидев это, хозяин дома пуще прежнего обрадовался, развеселился и надавал Савве так много разных съестных припасов, муки и денег, что тот остался очень доволен.

С тех пор его стали называть Находчивым Саввой.

ОНГЕЙ БЁТЮК

В старые времена жил-был одинокий бедняк. Единственным богатством его была старая юрта. А из хозяйственной утвари был у него жернов. Когда он уда-

рял лопаткой по жернову, он получал из жернова разную вкусную пищу.

На расстоянии одной версты от него жил богатый старик. Этот старик очень завидовал его жернову. Однажды он послал своих детей к Онгёй Бётюку, поручив им передать, что даст половину своего богатства за жернов.

Дети пришли к Онгёй Бётюку. Онгёй Бётюк спросил их:

— Голубчики, по какой надобности вы пришли?

Затем он ударил лопаткой по жернову и вынул из жернова сладости.

Дети сказали:

— Живем мы хорошо. Наш отец поручил нам передать вот что: ты хороший приятель нашего отца с давних пор, поэтому ты должен исполнить его желание — отдать ему свой жернов, а он тебе за это отдаст половину своего богатства.

Онгёй Бётюк все это выслушал и сказал:

— Да вы идите сюда, поешьте.

Дети поели сладости. Тогда ответил Онгёй Бётюк:

— А своему отцу передайте: если бы я отдал ему жернов за половину его богатства, мне хватило бы этого богатства на один год. А мой жернов все время меня кормит. Так и скажите отцу.

Дети поели, выслушали его слова и ушли, а дома передали это отцу. Отец сказал:

— Он захотел похвастаться своим чудом. Но это чудо попало к нему случайно... Неужели он думает, что будет богаче от своего жернова, чем от моего добра? Ребята, идите обратно, скажите ему: если он хочет жить в мире со мной, пусть отдаст мне свой жернов. А если он не даст мне жернов, тогда свяжите его, а жернов положите на сани и привезите мне.

Выслушали это дети, запрягли лошадь и поехали. Они заговорили:

— Отец поручил сказать тебе: если хочешь сохранить с ним мир, отдай ему жернов и возьми половину его богатства.

Онгёй Бётюк ответил:

— Нет, сказал — не дам, значит, не дам. Если я возьму половину его богатства, мне хватит этого только на год. Пускай не обижается старик, но я не дам ему жернов.

Тогда дети набросились на Онгёй Бётюка и привязали его к столбу внутри юрты. Он кричал, но напрас-

но. Они положили жернов на сани и увезли. Они не задержались в пути и подъехали к своему дому.

Тем временем Онгёй Бётюк отдохнул, пришел в себя, напряг все мускулы и порвал веревку. Хотел выйти из юрты, но оказалось, что дверь юрты снаружи придавлена большим бревном. Тогда Онгёй Бётюк взял другое бревно, ударил им по двери и открыл вход. Он выбежал в открытую дверь и погнался за братьями. Пробежал через алас¹, затем миновал лес, побежал мимо озера и очутился в новом аласе. За этим аласом он снова увидел озеро, нагнулся и стал пить — и так выпил всю воду, а на месте озера осталось только болото. Затем продолжил свой путь, надеясь догнать братьев. Пересек долину и побежал вдоль скалистой горы.

В это время он увидел медведя. Медведь зарычал и бросился на него. Но Онгёй Бётюк проглотил медведя. Затем продолжал путь. Увидев на вершине горы лисицу, он побежал за ней, догнал ее и также проглотил. Увидел — дерутся две собаки. Проглотил и собак.

После этого он приблизился к дому богача. Богач посмотрел на него исподлобья и сказал детям:

— Ребята, я же велел вам привязать его как следует. Если хотите остаться живыми, тогда сейчас же выведите его отсюда и бросьте на растерзание собакам.

Братья схватили и потащили Онгёй Бётюка и бросили его собакам. Как только собаки набросились на него, он выпустил изо рта живую лисицу, она пустилась бежать, а за ней — собаки, и все они скрылись в лесу. Онгёй Бётюк ворвался в дом и крикнул богачу:

— Отдавай сейчас же мой жернов!

Богач рассердился на своих детей:

— Ах, черти, вы, оказывается, не бросили его собакам! Бросьте его бодливым быкам, чтобы они подняли его на рога.

Дети богача схватили Онгёй Бётюка и бросили его быкам. Но Онгёй Бётюк выпустил изо рта двух собак, и быки стали бодать этих собак. Онгёй Бётюк опять ворвался в дом и потребовал свой жернов.

Богач приказал своим детям бросить Онгёй Бётюка ретивым жеребцам, чтобы они его растоптали. Братья бросили его под ноги ретивым жеребцам. Но Онгёй

¹ А л а с — село, поселок.

Бётюк выпустил изо рта медведя, и медведь растерзал жеребцов. Онгёй Бётюк ворвался в дом богача.

— Ну и беда!— стонал богач.— Сейчас же схвати-те его, привяжите к столбу, а я буду бить его раска-ленным шомполом!

Братья вывели и привязали его к столбу возле юрты. Но Онгёй Бётюк ногой выбил окно юрты и вы-пустил изо рта всю воду озера.

Старик богач оказался в воде по самую шею. Ис-пугался богач и закричал:

— Черт, возьми свой жернов, только спаси меня, убери отсюда эту воду!

В юрте богача уже и огонь погас, все домашние предметы опрокинулись, все было залито водой, а сам он стоял по горло в воде и просил спасти его. Онгёй Бётюк напряг все свои мускулы и сам порвал веревку. Потом вобрал в себя воду, взял жернов и пошел домой.

Дошел до того места, где было озеро, выпустил воду, и там снова появилось озеро. Так он дошел и до своей юрты. Сделал в юрте новую дверь. Положил жернов на место.

Говорят, как прежде, так и сейчас Онгёй Бётюк живет и здравствует.

ЧТО МОЖНО ВЫМЕНЯТЬ НА СЛИТОК ЗОЛОТА ВЕЛИЧИНОЙ С КОНСКУЮ ГОЛОВУ

Шел путем-дорогой старик и нес с собой слиток зо-лота величиной с конскую голову. Где он его добыл— неизвестно, куда и зачем шел — тоже неизвестно.

Долго ли, коротко ли шел путник, уставать начал. Видит, навстречу ему — всадник.

Поздоровались, разговорились. Старик попросил:

— Продай мне своего коня!

— Не продаю,— ответил всадник.— Самому ну-жен.

— Я за него тебе слиток золота величиной с кон-скую голову дам.

— Ну ладно, так и быть,— согласился всадник.

Отдал старик золото. Сел на коня, поехал. Но конь оказался необъезженным, с норовом, того и гляди, ски-нет. Непокойно было ехать на нем старику.

Долго ли, коротко ли он так промаялся, видит: на-встречу едет человек на быке.

Спешились, поздоровались, обмениваются новостя-ми. Старик говорит:

— Давай меняться: ты бери моего коня, а я — твоего быка.

Странным показался такой обмен владельцу быка.

— Это почему же ты хочешь меняться?

— Человек я старый, а конь еще как следует не обьеженный, дурит, трудно мне с ним управляться.

— Что ж, давай поменяемся.

Поменялись они, сел старик на быка, дальше поехал.

На быке ехать было куда спокойнее. Но шел бык так медленно, переступал с одной ноги на другую так лениво, что после быстроходного коня старику казалось — он не едет, а на месте стоит. Этак, пожалуй, лучше пешком идти.

И только так старик подумал — видит, навстречу идет человек и ведет на веревке корову.

Поздоровались, поговорили.

— Давай менять корову на быка, — предлагает старик.

— Почему же ты отдаешь такого большого сильного быка за мою коровенку?

— Уж очень тихо он ходит. Я лучше буду сам вести корову, доить ее и пить молоко.

— Ладно, давай поменяемся.

Поменялись.

Повел старик корову, а та оказалась упрямой, строптивой, идет-идет, да и остановится.

Долго ли, коротко ли он ее так за веревку тянул, видит — навстречу идет человек и ведет молоденькую двухгодовалую телочку. И такой-то она показалась старику смирной и послушной, так-то понравилась, что, едва успев поздороваться, он сразу же предложил:

— Давай менять корову на телку!

Удивительным показалось встречному такое предложение. Менять корову на телку — да где это видано, где это слыхано?! Переспросил он с усмешкой:

— Ты и в самом деле хочешь поменяться?

— Корова попалась уж очень упрямая.

Второй раз владелец телки переспрашивать не стал. Поменялись.

Повел старик так понравившуюся ему молоденькую телку, а та как начала играть да взбрыкивать — не удержишь. Измучился он с ней еще больше, чем с коровой.

Идет, идет и видит: человек ведет на поводке небольшого теленка.

Поздоровались, поговорили самую малость, и старик свое:

— Давай меняться: ты бери мою телку, а я — твоего теленка.

— Почему ты думаешь, что теленок лучше двухголовой телки? — спросил владелец теленка.

— Может, и не лучше, да телка уж очень неспокойная, никак не могу с ней управиться.

— Ну, если так — что ж, давай обменяемся.

Обменялись. Старик повел теленка, да недалеко увел: теленок-то был моложе телки, а значит, и играть, прыгать да, задрав хвост, бегать ему захотелось не меньше, а даже еще больше, чем телочке. Вконец измотал старика теленок, белый свет стал не мил.

Видит старик: навстречу человек идет, и никакой скотины с ним, только на плече топор несет: «Слава богу, поменяю теленка на топор и вздохну спокойно».

Владелец топора тоже немало удивился:

— Почему отдаешь теленка за топор?

— Молодой, глупый, взбрыкивает, никакого сладу мне, старику, с ним нет.

— Ладно, давай обменяемся.

Поменялись. Положил старик топор себе на плечо и такое облегчение почувствовал, что и сам не хуже молодого телка по дороге побежал, только что не взбрыкивал.

Однако же чем дальше он шел, тем топор ему казался тяжелее и тяжелее. Начал старик уставать, пошел медленно, нога за ногу.

Идет он так, идет, видит: человек навстречу шагает. Поздоровались, присели отдохнуть. И видит старик, что у человека на поясе красивый нож в ножнах. «На кой черт мне эту тяжесть носить, — подумал он про свой топор, — обменяю-ка я его на нож».

— Хочешь, приятель, сменить нож на топор?

— Давай посмотрим, что за топор.

— Топор что надо, стоит и ножа и ножен.

— Ладно, отдаю с ножнами.

Поменялись, разошлись. Засунул старик нож с ножнами за голенище торбазов, идет, и после топора легко ему идется.

Однако же долго ли, коротко ли он так шел, стал ему нож натирать ногу. Вытащил старик нож из-за голенища, взял в руку. Но и руке он оказался в тяжесть.

Дальше идет старик и видит впереди женщину. До-

гнал ее, поздоровался, поговорили. Потом показывает ей нож:

— Продаю, не купишь ли?

— На что я его куплю, — отвечает женщина. — У меня ничего нет, кроме вот этой иголки.

Обрадовался старик:

— Очень хорошо! Будет чем одежду чинить.

Взял он иголку с ниткой, воткнул в отворот своего зипуна и довольный пошел дальше. Уж легче иголки-то вряд ли что можно найти!

Шел он, шел и дошел до холодных краев, где снегу было выше колена. На каком-то месте споткнулся старик, провалился в снег, а когда встал и отряхнулся, вспомнил про иголку.

— Постой, постой, кажется, сюда я ее воткнул, куда же она запропастилась?

Искал-искал, да так и не нашел: непростое это дело — найти в снегу иголку!

Сел старик прямо на дорогу, загоревал. «Было у меня большое богатство — слиток золота величиной с конскую голову. Да, говорят, если богатство нажито нечестным трудом, все равно от него никакого проку не бывает. Вот и у меня ни за что ни про что ушло из рук все богатство, даже последнюю иголку потерял...»

Долго, говорят, сидел старик на дороге и горевал.

ОТ САГЫННЬАХ — ТРАВЯНАЯ ДОХА

Жили-были старик со старухой. Жили бедно, все их богатство составлял один-единственный Пегий бык.

Был у стариков сын по имени От Сагынньах — Травяная Доха. Само имя за себя говорит: в богатой семье ребенка так не назовут, там дети носят шубу из меха, а не из травы...

Мальчик не успел достигнуть совершеннолетия, как старые родители его умерли. Явился сосед Харах Хаан и вместе с Пегим быком забрал оставшегося сиротой От Сагынньаха к себе.

Едва успел От Сагынньах переступить порог чужого дома, как его хозяин сказал:

— Уж не собираешься ли ты, парень, сидеть сложа руки? Иди и напои быка, да как следует. Завтра мы его зарежем.

От Сагынньаху жалко стало своего Пегого быка, да ведь не будешь спорить. Теперь он уже не то что над быком — сам над собой и то не хозяин.

Понурившись повел От Сагынньах Пегого на водопой. Подвел к озеру, а бык ему и говорит:

— Забирайся-ка, парень, на мою спину, немного погуляем с тобой на прощанье.

Непростым делом было взобраться на могучего быка, все же он сумел усесться верхом на его спину.

Пегий широким шагом пошел вперед, и вскоре они очутились около прошлогоднего стога сена. Бык принялся есть сено, а парень, зарывшись в него, уснул.

Когда От Сагынньах наутро проснулся, то, к немалому своему удивлению, увидел перед собой богатую еду. На сене лежали и хлеб, и мясо, и всякая другая снедь. Парень начал завтракать, а бык, как ни в чем не бывало, продолжал жевать свое сено.

Такое же обильное угощение появлялось перед От Сагынньахом и на обед и на ужин.

Так они с Пегим прожили у стога целый месяц.

— А теперь будем прощаться, парень,— сказал бык От Сагынньаху.— Нынче вечером нас разыщут и меня заколют. Я бы хотел, чтобы ты жил хорошо, да ведь всяко может случиться. И если для тебя наступят черные дни, прочти то, что нацарапано на этой бересте.

Пегий бык дал парню кусок бересты, и тот положил его за пазуху.

А вскоре пришли работники Харах Хаана и увели их с собой.

Как только Пегий бык был приведен на двор Харах Хаана, его сразу же зарезали. Тушу разделили и, нарезав мясо большими кусками, сварили.

Вся семья уселась за стол. А От Сагынньаха пригласить забыли. Опечаленный, он сидел в уголке, у печки, и чуть не плакал. Что не посадили за стол — это он бы еще стерпел. А вот своего Пегого он больше уже никогда не увидит.

Семья Харах Хаана легла спать. А парень как сидел у печки, так и остался. Никому до него не было дела.

«Постой, а что за письмо дал мне мой бык?» — вспомнил о куске бересты От Сагынньах и достал его из-за пазухи. Прочитав написанное на бересте, он долго-долго сидел молча, сидел словно бы разом ослепший и оглохший. Потом взглянул на кровать Харах Хаана и тихонько проговорил:

— Старик Харах Хаан вместе со своей старухой к кровати крепко прилипаюшка!

— Парень, что за слова ты говоришь?— спросил проснувшийся Харах Хаан и хотел было повернуться, но не смог, потому что прилип к кровати вместе с постелью.— Что ты там, парень, делаешь?— продолжал допытываться Харах Хаан.

— Ничего не делаю!— ответил От Сагынньах.— Наверное, спросонок сболтнул что-нибудь.

А помолчав немного, опять тихонько проговорил:

— Дочь с зятем к своей кровати прилипаюшка!

И молодая пара тоже крепко прилипла к кровати.

— Двое работников Харах Хаана крепко прилипаюшка!

Работники тоже прилипли к своим постелям. Пробуют пошевелиться, оторваться — ничего не получается.

— Что ты с нами натворил, парень?— Это уже не один Харах Хаан — все кричат.— Освободи нас сейчас же!

— Скажете тоже: натворил!— отвечал От Сагынньах.— Я сижу себе, даже с места не трогаюсь, не правда ли?

— Тогда вот что, парень,— сказал Харах Хаан.— Бери белобокого быка и поезжай к Кыкыллан-шаману. Пусть попробует покамланить, не иначе тут какое-то колдовство.

Парень поехал на быке к шаману.

Тот встретил его приветливо:

— Слава богу, кому-то я понадобился! А то сидишь день-деньской без дела — и скучно и голодно.

Тронулись они в обратный путь. И уже с полдороги, наверное, проехали, как приспичило шаману по большой нужде сходить.

Отошел он в сторонку, присел. А через какое-то время:

— Парень, а парень, нет ли щепочки под рукой?

— Щепки нет,— отвечает От Сагынньах.— Хочешь вон кэрэховую палку?

— Кэрэх — священное дерево,— не сразу согласился шаман.— А только, если ничего другого нет, давай.

Парень палку шаману дал, а сам тихонько так, про себя, говорит:

— Палка из дерева кэрэх к задку шамана крепко прилипаюшка!

— Парень, что ты там бормочешь?— насторожился шаман.

— Да просто так, сам с собой разговариваю,— отвечает От Сагынных.

Шаман поднялся, старается отодрать палку, но она пристала к заду, как припаянная, и — никуда.

— Что ты наделал, парень?— кричит шаман.— Что за чертову палку мне дал?

— Палка из священного дерева, и черт тут ни при чем,— спокойно отвечает От Сагынных.

— Что же мне теперь делать?

— Ты — шаман, тебе лучше знать. А вообще-то, говорят, если поцеловать в копчик белобокого быка, то отлипает.

— А какой масти твой бык?

— Как раз белобокий.

— Так давай тогда, веди его сюда.

От Сагынных распряг быка, подтолкнул его задом к шаману. Тот нехотя ткнулся в бычий копчик.

— Э-э, так ничего не получится, крепко целуй!— прикрикнул парень на шамана и тихонько, уже про себя, добавил:— Губы шамана к бычьему копчику крепко прилипаюшка!

Губы шамана тут же и прилипли. Почуввав неладное, старый колдун заорал благим матом.

— Ты уж не камланить ли начал?— усмехнулся От Сагынных.— Рановато. Нам надо еще доехать.

Шаман продолжал орать. Еще бы! Обидно. До сих пор он над людьми всякие чудеса проделывал, а тут с ним самим вроде бы подвластные ему духи злые шутки шутят.

— Ну так что, будем кричать или поедем дальше?— спросил От Сагынных и начал запрягать быка.

Сам он сел на быка верхом, а шаман, перегнувшись через передок, полусидел-полулежал в дровнях.

Кое-как доехали.

От Сагынных вошел в дом.

— Ну как, парень, привез?— спросил его Харах Хаан.

— То ли привез, то ли привел — не разбери-поймешь,— ответил От Сагынных.

— Веди скорей! Тут беда, а он стоит и язык чешет.

— Привести-то непросто. С переднего конца — белобокий бык, с заднего — священная палка, а посредине шаман, и одно от другого не отделишь... Все же попробую привести.

И вот парень с шумом-громом вводит в дом быка,

бык тянет за собой шамана, а шаман волочит за собой палку из священного дерева кэрэх.

Измученный, готовый от позора провалиться сквозь землю, шаман сразу же признался:

— Помощи от меня не ждите. Видите, что со мной самим сделал этот парень?

Ну уж, если шаман им ничем помочь не может, самим и подавно от беды не избавиться. И все стали просить От Сагынньаха, чтобы он освободил их.

В самом неудобном и постыдном положении был шаман, и он просил особенно настойчиво:

— Побаловался, мальчик, и хватит. Если сможешь сделать меня опять человеком и отлепишь от быка, я готов отдать тебе все богатство.

— Что ж, поехали,— согласился От Сагынньах, а остальным сказал:— С вами мы потом поговорим, когда вернусь.

Привез он шамана домой, тот отдал ему все свое богатство.

— Губы шамана от бычьего копчика, а священная палка от шаманьего зада отлипаюшка!

Шаман остался дома, а От Сагынньах вернулся в семью Харах Хаана.

Какой тут шум-гам поднялся при его появлении! Все хором просили, чтобы он поскорее освободил их.

— Договоримся, мой дорогой сосед, так,— сказал От Сагынньах.— Ты мне отдашь половину своего богатства и в жены свою любимую дочь. Тогда я вас всех освобожу.

— Э, дитя мое, как тут не отдашь — отдам. Лишь бы ты наконец вызволил нас.

— Харах Хаан со старухой и все остальные от кроватей отлипаюшка! — тихонько сказал От Сагынньах, и все отлипли.

Харах Хаан отдал От Сагынньаху половину богатства и младшую любимую дочь.

Вместе с богатством и молодой женой От Сагынньах вернулся в свой дом и зажил припеваючи. Живет хорошо и по сей день, довольного и счастливого, его не далее, как вчера вечером, видели.

КАРАХ-СИМИРИКИ

Старые люди говорят: доброе сердце да умелые руки — самое большое богатство.

Когда-то жил богатый человек с дочкой. Жена у

него умерла давно, и он женился на другой. А у той тоже дочка была, только постарше, чем у мужа.

Прошло немного времени. Заболел отец и тоже умер.

Осталась его жена с родной дочкой и с падчерицей. Родная дочка целый день наряжается да любит себя собой, а делать ничего не хочет. Падчерица и приберет, и обед приготовит, и хворосту натаскает, и одежду сошьет, да еще и песни петь успевала. А мачеха все недовольна. Целый день бранит и бьет девочку.

Старшую-то, мачехину дочку, Сюряга-Сох прозвали, что значит ленивица, а младшую, падчерицу, стали люди Юлесит-Кыыс — работающая — называть.

Злятся мачеха с дочкой, самую тяжелую работу для девочки придумывают, а она все делает весело, легко, быстро.

Долго думали мачеха с дочкой, как сжить со свету нелюбимую Юлесит-Кыыс, и наконец придумали. Позвала мачеха падчерицу и говорит:

— Сходи в тайгу, тальника для корзины мне набери, да смотри очисти хорошенько, чтоб веток не было.

— Ведь уже день на исходе, как же я в тайге ночевать буду? — спросила девочка.

— Иди, иди! Не разговаривай! — крикнула мачеха и вытолкнула девочку за дверь.

Делать нечего, пошла Юлесит-Кыыс в тайгу.

Радуется мачеха, дочке говорит:

— Задерут ее звери в тайге.

Идет Юлесит-Кыыс, дрожит. Камусы на ногах ее рваные — снег в них набился, знобит; сквозь дыры в одежде ветер зимний свистит, — холодно! Пока дошла до тайги, стемнело.

Набрала девочка тальника охапку. Вдруг видит, домишко старый недалеко стоит, в окне огонек светит. Обрадовалась она. «Вот хорошо! — думает. — Наверное, здесь охотник живет. Пойду попрошусь на ночь». Взяла свой тальник и пошла.

Зашла, а дом пустой, оказывается. Видно, хозяин на охоту ушел. Нашла девочка глиняную печку-камель, возле печки дрова сложены. На печке котелок стоит, а в котелке — камыяк¹. Все приготовлено! «Хороший хозяин здесь живет, — подумала девочка, — аккуратный и запасливый».

¹ Камыяк — деревянный ковш, ложка.

Недолго без дела сидела Юлесит-Кыыс. Она ведь к работе с малых лет была приучена. Разожгла печку, сварила кашу. Потом села и стала ждать хозяина. А его все нет. Проголодалась девочка.

Решила, что хозяин в тайге заночевал.

Только приготовилась поест, как из угла выскочила мышка, прыгнула девочке на колени и говорит:

— Дай мне тоже каши! Я еще ничего не ела.

— Вот хорошо, что ты пришла! — обрадовалась Юлесит-Кыыс. — Вдвоем веселее.

Сказала так и стала вместе с мышкой есть. Ложку себе — ложку ей. Съели всю кашу, а мышка еще и котелок облизала.

— Славно поели, — говорит, — спасибо, ты добрая. За это я тебе помогу. А ты знаешь, кто хозяин этого дома? — спросила мышка.

— Нет, не знаю, — сказала девочка.

— В этом доме живет медведь, хозяин этой тайги, — сказала мышка. — Скоро он придет и скажет тебе: «Давай в карах-симирики — это значит в прятки — играть». Ты согласишься. Даст он тебе колокольчик. Возьми его и отдай мне, а сама в тот угол спрячься.

Только успела мышка договорить, как открылась дверь и вошел огромный медведь. Увидел он Юлесит-Кыыс, зарычал:

— Ты зачем в мою тайгу пришла, мой тальник портишь да еще в мой дом залезла?

— Не сердись, хозяин, — сказала девочка. — Что же мне было делать? Мачеха велела тальника наломать да очистить, чтобы корзину из него сделать. Как я могла не послушаться? А тут темно стало. Увидела я этот дом и вошла.

— А если я тебя съем? — говорит медведь.

Но девочка не испугалась.

Удивился медведь:

— Разве ты не боишься меня?

— Нет, — сказала девочка, — не боюсь. Ты сначала поиграй со мной, а потом посмотрим: кто выиграет, тот и будет грозиться.

— Ладно, — засмеялся медведь, — давай в карах-симирики играть. Если я тебя поймаю, то съем, а не поймаю — богатой будешь.

Согласилась девочка. Завязала глаза медведю, а медведь колокольчик ей дал, чтобы слышать, где она.

Только девочка не забыла мышкиных слов. Отдала ей колокольчик, а сама в угол спряталась.

Зазвенел колокольчик, который мышка в зубах держала. Кинулся медведь в ту сторону, лапы расставил. «Сейчас,— думает,— поймаю девчонку». Да куда там! Мышка-то маленькая, юркая, бегаёт быстро, под самым носом у медведя уходит. А девочка стоит в углу, помалкивает.

Запарился совсем косолапый, еле дышит от усталости.

— Хватит!— говорит.— Сними с меня повязку. Ты победила.

Забрала девочка колокольчик у мышки, подошла к медведю и сняла с его глаз свой платок.

— Ну и быстрая же ты!— удивляется медведь.— Я еще такую не видал. За это награжу тебя. Иди в свое селение, выбери там хорошее место и брось на снег свой платочек.

Поблагодарила девочка медведя. С мышкой тихонько простилась, взяла свой тальник и пошла домой. Только вышла за дверь, смотрит, а на ней шубка новая, красивая и камусы белые, бисером расшитые. Положила Юлесит-Кыыс тальник на снег, чтоб одежду свою получше рассмотреть, а вместо тальника на снегу корзины готовые лежат, да такие хорошие, каких еще не видела. Подхватила она их и побежала домой веселая, дорогой песни поет.

Вошла девочка в селение, уже почти к дому подошла и думает: «Интересно, что это медведь про платочек мой говорил? Дай-ка брошу его!» И бросила.

Упал платочек на снег, стал расти и в дом превратился. Дом большой, красивый, внутри убранство богатое, нарядов и не сочтешь! А возле дома сарай. Там и коровы и телята... Да что говорить! Целое хозяйство подарил медведь Юлесит-Кыыс. А сама Юлесит-Кыыс такая красивая стала, что такой, пожалуй, в селении и не было. Она и раньше-то была хороша, да под рваной одеждой красоты ее не видно было.

Спохватилась Юлесит-Кыыс: ей ведь надо к мачехе идти, корзины нести. Вышла из дому, а навстречу люди бегут.

— Смотрите,— кричат они,— сирота хозяйкой большого дома стала! Она теперь лучшая невеста в нашем селении!

Услышали это мачеха и ее дочка, вышли посмотреть — глазам своим не верят. А Юлесит-Кыыс корзи-

ны им готовые отдает. От злости и удивления они и говорить не могут. Потом опомнились, стали расспрашивать девочку, откуда у нее это богатство, Рассказала все Юлесит-Кыыс, ничего не утаила.

— Ладно,— говорит мачеха,— у нас побольше будет.

Собрала она свою дочку, одела потеплее и послала в тайгу богатство добывать.

Идет Сюряга-Сох по тропинке и думает: «Ох, и обману же я медведя! Не один, а два дома я у него попрошу!»

Скоро нашла она медвежье жилье.

— Ух, холодно как!— говорит Сюряга-Сох.

Посмотрела на дрова, а топить неохота. Не привыкла она. Сидит мерзнет, ждет медведя.

Наконец не вытерпела. Взяла два полена, кое-как печку затопила. А тут есть захотела. Злится, а делать нечего. Пришлось и кашу варить. Да ведь Сюряга-Сох никогда прежде ничего не делала — вот и подгорела ее каша, а она даже и не заметила. Взяла котелок, есть собралась.

Выскочила мышка, на колени к ней прыгнула и просит:

— Девочка, дай мне каши!

— Фу, противная!— крикнула Сюряга-Сох и столкнула с колен мышку.— Иди на пол, оттуда разговаривать можешь.

Ничего не ответила мышка. Сидит на полу, ждет.

— Подожди,— говорит Сюряга-Сох,— я поем, а тебе котелок вылизать дам.

Повернулась мышка, хвостом махнула и убежала в свою норку, а Сюряга-Сох попробовала кашу и выплюнула. Каша-то горькая-горькая. Стала она мышку звать:

— Иди, я пошутила! Всю кашу тебе отдам.

Поверила ей мышка и вернулась. Только попробовала кашу и сразу поняла, почему девочка такая добрая стала. Отвернулась она от котелка, усы лапой вытерла. «Ладно,— думает,— я тебе заплачу за жадность».

— Что же ты не ешь?— спрашивает Сюряга-Сох.

— Спасибо,— говорит мышка,— боюсь, тебе мало будет.

Сказала так и убежала.

Тут открылась дверь и вошел медведь.

— Кто позволил тебе в мою тайгу приходить да еще в мой дом залезать! — заревел он. — Зачем пришла, говори!

— За подарками пришла, — говорит Сюрага-Сох. — Ты моей сестре дом подарил, а мне два нужно. Вот я и пришла.

— Ладно, — говорит медведь, — сейчас будем с тобой в карах-симирики играть. Если не поймаю тебя — получишь два дома, а поймаю — съем. Согласна?

— Согласна, — говорит Сюрага-Сох, а сама думает: «Сейчас мышка придет и станет с колокольчиком бегать, а я два дома получу».

А мышка подбежала к ней и говорит:

— Ты сначала сама побегай, а я после по твоим следам бегать буду, как остатки в котелке вылизывать.

Поняла Сюрага-Сох, что обидела мышку, да поздно. «Ничего, — думает глупая девочка, — у мышки ноги маленькие, а у меня большие, значит, я быстрее бегать могу».

Подумала так и пнула мышку ногой так, что та захромала. Потом сняла свой платок, завязала медведю глаза, взяла колокольчик и побежала.

Звенит колокольчик, указывает, где девочка. Медведь ее поймал сразу. Потом снял с глаз повязку и говорит:

— Пожалуй, не стану я тебя есть. От такой злой и ленивой заболēju еще. Дам я тебе то, что ты хочешь: будут за тебя другие делать твое дело, и домов не два, а много будет. Возьми свой платок и брось, как только увидишь отсюда.

Схватила Сюрага-Сох платок, скорее из медвежьего дома выбежала и бросила его на снег. Но что такое? Взмахнула Сюрага-Сох руками и вдруг поднялась в воздух.

— Ку-ку! — закричала она. — Ку-ку!

Она хотела сказать: «Куда? Куда я лечу?», но забыла все слова и только твердила: «Ку-ку, ку-ку!»

Стала ленивая и злая Сюрага-Сох кукушкой. Не любит кукушка делать свое дело. Не выводит сама птенцов: то в одно гнездо подкинет яйцо, то в другое. Много таких домов у нее.

А мать Сюраги-Сох ждала дочку, ждала. Потом решила, что не может дочка медвежьих подарков унести — так много их. Сама в тайгу пошла.

Встретил ее медведь по дороге.

— А, и ты идешь,— говорит он,— и тебе подарков надо. Ладно, получай.

И стала она кошкой. Сколько кошке ни дай, она все кричит: «Ма-а-ло, ма-а-ло».

Когда же узнала кошка, что мышка не захотела помочь дочери, разозлилась и стала ее искать, а мышка убежала.

С тех пор кошка все ищет ту мышь и никак найти не может.

А Юлесит-Кыыс хорошо живет, сама все делает и другим помогает.

Так что, если встретите такую работающую, хорошую девочку — знайте, что это Юлесит-Кыыс, а если и не она, то ее дети, а если не дети, то внуки.

И по сию пору народ таких работающих да хороших Юлесит-Кыыс зовет...

СТАРУХА БЯЙБЯРИКЯН С ПЯТЬЮ КОВОРАМИ

Жила-была маленькая старушка Бяйбярйкян. Все ее богатство состояло из пяти дойных коров, и соседи ее так и звали: старушка Бяйбярйкян с пятью коврами. Коровы поили ее молоком, давали ей масло и сметану. Тем старушка и жила.

Однажды летним утром пошла старушка Бяйбярйкян в поле проведать своих коров. На поле она увидела необыкновенную хвощ-травинку с пятью отростками. Старушка Бяйбярйкян бережно, не сломав ни одного отростка, не повредив ни одного корешка, выкопала хвощинку, принесла в юрту и положила под одеяло на подушку.

Пришло время доить коров. Старушка Бяйбярйкян вышла из юрты, взяла подойник. Но только первые струйки молока зазвенели о дно подойника — в юрте зазвенели колокольчики-бубенчики и раздался стук упавшего наперстка. Разлив молоко, старушка поспешила в юрту. Прибежала, посмотрела — все как было, все на своем месте; на подушке хвощинка лежит трава-травкою.

Опять вышла старушка Бяйбярйкян к своим коврам, опять взялась за подойник. И опять, только ударились о дно подойника первые струйки молока — зазвенели колокольчики-бубенчики, а следом раздался звон упавшей иголки. Кинулась старушка в юрту, опрокинув второпях подойник, открыла дверь, видит —

лежит хвощинка на подушке трава-травой. «Что за диво? — думает старушка. — Раздаются какие-то звоны, словно бы лишь для того, чтобы я проливала молоко».

В третий раз принялась старушка Бяйбярикян за доение. И снова зазвенели в юрте колокольчики-бубенчики, и раздался стук упавших ножниц. Опрокинув в спешке подойник, вбежала старушка в дом и видит — сидит на постели девушка невиданной красоты: на белом лице сияют драгоценными камнями глаза, а брови над ними — как два черных соболя.

Это хвощинка превратилась в такую девушку.

Обрадовалась Бяйбярикян, обнимает ее, дочерью своей называет.

Стала девушка жить вместе с маленькой старушкой Бяйбярикян и ее пятью коровами. Ухаживала за коровами, помогала по дому. Долго они так жили.

Однажды молодой охотник Харжит-Берген отправился на охоту в тайгу.

Увидел он серую белку, прицелился в нее, выстрелил — не попал. Вскочила белка на елку, с елки на березу перепрыгнула, с березы — на лиственницу: лес велик, всяких деревьев в нем много. Целый день, с раннего утра до заката солнца, гнался Харжит-Берген за белкой, но сколько ни стрелял — попасть не мог. Дивился и досадовал на себя молодой охотник. Выходит, зря ему такое имя дали. Берген — значит меткий, а какой же он меткий, если обыкновенную белку подстрелить не может!

Доскакала белка до юрты старушки Бяйбярикян с пятью коровами и уселась на растущую поблизости сосну.

Подбежал Харжит-Берген к сосне и — уже в который раз! — выстрелил. Нет, опять не попал. Прошла стрела мимо и упала в трубу юрты!..

— Старуха, вынеси стрелу, отдай мне! — крикнул Харжит-Берген.

Никто ему стрелу не вынес, никто не ответил. Охотник крикнул еще раз, и опять никто на его крик не отозвался.

Рассердился, разобиделся Харжит-Берген, аж покраснел от гнева, и сам вбежал в юрту.

Вбежал, увидел девушку и от ее неопишуемой красоты в обморок упал. А когда очнулся, ни слова не говоря, вихрем вылетел из юрты, сел на коня и поскакал домой.

— Мой отец, моя матушка!— еще с порога возгласил он.— У маленькой старушки Бяйбярикян с пятью коровами, оказывается, такая красивая, такая хорошая дочка. Возьмите эту девушку, дайте мне в жены!

Отец Харжит-Бергена тут же послал гонцов на девяти конях за девушкой-красавицей.

Во весь опор помчались гонцы, летящих птиц догоняли и перегоняли. Прискакали к старушке Бяйбярикян с пятью коровами. Зашли в юрту, увидели девушку и тоже обмерли от ее красоты. А когда очнулись, самый старший и рассудительный спросил у хозяйки:

— Старушка Бяйбярикян, отдай свою дочку молодому Харжит-Бергену в жены!

— Почему бы не отдать,— ответила старушка.— Отдам!

Спросили у девушки, пойдет ли она.

— Пойду,— сказала девушка.

— А какой калым будет?— спросила старушка Бяйбярикян.

— Какой потребуешь, такой и будет.

— Хорошо. Тогда наполните мое чистое поле всяким скотом. И как только это будет сделано, можете забирать девушку.

Живо пригнали на поле старушки Бяйбярикян столько коров и лошадей, что и самого поля не стало видно. После этого ловко и проворно одели и нарядили девушку. Привели чубарую лошадь, которая понимала человеческую речь, и зауздали ее серебряной уздой, оседлали серебряным седлом, а к седлу серебряную плетку привесили.

Харжит-Берген взял невесту за руку, вывел из юрты, на чубарую лошадь посадил, домой повез.

Едут они краем тайги. Видит Харжит-Берген — лисица бежит. Взыграло его охотничье сердце, говорит он невесте:

— Поскачу я в тайгу за лисицей. А ты поезжай пока одна. Вскоре дорога разделится на две: одна пойдет на восток — там будет висеть соболья шкура, другая дорога идет на запад — там увидишь шкуру медведя. На западную дорогу не сворачивай. Поезжай той, где повешена на дереве соболья шкура. Я тебя скоро догоню.

Сказал так и ускакал.

Отправилась девушка дальше одна. Едет, едет, доехала до развилки. Доехала и позабыла, что ей нака-

зывал Харжит-Берген: повернула на ту дорогу, где висела медвежья шкура, и приехала к большой железной юрте.

Вышла из юрты дочь восьминогого абаасы¹, в железные одежды одетая, с одной крученой ногой, с одной-единственной крученой рукой, с одним, на середине лба, мутным, холодно блестящим глазом, с длинным черным языком, спускающимся на грудь.

Схватила она девушку, стащила с лошади, сорвала кожу с ее лица и напаялила на свое лицо. Весь красивый убор сняла с нее — сама в него оделась. Сделав это, села дочь абаасы на чубарую лошадь и поехала на восток.

Харжит-Берген догнал ее, когда она уже подъезжала к юрте его отца. Не догадался жених, что за невеста едет с ним рядом.

Много народу собралось встречать невесту. Девять молодцев стали с одной стороны коновязи, чтобы принять повод ее лошади. Восемь девушек стали с другой стороны, чтобы привязать тот повод к коновязи. А вышло так, что невеста сама привязала свою лошадь к обломанному сучку ивы, за который старуха скотница привязывала пестрого глупого бычка. Огорчило это встречающих юношей и девушек, хоть они и не подали вида. Да в конце концов и надо ли придавать большое значение тому, куда невеста привязала лошадь? Все ждали, что и как будет дальше. Девушки между собой говорили:

— Вот вымолвит невеста слово — красные бусинки посыплются на землю. Подбирать да нанизывать их будем.

Для этого они и нитки припасли.

Молодцы думали: «Где будет ступать невеста — там, по ее следу, соболи побегут. Стрелять их будем».

Для этого и стрелы приготовили.

А невеста слово вымолвила — лягушки посыпались; невеста шагнула — облезлые горностаи побежали.

Тут уже и все встречающие опечалились, огорчились.

От коновязи до юрты настлали зеленой травы. Взяли невесту за руку, в юрту повели. Вошла она в юрту, разожгла, по обычаю, тремя верхушками молодых

¹ А ба а са — общее название сказочных злых существ у якутов.

лиственниц огонь в очаге. После этого начался свадебный пир.

Пили, ели, веселились. Никто о подмене не догадался.

А старушка Бяйбярикян вскоре после свадьбы опять пошла как-то на поле своих коров проведать. Пришла, видит — на знакомом месте снова выросла хвощ-трава о пяти отростках, лучше прежней. Выкопала ее старушка вместе с корнем, бережно в юрту принесла, завернула в одеяло, на подушку положила.

Пришло время доить коров. Взяла старушка подойник, вышла из юрты. Только зазвенел под молоком подойник — в юрте колокольчики-бубенчики зазвенели, ножницы со стуком на пол упали. Вбежала старушка в юрту — сидит на постели та же девушка-красавица, только еще красивей прежней.

— Как ты пришла, как здесь очутилась, дочка? — спросила Бяйбярикян.

— Мама, — ответила девушка, — когда Харжит-Берген повез меня отсюда и увидел на опушке леса лисицу, он сказал мне: «Я поскачу в лес за лисицей, а ты поезжай по дороге, где повешена соболья шкура; на ту дорогу, где повешена медвежья шкура, не сворачивай». Забыла я его наказ, поехала не в ту сторону и доехала до железной юрты. Из нее вышла дочь восьминогого абааса, стащила меня с лошади, содрала с моего лица кожу и накинула на свое лицо. Весь мой убор-наряд тоже с меня сорвала, сама в него нарядилась. Потом села верхом на мою лошадь и поехала, а тело мое бросила. Серые собаки схватили меня зубами, грызли и таскали мое тело и бросили в широком поле. Тут я и выросла снова хвощ-травой. Как мне теперь найти-увидеть Харжит-Бергена?

Старушка Бяйбярикян утешать девушку стала.

— Увидишь, встретишь, — сказала она. — А пока живи у меня любимой дочерью, как и раньше жила.

И стала девушка-хвощинка снова жить у маленькой старушки Бяйбярикян с пятью коровами.

Чубарая лошадь, понимавшая человеческий язык, как только узнала, что ее хозяйка ожила, сама обрела дар человеческой речи и пожаловалась отцу Харжит-Бергена.

— Слушай, что я тебе скажу, господин, — проговорила она. — Дочь восьминогого абаасы погубила мою хозяйку! Когда твой сын Харжит-Берген оставил девушку одну, доехала она до развилки, свернула на ту

запретную дорогу, где висит медвежья шкура, и приехала к железной юрте. Из юрты выскочила дочь абаасы, содрала с ее лица кожу и прикрыла свое лицо. Стащила весь праздничный убор-наряд и нарядилась в него сама. И живет теперь дочь абаасы в твоей юрте, твоей невесткой стала. А моя хозяйка снова ожила, снова стала дочерью старушки Бяйбярикян. Возьмите ее, приведите в юрту, отдайте сыну. А не то дочь абаасы очаг ваш разрушит, житья никому не даст, погубит вас всех!

Выслушал старик слова чубарой лошади, за голову схватился, стремглав в юрту вбежал.

Увидела его дочь абаасы, должно быть, догадалась, почернела вся.

— Сын,— спросил старик Харжит-Бергена,— откуда ты привез свою жену?

— Я привез дочь маленькой старушки Бяйбярикян с пятью коровами!— ответил Харжит-Берген.

— Какой масти была лошадь, на которой ты ее вез?

— Лошадь была чубарая, понимающая человеческую речь.

— Так вот, чубарая лошадь сказала мне, что когда ты оставил девушку одну и она доехала до развилки, то свернула на ту дорогу, где висит медвежья шкура. Приехала она к железной юрте. Из юрты выскочила дочь восьминогого абаасы, с лошади ее стащила, с лица кожу содрала и свое лицо прикрыла, в серебряный убор ее нарядилась. Так, обманом, сюда и приехала. И недаром лошадь не к разукрашенной коновязи, а к старой корявой иве привязала... Ступай, сын, к старушке Бяйбярикян, упроси-умоли девушку вернуться к нам. Приведи ее во что бы то ни стало! А дочь восьминогого абаасы, как велит чубарая лошадь, привяжи к хвосту дикого коня и выгони его в поле — пусть он разметет там ее кости. А не то погубит она всех нас — и людей, и скотину!

Услыхал это Харжит-Берген — и устыдился, и разгневался. Схватил коварную дочь абаасы за ногу, выволок из-за занавески, привязал к хвосту дикого коня. Помчался конь в широкое поле, залягал ее до смерти. Тело и кровь злодейки, говорят, превратились потом в червей и гадов, которые живут на земле и по сей день.

После этого поскакал Харжит-Берген к старушке Бяйбярикян с пятью коровами. Соскочил с коня, еще

не доехав до коновязи,— так торопился. Увидела его старушка Бяйбярикян, выбежала навстречу, обрадовалась, как потерявшемуся, который нашелся, как умершему, который ожил. От коновязи до юрты постлала зеленой травы; на радостях лучшую свою корову заколола.

А девушка подошла к Харжит-Бергену, взглянула на него, заплакала.

— Зачем ты пришел ко мне? Ты дал дочери абасы пролить мою алую кровь, разорвать мою белую кожу, отдал меня на растерзание свирепым псам... После этого какую ты теперь жену ищешь здесь? Девушек больше, чем окуней, женщин больше, чем хариусов,— ищи жену среди них, а как я могу пойти за тебя?

— Не отдавал я тебя дочери восьминогого абасы,— сказал Харжит-Берген,— не отдавал на растерзание свирепым псам! Ты же знаешь, погнался я за лисицей, а тебе дорогу указал. Но ведь я тебе не говорил: «Ступай навстречу смерти!»

Старушка Бяйбярикян, глядя на молодых, прослезилась от счастья, потом смахнула слезы с обоих глаз на обе стороны, между девушкой и Харжит-Бергеном села:

— Как вы, ожив после смерти, отыскавшись после потери, увидели друг друга и не радуетесь? Скажу вам: опять любите друг друга, живите в дружбе. И пусть никто из вас моих слов не ослушается!

Девушка тихо сказала:

— Хорошо, не ослушаюсь тебя. Все старое забуду.

А Харжит-Берген вскочил, запрыгал от радости, заплясал, стал девушку обнимать-целовать. Начали они играть и никак не могли наиграться, стали разговаривать и никак не могли наговориться. А потом чубарую лошадь оседлали серебряным седлом, зауздали серебряной уздой, покрыли серебряной попоной, навесили серебряные переметные сумы, пристегнули у седла серебряную плетку. Девушку одели-нарядили, в путь-дорогу снарядили.

Долго ли, коротко ли молодые ехали, к юрте отца Харжит-Бергена приехали.

Все родные, все девять братьев Харжит-Бергена вышли встречать невесту.

От коновязи до юрты устлали дорогу зеленой травой.

«Приедет невеста,— думали молодцы,— ступит на землю, и по ее следам побегут соболи».

Готовили они стрелы для этого, и так старательно работали, что с больших пальцев кожа сошла, а от долгого прицеливания глаза скосились на сторону.

Восемь девушек-сестер нитки сучили так, что с ладоней кожа сошла. Ждали невесту, думали: «Как явится на жениховом дворе да звонко заговорит — посыплется изо рта ее дорогие красные бусинки».

Приехал Харжит-Берген с невестой. Девушки приняли повода их коней и привязали у коновязи. Приняли невесту на руки, спустили на землю. Заговорила невеста — словно колокольчики-бубенчики зазвенели, посыпались красные бусинки. Принялись девушки собирать их да на нитки нанизывать. Пошла невеста к юрте — соболи побежали по ее следам. Стали молодцы стрелять в соболей.

Вошла невеста в дом, растопила очаг тремя верхушками молодых лиственниц — запылал ярко огонь и все в юрте, как солнцем, осветил...

Начали играть свадьбу. Съехались-собрались на нее гости из всех племен, из всех улусов. Целую неделю ели, пили, веселились. Были тут певцы, были тут плясуны, были тут сказочники, борцы, бегуны и прыгуны...

Кончился пир. Разъехались гости.

А Харжит-Берген с женой-хвощиной стали жить-поживать да добра наживать. Долго жили. Говорят, внуки их до нынешнего дня живут.

КАК ЛЮДИ СОЛНЦЕ МЕШКАМИ НОСИЛИ

1

В стародавние времена дело было. Ехал один человек и видит — люди стогуют сено. Но стогуют как-то странно: сначала поставили глухую изгородь вокруг будущего стога, а теперь через эту изгородь волочат быка, который привез очередной воз сена. Тянут-потянут быка с возом — перетянуть через изгородь не могут. И так и этак стараются, все силы напрягают, а толку никакого.

Путник подошел к ним, спросил:

— Это что вы делаете, добрые люди? Зачем быка волочите через изгородь?

— Разве не видишь — сено стогуем. А бык попал-

ся упрямый, никак его через изгородь не можем перетащить.

Тогда путник подошел к изгороди, проделал в ней ворота и завел в те ворота быка вместе с сеном.

Вконец измученные люди так обрадовались и так были довольны, что дали в подарок путнику свободного от работы быка. Путник пошел дальше своей дорогой, а они еще долго меж собой на все лады расхваливали его, восхищались и его догадливостью и необыкновенным умом.

2

Путник идет дальше. Долго ли, коротко ли идет и видит опять чудную картину: люди из дома выносят мешки, наполненные дымом, быстро вытряхивают их, опять убегают в дом и опять выбегают из него с мешками. Похоже, что работой этой они занимались уже довольно долго.

Путник подошел, спрашивает:

— Что вы делаете? Что случилось?

— Да вот разожгли в доме огонь, а дрова попались сырые, дымят — мешками дым и выносим на улицу. Да только плохо помогает, дыму не убавляется, замаялись совсем.

Путник зашел в дом, видит: ни печки, ни трубы нет. Тогда он сложил печь, проделал в потолке отверстие и вывел трубу.

3

Дорога ведет путника дальше.

Опять попадаетея ему на пути селение. И видит он, как один человек, совсем голый, то поднимается на крышу дома, то спрыгивает оттуда вниз. Удивительным показалось путнику такое занятие, и он подошел поближе. Подошел и видит: на двух кольях висят штаны шириной кверху, а голый человек прыгает с крыши, задавшись целью попасть ногами в штанины и таким необычным способом надеть их на свои голые ноги. Дело было мудреным: ну-ка угадай с такой высоты, ну-ка не промахнись! И человек то прыгал совсем мимо штанов, то лишь задевал их. А вот наконец и угадал точно, но растянутые на кольях штаны не выдержали, разорвались.

— Что ты делаешь, чудака-человек? — спросил путник. — Что за нужда тебе припала по-заячьи с крыши прыгать?

— Да вот штаны хотел надеть, а они не выдержали, разорвались,— отвечает голый человек.

— Разве так надо надевать штаны? Разве обязательно забираться на крышу?

— А как же?

Путник показал, как надеваются штаны.

— Так просто?— своим глазам не поверил чужак-человек.

Путник ушел своей дорогой, а человек еще долго дивился тому, как просто, оказывается, можно управляться с таким мудреным делом, как надевание штанов.

4

Дальше и дальше ведет дорога путника.

Подходит он к новому селению и видит новые чудеса. Он опять увидел людей с мешками, только на этот раз они выбегали из дома с пустыми мешками, затем подставляли их под солнечные лучи и поспешно бежали в дом. И так увлечены они были этой бегом-ней туда и обратно, что даже не заметили подошедшего путника.

— Что вы делаете?— спросил он.— Что с вами?

— Дома очень темно, вот мы и стараемся набрать в мешок солнечного света и внести в дом. Правда, сколько ни таскаем,— замучились совсем,— света в доме не прибавляется.

Путник вошел в дом, а там — тьма-тьмушая, хоть глаз выколи, во всем доме — ни одного окна. Тогда он проделал окна, солнце само пришло в дом, и наступили всеобщая радость и веселье. Люди не знали, куда посадить гостя, чем угостить и как отблагодарить. Они без умолку восхищались его находчивостью и житейской мудростью.

Вот так путник шел и шел не имеющей конца дорогой и делился с другими людьми своей житейской мудростью.

ГЛУПАЯ НЕВЕСТКА

Одна женщина, выдав свою дочь замуж, посоветовала ей, когда та собралась ехать к мужу:

— В доме мужа повинуйся всем и выполняй все поручения.

Однажды утром свекровь послала невестку за водой. Та спросила:

— Чем черпать воду?

Тогда другая невестка, шутя, ответила:

— Черпай ситом.

Молодая невестка взяла с собой сито и пыталась зачерпнуть им воду. Увидев это, проходивший мимо человек спросил:

— Что это с тобой случилось?

На это бедняга ответила:

— Мне велели начерпать воду ситом и принести, а моя мать приказала мне слушаться всех в доме мужа.

Человек этот сказал насмешливо:

— Вот оно как приходится жить тем, кто всем хочет повиноваться,— приходится даже черпать воду ситом!

ВОЛК И ЛИСА

Жили волк и лиса, работали вместе, кормились с одного стола. С большим трудом они скопили берестьяную кадушку хаяка — замороженной сметаны.

Волк был терпелив, бережлив, сам не дотрагивался до запасов и лисе не позволял.

— Надо пока питаться тем, что попадется, а хаяк прибережем на случай большой нужды, голодовки.

— Ах, волчик, долго ли мы будем питаться отбросами?— говорила лиса.— Давай откроем кадушку и хоть попробуем, какой он есть, наш хаяк.

— Не позволю! Потерпи!

Лиса себе места не находит: и сядет, и встанет, из юрты выйдет, обратно зайдет.

— Старик, я пойду в гости.

— Р-р-р, это к кому же?

— Э-э, схожу к Хара-каану.

— Принеси мне чего-нибудь.

— Принесу, принесу,— сказала лисица, и только хвост ее мелькнул за дверью.

Крадучись, от страха прижав уши к загривку, плутовка спустилась в погреб и стала уминать за обе щеки припасенный хаяк. Увидев, что кадушка опустела до верхнего обруча, лиса остановилась. «Кажется, я слишком много съела,— подумала она,— увидит клыкастый — мне от него крепко достанется».

Вспомнив про обещанный гостинец, лиса соскребла с мордочки и с лап прилипший хаяк, скатала его в комок величиной с куриное яйцо и понесла волку.

— Н-ны, н-ны! Ты вернулась?

— Э-э! А то кто же, куда я денусь.

- Как поживают соседи?
- У них радость и веселье, у старшей невестки первенец появился.
- Чем там угощали?
- Гостей на левой половине потчевали хаяком, на правой — кишками с кашей, на нарах — супом и кобылятиной, а в углу — лакомствами всякими.
- О, как много всего было! А мне что принесла?
- Названий много, кушать нечего. Вот все, что могла захватить для тебя.— И она швырнула комочек хаяка.

Волк одним махом проглотил его.

Три дня волк и лиса просидели дома. Лиса, поевшая третьего дня хаяка, была добрее, она топила печь, делала кое-что по дому.

Волк, свернувшись калачиком, дремал.

— Старина, ты бы сходил к Хара-каану, может, чем-нибудь попотчует,— сказала лиса.

— Э-э, не пойду я к Хара-каану, меня собаки загрызут.

— Не сходить ли мне?— говорит лиса.

— Иди, сама поешь и мне чего-нибудь принеси.

— Ты думаешь, они каждый день устраивают праздники?.. Все же я схожу, авось и на этот раз чего-нибудь перепадет мне.

Вильнула хвостом и юркнула за дверь, посмеиваясь про себя над глупым волком.

Снова забралась она в погреб и принялась за хаяк, опорожнила кадушку до нижнего обруча. Слегка опьянев от сытости, лиса соскоблила прилипший к мордочке и лапам хаяк, скатала в комок величиной с кулачок пятилетнего ребенка и понесла в юрту.

— Почему так долго?— спросил волк, от голода еле шевеля языком.

— Задержалась у Хара-каана, снова у него торжество: у средней невестки первенец появился. На вот, тебе гостинец принесла.

Волк проглотил комочек хаяка, облизал губы.

— Кто у них появился на свет?

— Сын, говорят.

— Какое ему дали имя?

— Обруч, говорят.

— Плохое дали имя,— сказал волк и задремал. Прошло еще несколько голодных дней.

— Волчище, не могу больше так мучиться, давай съедим запас.

— Не время еще, терпеть надо, самый большой голод впереди.

Завертелась лиса, забеспокоилась и начала бегать взад и вперед. Хочется ей в погреб, но боится волка.

— Старина, ты бы сходил к соседу нашему Хара-каану.

— Э-э! Я покажусь, а он подумает, что иду его стадо резать, и напустит на меня своих собак...

— Мне, что ли, сходить?

— Иди, авось снова чего принесешь?

Того только и ждала плутовка. Она быстро скрылась за дверью, только хвост ее мелькнул. По старому следу она спустилась в погреб и съела весь хаяк. Потом соскребла со дна остатки, собрала с пола крошки, скатала в комок величиной с напалок рукавицы из телячьей кожи, сунула под мышку и пошла к волку.

— Где так долго пропадала?— спросил волк.

— Снова на праздник попала.

— Какой такой праздник?

— У младшей невестки первенец появился.

— Как думают назвать ребенка?

— Днище.

— Неслыханное имя!.. А чем потчевали гостей?

— Угощения разного было очень много, наелась до отвала.

— А мне чего принесла?

— Пища вся была жидкая и горячая, ее не понесешь. Вот все, что я могла захватить для тебя.

И она бросила ему кусок хаяка.

Волк съел и задремал.

Прошло еще несколько дней.

Чувствует волк, конец ему приходит, не в силах он больше голодать.

— Пойдем в погреб,— сказал он, встав на ноги и пошатываясь от голода,— пропадаю совсем!..

— Пойдем, волчик,— сказала лиса, виляя хвостом.

Пришли они в погреб.

Увидел волк пустую кадушку и взвыл от горя и обиды:

— Н-ны! Рыжая, так вот куда ты ходила на праздник, вот где тебя потчевали!..

— Как ты смеешь так говорить,— завизжала лиса,— сам все слопал, когда я в гостях у Хара-каана бывала... Потому ты, хитрец, и не хотел из дома уходить.

Лиса визжала так громко, будто бы и впрямь виновником был волк.

— Вам, лисицам, никогда нельзя верить. Чем больше лести у вас на языке, тем больше злодейства на уме. Каждое ваше слово, каждая ваша слеза — ложь...

Долго-долго они бранились, а потом разошлись в разные стороны.

Обманутый волк, поджав хвост, ушел в лесную чащу, а обманщица лиса, заметая следы, скрылась в кустах.

ОБМАНЩИЦА ЛИСА И ПТИЦА ТЕКЭЙ¹, СНЕСШАЯ ЧЕТЫРЕ ЯЙЦА

На могучей раскидистой иве высиживала своих птенцов птица Текэй. И на ту пору заявила в эти места рыжая лиса. Подошла к иве, подняла морду вверх и сказала:

— Птица Текэй, снесшая четыре яйца, если ты не хочешь, чтобы я измяла зубами твою сугробистую зимой поляну, не изгрызла твою тучную летом долину, не свалила твою старую раскидистую иву, спусти мне одно яйцо.

Птице Текэй, снесшей четыре яйца, жалко было расставаться со своим сокровищем, да что делать. Поплакала-поплакала она и спустила яйцо. Лиса его тут же съела — только скорлупа у нее в зубах хрустнула — и ушла.

Прошел день. А на другой опять является та же лиса и опять говорит:

— Если ты не хочешь, чтобы я измяла зубами твою сугробистую зимой поляну, не изгрызла твою тучную летом долину, не свалила твою старую раскидистую иву и не съела твои три яйца, спусти мне одно яйцо.

Еще пуще заплакала птица Текэй, снесшая четыре яйца, а только как ослушаешься лису: что, если она и в самом деле приведет свою угрозу в исполнение?! Спустила она еще одно яйцо. Лиса его съела и ушла.

На следующий день опять лиса появилась под развесистой ивой, опять угрозами выманила у птицы Текэй яйцо и съела его.

¹ Текэй — название не какой-то конкретной птицы, а скорее — иносказание. Текэй (якут.) — плутовство, обман, лесть.

Осталась птица Текэй с одним-единственным яйцом, сидит в своем гнезде плачет-рыдает. Бежал мимо старый бурундук, остановился, спросил:

— Птица Текэй, почему плачешь-рыдаешь?

— Приходила лиса и грозила съедать зубами мою сугробистую поляну, изгрызть мою тучную долину и свалить мою старую иву, если я не отдам ей яиц, на которых сижу. Так она съела трех моих будущих птенчиков, остался теперь у меня только один.

— Дура ты дура! — обругал птицу Текэй старый бурундук. — Как могла ты поверить, что лиса изгрызет столько земли и свалит эту могучую иву?! Как ты могла отдать на съедение плутовке и обманщице своих птенцов?! Если еще раз придет лиса и начнет грозить, скажи ей: «Если сможешь изгрызть мою тучную долину — грызи; если сможешь съедать зубами мою сугробистую поляну — мни на здоровье; если у тебя хватит сил свалить мою старую раскидистую иву — попробуй свали».

Бурундук убежал дальше. А на следующий день под иву опять пришла лиса. Пришла за последним яйчком, из которого уже вылупился птенец.

Птица Текэй, снесшая четыре яйца, сказала лисе:

— Если сможешь — свали мою старую раскидистую иву, изомни зубами мою сугробистую поляну, изгрызи мою тучную долину, если достанешь — съешь моего птенца.

Лиса визжит от досады и бессилия, роет лапами землю, грызет зубами старую иву. Но что она могла сделать поляне?! Что она могла сделать могучей иве?! Разве что передние зубы о ее свилеватый ствол обломала, и с тех пор передние зубы у нее так и остались щербатыми.

— Ну, птица Текэй, снесшая четыре яйца, не иначе кто-то тебя научил, — говорит лиса. — Не иначе старик бурундук тебя надушил. Что ж, за это он поплачется.

С тем лиса и убежала. Приходит она к старому бурундуку и говорит:

— Давай, старик, покачаемся в железной колыбели.

— Что ж, давай покачаемся, — соглашается бурундук.

Подходят они к колыбели.

— Дедушка, я первой лягу, а ты покачай, — говорит лиса.

— Ложись, — отвечает бурундук.

Лиса легла, немного покачалась.

— Хватит, дедушка. Теперь ты ложись, я тебя покачаю.

Старик бурундук лег в колыбель. И как только он лег, лиса прикрутила его к железной колыбели железной проволокой.

— А ну-ка теперь, добрый молодец, попробуй встать... Это тебе наказание за совет птице Текэй, за то, что мне из-за тебя не удалось съесть последнего ее птенца.

Сказала так лисица и ушла своей дорогой.

Чувствует старик бурундук — смертный час его приходит, не может он сам себя освободить, не может выбраться из железной колыбели. И когда он уже совсем было отчаялся, прилетела птица Текэй вместе со своим птенцом.

— Вот, за то, что дал тебе добрый совет, лиса прикрутила меня и ушла. Я спас твоего последнего птенца — попробуй и ты меня спасти.

Птица Текэй своим клювом раскрутила проволоку и освободила старика бурундука. Так за добро она тоже отплатила добром.

А старый бурундук затаил обиду на лису и все ждал случая отомстить хитрой мошеннице.

Как-то он прослышал, что будет у лис большое собрание. Старик пошел на это собрание, набив полную пазуху мелкой древесной гнилью, собранной со всего леса. Придя на собрание, старый бурундук выступил на нем, а потом, словно бы в шутку, пустился в пляс. Когда он подпрыгивал, у него из пазухи облаком вылетала древесная пыль, и это всех смешило. А бурундук плясать-то плясал, но и зорко поглядывал на смеющихся лис. И увидел, как одна лиса прикрывает лапой рот со щербатыми передними зубами. Тогда старик схватил ее за загривок и на глазах у всех начал охаживать кочергой. Бил, бил, чуть до смерти не забил.

Лиса вырвалась и убежала. Но пока бурундук бил ее закопченной кочергой, шерсть у нее потемнела и от этой лисы потом произошли лисы-сиводушки¹.

А в этом месте, где проволока впилась в спину старого бурундука,росло новое мясо и покрылось шерстью другой масти. С тех пор бурундуки и стали полосатыми.

¹ Лиса-сиводушка — красная лиса.

ХВАСТЛИВАЯ ЛЯГУШКА

Лягушки в тундре жить не захотели. Поселились в таежном болоте и стали считать себя хозяевами тайги. Деревьев они, правда, не видят, в моховых озерах, в топях гнилых свою жизнь проводят. Но кажется им, в этих топях, в этих болотищах только и можно жить. Что там, за осокой, за кочками?

«Ничего там нет!— думают лягушки.— Конец болота, конец света. Что еще может быть, кроме наших кочек? Не может ничего быть! Какие еще песни могут быть, кроме нашего кваканья? Уж не птичья ли болтовня?»

Так говорили лягушки.

А одна, самая хвастливая, вылезла весной на вершушку самой большой кочки, увидела свое отражение в луже стоячей воды и заквакала:

Я лягушка.
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я прекрасная девица.
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня красивей нет!

Так наквакивала лягушка, грея на солнце озябшую спинку и скрюченные лапки. Во время долгих северных холодов лягушка спала и простудилась. Голос у нее хриплый, а ей казалось: такого звучного голоса никогда не слышало родное болото.

Налюбовавшись в луже грязной воды своим видом, лягушка стала ворочать неуклюжей шеей, осматривать свое болотное царство. На кочке, где сидела хвастливая Ква-Ква, рос высокий стебель травы осоки. Острые ребра осоки понравились лягушке. Она пощупала лапкой и обрадовалась:

— Вот эта травина достойна быть моей царской пикой. Острая, граненая, длинная. С такой пикой мне никто не будет страшен. Храбрости у меня много, силы хоть отбавляй. А с этой пикой я могу управлять всем миром.

Тут лягушка натужилась, обхватила лапками корневище осоки и вырвала его из моховой кочки.

«Какая я могучая,— подумала Ква-Ква,— тяжелую огромную пику вырвала из земли, как волосок».

Помахивая стеблем осоки, лягушка стала прыгать по кочке и петь свою хвастливую песню:

Я лягушка.
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я геройская девица.
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня сильнее нет!

Пропев свою песню, лягушка поглядела в лужу и увидела личинку стрекозы, похожую на водяного червяка. Личинка плыла мимо кочки.

— Эй, ты, водяная мелочь, ползи из воды сюда! Да побыстрее, а то я проткну тебя пикой!

Личинка стрекозы испугалась и выползла на кочку.

— Гляди на меня, водяная мелочь. Навлекусь я тебе?

— Да, да, ты мне очень нравишься!— ответила боязливая личинка стрекозы.

— Ну, тогда пиши мой портрет. Пусть все жители болота узнают мое прекрасное лицо!

Личинка стрекозы не посмела послушаться и на круглом листе болотной кувшинки нацарапала своим рыльцем изображение лягушки. Лягушка долго вглядывалась в свой портрет и потом сказала:

— Водяная мелочь, твоя работа мне кажется неплохой. Признаешь ли ты меня царицей болотного мира?

— Да, да, признаю!— торопливо ответила трусливая личинка стрекозы.— Конечно, ты царица болот, копыеносная повелительница.

— Хорошо,— сказала, надуваясь, Ква-Ква,— за твое послушание я назначаю тебя моим писарем-секретарем. Приготовься писать то, что я тебе скажу.

Личинка стрекозы собрала несколько листов водяной кувшинки, поправила усики и стала писать то, что ей говорила лягушка. А говорила она вот что:

— Все жители болота! Все, кто ползает, плавает или прыгает! Завтра в полдень явитесь к большой кочке, на поклон к повелительнице болотного мира. Тот, кто не придет, будет проткнут насмерть пикой!

На каждом листке этого приказа лягушка, захватив в лапку жидкой грязи, подписала свое имя:

«Царица болотного мира, владеющая граненой пикой, Ква-Ква».

После этого лягушка легла спать, а личинка стрекозы ползла с кочки на кочку. На каждой большой кочке она вывешивала грозный приказ Ква-Ква.

На другой день, ровно в двенадцать часов, собрались все плавающие, ползающие, прыгающие жильцы лягушкиного болота. Здесь были боязливые личинки стрекоз, водяные жучки и пауки, хвостатые головастики, пискливые мухи, комары-толкуны, болотные мошки, слизняки-улитки и моховые черви с козявками. Оказывается, они только и жили в этом болотце. Лягушка в самом деле была здесь всех сильнее.

Поднявшись на самую высокую кочку, где висел ее портрет, нарисованный личинкой стрекозы, лягушка взмахнула пикой и запела:

Я лягушка.
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я красивая девица!
Я могучая царица!
Знает весь болотный свет,
Что меня умнее нет!

Кончив песню, лягушка заквакала:

— Поняли все, что красивее меня нет?
— Поняли, поняли,— хором запищали, зашептали болотные жители.
— Поняли все, что сильнее меня нет?
— Поняли, поняли!
— Поняли все, что умнее меня нет?
— Да, да, поняли,— отвечали болотные жители.
— Признаете меня повелительницей мира?— спросила лягушка.

— А знаешь ли ты, что такое мир?— вдруг раздался громкий голос.

Это сказал серый гусь. Он пролетал низко над болотом и слышал хвастовство Ква-Ква.

— Что такое мир?— переспросила лягушка. Она немного испугалась серого гуся, но потом решила, что это большой толстый комар, и ответила насмешливо:— А разве ты не знаешь? Мир — это мое болото. Слушай-ка ты, толстый, серый комар, что я тебе спою:

Я лягушка.
Я Ква-Ква!..

— Подожди, подожди,— сказал серый гусь.— Я вижу, что ты только лягушка. Ты мне споешь песню потом. А сейчас я покажу тебе, что такое мир.

Серый гусь схватил лягушку ногой за спину и, расправив крылья, поднялся высоко в небо. Лягушка за-

жмурила глаза. Она выронила свою пику. Стебель осоки покрутился в воздухе и стал падать вниз.

— Смотри,— сказал серый гусь, и лягушка открыла глаза.

Внизу под нею лежали десятки больших и малых болот, текли быстрые и тихие реки, шумели необъятные леса, дымилась туманом горы.

Мир был так огромен, что у лягушки выпучились глаза. Голова ее закружилась.

— Я читал на кочке твой приказ. Ты, кажется, считаешь себя царицей всего мира? Сейчас ты еще видишь не весь мир. Хочешь, я покажу тебе весь мир? Давай, поднимемся повыше,— сказал серый гусь. Но перепуганная лягушка, поводя вытаращенными глазами, замахала лапками.

— Нет, нет! Не надо! Ничего не надо. Отпусти меня домой, в болото. Не хочу быть царицей мира. Я пошутила. У меня глаза лопнут, если я еще буду глядеть в такую ширь. Отпусти меня скорее.

Услышав эти слова, серый гусь усмехнулся и выпустил лягушку из своей твердой лапы. Долго летела Ква-Ква вниз и наконец шлепнулась животом прямо на кочку. Падая, лягушка сорвала свой портрет, нарисованный личинкой стрекозы, и расшибла живот.

До сих пор на животе лягушки остались кровянистые пятна от ушиба. На спине лягушки видны следы кортей, которыми серый гусь держал ее в воздухе. А глаза у Ква-Ква так и остались вытаращенными. Она уже не любит себя, не хвастается ни силой, ни умом.

Живет лягушка трусливо, прячась от всякого шума в гнилой воде или в моховых кочках.

Личинка стрекозы иногда навещает лягушку, но о том, что было, они вспоминать не любят.

ЧИРОК И БЕРКУТ

В одной южной стране как-то все птицы слетелись на свое общее собрание.

— Уж очень жарко, знойно бывает у нас летом,— говорили они меж собой.— Сами мучаемся без воды, и наши яйца в гнездах при такой жаре протухают, и птенцы, не родившись, погибают. Не выбрать ли нам кого поумней да посильней, и не послать ли его поискать другую страну, посевейней нашей?

И решено было послать беркута: он, мол, при его силе, в дороге не пропадет; проголодается — пищу всегда найдет, воды не будет — он может и без воды обойтись. А к тому же и умом эту птицу бог не обидел.

— Лети, беркут, все узнай, а вернешься — нам расскажешь.

Попрощавшись со своей супругой беркутихой и малыми детьми, полетел беркут на север — только большая черная тень по земле стелется.

Беркут улетел, а около его супруги начал увиваться чирок — маленькая, самая малая из всей утиной породы, птичка. Чем-то — может, своим красивым опереньем — приглянулся чирок и супруге беркута. Она дала ему какое-то поручение, и тот с необыкновенным проворством выполнил его. Мало-помалу они сдружились, а потом и вошли в любовную связь. Целый год блаженствовал маленький чирок!

По прошествии года, все так же в сопровождении большой черной тени, прилетел беркут.

Узнав о возвращении беркута, опять весь птичий народ собрался в одно место. Всем интересно было узнать, в каких местах побывал их посланник, что видел, какие добрые вести привез.

— Где побывал, что повидал — рассказывай, да поскорее! — закричали все хором. — Заждались.

— Рассказывать-то особенно не о чем, — так начал беркут. — Напрасно летал. Для птиц, которые живут на деревьях, там нет ни одного приличного дерева. Для тех, что селятся на воде, нет ни одного озера, даже ни одной ложбинки с водой, где бы можно было поплавать. Густым туманом покрыта там земля, ветры и вихри продувают ее насквозь. Неуютная, неприятная земля!..

А тем временем бойкий чирок появился в гнезде беркута.

— Что ты, что ты, малец! — замахала на него крыльями беркутиха. — Разве не слышал: муж вернулся!

— Потому я и прилетел, — отвечал смелый чирок. — Его птичий народ еще не скоро отпустит, а того, что меня там нет, тоже никто не заметит. Помилуемся напоследок, простимся как следует, неизвестно, когда еще вместе быть придется.

Забрался чирок в огромное гнездо беркута, целует, милует свою любушку, всякие нежные слова говорит.

И не заметил, как время пролетело и беркут показался.

— Ой, куда же мне спрятаться?— струхнул чирок.— Улетать нельзя — беркут обязательно увидит.

— Сядь на сучок под гнездом. На твое счастье, темнеет, и близорукий беркут тебя не заметит,— сказала его любовница.

Чирок так и сделал.

А беркут только успел сесть в гнездо — сразу же жене:

— Сама готовься и детей готовь в путь-дорогу. Там, на севере, прекрасные места, оказывается. И не жарко, и лесу столько, сколько надо, чтобы на случай в нем схорониться, и всякой дичи полно, только охоться.

— И много птичьего народа туда собирается лететь?— спросила беркута жена.

— Никто не полетит,— ответил беркут.— Я им сказал, что страна та неприютная, ветреная и морозная, полетят — все померзнут... Так что переселимся туда мы одни, расплодимся на приволье и заживем как господа.

Чирок все это слушает. Слушает и слышит, что замолчавший беркут начал делать со своей женой то же самое, что он, чирок, сам только что делал: целовать да миловать. Взыграла ревность у чирка: как-никак за год супругу беркута он уже привык считать почти что своей супругой. Не выдержал чирок и с криком «Чус!» сорвался со своего сучка и полетел прочь.

Вспугнутый криком чирка беркут резко встрепенулся в своем гнезде, и оно с треском рухнуло на землю.

— Чей это голос?— спросил грозно беркут у супруги.

— Спрашиваешь про какой-то голос, хотя сам слышал всего лишь звук обломившегося и упавшего сучка,— спокойно ответила хитрая, как и все женщины, супруга.

— Что-то непохоже.

Какое-то время беркут еще сомневался. Но ведь никаких доказательств у него все равно не было. Так что разговор тем и кончился.

Наутро опять собралось птичье собрание, и чирок на нем сказал, что на севере хорошая земля.

— А откуда ты знаешь?— спросили его.

— Я залез под гнездо беркута: послушаю, думаю, что он своей жене будет рассказывать. Вот он ей и сказал, какая богатая земля на севере, очень богатая... Не верите? Да у него еще гнездо свалилось — можете поглядеть и убедиться, что я говорю правду.

— Ну, если твоя правда, то надо выбирать другую уважаемую птицу и снова посылать на север. Начав дело, надо его кончать.

Тут как раз на собрание пришел неторопливым шагом беркут.

— Как ночевал, почтеннейший? — делая вид, что ничего не знают, спросили его птицы.

— Не очень хорошо. Гнездо мое свалилось.

Тут птичий народ усмехнулся, друг с другом перемигнулся: выходит, чирок и в самом деле сказал правду!

А беркуту так было сказано:

— Вот ты, почтеннейший, вчера сказал нам, что в северной стране никто не сможет жить. Выслушали мы тебя со вниманием, хотя твои слова и очень нас огорчили, поскольку мы надеялись на хорошие вести. Надежда эта не оставляет нас и после твоего рассказа. А что, если тебе не повезло и ты не попал в хорошие места? Не может быть, чтобы в той стране, откуда приходит прохладный ветер, не было хорошего для нас места!.. Вот мы и думаем послать туда другую, столь же уважаемую всеми нами птицу. Может, она будет более удачливой. А тебя хотим спросить: не покажется ли тебе обидным наше решение?

— Какие могут быть обиды? — ответил беркут. — Всякие обиды тут неуместны.

Тогда пернатый народ обратился к журавлю:

— Старец журавль! Ты у всех нас пользуешься большим почтением и уважением. Ты и собой очень видный, и летаешь хорошо. Встретится сухое место — ты спустишься и червями или гадами подкрепишься. Встретится вода — ты и по воде можешь пешком ходить и рыбку себе добывать. Потому мы и выбираем тебя нашим послом-разведчиком. Разведай для всех нас новые северные места! Бьем челом, господин журавль!

Журавль не заставил себя долго просить.

— Благодарю за доверие, — сказал он, поклонившись птичьему собранию. — Постараюсь в меру сил своих его оправдать.

Но тут, откуда ни возьмись, в самую середину пер-

натого собрания протиснулась невзрачная такая утка-коротышка по прозванию лахааттка.

— Да вы что, все рехнулись, что ли? — неприятным, скрипучим голосом заговорила лахааттка. — Для такого ответственного дела выбрать такую бестолковую птицу! Какие такие достоинства вы увидели в ней? Длинные ноги, столь же длинную шею и дурацкий крик на вечерней заре? Не слишком ли мало? Ведь у этой нелепой птицы нет ни ума, ни памяти. Поверьте мне, она доберется до первого попавшегося озера, наглотается по горло лягушек и, забыв куда и зачем ее посылали, воротится назад. Вот увидите...

Каково было только что возвеличенному журавлю слышать эти дерзкие, ругательные слова от какой-то глупой утки! Каково ему было терпеть такое унижение!

И он не вытерпел. Ни слова не говоря, он шагнул к лахааттке и гневно обрушил на нее свой могучий клюв.

Журавль бил лахааттку до тех пор, пока не переломал ей ноги и не перебил крылья. Вполне возможно, он бы заклевал утку и до смерти, но на помощь подошли другие птицы.

— Больно! Невыносимо больно! — стонала еле живая лахааттка. — И это мы называем свободой слова! Каждый волен говорить на таком собрании, что он думает, но, оказывается, если слабый скажет что-то такое, что не понравится сильному, то сильный с ним может тут же расправиться. Какой позор!.. Теперь-то хоть вы видите, кого вы выбрали, какой это мудрый и рассудительный господин?!

— И в самом деле, напрасно ты, журавль, устроил лахааттке самосуд. За ее дерзкие слова она бы и так, по закону, понесла суровое наказание. Так что тебя с той высокой должности впору снимать, да найдется ли другая, более достойная птица?

На это лахааттка возмущенно проскрипела:

— Нет, вы послушайте, что говорят наши старейшины! Они говорят, что, кроме журавля, среди пернатых нет никого достойного. Да это что, насмешка? Разве вы ослепли и не видите — вон сидит молодец-удалец орел. У него одно имя-то чего стоит! Кто еще может видеть так зорко и так далеко? Кто еще из птиц летает так высоко? Кто еще так же умен и великодушен, как он? Или вы опять будете выбирать не по уму, а по клюву?

— А ведь подумать — эта пострадавшая за общее дело птица говорит правильно, — согласились старейшины. — Ведь орел и в самом деле лучший из лучших среди нашего пернатого племени. У кого еще такие же могучие крылья, как у орла? И кто может сравняться с ним в мудрости и рассудительности? Давайте попросим господина орла.

Для орла ничего не стоило слетать в те же места, где был незадолго до того беркут. И, вернувшись назад, он сказал:

— Места превосходные. Там ни одно яйцо не протухнет, ни один птенец не погибнет. Нечего зря и время терять — надо всем отправляться туда.

В шумных сборах в дальнюю дорогу птицы совсем позабыли о калеке лахааттке. И уже только перед самым отлетом услышали ее скрипучий голос:

— Это что же — вы оставляете меня одну? Оставляете на верную гибель?

Птицы устыдились и пришли вот к какому решению:

— Это журавль виноват в том, что лахааттка не может лететь, как другие птицы, это он переломал ей и ноги и крылья. Так пусть он посадит лахааттку себе на спину и летит с ней вместе.

Как отнесся журавль к такому решению, и тогда осталось неизвестным, а теперь и подавно толком никто не знает. Известно только, что лахааттка появляется в наших северных местах очень и очень редко. Беркут, правда, прилетает, но прячется по лесам.

ЛОШАДЬ И ОЛЕНЬ

Однажды лошадь паслась на большой зеленой поляне. Хорошая попалась поляна: было на ней лошади и пригодно и сытно.

Но как-то появился туда красавец олень. Видит, поляна просторная, травы на ней много — и лошади, и ему хватит. И решил олень остаться там насовсем.

Лошади это не понравилось. Она хотела пастись на облюбованной поляне одна. Но как прогнать оленя, она не знала. Тогда лошадь обратилась за советом и помощью к человеку.

— Я не могу догнать оленя, как же мне выгнать его с поляны?! — ответил человек. — Вот если бы я надел на тебя уздечку да сел верхом — тогда бы я прогнал оленя.

Лошадь согласилась. Человек надел на нее узду, сел верхом и поехал.

Прогнать оленя с той поляны удалось. Но сама лошадь с тех пор распрощалась с вольной жизнью и стала служить человеку. Как он тогда сел на нее и поехал, так едет и по сей день.

ГУСЬ И ЖУРАВЛЬ

Как-то сидел на берегу озера жирный линялый гусь.

Неожиданно поблизости опустился журавль. Журавль рядом с гусем выглядел худым, заморенным, и самодовольный гусь начал насмехаться над ним:

— Какой же ты, братец журавль, тощий да костлявый!.. Можно подумать, ты все лето ничего не ел...

Тут они оба заметили охотника, который берегом озера подкрадывался к ним с ружьем в руках. Легкий журавль мгновенно поднялся и улетел. А жирный, толстозадый гусь пока развел свои крылья да пока взмахнул ими, уже прогремел выстрел.

Отъевшийся гусь остался на берегу озера, а тощий журавль парил в поднебесье.

КАК ЛАСКА ОСТАЛАСЬ БЕЗ ХВОСТА

Когда-то у ласки был длинный и пушистый хвост. Ничем не хуже, чем у горноста. Она ведь и по роду племени — родная сестра горностаю, и такая же шустрая, ловкая и быстрая. Недаром про нее говорят: на макушке кола девять раз повернется.

А еще ласка ужасно любопытная: до всего ей дело, все ей надо понюхать и потрогать. Немудрено, что, бегая и прыгая по лесу, заглядывая под каждый кустик да в каждую норку, ласка как-то угодила в охотничий капкан.

Зажало ей капканом хвост — ни туда ни сюда. Что делать? А вот уже, слышно, и сам охотник идет, валяжник под ногами трещит, ветки рядом колышутся. Дернулась ласка — больно. И ничего не оставалось ей, как пойти на хитрость и притвориться мертвой.

Охотник разрядил капкан, отложил добычу в сторонку и начал снова налаживать ловушку. Ласка тем временем — прыг, скок! — и бежать. Однако охотник попался опытный, бывалый: не успела ласка до ближнего дерева добежать — он ей ногой на хвост насту-

пил. Дернулась ласка изо всех своих сил — хвост на том месте, где его капканом защемило, и оторвался.

С тех пор он у нее такой короткий.

КТО-ТО И ЗАЙЦА БОИТСЯ

— Ну что за жизнь?! — как-то в горькую минуту посетовал заяц. — Всего-то я боюсь, все на меня страх нагоняет. Треснула сухая веточка — я уже вздрогнул, птичка-пичужка с кустика на кустик перепорхнула — у меня сердце в пятках. Мышь по листьям в свою норку прошмыгнула — и это меня испугало. Есть ли вообще кто или что на свете, чего бы я не боялся?.. Нет, это не жизнь. Чем так жить да перед всеми как осиновый лист дрожать — лучше утопиться...

И побежал косою на ближнее озеро.

Подбежал к озеру и уж начал выбирать, где поглубже, но тут заметил, что рядом по берегу лягушка-квакушка скачет. Струхнул наш заяц, прижал свои длинные уши. Да ведь все равно погибать, — была не была! — и прямо на лягушку. Та еще проворнее поскакала да как закричит:

— Ах, горе мне! Страшный заяц за мной скачет, хочет меня съесть. Ах, боюсь! Квак, боюсь!.. — С тем и бултыхнулась в озеро.

Заяц от неожиданности аж на задние лапы присел, своим ушам не верит.

— Вот тебе и раз! Выходит, кто-то и меня боится... Тогда надо погодить с озером-то. Поверну-ка я обратно в лес...

И поскакал косою прочь от озера. Да так и по сей день живет.

ПОЧЕМУ ЗИМА ДЛИННЕЕ, А ЛЕТО КОРОЧЕ

Закончив сотворение мира, бог спросил человека: «Что мне сделать длиннее — лето или зиму?» Человек на это ответил: «Спроси у моих друзей коня и быка. Пусть будет так, как они скажут».

Первым спросил бог коня: «Ты бы как хотел, чтобы зима была длиннее лета или лето длиннее зимы?» — «Я бы хотел, — ответил конь, — чтобы лето было длинным, а то зимой очень мерзнут мои копыта».

Тогда бог спросил быка: «А ты что скажешь: что

для тебя удлинить и что укоротить?» Бык ответил: «Лучше бы удлинить зиму, у меня в летнюю жару мокнет нос».

Бог так и сделал: зима стала длинной, а лето коротким.

Узнав ответ быка, конь рассердился и лягнул его в тот самый мокрый нос. Так лягнул, что выбил передние зубы. Бык в ответ боднул коня в бок и проткнул ему желчный пузырь.

С тех пор, говорят старые люди, у лошадей нет желчного пузыря, а у рогатого скота — передних зубов.

ЛЯГУШКА И ВОРОНА

Однажды в летнюю пору лягушка выползла на берег озера, раскорячилась на солнце, греется.

Неожиданно ее схватила летевшая по-над берегом ворона. Схватила, как следует зажала в клюве и полетела через озеро к другому берегу.

Ворона держит лягушку поперек живота, рот у лягушки открыт, она и говорит вороне:

— Я слышала, ты прямой потомок знатных и родовитых предков. Рассказывали, что все в вашем роду по наследству получают громкий голос...

— Да! — не удержавшись, поддакнула польщенная ворона и выронила лягушку в озеро.

КУКША

Давно это еще было. Пришла лиса на птичье собрание и хитростью, обманом заманила птиц к себе в дом. Завела их в дом, а сама улеглась поперек двери: мол, как только они уснут, я их и съем.

День караулит лиса своих гостей, другой — птицы глаз не смыкают. Больше того: выбрали они чуткую, бессонную кукшу — по-другому говоря, сойку — и попросили ее поближе к хозяйке дома расположиться.

На третьи сутки сама лиса не выдержала, начала дремать. Тогда кукша с пронзительным криком: «Охотник пришел! Спасайся!» — долбанула лису клювом в глаз. Лиса испугалась и — давай бог ноги! — убежала из дома.

Выбрались птицы на волю, похвалили кукшу. А еще и так ей сказали:

— Надо ли тебе тратить силы на перелеты в теплые страны? Ты и здесь не пропадешь, оставайся. Пусть оперенье у тебя будет под цвет трав и листвы, питайся соком и смолой деревьев, а чтобы тебе одной не скучно было — научись голосу сорока четырех птиц.

С тех пор кукушка и зимой остается на Севере и умеет подражать голосу самых разных птиц.

КУРОПАТКА

Говорят, в глубокой древности куropатка, как и другие птицы, улетала зимовать в южные страны. Но летала она плохо, постоянно садилась отдыхать и тем самым задерживала на перелете других птиц. Птицам это, понятное дело, не понравилось, и однажды осенью они не взяли ее с собой на юг. Куропатка осталась зимовать здесь.

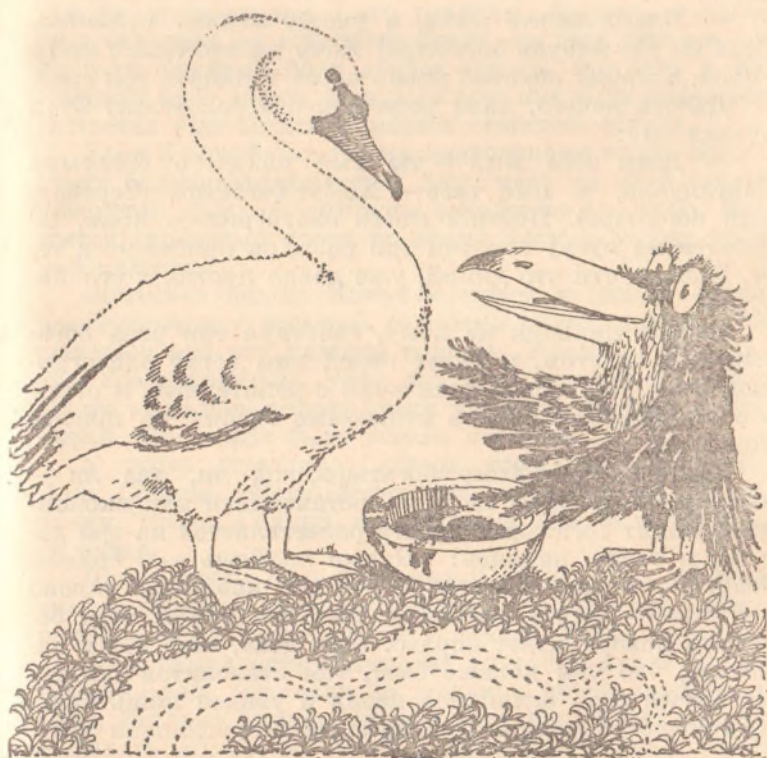
Весной, когда птицы вернулись, они увидели, что куropатка за зиму не только не отощала, а даже разжирела. И опереньем стала нарядней, обулась в теплые камусы. Завидев своих вероломных друзей, она пропела:

Хоть вы и улетели,
Одну меня покинув,
А я вот не пропала,
Я даже разжирела...

С тех пор куropатка постоянно зимует у нас.

ДОЛГАНСКИЕ СКАЗКИ

О СЛАВНОМ ГЕРОЕ ХОМУС-БОГАТЫРЕ

В очень давние времена на широкой лесной поляне стоял дом. Здесь жил человек с женой и сыном.

Быстро рос мальчик. Он научился ловко владеть луком и метко стрелять. С утра до вечера мальчик был в лесу, ни одна птица, ни один зверь не уходил от него, так он метко стрелял.

Однажды пришел мальчик домой и сказал родителям:

— Благословите меня, я уйду искать подвигов. Есть же где-нибудь богатыри! Хочу помериться с ними силой, а приду обратно ровно через тридцать три года.

Делать нечего, дали родители благословение. Отец сказал ему:

— Даем тебе имя — ты сын славного богатыря Байгалуола, а имя твоё — Хомус-богатырь (Серебряный богатырь). Поймай моего златогривого коня, он пасется на лугу; свистни три раза, он прибежит к тебе. Конь почти что дикий, уже давно пустил я его пастись.

Вышел мальчик из дому, свистнул три раза богатырским свистом, и вдруг перед ним встал златогривый конь. Попрощался мальчик с родителями, и понес его богатырский конь в неведомые страны на поиски подвигов.

Долго скакал Хомус-богатырь, год ли, два ли — неизвестно, и вдруг его конь остановился как вкопанный. Видит богатырь: дорога разветвляется на три дороги, и стоит надпись: *«Прямо пойдешь — к солнцу дойдешь, влево пойдешь — счастье найдешь, вправо пойдешь — смерть найдешь»*. Недолго думая, наш богатырь поворачивает вправо. Едет день, едет два и замечает, что чем дальше едет, тем становится темнее. На пятый день оглянулся назад и увидел лишь краешек голубого неба, а впереди была непроглядная темь.

Понемногу глаза Хомус-богатыря начали привыкать к темноте. Вот он увидел впереди большой дом, из трубы которого идет густой дым. В доме слышен громкий храп.

Зашел Хомус-богатырь в дом и видит: на печке кипятится большой котел воды, во всю длину комнаты лежит огромный абахи (черт) и спит крепким сном. Два раза крикнул Хомус-богатырь, но абахи даже не пошевелинулся. Хомус-богатырь дал ему щелчок по лбу, и лишь тогда абахи вскочил, протирая заспанные глаза. Увидев человека, абахи очень обрадовался и сказал:

— А-а, вчера целый день ходил, но ничего не нашел на ужин, а ужин сам ко мне пришел.

С этими словами он хотел схватить парня и бросить в кипящий котел, но наш богатырь даже не сдвинулся с места. И начали они тогда драться. Долго бились. Абахи начал ослабевать, а Хомус-богатырь, свалив его, перерезал ему горло. Затем Хомус-богатырь так же расправился с его средним братом, который жил недалеко от младшего брата, но был сильнее его. Умирая, средний брат абахи сказал, что есть у них старший брат абахи, которого еще никто не побеждал. И поехал наш богатырь искать старшего абахи.

Едет Хомус-богатырь на златогривом коне. Видит: стоит большой-пребольшой дом, идет из него густой-прегустой дым, от которого заволокло все небо. Слышится страшный треск по всему лесу, а также громкий разговор.

Подъехал ближе Хомус-богатырь и видит: страшное чудовище с восьмью головами сидит, яркий огонь вылетает изо рта каждой головы. Абахи уже знал, что Хомус-богатырь убил его двух младших братьев. Много валялось вокруг дома черепов отважных богатырей, все вокруг было усеяно костями.

У этого страшного абахи томилась прекрасная Дочь Солнца. Много богатырей отправлялось на выручку Дочери Солнца, но никто из них не возвращался назад.

Долго бился наш богатырь с абахи. Они сами не знали, сколько времени бьются. Устали оба. Когда валился один, падал рядом и другой, когда поднимался один, немедленно вскакивал другой, и снова бились. Времена года узнавали по дождю и снегу, и никто не знал, сколько бились, но вот все чаще и чаще начал отдыхать абахи, не было у него больше сил, чтобы

биться. Встал Хомус-богатырь, абахи продолжал лежать. Немного погодя тяжело поднялся, и снова началась битва двух богатырей. Собрав последние силы, Хомус-богатырь сбросил абахи на землю и вытащил свой нож, чтобы перерезать чудовищу горло.

Не успел Хомус-богатырь перерезать горло, как вскочил у абахи из правого глаза зрачок. Абахи быстро вскочил и помчался, крикнув Хомусу-богатырю:

— Я еще приду к тебе, когда твой сын начнет учиться стрелять из лука... Увидим тогда, кто победит. Сейчас победил ты.

Освободил Хомус-богатырь прекрасную Дочь Солнца, посадил ее на златогривого коня и понесся домой, к своим старикам. А старики тем временем очень беспокоились, так как уже прошло тридцать два года с тех пор, как уехал их сын из дома.

Приехали домой, устроили пышную свадьбу и стали жить-поживать да добра наживать.

Пришло время старикам умирать, очень были они старые. Похоронил их Хомус-богатырь на вершине высокой сопки, чтобы каждый день видеть их могилу.

Прошло еще много времени. Седой стал Хомус-богатырь, ходил, опираясь на палку. Рос у них сын, который уже бегал и начинал учиться стрелять из лука.

Однажды рано утром, когда еще солнце только начинало подниматься над горизонтом, послышался какой-то странный шум и раздался треск по всему лесу. Это ехал к Хомус-богатырю абахи, который грозился приехать к нему, когда его сын начнет учиться стрелять из лука. Еще издали закричал абахи:

— А ну выходи, славный Хомус-богатырь, я пришел, как обещал. Перережу тебе горло, увезу твою жену и сына. Выходи быстрее!

Вышел Хомус-богатырь к абахи, видит, что ему не одолеть его, уж очень постарел он, но делать нечего, надо драться с чудовищем.

Снова сходятся два старых врага, глаза у обоих горят ненавистью. Долго бились они. Все чаще начал отдыхать Хомус-богатырь, не было у него больше былой силы, уже чувствует, что еще немного, и он упадет замертво. Снова оба легли отдыхать, но вот абахи быстро встает и кричит:

— А ну, давай вставай, еще немного, и я тебе перережу горло!

Сказав это, абахи вынимает нож, смотрит, достаточно ли он остер. И вдруг перед абахи вырос маль-

чик. Этот мальчик развернулся и ударил абахы, но абахы стоял, как будто его никто и не задевал. Тогда ударил абахы мальчика. Мальчик от этого немного подрос. Ударил абахы второй раз — мальчик снова подрос. Ударил абахы третий раз — мальчик превратился во взрослого человека, и тогда они начали драться по-настоящему, как бьются богатыри.

Долгая была битва, много раз отдыхали, много раз поднимались и снова бились. Но вот наш богатырь сбросил на землю абахы, перерезал ему горло, взвалил его труп на сани, привязал к саням и погнал коня в ту сторону, откуда приехал абахы.

Хомус-богатырь теперь был спокоен за своего сына, который стал непобедимым богатырем, каким был в молодости сам Хомус-богатырь.

Еще долго жил Хомус-богатырь с женой и с сыном. Бывали большие битвы, но Хомус-богатыря с сыном никто никогда не побеждал, и они долго жили на земле, пока не умерли своей смертью.

ЗАРЯ

Жили три брата. Жили в хороших теплых чумах. У них было много оленей. Когда пастухи собирали всех оленей в одно стадо, оно было таким огромным, что не вмещалось на большой моховой лайде¹.

Вблизи чумов богатых братьев стоял худой чум их дяди. Дядя был человек старый. Работать много не мог. Оленей у него не было, одежды хорошей шить было не из чего. Старик жил бедно, только что не умирал с голоду. С ним жила его жена-старуха. У них был сын, которого они кормили и растили.

Однажды зимой старикам нечего стало есть. Они послали своего сына к богатым племянникам, чтобы он попросил у них мяса.

Мальчик сходил. Богатые братья вместо мяса дали ему оленью брюшину.

— Съедите брюшину, — сказали они мальчику, — дадим вам оленьих кишок. Кишки съедите — дадим легкие. Иди.

Старуха сварила оленью брюшину и накормила старика с сыном, остатки доела сама.

Прошла ночь. Утром старик вышел из своего чума и испугался. На стойбище не было ни хороших чумов,

¹ М о х о в а я л а й д а — песчаная коса, на которой растет мох.

ни оленей. Богатые племянники ночью куда-то откочевали, а пастухи тихонько угнали за ними всех оленей. Старик в чум вернулся печальный.

— Ну, старуха,— сказал он,— будем умирать. Богатые племянники бросили нас одних. Нам их не догнать. Куда мы в такой мороз пойдем пешком? Будем ждать смерти.

Старухе стало жалко сына. Она заплакала. Заплакал и старик.

Погоревали-погоревали, потом все трое залезли в спальный мешок, завернулись и голодными уснули. Старик проснулся первым. Он вылез из спального мешка и себе не верит. Откуда зимой в худом чуме такое тепло? Старик хотел выйти из чума, приподнял с двери покрывало и от страха уронил его. Он разбудил старуху и тихонько сказал ей:

— Наш чум обогнула большая многоногая гусеница. Она пришла к нам за данью. Что мы ей дадим? У нас ничего нет. Теперь она нас не выпустит из чума и всех съест.

Гусеница лежала как мертвая, но слышала все, о чем шептались в жилище.

Старик взял рогатину, отдал сыну и откинул с двери покрывало. Гусеница открыла глаза. Старик стал ей говорить:

— Знаю, что ты пришла за данью, да нечего тебе дать. Есть у нас со старухой один маленький сын да рогатина. Хочешь, бери их.

Гусеница схватила ртом мальчика и улетела с ним на небо. Старики остались одни. Они сидели в чуме и горевали о сыне.

Гусеница летела долго. Наконец прилетела на край неба, села и выпустила изо рта мальчика, который крепко держал в руках отцовскую рогатину. Мальчик увидел перед собой такие же леса, горы, болота, как на земле.

Мальчик стал жить с гусеницей-великаном. Гусеница поила его, кормила, а сама о чем-то все думала, печалилась. Мальчик ничего не понимал, он только заметил: когда гусеница лежала на животе, то кругом была ночь; когда переворачивалась на бок, начинался рассвет, когда же показывала живот, то становилось светло, как днем. Живот у гусеницы был красный и блестел, как огонь.

Однажды к светлой гусенице прилетела другая, такая же огромная, но только вся черная. Она села, и

всюду стало темно. Черная гусеница вцепилась в светлую и начала ее душить. Стали они драться. Схватятся за дерево — дерево вырвут с корнями, уцепятся за сопочку — с землей ее сровняют, зацепятся за камень — камень в песок раздавят.

Гусеницы дрались, а мальчик с рогатиной стоял и смотрел на них. Перед ним мелькали то свет, то мрак. Наконец черная начала одолевать огнебрюхую гусеницу. Тогда мальчик спохватился.

— Что же я стою с рогатиной и не помогаю в бою своей светлой гусенице? Попробую. Все равно погибать!..

Мальчик подбежал к черной гусенице и рогатиной проколол ей сердце. Сразу же сделалось светло, как днем.

Огнебрюхая гусеница схватила мальчика и полетела с ним обратно на землю. Прилетела к чуму, выпустила мальчика и говорит старикам:

— Берите своего сына. Он помог мне убить черную гусеницу, которая хотела съесть меня за то, что я свечу людям каждое утро. Она хотела сделать так, чтобы на земле была вечная ночь. Теперь этого не будет. Я вернусь на небо, лягу на край и стану медленно преворачиваться. Когда повернусь к вам спиной, у вас будет ночь; когда повернусь боком, вы увидите светлую зарю; когда открою живот — на земле будет день.

Огнебрюхая гусеница наделила мальчика оленями и улетела на небо.

ВСТРЕЧА ДВУХ БРАТЬЕВ

Давно-давно, когда на месте тундры шумели вековые леса, когда не было лютых морозов, жил один человек со своей женой. Звали этого человека Кыыл-кихи (Дикий человек). Они жили на вершине одной сопки. Вокруг них на несколько тысяч верст не было человеческого жилья. Питание они добывали охотой на диких оленей и ловлей рыб.

Скучно стало им жить без людей, не было у них детей, и стала жена каждый день говорить мужу:

— Сходил бы куда-нибудь, может, найдешь людей. Если найдешь — пойдем к ним, здесь скучно, живем уже больше сорока лет на этой сопке.

И стал собираться Кыыл в дальний путь; он не знал, куда идти, так как, когда охотился, далеко не

удалялся. Собрал все, что нужно, взял лук, три стрелы и сказал жене:

— Через каждые три года буду посылать по одной стреле, и ты будешь знать, что я жив. Когда пройдут три года после последней, третьей стрелы, то знай, что меня нет в живых, и ты тогда собирайся и уходи к людям, но только не по моей дороге.

Сказав эти слова, Кыыл-кихи зашагал прямо на восход солнца.

Долго ли, коротко ли идет, он не знает: идет дождь — значит, лето; идет снег — значит, зима. Переходил через бурные реки, пробирался через дремучие леса, встречал невиданных зверей, но людей не было.

Так прошло три года, и Кыыл-кихи выпустил одну стрелу прямо на заход солнца. Выпустил еще две стрелы, осталось идти ему еще три года, но пока никого не встречал, кроме птиц и зверей.

Прошло еще два года, как выпустил последнюю стрелу, проходит еще год, остался один день, нужно возвращаться домой, к жене.

Сел Кыыл на большой камень на берегу реки и крепко задумался. Вдруг он почувствовал, что где-то слышны человеческие голоса, почуял запах жилья. Обрадовался он и побежал по берегу реки. Бежал сколько хватило сил и вдруг увидел: на высоком берегу стоит красивый дом, солнечные лучи играют на окнах, около дома бегают ребятишки. На скамейке у дома сидит в красивой одежде человек и о чем-то думает. А сам глядит на играющих детей.

Долго смотрел Кыыл на этого человека, уж очень давно он не видел людей. Потом он робко подошел к сидящему и сказал:

— Одиннадцать лет прошло, как я вышел из дому, одиннадцать лет не слышал человеческого голоса, одиннадцать лет иду на восход солнца, и наконец я нашел людей. Скажите, о чем вы задумались и не помешал ли я вам?

И отвечает человек в красивой одежде:

— Вот уже пятьдесят лет, как потерял я любимого брата, всю жизнь ищу и никак не могу найти. Умирая, отец говорил: если разъедетесь, то все равно лет через сорок — пятьдесят встретитесь и будете жить вместе. Отец оставил нам с братом тысячное стадо лошадей, красивый дом и много дорогих вещей. Теперь всем богатством пользуюсь я один, а брату ничего не

досталось. Вот о чем я задумался, вот что мучает меня. Скажи, что ты за человек, откуда идешь, как тебя зовут?

И рассказал Кыыл, как он жил с женой более сорока лет на вершине одной сопки, как охотился, как пошел искать людей, а жену оставил.

Поведав о своих приключениях во время этого длинного пути, он сказал:

— Если завтра ничем не извещу жену, она будет считать, что я умер или убит, и она уйдет из дому искать людей, а я никогда ее больше не увижу. Зовут меня Кыыл-кихи.

Человек в красивой одежде знал, что у пропавшего его брата было большое черное пятно на ступне левой ноги. Веря словам умершего отца, он втайне надеялся, что пришедший человек — его брат, которого он так ищет и ждет всю жизнь.

Хозяева сытно накормили уставшего путника и уложили спать. Сами же они решили, что, когда заснет пришедший человек, нужно потихоньку посмотреть на ступню левой ноги. Если есть большое черное пятно, то тогда он — тот, которого давно уже ищут.

Когда уставший путник заснул, хозяин красивого дома тихонько зашел в комнату, где спал путник. Приподнял одеяло с его ног и от удивления крикнул — на ступне левой ноги чернело большое пятно. Словно без памяти он закричал:

— Мой брат! Мой брат нашелся! Люди, идите сюда, я нашел своего брата!

С криком бросился обнимать он спящего. Так он нашел своего брата, которого долго искал, и почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Наутро он подвел Кыылу, своему брату, златогривого коня и сказал:

— Садись на этого коня и скачи к своей жене, привези ее, будем жить вместе. А имя свое, Кыыл, ты забудь; ты теперь уже не «дикий человек», а младший сын всемогущего богатыря Эрсе, а я — твой старший брат.

Сел младший сын всемогущего богатыря Эрсе на златогривого коня, крикнул богатырским голосом и поскакал на крылатом коне через леса и горы, через моря и океаны прямо на заход солнца. Только свист стоял на земле, над которой несли златогривый конь.

Прошло немного времени, и вот вдали на вершине высокой сопки стал виднеться небольшой домик. Это

был дом Кыыла. Жена Кыыла собиралась в путь. В этот день истекал последний срок. Если до полудня не придет Кыыл, она навсегда покинет свой дом.

Вдруг она услышала какой-то страшный шум, как будто налетел ураган. Закачался домик, зазвенели стекла. Это прискакал на крылатом коне Кыыл, чтобы взять с собой свою жену на родимую сторону.

Радостной была встреча Кыыла со своей женой. На другой день они полетели на крылатом златогривом коне к своему старшему брату.

Когда они возвратились, старший брат поровну разделил все, что оставил сыновьям знаменитый богатырь Эрсе, позвал много людей и устроил пир на всю землю.

Так стали жить да поживать два брата. Народ их избрал своими начальниками. Когда они правили страной, жили люди на земле вольно и сытно, и долго царил всюду мир. Славную жизнь прожил знаменитый богатырь Эрсе, он установил мир на земле и сыновьям наказал, умирая, не допускать войн между народами. Достойными оказались сыновья богатыря-отца. И теперь, когда люди услышат, что где-то идет война, льется кровь, качая головой, говорят: «Да-а, нет богатыря Эрсе и его славных сыновей, были бы живы они — не было бы войн между народами».

ЮНОША-ЦАРЬ И ДОЧЬ КРЕСТЬЯНИНА

Жил, говорят, в давние времена юноша-царь. По соседству с ним жил бедный крестьянин. Этот крестьянин с утра до ночи работал у царя и зарабатывал одну ложку муки. Этим и жил он со своей старухой и единственной дочерью.

Вот юноша-царь позвал его и говорит:

— Ну, бедный крестьянин, ты прожил свой век, и я хочу узнать, какого ты ума! Отгадай загадку: что слаще всего? Утром скажешь! Если не отгадаешь — отрублю голову!

Бедный крестьянин думал-думал — не может отгадать. Сладкую пищу он никогда не пробовал. Что давал ему царь, то и казалось сладким. Пришел домой и плачет.

Дочка спрашивает:

— Почему, отец, плачешь?

— Ну, дочка, умру завтра: ходил — отходил свое, пожил — конец мне пришел! Юноша-царь загадал мне загадку! Если не отгадаю ее — обещает отрубить голову!

— А что загадал?

— Спрашивает: что слаще всего?

— Ну, отец, из-за чего плачешь! Лучше усни да отдохни хорошо! Завтра скажешь: «Знаю, что слаще всего! Когда наработаюсь у тебя с утра до ночи, вычищая твою грязь, и приношу домой одну ложку муки, а моя старуха топит печь в земляном чуме-голомо¹ — тогда у меня теплеет в носу. А пока из муки она толокно готовит, я уже засыпаю без ужина. Так что слаще всего — сон!» Знает ли он сам больше этого?

Старик успокоился и уснул.

На другой день старик встал рано утром и пошел к царю.

Юноша-царь спрашивает:

— Ну, отгадал?

— Э-э! Отгадал как будто! Не ведаю только: правильно ли, неправильно ли?

— Ну, что слаще всего?

— Когда наработаюсь у тебя с утра до ночи, вычищая твою грязь, и приношу домой одну ложку муки, а моя старуха топит печь в земляном чуме-голомо — тогда у меня теплеет в носу. А пока из муки она толокно готовит, я уже засыпаю без ужина. Так что слаще всего — сон!

— Да ну? — удивился юноша-царь. — Оказывается, ты умный человек! Почему же ты тогда живешь так бедно? Еще одну загадку отгадай: что быстрее всего на свете? Если к утру не отгадаешь — отрублю голову!

Старик ничего придумать не смог, заплакал и пошел домой. Дома все рассказал дочери.

— Зачем плакать из-за этого! — говорит дочь. — Ложись и спи! Утром скажешь: «Когда выйду из своего дымного земляного чума-голомо и, протерев глаза, взгляну на небо — до единой звезды вижу на небесах, погляжу на землю — до единой травки вижу на земле. Но никак не достигну окоема. Так что быстрее всего — человеческий взор!»

Старик уснул. Утром пришел к царю с готовым ответом.

— Ну, отгадал? — спрашивает юноша-царь.

¹ Ч у м - г о л о м о — коническое жилище, обложенное дерном.

— Э-э! Отгадал как будто! Неведомо только: правильно ли, неправильно ли? Когда выйду из своего дымного земляного чума-голомо и, протерев глаза, взгляну на небо — до единой звезды вижу на небесах, погляжу на землю — до единой травинки вижу на земле. Но никак не достигну окоема. Так что быстрее всего — человеческий взор!

Юноша-царь еще больше удивился:

— Да ты, старик, оказывается, умный человек! Все имеет три меры!— Царь выводит и передает старику пороza¹.— Чтoб к утру пороз стелился! Приведешь с теленком. Только не смей помет собирать!

Бедный старик приводит домой пороza и плачет.

— Чего плачешь, отец?— спрашивает дочь.

— Вот, передал пороza! Велел, чтoб он к утру отелился. А как отелится пороз?

— Э-э! Как отелится пороз? Ты привел даровую пищу! Пороza заколи, мясо съедим!

Старик заколол пороza. Мясо съели. Дочь собрала в сумку копыта и внутренние кости, передает отцу:

— Вот черные копыта — мать, а внутренние кости — телята. Скажешь так и, как детские игрушки, расставишь их на царском столе. Пороз только так телится! Больше этого знает ли он сам? Тогда он настойчиво спросит: «Своим умом ты этого достичь не мог. Если б ты был так умен — не чистил бы мою грязь. Кто тебе советует, говори?!» Ты не скрывай и скажи ему: «Есть дочка, она советует!»

Утром старик приходит к юноше-царю.

— Ну, отгадал?— спрашивает царь.

Старик копыта и внутренние кости расставляет на столе, как детские игрушки, и говорит:

— Пороз только так телится!

— Своим умом, старик, ты этого достичь не мог. Если б ты был так умен — не чистил бы мою грязь. Кто советует?

— Есть у меня дочка. Она советует!

— Дочь у тебя умница!— говорит юноша-царь и передает старику ведро с пробитым дном.— Пусть залатает! Если не залатает — обоим головы отрублю!

Старик с плачем приносит ведро:

— Ну, настал день неминуемой гибели! Царь говорит: «Пусть дочь залатает это ведро! Если не залатает — обоим головы отрублю!»

¹ Пороz — нехолощенный домашний олень.

Дочь говорит:

— Унеси обратно и передай: залатать, конечно, женское дело, но пусть он, как мужчина, вывернет ведро наизнанку, словно торбаса¹.

Старик унес ведро и передал, как дочь сказала.

Юноша-царь отпустил старика и говорит:

— Сам пойду посмотрю на твою дочь!

А пришел, увидел девушку и сразу влюбился. На другой день свадьбу сыграли.

Сколько прожили они — неизвестно. Но с тех пор, как женился юноша-царь, уподобился кукле: сидит себе и только, а делает все жена.

Потом, видно, надоело ему, что все решает жена.

— В одной стране двум царям не быть! Лучше давай разойдемся! — говорит он.

— Давай разойдемся! — согласилась жена.

— Бери с собой что хочешь!

Настает последняя ночь. Когда муж уснул, жена берет его с постелью в охапку и переносит в земляной чум-голомо отца. Юноша-царь утром проснулся, потянуться хотел, а голова и ноги в стены упираются. Удивился юноша-царь:

— Где я? Как очутился здесь? — спрашивает жену.

— Это я тебя в чум-голомо принесла! — отвечает жена.

— А почему принесла?

— А как же! Захотела и принесла. Сам сказал: могу взять с собой что захочу!

Юноша-царь так и не смог разойтись с женой.

— Не так уж, оказывается, ты умен! — говорит ему жена. — Живи царем. А я буду жить простой хозяйкой.

Так благодаря дочери и старик со старухой, покинув свой земляной чум-голомо, тоже стали жить в богатом доме.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ГАЛКИ

Жил в старину один человек. Он задумал перебить всех до одного песцов и зайцев. Говорит своему сыну:

— Я притворюсь больным, ты поди и позови зайчьего шамана и приведи ему дьячками всех других зайцев.

Сын пошел и увидел зайца. Спросил у него:

¹ Торбаса́ — кожаная обувь.

— Где живет ваш шаман?

— Вон там,— указал заяц.

Парень пришел к шаману.

— Отец умирает, велел позвать тебя, помоги, пожалуйста,— говорит.

Тот, что притворился больным, в это время говорит своей старухе:

— Когда все зайцы соберутся, ты камнем придави дверь, чтоб не открылась.

Заячий шаман пришел и привел с собою дьячками много зайцев. Во время камлания старуха встала и придавила дверь.

Притворный больной попросил деревянный крюк, на котором вешают котлы над очагом. Старуха подала. Больной вскочил и стал этим крюком избивать зайцев. Когда хотел ударить шамана, тот выскочил в дымоход, и крюк задел ему только верхушки ушей и запачкал сажей. Вот почему у зайцев концы ушей черные.

Через несколько времени старик опять притворился больным и заставил своего сына пойти за песцовым шаманом. Других песцов позвать побоялся, думал, что они будут кусаться. «Если же убить шамана, не станет у них защитника, и их легко всех переловить»,— рассуждал старик.

Когда песцовый шаман стал камлать, старик ударил его крюком, но только кончик хвоста успел задеть и запачкать сажей. Вот почему у песца кончик хвоста черный.

После этого бог повстречал старика и сказал ему:

— Ты совершил большой грех. В наказание — останется твой поступок сказкою будущих поколений, сам же ты, превратившись в галку, будешь питаться мясом.

Вот почему галка и питается наживою пасти¹.

ВОЙНА КУРОПАТОК И ЩУК

В давние времена куропатки в тундре жили. Тогда земля и небо только утверждались, и зимы были не такими снежными и холодными.

Но в один год в тундру зачастила пурга, намела высокие сугробы, потом пошел дождь и снег покрылся льдом. Нигде не проглядывала ни одна проталина, ни один кустик.

¹ На жива пасти — приманка в ловушке.

Куропатки проголодались и полетели в сторону леса.

Долетели до леса — и там нигде проталин не видно, даже верхушки ив не выглядывают из-под снега, одни только голые деревья чернеют.

Вожакom у них была самая старая куропатка.

— Теперь мы и вправду пропали! — говорит куропатка-вожак. — Некуда нам дальше лететь — всюду гибель! Но я знаю место, где есть большая река, ту реку ни в пургу не заносит, ни в самые лютые морозы она не замерзает. По берегам растет ивняк, горы покрыты багульником, голубикой и травой. Но в той реке живут щуки, и они нас туда не подпустят. В старинные времена было скреплено клятвенное слово: куропатки не займут их края, а щуки — земли куропаток. Если уговор помнят — добром не пустят. Останется одно — воевать!

— Верно! Не пропадать же нам тут?! — сказали куропатки. — Лучше будем воевать! Полетели!

Куропатки прилетели к реке и увидели: река не замерзла, а ее берега покрыты ивняком и багульником, голубикой и травой. Они сели и начали кормиться.

Но тут из воды высунулась голова вожака щук.

— Эй, куропатки, почему вы сюда прилетели? Почему клятвенное слово нарушаете? Сейчас же отсюда убирайтесь! Не дам вам ни листьев ивняка, ни семечек кустарника, ни травы. Не дам и в галечнике копаться!

На то куропатка-вожак ответила:

— В нашем крае все занесло снегом, и нам нечем питаться. Не пропадать же нам с голоду. А вы, щуки, живете в воде, вы ни листьев ивняка, ни семечек не едите. Будем мирно жить соседями!

— Я не уступлю добром! — сказала щука-вожак. — Только перебив всех щук — отнимете это место! Будем воевать!

Щука-вожак повернулась, ударила хвостом по воде и уплыла собирать свое войско. Вскоре она привела так много щук, что река от их спин почернела.

Куропатки на берегу стоят: ждут! Луки и стрелы наготове держат.

— Стреляйте щук только в голову! — говорит куропатка-вожак своим. — Если им попадать в спину, то они не умирают!

Войско куропаток пустило стрелы. Услышав щел-

чок тетивы лука, щуки устремились на середину реки. Стрелы куропаток вонзились в спины щук.

Пока куропатки доставали стрелы, щуки приплыли обратно и начали стрелять в куропаток, целясь им в сердце. Куропатки увертывались, подпрыгивали, взмахнув крыльями, и стрелы вонзились в ноги куропаток.

Долго так воевали, но никто не мог победить. Выпустив все стрелы, кончили воевать.

Тогда щука-вожак сказала куропаткам:

— Давайте кончим войну! Летайте где хотите, кормитесь чем вам захочется!

С тех пор стрелы куропаток в спинах щук превратились в вилообразные кости, а стрелы щук в ногах куропаток — в сросшиеся жилистые кости.

ВОРОН И ЛЕБЕДЬ

В старину ворон, летая, увидел лебедя и начал ему расхваливать своих воронят:

— Почему ты, лебедь, не женишься на моей дочери — ведь она краше солнца?

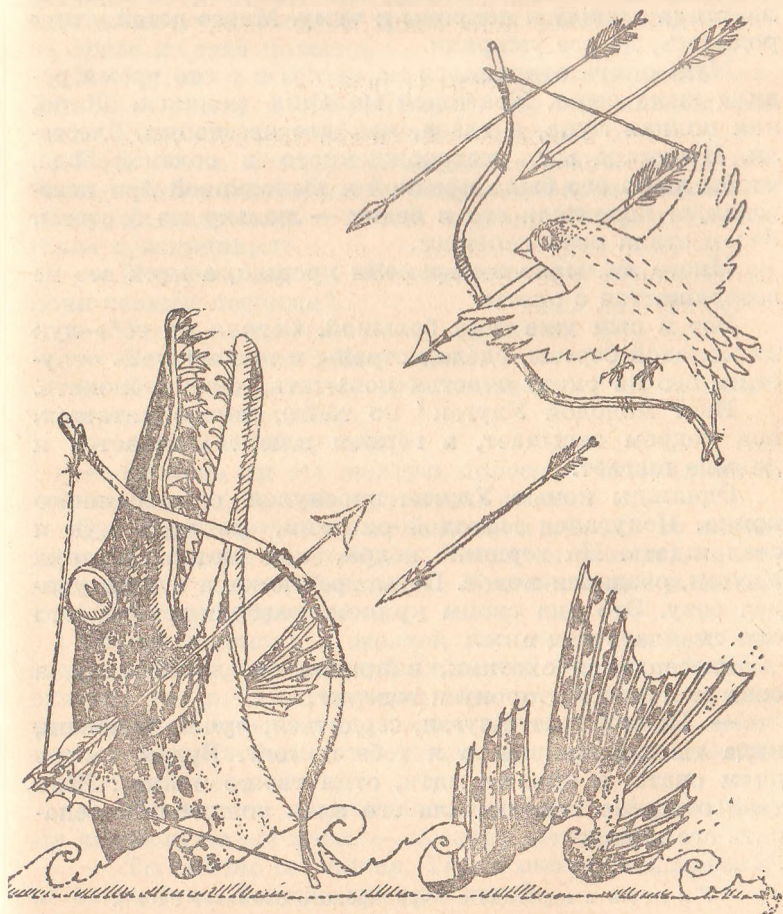
Как-то приходит лебедь к ворону, а там уже готовят свадебный пир. Видит лебедь — а у ворона все дети черные как сажа.

И подумал лебедь: «Говорил ворон, что дочь у него очень красивая, а она очень безобразная».

Но делать нечего — не отказываться же лебедю от данного слова, и он решается жениться на дочери ворона. Несут ему и свадебное угощение — кровяную похлебку. Стал лебедь есть. Только сунул он клюв в похлебку, как клюв его почернел. Тогда он, испугавшись, побежал. А убегая, опрокинул посудину с кровяной похлебкой себе под ноги, и ноги его стали черными. С тех пор у ворона с лебедем не ведется дружбы.

ТОФАЛАРСКИЕ СКАЗКИ

ТЕР-ОКЫШ — ДОЛИНА ЦВЕТОВ

В одном племени жили муж да жена. Муж на охоту ходил, дичь приносил, а жена за оленями смотрела, шила одежду и покровы к чуму. Много детей у них родилось, да все умирали.

Муж опять отправился на охоту, а в это время родила жена сына. Красивый мальчик родился. Лицо, как полная луна, а глаза, как две звездочки, блестели. Искупала мать новорожденного в соленой воде, чтобы кожа его была крепкой и выносливой при невзгодах, и положила его в бедик — люльку из бересты. Затем стала печь лепешки.

Много ли, мало ли времени прошло, а муж все не возвращается с охоты.

Вот и сын уже стал большой. Согнул он себе лук из молодой березы, сделал стрелы и просит мать отпустить его на охоту счастья попытать, отца поискать.

Идет молодой Улугэн¹ по тайге, дичью питается, под кедром засыпает, в горном ключе умывается и дальше шагает.

Однажды ночью Улугэн проснулся от страшного крика. Испугался молодой охотник, натянул лук и стал ждать. На вершине кедра, под которым стоял Улугэн, раздался хохот. Посмотрел юноша туда и увидел сову. Это она своим криком разбудила его, это она смеялась над ним.

Рассердился охотник, направил стрелу на сову, а сова отлетела в сторону и говорит:

— Полно, брат Улугэн, сердиться, лучше вспомни, куда ты направился, а я тебе помогу. Будем теперь днем спать, а ночами идти, отца твоего искать. Жив твой отец, но заколдовала его злая волшебница, спасти его надо...

¹ У л у г э н в переводе с тофаларского означает сова.

Три ночи летела сова, а за ней шагал Улугэн. Три дня сидела сова в дупле, а Улугэн спал под деревом. На четвертую ночь сова говорит Улугэну:

— Сейчас мы будем на заколдованном месте у волшебницы. Она напустит на тебя сон, но ты не спи, а то сам пропадешь и отца не спасешь. Набери себе в карманы острых камней и сучков, подложи их под себя, когда тебя в сон начнет клонить. Ну, а дальше сам догадаешься, что нужно делать, да и я буду рядом.

В полночь Улугэн вышел на поляну. Со всех сторон раздался звон бубенчиков и колокольчиков, слышалась песня. Пела эту песню девушка. Как только раздалась песня, вся долина осветилась. Каждый цветок излучал свет. А среди этих цветов виднелась на траве желтая полоска.

У Улугэна глаза сами по себе начали слипаться. Лег он на траву и тут вспомнил, что ему наказывала сова. Подложил под себя сучки и камни.

Поет песни невидимая девушка, звенят колокольчики и бубенчики. Голова Улугэна совсем упала на траву, да ударилась о камни и сучки. Открыл Улугэн глаза и вскрикнул:

— Кто поет здесь? Кто мешает мне спать среди ночи своими песнями?..

— Это я, — отвечает голос девушки.

— Кто ты такая? Покажись.

— Я не могу сейчас тебе показаться, ты найдешь меня на восходе солнца.

— А как я найду тебя?

— Видишь ли ты желтую полоску? Подойдешь к ней на восходе солнца и увидишь меня.

Тут Улугэн услышал крик совы и понял, что настало время ловить волшебницу. Тогда он вскочил на ноги и пошел к желтой полоске. Колокольчики и бубенчики зазвенели тревожно.

Улугэн подошел к желтой полоске и увидел, что это красивый, блестящий женский кушак. Улугэн схватил его руками, и перед ним очутилась девушка несказанной красоты в желтом платье. Юноша смотрел на нее и забыл даже, зачем пришел сюда. Снова прокричала сова.

— Почему ты не дождался восхода солнца? Почему не послушался меня? — сказала девушка.

— Ты сейчас бессильна. Ты не околдуешь меня. Я не боюсь тебя. Говори, где мой отец?

Девушка стояла и молчала. Тут послышался крик совы.

— Говори, где мой отец? Я разорву твой кушак, и твоя сила пропадет.

— Твой отец здесь, но он слепой. Смотрел на меня на восходе солнца. Тот, кто смотрит на меня в это время, слепнет от моей красоты и моего платья. Отдай мне мой кушак, я приведу тебе отца.

— Нет, ты сначалаvedi сюда отца, а потом уж я посмотрю: отдать ли тебе кушак?

Зазвенели бубенчики и колокольчики. Один красивый цветок раскрылся, покачался, сбросил с себя лепестки, и вскоре перед Улугэном встал охотник, на него похожий.

— Я не вижу тебя, волшебница. Дай мне потрогать свой кушак, он даст мне жизнь,— сказал охотник.

— За тобой пришел сын. Я тебя освобождаю, но ты будешь слепой,— сказала девушка. Обрадовался тот, слезы потекли по его щекам.

Снова прокричала сова. Улугэн посмотрел на долину, увидел много цветов и догадался, что цветы эти — охотники, которых околдовала волшебница.

— Нет, мне этого мало. Освобождай всех охотников. Чтобы ни одного цветка не осталось.

Волшебница рассердилась, но делать было нечего. Все цветы раскрылись, закачались и сбросили лепестки. Стебли стали расти, и скоро перед Улугэном предстали семьдесят семь охотников. Все они были слепые.

Опять закричала сова. Улугэн разорвал желтый кушак, поджег его, а пепел сложил в такшу¹. Снова закричала сова. Юноша подошел к отцу и потер его глаза пеплом. Отец стал видеть. Так он сделал со всеми охотниками. Все они стали видеть. Обрадовались люди освобождению, благодарят Улугэна, хвалят его.

И тут опять прокричала сова. Посмотрел Улугэн на девушку. Сидит на траве красавица в блестящем платье и плачет.

— Что ты плачешь? Ты теперь не злая волшебница, а обыкновенная девушка. Ты красивая, я полюбил тебя. Собирайся с нами, будем жить вместе, я буду твоим мужем.

Улугэн с отцом и девушкой вернулись в свой чум.

¹ Та к ш а́ — деревянная чашка.

Мать обрадовалась сыну и мужу. Девушка тоже понравилась ей. И они сыграли свадьбу, жили все вместе долго и счастливо.

КАК ОХОТНИК НАКАЗАЛ АЗУ¹

Однажды в чум охотников пришел аза. Видит: у очага хлопочет хозяйка. Спросил:

— Где твой сын? Я должен его съесть...

Хозяйка перепугалась. И никого рядом не было — муж и сын находились на охоте, должны были вот-вот вернуться. Узнал об этом аза и сказал, что он еще придет и, как надо, расправится с сыном хозяйки. Сказал и сразу же исчез. Женщина начала плакать и рыдать.

О беде матери юноши-охотника узнал умом своим прозорливым добрый дух — хозяин горы Даг-Эззы, — он всегда помогал людям, желал им только благополучия. И посылает своего помощника Бугулдая к мужу женщины предупредить о несчастье.

Бугулдай обернулся резвым жеребенком и понесся быстрее ветра по горам и долинам, нашел в тайге обоих охотников, отца и сына. Те уж возвращались в свое стойбище.

Узнали отец и сын обо всем, что произошло в их чуме, и заторопились. Думая, что вдвоем сладить с чертом будет трудно, сын посылает старика отца на всякий случай за помощью в соседнее кочевье, а сам идет к своему чуму: авось перехитрит азу.

Матери в чуме не оказалось, она убежала к соседям, а у пустого котла сидел страшный аза и ждал свою жертву, икая от голода. Черт увидел молодого парня, обрадовался и велит ему лезть в котел, да поскорее.

Но юноша-охотник не очень растерялся: экая беда, ведь медведя живого не боится, а тут... И говорит с покорным видом:

— О, почтенный аза, ты же видишь — котел маленький, а я большой и не умещусь в нем. Ведь это только вы, черти, умеете уменьшаться в размерах. Вот если бы ты показал, как это делается, то тогда, может, и у меня что-нибудь бы и вышло.

Аза решил показать этому дуралею, как надо лезть в котел. Мгновенно обкрутился хвостом, умень-

¹ Аза — черт.

шился до размеров котла, поджал копыта и прыгнул в котел.

Парень тут же накрыл его тяжелой крышкой, взял свой лук и стрелы — и мигом из чума. Недалеко от стойбища он вскарабкался на дерево и стал ждать. Едва аза появился под деревом, как юноша вложил стрелу и натянул тетиву лука. Первой стрелой пригвоздил хвост черта к дереву, вторая стрела пронзила ему переднюю лапу, пришив ее к толстому сучку, а третья угодила во вторую лапу. Аза заверещал от боли, но вырваться не смог.

Сын старого охотника спокойно слез с дерева и отправился за отцом и товарищами.

— Посиди тут, подожди, — сказал он, как бы обращаясь к черту. — Торопиться тебе, однако, некуда...

В чуме уже были люди. Мать обрадовалась и не знала, куда посадить и чем накормить сына. По древнему обычаю охотников некрасиво было громко проявлять свои чувства, любопытство и нетерпение. Люди сидели в глубоком и солидном молчании. Они не торопясь ели суп из мяса изюбря.

Отец-охотник вытер губы полой своей оленьей куртки и только сейчас, после еды, спросил сына, как он боролся с азой и чем это кончилось.

— Аза ждет нас тут недалеко от стойбища, — сказал юноша. — Его лапы и хвост пришиты к дереву стрелами твоего сына, отец.

Все тотчас же поднялись, поблагодарили хозяйку за угощение и дружно двинулись туда, где парень оставил азу. Когда старик увидел плененного черта, он подумал про себя, что это хозяин горы, Даг-Эззы, помогает людям, иначе бы паршивый как-нибудь удрал. А сын думал совсем другое: человек не может бояться черта. И не должен совсем бояться-то его.

Аза увидел охотников, заметался, понял, что настал конец его проделкам. А старый охотник сказал:

— Теперь ты знаешь, аза, что люди сильнее тебя, и ты уйдешь с этих мест, чтобы никогда не вернуться, никогда не сделаешь людям зла.

Старик вынул свой верный охотничий нож, с которым ходили на медведя еще его предки, и поглядел на товарищей. Те молча кивнули ему и приготовили свои луки с меткими стрелами. Охотник поднял нож и в три взмаха отхватил азе его лапы, хвост в тех местах, где они были пригвождены стрелами сына. Черт с воп-

лем взвился в воздухе. Вазвенели-зашумели спущенные тетивы охотничьих луков, и несколько стрел угодило черту в зад. Черт с этим оперением из стрел, поджав обрубок хвоста, бросился удирать дальше по тайге. Вслед ему раздался хохот молодых и старых охотников. Долго он еще будоражил окрестные горы.

С тех пор, говорят старики, никто больше не боялся азы и не видел его, только в память о нем осталось название горы, где теперь стоят летние чумы и пасутся олени,— *Чертова гора*.

МАЛЬЧИК И УДАВ

В одном чуме жил мальчик. Он подолгу уходил в лес и бродил там один. Мать и говорит:

— Ты смотри, сынок, не заблудись.

— Нет, мамочка, не заблужусь. Я ведь знаю...

— Ой, сыночек,— отвечает мать,— тайга-то велика, надо хорошо-хорошо ее знать.

— Ладно, мамочка, ладно.

Взрослые были на работе, мальчик поиграл около чума да и подался дальше в лес. Шел-шел, и вдруг показалось, что солнце светит с другой стороны. Мальчик туда-сюда, а чума-то и нет. И деревья кажутся все одинаковыми. Понял мальчик, что заблудился.

Долго ходил он. Устал очень, сел на валежник, отдохнул, а потом опять пошел. Куда — и сам того не знает. Попадаетеся ему отвесная скала, а под нею — глубокая пещера. Мальчик осмотрел ее и подумал: «Будет шибко худо — приду сюда».

Пошел дальше искать свой чум. Шел, шел... Кругом кусты, камни. Стало в самом деле худо. Мальчик вспомнил про пещеру и пошел обратно. Пещера большая и темная. Собрал веток, нашел мох и сделал из них себе постель...

Сидит мальчик один-одинешенек. Всякое про себя думает. Отца и мать жалеет — те, наверное, потеряли его и ищут. Вдруг слышит, кто-то идет. А это, оказывается, лиса. За мышами охотилась, должно быть. Мальчику стало почему-то не по себе, и он запел песню. А пел он громко, красиво, пел о своей маленькой родине и больших друзьях. Лиса остановилась, послушала певца и назад убежала.

На другой день тоже совсем рядом зашуршало, кто-то пробирался сюда. Видит — опять лиса, да не одна, а с волком рядом идет. Мальчику стало не по

себе, и он запел песню. Лиса и волк остановились, послушали юного певца и назад ушли.

Наступил третий день. Мальчик слышит опять чьи-то шаги. Видит — идут к нему лиса, волк и медведь. «Ну, теперь не миновать беды», — подумал мальчик. Стало ему жутко, и он запел родную песню. Лиса, волк и медведь остановились, послушали молодого и смелого певца, поклонились ему признательно и обратно повернули. Снова спокойно стало.

Однажды ночью мальчик спит и слышит: кто-то подкрадывается, ползет к нему. Проснулся и крикнул: «Мама! Папа!..» Никто не откликнулся на его голос. Между тем шорох все ближе и ближе, ничего не видно, кругом темно. Мальчик запел свою любимую песню, и в пещере стало светло, как днем. И тут увидел мальчик невдалеке удава, длинного, как веревка, страшного, сказать нельзя. В ту пору наш край был теплым, зимы не бывало, и на Саянах огромные змеи водились. Они были такими, что запросто проглатывали гуся, барана и даже дикого кабана вместе с его острыми клыками.

Испугался сначала мальчик, а потом взял себя в руки. Знал: слабых тайга не терпит. Здесь хозяин только сильный и смелый. Так еще дед говорил. Мальчик поет песню, и его песня, будто факел, освещает пещеру. А удав не уходит, стоит и смотрит. Мальчик идет к выходу, удав — за ним, так и извивается, катится. Взял мальчик с земли два камня и бросил в удава. Удав расвирепел, зашипел и бросился на него. Но тут мальчик угодил вторым камнем ему в голову и убил змею. Не будь света доброй песни, удав проглотил бы его в темноте.

Подъехали на оленях к пещере люди. Их было много. Всеми стойбищами тофалары искали мальчика. Отец и мать увидели сына и со слезами бросились к нему, стали обнимать и целовать. А мальчик, как ни в чем не бывало, показывает на сраженного им в поединке удава. Люди хвалят и благодарят мальчика.

После этого в нашем крае удава не стало.

ПОЧЕМУ ТОФАЛАРЫ ЖИВУТ В САЯНАХ

Эта легенда о том, почему тофалары живут в Саянах.

— Давно это было, — говорят старики, попыхивая

трубками.— Шибко давно. Когда мы были совсем маленькие, старики не помнили. Когда они на охоту не ходили, старики тоже не помнили. Вот как давно это было. Есть возле Верхней Гутары Сопи-гора. Тогда все горы такие были. На верхушку посмотришь — шею сломать можно! Есть по речке, по Бирюсе, кедрач невиданный и неслыханный — весь в шишках, как шерсть на звере. Тогда везде такой кедрач был. Белку тогда самый умный человек за сто лет никак бы не сосчитал. Ой много белки было!

А тофалары в те далекие времена жили совсем в другом месте, где не было гор и тайги. Жили привольно и счастливо, пока на белом свете не появился белый царь. Он обходился с маленьким народом так же безжалостно и жестоко, как Казыр-река обходится с новичками на своих порогах. И тофалары не выдержали. Однажды, накрывшись сверху громадной шкурой ночи, они ушли в горы, где никогда не бывал ни один человек и где деревья падали на землю только от старости. Они приручили оленей и стали бить зверя, научились ловить рыбу и стрелять белку. На охоте они пели песни, а по вечерам в юртах рассказывали друг другу сказки. Песни были про высокие мрачноватые горы и про дремучую тайгу, которую не может согреть солнце, про работяг-оленей и про мох, которым они питаются, про злую зиму и гостеприимное лето — про все, с чем встречались тофалары в жизни, и обо всем этом часто пелось в одной песне, потому что у нее не было конца. А в сказках если и действовали злые люди, то недолго, и им приходилось плохо, потому что в горах, вздыбившихся на многие сотни километров, очень мало хоженных троп и на них нельзя разминуться добру и злу.

Но недолго продолжалось привольное житье тофаларов. Люди белого царя пришли в горы и отыскивали там маленький народ. Пришлось тофаларам снова платить ясак, тяжелый, как камень на шее утопленника, и бесконечный, как саянская тайга. Но бежать дальше было уже некуда, и тофалары навсегда остались в Саянах.

ЛЕГЕНДА О ГОРЕ АЛАДЫР

Знаете ли вы, что такое «аргунчи»? Это старинная тофаларская игра. Выезжают тофы на летнее пастбище, вместе оленей пасут, перегоняя их с места на ме-

сто в поисках новых пастбищ. А вечерами собирается молодежь в круг, все берутся руками за ремень из оленьей кожи, связанный в большое кольцо. Внутри круга — «водящий». Он старается поймать кого-нибудь, но тот, не отпуская рук от кольца, отбегает в сторону, увлекая за собой весь круг. Это и есть «аргунчи».

До поздней ночи играла однажды на стойбище молодежь. А потом парни и девушки подсели к старику, которого очень любили молодые тофы, — он был лучшим рассказчиком в их селении.

Все просят: расскажи сказку, расскажи.

— Ну хорошо, — говорит старик, — расскажу. Не сказку, а быль. Видите вон ту остроконечную вершину — она и при луне блестит? Почти у самой вершины там есть большая пещера. Говорят, в ней живет сам Хозяин гор. Но не было еще смельчака, который добрался бы до пещеры. Многие пробовали, но только доберутся до половины горы — налетает ветер, тучи появляются, сверкают молнии, хлещут дождь и град.

— Неужто никто не мог залезть? — спросили два брата, стоявшие чуть в стороне от других.

Это были отчаянные, смелые парни.

И сказали эти смельчаки:

— Мы пойдем к вершине. Кто с нами?

— Я! — отозвался третий юноша, которого никто на стойбище не знал.

Настало утро. Юноши пошли к подножию горы. Там попрощались они с друзьями, выломали себе палки покрепче, проверили ножи на поясах и полезли вверх. Отвесные скалы загородили им дорогу. У подножия белели кости тех, кто приходил сюда раньше. И третий юноша дрогнул. А для братьев скалы были игрушкой. Перемахнули они их, как пригорочек, помогли своему товарищу и пошли дальше. Ветер толкал их в бездонные щели, срывал одежду, слепил глаза.

— Я вернусь, — сказал третий и ушел. А братья забирались все выше и выше. Вот уже пройдена половина пути, вот уже видна высоко над головой пещера.

Тогда налетел дождь. Он лил без перерыва, и каждая струя его была, точно ствол кедра. Струи сбивали парней с ног, пенилась в камнях вода, но братья привязались ремнями к скалам, и тучи ничего не могли с ними сделать.

Тогда пришел туман. Братья легли на землю и поползли.

А третий их товарищ с трудом добирался до стойбища. Вдруг он услышал позади глухой шум. Лавина воды катилась следом за ним. Он и вскрикнуть не успел, как вода подхватила его, понесла, ударяя о камни, и выбросила в распадок. Там нашли его пастухи. Когда его спрашивали о судьбе товарищей, он в печали опускал голову. И все решили, что братья погибли.

Но однажды на запыхавшемся олене приехал тофа. Он кричал:

— Они вернулись! Они там, у подножия горы!

Все, кто был на стойбище, бросились к горе. У ее подножия исхудалые, почерневшие братья спали, положив головы на траву. Никто не брался их разбудить. Наконец они проснулись.

— Люди,— сказали они,— там, в пещере, собраны все богатства Саян — и камни драгоценные, и золото, и звери, и птицы, и...

Все взглянули наверх и закричали:

— Бегите!

Но братья не успели убежать. Силы их кончились. Лавина камней погребла двух смельчаков. Братья погибли. Но зато люди узнали тайну пещеры на остроконечной горе. Другие люди — геологи — идут по следу, проложенному братьями, и находят в горах золото и слюду, железо и кобальт... Отступает перед ними Хозяин гор, и растут на берегах поселки приискателей.

ПРО ЗЛОГО ХАНА УЛУЗУНА

В одной юрте жили сестра с братом. Девушка была красавицей. Узнал про нее злой старый хан Улузун и решил взять к себе пятой женой. Брат сказал хану, что он не позволит увезти свою сестру из юрты. Хан рассвирепел и решил дать смельчаку три задачи. Если юноша ошибется — голову долой.

Первая задача — узнать, сколько лет живет заяц. А как спросить у зайца — юноша не знал. В юрту пришел опечаленный. Сестра обо всем расспросила его, а сама рукой махнула:

— Это дело легкое. Вон в долине растет земляника. Беги туда, ложись и слушай.

Юноша лег среди ягод. Вскоре пришел заяц, посмотрел и от радости передними лапами захлопал:

— Шестьдесят три года прожил, а такой ягоды не видел!..

Юноша пришел с ответом. Хан посмотрел в большую книгу: зайцу в самом деле шестьдесят три года! Удивился хан, дал вторую задачу — узнать возраст дедушки-медведя.

Юноша почернел от горя, — никогда с дедушкой-медведем не разговаривал, боялся его. Пришел юноша в свою юрту, а сестра ему говорит:

— Это мы тоже узнаем.

Дала ему три шапки и сказала:

— Иди в долину, садись у горы, одну шапку надень себе на голову, другую — на правое колено, третью — на левое...

Юноша сделал, как сестра советовала. Сидит и покачивается.

Вот идет дедушка-медведь. Смотрит — перед ним трехголовый человек! Дедушка встал на задние лапы, от удивления головой покачал:

— Семьдесят восемь лет прожил, а трехголового человека не видел! Это, наверно, непобедимый силач!..

Юноша пришел к хану и дал ответ. Хан в книгу посмотрел — ответ правильный. Видать — этот парень умный! На таких задачах его погубить невозможно.

И хан сказал:

— Завтра придешь обучать верховой езде моего вороного жеребца с девятью ушами.

Юноша загоревал: никто не ездил на жеребце с девятью ушами. Убьет его дикий конь. Сестра опять успокоила брата.

— Я сделала три железных кнута, — сказала она. — Этими кнутами ты научишь покорности вороного жеребца с девятью ушами.

Утром юноша пришел на ханское стойбище, поймал вороного жеребца с девятью ушами и давай хлестать железным кнутом. Когда кнут исхлестался, юноша увидел, что конь присмирел, седло на него накинул и сам в седло вскочил. Конь взвился на дыбы, хотел наездника сбросить, но юноша стал хлестать вторым железным кнутом.

Конь взбрыкивает, через камни прыгает, а от седока никак не может освободиться. Силы конь теряет.

Когда второй кнут исхлестался, юноша взмахнул третьим. Вороной жеребец заметил новый железный кнут и вскрикнул человеческим голосом:

— Ой, больно мне!..

И тут юноша увидел под собой вместо вороного жеребца самого злого хана Улузуна.

Узнав своего противника, юноша захохотал и сильнее прежнего взмахнул железным кнута.

ГОРНЫЕ ЦЕПИ

Старый орел взмахнул широкими крыльями и снялся с острой и высокой скалы. Пролетел он над Удой, полетел над горами и долинами в поисках пищи. Да, стар он стал. Много жил, много летал над землей. Глаза его стали тусклыми. Немало слез пролил этот старый, но когда-то сильный и смелый орел.

Но память у него крепкая, прежняя. Много помнит и знает старый орел.

Сел он на выступ скалы и задумался. В голове его одно за другим проносились воспоминания прежних лет, как темные волны шумной и быстрой Кара-Бурени¹, несущей свои воды гордой красавице Уде.

Когда-то он был молодым и бесстрашным. Глаза его были зоркие, даже самый резвый заяц не мог скрыться от него. Понравилась ему молодая гордая орлица. В выступе острой скалы, куда никогда не ступала нога человека, заботливо устроили они гнездо и стали жить вместе.

Вскоре орлица вывела птенца. Они вместе носили ему пищу, в непогоду закрывали его большими и теплыми крыльями. Сколько радости было в глазах матери и отца, когда их сын первый раз взмахнул крыльями и полетел!

Однажды ночью под свист ветра затряслась земля, заколыхались, задрожали горы. Со скрипом и стоном падали деревья, рушились скалы. Звери и птицы, которые еще днем были сильными и слабыми, хитрыми и трусливыми, врагами между собой, одинаково гибли, одинаково бежали прочь от разрушающихся гор, спасая себе жизнь.

...Из груди орла вырвался клетот. Глаза его стали влажными. Он всегда плакал, когда вспоминал ту ужасную ночь, в которую погибла его орлица.

Утром солнце по-прежнему ярко осветило землю. Оно улыбалось, грело, сверкало и дарило жизнь.

Измученные страшной ночью и гибелью орлицы

¹ Кара-Бурень — река, впадающая в Уду. Кара — черный; бурен — волк. Тофы переводят как «Черная река». (Примеч. Р. А. Шерхунаева.)

отец и сын полетели отыскивать себе другое место для гнезда.

И вдруг среди развалин хмурых скал молодой орел увидел белую куропатку. Она била крыльями, но не могла взлететь. Орел был голоден, и он бы разорвал ее на части, но вдруг острые глаза его заметили на белом крыле беспомощной птицы капельки крови. Сердце орла сжалось от сострадания к ней: она ранена, она не может улететь.

Куропатка посмотрела на орла. Ни страха и ни мольбы не было в ее глазах. Она ждала смерти, она хотела умереть.

И вдруг она запела:

Хороший друг, ты никогда не придешь ко мне.
О, злая ночь, почему не взяла и меня!..

Орел спросил:

— Почему ты так плачешь? Почему поешь печальную и грустную песню?

— У меня здесь друг лежит. Он погиб сегодня ночью.

— Не плачь, дорогая. У меня тоже мать погибла. Я буду любить тебя, буду носить тебе воду и пищу. Мы будем жить вместе.

— Нет! Я отдана другому. Меня связывают горные цепи¹.

— Ты должна разорвать их,— сказал орел и запел песню. Он пел о страшной ночи, пел о том, что любит белую куропатку, что никогда он не оставит ее одну.

Куропатка сбросила с себя горные цепи, а орел острыми когтями быстро разорвал нити, связывающие их.

Взглянул орел на то место, где сидела куропатка,— нет ее... Перед ним стояла прекрасная девушка с черными глазами. Да и сам он уже не птица, а человек.

Подала девушка ему руку, улыбнулась, и пошли они вместе из развалин искать хорошее место.

...Глаза старого орла опять затуманились. Что он мог сделать? Долго летал он тогда над счастливой парой, защищал их от хищных зверей, помогал на охоте сыну-человеку, которого тоже потерял для себя навсегда.

¹ Горные цепи — украшение из камней, которое жених надевал своей невесте перед свадьбой. Горные цепи связывали этих людей навсегда. (Примеч. Р. А. Шерхунаева.)

Давным-давно это было. Тот, кто рассказывал мне эту сказку, слышал ее от деда, а тот в свою очередь тоже от деда своего.

В распадке меж острых скал и высоких гор, около реки Уды, жил кочующий охотник-тофалар. Звали его Кууламай.

Имел Кууламай лук и стрелы, хранил их в деревянном кобыре¹, который носил за спиной.

Была у охотника жена Маймаяк. Долго они жили вместе, но детей не было, а чужих растить никого не взяли.

Жили в стойбище Кууламая Мунго и Халяй. Мунго вместе с Кууламаем на охоту ходил, дичь приносил, соболя промыслял. А Халяй за оленями смотрела, шила из шкур изюбря и лося покровы к чуму, а при перекочевке вместе с Маймаяк выучила оленей и вела караван.

Кууламай часто горевал, что нет у него детей. Однажды он обратился к шаману:

— Скажи, глубокопочитаемый Мээркпан, почему у меня детей нет? При камланиях ты много видишь, посещаешь верхний, средний и нижний миры. Попроси у Бурхана для меня ребенка. Я ему в жертву оленей отдам...

Надел Мээркпан свой плащ со множеством жгутов, вышитый оленьим волосом и перьями птиц, надел головной убор с перьями от черного гуся, взял бубен, колотушку и начал шаманить. Долго бил Мээркпан колотушкой, прыгал вокруг костра, а потом упал, обессилев. А когда отдышался шаман, стал говорить Кууламаю:

— Найди крыло молодого орла. Из этого крыла я сделаю ээрэн², тогда у вас будут дети.

Кууламай знал две скалы, где жили орлы. С отвесной стороны этих скал были пещеры. Кууламай говорит Мунго:

— Сегодня мы возьмем длинные ремни, залезем на скалу с пологой стороны, а потом ты спустишь меня в пещеру к орлам.

Взяли они ремни и пошли. Поднялись на скалу. Привязался ремнями Кууламай крепко и велел Мунго

¹ К о б ы р — колчан.

² Э э р э н — шаманский пояс.

понемногу спускать его. Так, цепляясь за острые выступы скалы, пробирался охотник до пещеры, где было орлиное гнездо.

Как только ослабили ремни, Мунго почувствовал, что Кууламай добрался до места. Тогда Мунго бросил ремни, а сам спустился со скалы и пошел к стойбищу.

Давно он хотел погубить Кууламай, забрать его оленей и жениться на Маймаяк, — с ней был уже в сговоре, но все никак не мог решиться. Теперь надеялся, что Кууламай умрет в пещере без пищи и воды.

Пришел Мунго на стойбище и рассказал, что сорвался Кууламай в пещеру и разбился.

Вскоре Маймаяк вышла замуж за Мунго, а мужа совсем забыла и вспоминать о нем не хотела. Только одна Халяй не верила словам Мунго и чувствовала сердцем что-то неладное.

Наступило лето. Жара донимала и оленей, и людей. Мунго перекочевал в горы, где летом всегда бывает прохладно.

Кууламай в это время жил в пещере с орлицей и тремя маленькими орлятами. Сначала орлица хотела сбросить его вниз, ведь она знала, зачем пришел сюда этот человек, но посмотрела ему в глаза и раздумала. Она приносила кабаргу, зайцев, глухарей. Кууламай разрывал их на куски и делил на равные части. Во время дождя он подставлял ладони под скалу, собирал капли и пил их. А в сильную жару, когда скала была суха, он лизал пот, который появлялся у носа орлят. Орлица приносила в клюве капли речной воды, но их было мало, и Кууламай всегда хотел пить.

Пришла уже осень. Стало холодно. Олени не могли доставать ягель из-под глубокого снега. Мунго перекочевал вниз, на прежнее стойбище.

А Кууламай все еще был жив и надеялся как-нибудь выбраться из глубокой пещеры. На его глазах вырастали орлята. Они уже научились летать и сами приносили человеку пищу.

Однажды утром Кууламай взял ремни, привязал себя крепко к орлятам и прыгнул вниз. Сначала он падал как камень, но потом орлята взмахнули крыльями и вытащили его наверх. Посадили орлята Кууламай на полянку, где паслись в это время олени. Охотник отвязал ремни от своих друзей, поблагодарил и попрощался с ними. Огляделся он вокруг и узнал своих оленей.

Но олени испугались заросшего бородой, тощего че-

ловека и кружившихся над ними орлов и побежали к стойбищу. Увидела девушка Халяй животных и пошла узнать, почему они испугались и бегут к чумам.

Вдруг раздался свист. Халяй от неожиданности вздрогнула и посмотрела в сторону. Под скалой стоял человек, худой, как палка, и махал ей рукой. Это был Кууламай.

И тогда Халяй узнала о хитрости и коварстве Мунго, о том, как и где жил Кууламай. Она согласилась помочь ему.

На следующий день Мунго собирался перекочевать на Эмдэк¹. Когда выучили оленей, Халяй оставила хэшь — колчан со стрелами и лук под раскидистым кедром. Мунго тронулся в путь.

Как только кочевники отправились на новое место, к стойбищу подошел Кууламай. Он нашел под кедром колчан, лук, свежие лепешки, испеченные в золе, кусок мяса и туес с оленьим молоком. Кууламай поел, попил и взялся за лук. Попробовал натянуть тетиву, но она была ослабленной. Подсушил ее на солнце, и тетива стала крепче.

Шел он следом за кочевниками и думал: «Кто со мною биться вздумает, тот потеряет голову». Рано утром, когда Мунго и Маймаяк еще спали, Кууламай вошел в их чум.

— Ну, Мунго,— говорит он,— настал час расплатиться. Ты должен умереть!

Мунго соскочил, схватил лук и стрелы, но выстрелить не успел. Стрела Кууламая опередила его — вошла ему под лопатку. Маймаяк вскочила на ноги и закричала:

— Не убивай меня! Прости! Я ничего не знала...

Кууламай выстрелил. Маймаяк упала.

Потом Кууламай и Халяй стали жить вместе. У них было много детей. Все они стали хорошими охотниками, образовали род Конзок-Тар — род Олохой (ныне Болхоевы).

А гору Мэдэк старые тофалары до сих пор называют Маймаяк кышкырган, что значит «Кричащая Маймаяк». Сопку, вершину Мэдэка, люди называли Хэштих бэдик (Колчанная высота).

Такова наша сказка.

¹ Э м д э к (М э д э к) — название горы.

ВЕЧНЫЕ ЛЮДИ И ЖИВАЯ ВОДА

В прежнее время по краю нашей земли ходил один человек. Увидел большое болото, через которое зверь не переходил, птица не перелетала.

Человеку интересно знать — какая земля за болотом, какие звери и птицы водятся. Разбежался он и перескочил через болото.

За тем большим болотом наш человек увидел — стоят оседланные зайцы. Тут же из-под земли показались маленькие вечные люди, которые ездили на этих зайцах. Вечные люди нашему человеку рассказали:

— Появился на нашей земле хищный зверь — соболь, поймал одного из вечных людей и перегрыз ему горло. — Ты охотник? Убей нам того соболя.

Наш человек пошел на охоту, убил хищного соболя и принес вечным людям. Вечные люди обрадовались.

— Ты сделал для нас доброе дело. Мы тебя отблагодарим — привезем тебе живой воды. Иди в свою землю и жди нас.

Наш охотник вернулся в свою долину и рассказал всем родственникам, что скоро к ним приедут в гости вечные люди и привезут всем для питья живой воды. Все люди будут вечными.

Стали ждать гостей. Наши женщины пошли рубить дрова для костров. Видят — едут маленькие вечные люди на оседланных зайцах. Нашим женщинам стало смешно, и они захохотали:

— Глядите, глядите, какой у них скот! Какие они сами малюсенькие!..

Вечные люди обиделись и решили не давать нам живой воды. Они выплеснули ее на деревья — на кедр, ель и сосну. А сами уехали за большое болото, в свою землю.

С тех пор кедр, ель и сосна все время стоят зеленые. Это от вечной — живой воды.

СОХАТЫЙ И КАБАРГА

Встретились в тайге сохатый и кабарга. Сохатый говорит:

— Почему ты такая маленькая, лопоухая? Ты портишь своим видом наш могучий олений род!

Кабарга, пушистая и мохнатая, поглядев на сохатого снизу вверх, отвечает:

— Ты такой большой, а если подсчитать, то у тебя волос меньше, чем у меня...

Сохатый был уверен, что больше его по величине нет зверя во всей тайге. Он вдруг как-то подтянулся, напружинился, выше поднял голову, и рога мощно взлетели ввысь, к небу.

— Э-э, чего захотел, малыш,— небрежно бросает он.— Конечно, можно и проверить...

Стали проверять-считать, у кого больше волос — шерсти. Считали день, считали два, считали долго. И оказалось, что у кабарги на пять волос больше.

Сохатый рассердился и поднял переднюю ногу, чтобы ударить кабаргу. Но та успела отскочить, и копыто великана лишь задело ее сзади — так и осталась там небольшая выемка.

Кабарга с презрением посмотрела на сохатого и ушла от него с достоинством.

КЕДРОВКА, КОМАР И КОСУЛЯ

Однажды встретились кедровка, комар и косуля. Комар, навязчивый и надоедливый, решил пооткровенничать. Говорит кедровке беззастенчиво:

— У твоих птенцов, когда они только вылупятся из яиц, нежных и слабых, я буду сосать кровь...

Подвижная и пушистая кедровка ударила по ветке дерева прямым и острым клювом, грозно взъерошилась перед комаром:

— Это тебе не удастся сделать — мои птенчики уже в апреле летают, а ты в это время будешь лежать под снегом.

Комар рассердился и перелетел поближе к косуле. Говорит ей:

— Когда у тебя появятся новые рога, мягкие и сочные, вот уж я буду сосать из них свежую кровь...

Косулю словно ужалило, она вся подтянулась, выпрямила красивые тонкие ноги, подняла чуткие уши, нахмурилась:

— Нет, этого тебе не удастся сделать. В феврале у меня уже отрастают новые рога — к маю они крепкие и твердые, как железо. А ты будешь в это время совсем слаб, и пицать не сможешь...

Комар рассердился, потому, говорят, летает вечно недовольный и гнусавит.

КАК БЫЛ НАКАЗАН МЕДВЕДЬ

Раньше медведь никому житья не давал. Большой и сильный, он то громко рывкнет, не на шутку напугает кого-нибудь, то нечаянно, неуклюжий, придавит насмерть маленьких зверюшек и птиц, то ломает деревья и разорит гнезда, сделанные обитателями леса с превеликим трудом и упорством. Многих обижал и не давал им покоя.

Попытались как-то звери подсказать и унять хозяйина тайги. Ну, куда там, и слушать их не стал. «Не учите меня,— ответил он,— я сам знаю... Что хочу, то и делаю...»

Стояла середина октября. Саянская осень сняла с деревьев пожелтевшие листья и шумом холодного ветра призывала всех готовиться к зиме. Впереди — не легкая пора года.

И вот звери задумались: как быть дальше с медведем? Если он так же будет вести себя, то добра от него не жди, будет худо. Со всей тайги дружно собрались на свой суглан¹ звери, животные, птицы, заполнили поляну, сели на деревья, камни, пни, и было их видимо-невидимо. Собрались решать, что делать с грубияном.

Устроили суд над медведем. Судьей избрали сохатого. Много обид высказали большие и маленькие звери — каждый из них говорил, и стоял такой шум, что, казалось, поднялся ураган небывалый. Медведь такого в жизни не видел, — он сжался, стал каким-то маленьким и жалким. Вынесли приговор — наказать медведя, чтобы он был в заточении всю зиму.

С тех пор косолапый зимой не ходит по тайге, а ложится в спячку в наказание за свою грубость.

И намного он присмирел.

Звери сказали:

— Надо жить мирно!

ГЛУХАРЬ И ЩУКА

Стоял теплый летний день. Дул небольшой ветер. Наклоняясь друг к другу, ласково вели между собой разговор сестры-березы, братья-кедры, богатое и славное семейство сосен и лиственниц. Шумели водопады. Петляя и огибая горы, бежали по долинам и распад-

¹ Суглан — съезд, совет.

кам реки. Яркими серебряными чашами сверкали озера.

Встретились глухарь и щука. Щука, сильная и хищная рыба, важно посмотрела на него и говорит:

— Вот вы все по лесу летаете, а я только по воде плаваю. Хотя у вас крылья, но мои плавники лучше: я быстрее вас передвигаюсь...

Глухарь удивился, отвечает хвастунье:

— Ну что ж, давай попробуем силы: кто раньше будет вон у того места,— и показал на большой камень, торчавший из воды на противоположном берегу озера.

Начали состязание. Глухарь прилетел раньше и сидит на камне. Щука опоздала. Рассердившись, она выстрелила в глухаря и попала в его ноги.

Оттого у глухаря ныне кости ног будто расщепленные, сросшиеся после раздробления.

И еще тофалары говорят: не берись спорить там, где не надо, останешься в дураках. Всему свое место на свете.

ВЕРБЛЮД И ПИЩУХА

У нас в Тофаларии, недалеко от Алыгджера, есть Тэбэоя (Верблюжья гора). И рассказывают люди про нее такую сказку.

Верблюд попал из степных просторов в Саяны: он выносливый, ходкий, любит путешествовать.

Шел-шел верблюд и остановился. В тайге быстро темнеет и наступает ночь. Но он не ложится спать, а все чего-то ждет и смотрит. Выходит кормиться горная пищуха — маленький зверек, не больше бурундука. Видит — стоит огромное, похожее на соседнюю гору, животное. Спрашивает:

— Чего вы караулите?

— Караулю солнце, когда оно взойдет,— отвечает верблюд.

— Так вы не увидите. Я вперед увижу солнце.

— Ишь какая умная...— поднял голову верблюд.— Ты же маленькая, сидишь в траве и не видно тебя. А я высокий, большой, вперед увижу солнце.

Заспорив, верблюд и пищуха ждут восхода солнца, кто первым увидит его. Верблюд смотрит на восток, а пищуха — на запад, на вершину Кок-Тэгэр (Травяного хребта). Вот она засверкала, заиграла, осветилась сиянием восходящего солнца. Пищуха с радостью кричит:

— Я вперед увидела солнце!

Верблюд медленно, нехотя повернул голову и увидел отражение лучей солнца на вершине Кок-Тэгэр.

От злости и обиды он ударил ногой пищуку, да промахнулся, задел лишь ее шею.

С тех пор у пищуки голова повернута вверх, глазами она смотрит на небо.

ПОЧЕМУ ОБИДЕЛИСЬ КОСУЛЯ И ИЗЮБРЬ

Было это давным-давно. У одного человека жили косуля и изюбрь. Прежде они были домашними животными. Тихие и мирные, они паслись вместе с овцами и коровами вокруг стойбища, в долинах и у подножий гор.

Человек доил коров, и было у него много молока. А косуля очень любила молоко. Приходила к чуму, нюхала и сразу же направлялась к торхо — деревянной посуде, куда сливалось свежее молоко. Хозяин никак не мог отогнать косулю. Потом он рассердился, взял из торхо черпалку и ударил ею по хвосту косули. Задняя ее часть стала белой.

Косуля пошла жаловаться к изюбрю.

— Посмотри,— говорит она,— что у меня сзади?

Изюбрь увидел белое пятно. Советует ей:

— Больше не ходи к человеку, не надоедай.

Изюбрь и косуля пошли вместе гулять по лесу, щипали траву, потом вернулись к чуму. Изюбрь еще издали почуял приятный запах: хозяин месил тесто, чтобы испечь хлеб. Изюбрь не выдержал, потянулся — уж очень любил мучное. Человек взял мутовку и ударил ею изюбря сзади. У того вокруг хвоста появилось широкое желтое пятно.

Животные обиделись.

— Хозяин не любит нас,— сказали они.— Теперь мы никогда к человеку не подойдем. Уйдем и будем жить в тайге.

Так они опять стали дикими животными.

ХУН-КЫЗЫ

У нас есть маленькая-маленькая мышь, ее зовут Хун-кызы, что значит по-русски «Солнечная девочка». Живет она у озера, хорошо ныряет и плавает в воде.

Как-то Хун-кызы встретила с медведем. Медведь посмотрел на нее свысока и говорит:

— Уродится же такое маленькое существо! Как только живешь, в чем держится душа? Что ты умеешь делать?..

Мышь-малютка не растерялась и совсем не испугалась зверя. Отвечает:

— Я все могу делать. Хочешь, попробуем силы — кто быстрее переплывет это озеро.

Медведь, конечно, не мог отказаться: смешно ведь.

— Давай! — говорит он.

Оба бросаются разом в воду. Состязание, значит. Маленькая мышь плыла-плыла и скоро оказалась на том берегу. А медведь, грузный, тяжелый, как камень, барахтался в воде и чуть не утонул. Вышел обратно на берег. Рассердился и бежит кругом по берегу на ту сторону. Думает: «Как же так получается, мышь-малютка переплыла озеро, а я, такой здоровый, не смог». Мышь сидит и смеется. Ну, этого не хватало. Медведь еще больше рассердился. Буркнул:

— Не хочу и смотреть на тебя, — и убежал со стыда и злости в лес.

* * *

Тофалары и говорят: из всех зверьков и грызунов самый проворный — мышь. И еще — высокомерие и самоуверенность — не от ума.

ИЗЮБРЬ И СОХАТЫЙ

Торопливо шагал по Саянам сентябрь. Дни стали короче, ночи — длиннее и холоднее.

Сохатый слышит: всю ночь изюбрь громко кричит, издает призывные звуки, мешает спать. Животные и звери тоже, как и люди, дают друг другу о себе знать, зовут, встречаются, беседуют между собой, нежатся и ласкаются. «Подожди, — думает сохатый, — завтра встречусь и поговорю с тобой...»

На другой день утром сохатый пошел на водопой и тут встретился с изюбром. Говорит:

— Ты чего, друг, всю ночь кричишь?

— А как же, зову к себе подругу, потерялась она где-то, — отвечает изюбрь. Постоял он немного и решил объяснить сохатому: — Думаешь, выдаю себя своим криком? Э-э, нет. Как бы я ни кричал, у меня есть

жир в ногах, в них — моя сила. Никакой зверь не догонит... А ты чего стоишь? У тебя, посмотрю, нос такой раздутый, губа толстенная, опущенная...

Сохатый решил не давать себя в обиду:

— Как бы я нос ни раздул и губы ни опустил, в них — моя сила. Я слышу запах врага за сотни шагов и могу бежать без остановки через весь горный перевал...

Сохатый и изюбрь разошлись. Каждый из них говорил о том, чем он жив бывает: у одного могучие ноги, а у другого — крепкий нюх и легкое дыхание¹.

КЕДРОВКА

Тофалары давно заметили — в тайге среди деревьев кедр живет, пожалуй, дольше всех. Он видел и знает, что происходило вокруг за целые пять веков. Вот, брат, какой он долгожитель! Кедр тянет высоко вверх свою густую крону с сильными ветвями и вечнозелеными листьями. Его не обхватить руками — такой он большой, толстый, крепкий. Стройный и гордый красавец кедр под стать нашим могучим Саянам. Огромные горные массивы заняты сплошными кедровыми лесами. Дары их обильны — кедровые орехи идут на питание и людям, и зверям, и птицам.

У кедра есть добрый друг, его так и зовут кедровой. Это — птица особенная и благородная. Большая труженица. Она имеет защечные мешки, что твоя сумочка, и собирает туда орехи, а потом надежно, в запас, прячет их в землю по всей тайге. Там, где работает неутомимая сеятельница, и вырастают вековые деревья.

Маленькая птичка делает большое дело.

¹ Сказочник как бы в примечании к рассказанному произведению сообщил, что мясистые губы сохатого — самое вкусное кушанье, его подают у тофаларов обычно почетным гостям. Костный жир изюбря также очень питателен и вкусен. (Примеч. Р. А. Шерхунаева.)

ШОРСКИЕ СКАЗКИ

ТЕМИР-ТАУ — ЖЕЛЕЗНАЯ ГОРА

Было это давным-давно, когда тайга и горное эхо, златорогий олень и пушистый соболь не слышали еще выстрелов из ружья, не знали лязга железных капканов...

Стрелы и лук, деревянный силок — шергей — вот и всё, с чем охотник шел на зверя и птицу.

В тайге, на берегу быстроструйного Мрас-Су, жили трое братьев-охотников — шор-анчи. Добыча двух братьев была богатой — белка и соболь будто сами набегали на охотников. А третьему брату удачи не было. Он возвращался в свой шалаш с пустой сумкой. Питался лишь кореньями кандыка и стеблями ревеня.

«Видно, хозяин тайги на меня прогневался», — думал охотник и остатками пищи угощал своего деревянного божка Шалыга — злого духа тайги. Недаром когда-то добрый Ульгень загнал Шалыга под землю вместе с его женой и камнем тяжелым завалил выход из подземного мира. Но под землею Шалыг породил сына-богатыря, и сын отвалил камень. Вновь на земле появился Шалыг, с тех пор он еще злей стал.

Сын Сарыг-хана
С палкой из желтой акации,
С желтой бородой,
С выпуклыми желтыми глазами,
Почтенный хан Шалыг,
За что на меня гневаешься,
Почему удачи меня лишил?..

Так уговаривал шор-анчи злого божка. Остатками чая он брызгал на костер, чтобы и Мать-огонь на него не гневалась. Но после молений не приходила удача к охотнику. Совсем опечалился шор-анчи. Однажды ночью, большой костер разведя, он сидел и, тоскуя, играл на комысе¹, печально пел:

¹ К о м ы с — струнный музыкальный инструмент.

Из кедра сделанный мой комыс разохся,
Скоро совсем развалится.
Голос мой тихий скоро умолкнет.
В землю лицом упаду я...

В полночь по тайге ветер пронесся. Возле костра шор-анчи незнакомый человек вдруг появился — с зелеными волосами, с зелеными глазами и в каменных сапогах. Незнакомый пришелец у огня присел и сказал:

— Пой свои песни, я посижу послушаю.

Охотнику стало страшно, но он потихоньку запел.

— Птицу и зверя ты не можешь добыть, оттого и печалишься, — сказал незнакомец. — Пойдем со мной — богатым будешь...

Охотник пошел за ним. Они поднялись на вершину одной горы, перед ними каменные двери открылись. «Видно, это Хозяин гор», — подумал охотник и совсем испугался.

Хозяин гор его внутрь горы повел. Пришли они в подземный дворец. На одной половине его много висело шкур собольих, лисьих и горностаевых, на другой половине грудами лежали блестящие камни. А посредине стоял большой котел, наполненный хмельной водой. Хозяин гор, угостив охотника жгучей водой, взял большой мешок, насыпал в него блестящих, красных, как кровь, камней и сказал:

— Этот подарок мой даст тебе силу и славу.

Охотник же глядел на звериные шкуры и думал про себя: «Если бы дал он хоть немного этих мехов, я сразу разбогател бы. Зачем мне камни? Разве камни дают богатство?»

Хозяин гор дал в руки охотнику второй мешок и велел его наполнить мехами. Шор-анчи набил мешок собольими шкурками — на стенах дворца их не убилося.

— Унесешь ли оба мешка? — спросил Хозяин гор.

— Разве я не мужчина, чтобы не унести, — унесу! — ответил охотник.

— Смотри, мешок с камнями не бросай, камни тебе великую силу дадут, — сказал Хозяин гор и вывел охотника из подземного дворца.

«Мне бы меха до своего стойбища донести, зачем я эти тяжелые камни буду тащить на себе, разве их мало в горах, всегда смогу набрать сколько угодно!» — подумал охотник и по дороге бросил мешок с камнями.

На свою землю придя, охотник пушнину распродал, сразу богатым стал, сам торговать начал разными товарами. О мешке с камнями даже не вспомнил, никому о нем не сказал. Сам на охоту ходить отвык — ему приносили свою добычу бедные шор-анчи в уплату долгов. Из охотника он превратился в купца.

Хозяин гор, найдя в тайге мешок с подаренными им камнями, сильно разгневался на охотника, мешок в горы унес и снова глубоко под землю упрятал. По дороге он обронил один камешек.

Однажды один молодой шор-анчи, блуждая по тайге, на этот камешек наткнулся, подобрал его. «Такого тяжелого и красного, как бычья кровь, камня мне еще не доводилось видеть и поднимать», — подумал шор-анчи и принес его в свое стойбище.

Увидев этот камешек, люди тоже удивились. Решили испытать его огнем.

Молодой охотник бросил камень в жаркий очаг, и скоро из раскаленного добела камня потекла огненная жидкость. А застыв на земле, она стала гибкой и твердой и больше не плавилась.

Тогда люди и поняли, что это был камень, рождающий железо, из которого все можно сделать: и топор, чтоб дерево рубить, и котел, чтобы в нем пищу варить, и наконечник для стрелы, чтоб зверя и птицу добывать, и много других полезных вещей.

Люди отправились к горе, возле которой охотник подобрал чудесный камень, стали долбить и рыть эту гору, ища железо. Хозяин гор, услышав это, рассердился, еще глубже свои богатства запрятал, сплошным камнем завалил, перед которым бессильны были людские руки. Но люди продолжали упорно долбить гору, рыть ходы в глубь ее недр. Хозяин гор на людей сильные ветры напустил, чтобы с гор их смахнуть, обвалы каменные с вершин на них не раз обрушивал, — ничем не мог заставить людей отступиться, бросить поиски. Они все-таки добрались до подземной кладовой, таившей камень, рождающий железо.

И гору эту называли Темир-Тау — Железной горой.

Хозяин гор, силу и упорство людей увидев, свое бессилие пред ними понял; зверей и птиц своих собрал и в глубь тайги от Темир-Тау увел. А может, и совсем куда-то запрятался, потому что люди перестали в него верить и не боятся его.

А у подножия Темир-Тау теперь гремит огненный город, из которого течет огненная река железа.

КАК СОЗВЕЗДИЕ КАН-ЕРГЕК ПОЯВИЛОСЬ

В прежние, давние времена на земле богатырь жил, звали его Кан-Ергек, ездящий на бело-сивом коне. Однажды Кан-Ергек на своем бело-сивом скакуне, с девятью своими охотничьими собаками, за могучим ветвисторогим лосем погнался. В погоне три раза всю землю обскакал, настигать лося стал, из лука прицеливаться в него начал, собаки в задние ноги лосю уже вцепиться норовили. И тут лось могучим прыжком в небо взвился. Кан-Ергек на своем коне, с тремя собаками, вослед лосю в небо прыгнул.

На небе продолжалась погоня. Лось как на крыльях мчался. Бело-сивый конь под богатырем запалился, от лося отставать стал. Кан-Ергек с коня спрыгнул, тот повалился с ног и в звезду неподвижную превратился. Богатырь, рассердившись, из лука стрелу в лося пустил, на бегу его поразил, и лось звездой на небосклоне замер. Сам Кан-Ергек, три его гончих пса и стрела, пронзившая лося, тоже звездами на небе засияли. Так и появилось созвездие, которое зовут на земле Кан-Ергеком (Орионом).

АНЧИ АБЫШКА И КАРА-МОЛАТ¹

Давно-давно жил в густой тайге старый охотник по имени Абышка, жильем ему был шалаш из молодых деревьев. Со старой женой своей жил анчи Абышка бездетно и одиноко. Весь век свой прожив в тайге, они ни разу людей не видели, не знали, что кроме них еще на свете много людей живет.

Анчи Абышка у подножия Черной горы охотился: сорок шергеев² имел на зверей, сорок силков³ ставил на птиц, а в Белом озере тридцатью мордами⁴ рыбу ловил. Так они со старухой и жили.

Однажды анчи Абышка свои силки посмотреть пошел и видит — все силки уничтожены. Анчи Абышка перепугался. «Весь век свой охотился в этой тайге, ни разу такой беды не случалось», — подумал старик. Силки кое-как поправив, анчи Абышка к Белому озе-

¹ Кара-Молат — Черная Сталь.

² Шергей — ловушка для зверей.

³ Силки — петли из жил или крапивных ниток для ловли зверей и птиц.

⁴ Морда — снасть для рыбной ловли.

ру отправился, на морды взглянуть. К берегу подошел и видит — все морды его кем-то из воды выброшены, переломаны.

— Экое диво! — совсем старый анчи встревожился.

Снасть разрушенную починил, опять в воду поставил.

Домой без добычи вернулся, старухе своей говорит:

— Великое диво я видел, большая беда к нам нагрянула. Весь век я в тайге прожил, такого несчастья со мной не случалось. Или какой-то дикий зверь появился, чтоб нас с тобой сожрать, или смерть наша приближается и нас поторапливает век доживать. Все мои снасти кто-то разрушил...

Старушка горько заплакала: видно, не будет больше житья в тайге, видно, придется от голода умереть. Вместе старики загоревали. Три дня прошло, снова анчи Абышка пошел силки осматривать. Опять все силки испорчены. К Белому озеру пошел — все морды кто-то опять переломал и на берег выбросил.

Стоя на берегу, бедный анчи заплакал, слезы на грудь ему падают.

«Что я теперь старухе скажу? — старик думает. — Пищи у нас нет, добывать зверей и птиц теперь нечем. Большое горе на голову мне свалилось...»

Вышел старик на яр, сел и думать стал о своей судьбе.

Вдруг под яром он голос тихий услышал. Насторожился анчи, ушам своим не поверил: если голос принадлежит человеку, откуда здесь человеку взяться? Если зверь какой-нибудь близко — звериных таких голосов анчи никогда не слышал...

Абышка, ружье наготове держа, стал с яра спускаться к воде. И тут он большую нору увидел, на зев печи похожую. Из норы прежний голос слышится. Старик к норе тихонько подполз, в нору заглянул — ничего не видно. Незнакомый голос тотчас умолк. Анчи в сторону отполз, стал за норой наблюдать. Снова голос из норы послышался.

«Наверное, этот мошенник мои силки попортил? Сейчас я с тобой разделаюсь», — анчи Абышка подумал. В нору ружье нацелив, приблизился, громко крикнул:

— Эй, человек ты или зверь, выходи, не то стрелять буду!..

Снова в норе стало тихо.

— Выходи, еще раз говорю. Сейчас стрелять буду! — опять анчи закричал.

Тут из норы показалось что-то черное, мохнатое — медвежонок выполз и вдруг по-человечьи заговорил.

— Погоди, погоди, анчи, не стреляй, — медвежонок сказал. — Зачем ты в меня нацелился? Лучше с собой уведи, может, тебе пригожусь когда-нибудь...

Старик, удивленный, ружье опустил.

— Раз ты со мной хочешь идти, впереди иди, я дорогу буду указывать, — анчи Абышка сказал.

Когда старик с медвежонком в шалаш вошли, старуха испугалась, закричала и в темный угол запряталась.

— Не бойся, старуха, — Абышка сказал. — Хотел я его застрелить, а он в сыновья к нам напрашивается, помогать нам в работе хочет. Нам, старым, подмогой будет...

Медвежонок сразу повеселел, ласково говорит:

— Не бойся, мама, меня, хоть я и медвежью шкуру имею, но от человека родился. Отец мой проклял меня, и я в медвежонка превратился, среди зверей обречен был жить. А мне с людьми веселее. Вы бездетные, лишним в семье не буду, что прикажете — все буду делать...

Согласились старик со старухой его в сыновья взять.

— Живи с нами, дите, — анчи Абышка сказал.

Вечер настал. Медвежонок, как щенок, у порога заснул.

Утром чуть свет медвежонок поднялся, что-то сам с собой залепетал, потом старику говорит:

— Ну, отец, пойдя взгляни вокруг шалаша, черный туесок там найдешь, сюда его принеси.

Анчи Абышка из шалаша вышел, кругом его обошел и черный туесок нашел. Никогда здесь этого туеска не было. Старик в шалаш туесок принес. Медвежонок ему говорит:

— Теперь три раза по туеску постучи, крышку сними и скажи: «Сколько кушаний есть в тебе, все выкладывай».

Так старик и сделал. Посреди шалаша вдруг белая скатерть раскинулась, на скатерти множество кушаний появилось, да все такие, каких анчи никогда и не пробовал. Только молока куриного нет, а вина и кушаний сколько хочешь.

— Мои отец и мать, что вы на пищу глядите, за еду не принимаетесь? — медвежонок старикам говорит. — Теперь, мой отец, на охоту тебе ходить не придется, снасти в Белое озеро закидывать незачем. Ешьте сколько угодно, еды не убавится, на всю жизнь хватит...

Сели старик со старухой по одну сторону скатерти, сын их приемный — против них. Пир богатый в шалаше начался.

Сколько ни ели все трое — кушаний не убавилось.

— Пусть твой век долгим будет, приемный наш сын, — медвежонку они говорят. — Богатой пищей ты нас угостил. Хоть и звериную шкуру имеешь ты, а ум, видно, у тебя человеческий. Сердце, видать, у тебя доброе...

До ночи старик со старухой радовались, веселились, так и не кончив еды, не подымаясь с места, уснули. Утром, проснувшись, опять за еду принялись, снова до вечера пировали.

На третий день пробудились утром, видят — кушаний как не бывало, черный туесок кружком плотно закрыт. Старики встревожились.

— Эзе, эзе, мой отец и моя мать, — медвежонок их успокаивает, — когда захотите есть — снова туесок откроется. Я среди зверей и птиц вырос, с друзьями надо мне повидаться. После еды туесок закрывайте, без меня никому туесок не показывайте, никого едой из него не кормите. Три дня меня дома не будет, по земле родного отца моего похожу.

Старик со старухой медвежонка проводили, вдруг у них на глазах он исчез, сказать, что убежал, — звука шагов старики не слышали, сказать, что улетел, — хлопанья крыльев не слышали. Как в землю провалился.

Вдосталь насытившись, старики из шалаша вышли и видят — красавец конь вороной к шалашу спешит. На коне человек незнакомый сидит, такой же сморщенный и седой, как сами анчи и старуха. Едет старик с закрытыми глазами, еле в седле сидит, качается, руками за гриву коня держится. В богатые одежды старик одет. Лицо у старика суровое. Конь, словно боясь уронить его, не бежит, а плывет: спина коня не шелохнется. К шалашу всадник подъехал, остановился, глаза открыл и сказал:

— Ну, теперь, может, и живым останусь, а то совсем умирать собрался. — Вздыхнул тяжело старик и с

просьбой к анчи Абышке обратился: — Дай приют мне в твоём шалаше, накорми скорей, от голода я умираю...

Сняв старика с коня, анчи Абышка со старухой его в шалаш ввели, постель ему приготовили и на нее старика положили. Незнакомец тотчас уснул, немного поспал и, проснувшись, еды попросил.

— Век свой охотой кормился я, — анчи Абышка ему говорит, — теперь удача мне изменяет, нечем, путник, тебя покормить.

Со слезами пришелец пищу выпрашивать стал. Абышку стоны старого человека разжалобили, у старухи глазами совета он спрашивает. Сердце старухи не выдержало. Из темного уголка анчи волшебный туесок вытащил, прячась от старика, открыл. Из туеска разной пищи вынул и подал плачущему старику. Полдня ел старик — вдоволь насытился, сразу помолодел и повеселел. У анчи Абышки спрашивает:

— Кто ты такой, хозяин, что столько пищи имеешь?

— Бедный анчи Абышка, в черной тайге живущий, — анчи отвечает.

— Слышал я о тебе, Абышка, — старик говорит. — А я Чашкан, хозяин этой тайги. Поохотиться думал, да вот заблудился, шесть дней плутал, чуть от голода не погиб...

Так говоря о себе, Чашкан от анчи не отстает: откуда берет Абышка столько кушаний сладких, кто их ему готовит?

Абышка гостю не отвечает, отмалчивается. А Чашкан все настойчивее расспрашивает, сердиться начинает.

Не выдержал анчи, волшебный туесок гостю показал:

— Только руками к нему не притрагивайся. Мой сын, туесок мне давший, настрого запретил туесок показывать, в чужие руки давать не велел.

— Зачем тебе, бедному, старому, такой туесок?.. — Чашкан говорит. — Отдай мне его, Абышка.

— Сын не велел никому отдавать; хоть ты и хан этой тайги, отдать туесок тебе не могу, — старый анчи отвечает.

Тут Чашкан совсем рассердился, с постели вскочил, затопал, заругался:

— Лучше добром отдай, не то силой возьму, тебя и старуху жизни лишу...

Анчи Абышка туесок из рук не выпустил. Чашкан на него набросился, туесок вырвал, из шалаша вон побежал. Анчи со старухой, за полы его держась, за ним потащились. Хан, стариков оттолкнув, на коня вскочил и мигом в тайге исчез.

Старый анчи и его жена слезами горькими залились, с земли не поднимаясь, весь день горевали.

Сын-медвежонок из тайги возвратился, спрашивает:

— О чем вы слезы льете, отец мой и мать моя?

— Богатому человеку мы доверились, твой туесок ему показали, а он его отобрал у нас...

— У богатого полон живот, да глаза не сыты, всегда так бывает, — сын-медвежонок сказал. — С богатым поделились — вот и наказаны. Плакать и убиваться бросьте, — Чашкан от меня далеко не уйдет...

Начал тут сын-медвежонок что-то по-своему бормотать, глаз с тайги не сводя. И вот Чашкан из тайги показался, к шалашу покорно подъехал. Голову хан повесил, глаз от земли не в силах поднять, тихим голосом просит:

— По вашим дорогам ходить не буду, в пути вам никогда не встречусь — только жизни не лишайте.

Анчи Абышка туесок от седла отвязывает и говорит:

— Про сына я тебе ничего не сказал, думал: сам о моем могучем сыне узнаешь.

— Откуда сюда приехал — туда возвращайся! — сын-медвежонок Чашкану сказал. — Бедных охотников не обижай, у голодных куска не отнимай, не то худо тебе будет.

Чашкан свои сорок зубов сомкнул, слова не вымолвил, коня повернув, прочь поскакал.

Анчи со старухой обрадовались, приемыша благодарят. Спокойно и счастливо зажили. Анчи на охоту не ходит, старухе у очага нечего делать — хорошая пища всегда под руками, стоит лишь туесок волшебный открыть.

Сын-медвежонок растет, все сильнее становится. Однажды он старикам говорит:

— Жить мне так скучно, жениться надумал я.

— Пий-пай¹, наш сын, если жениться тебе время пришло — за чем дело стало? Нам, старикам, веселее жить со снохою будет. Невесту сам себе выбирай, твой

¹ Пий — уважаемый, почтенный, Пий-пай — ласкательное обращение.

молодой ум наших старых умов лучше.— Так старик со старухой ответили.

Сын-медвежонок им говорит:

— Вдали от нас, на устье Черной реки, Кара-Каан живет. У Кара-Каана есть дочь по имени Кара-Торгу. Хочу к ней посвататься.

— Пусть по-твоему, сын, будет. Да только пойдет ли дочь хана за тебя, сына анчи-бедняка?

Утром анчи Абышка и сын-приемыш, волшебный туесок взяв, в путь отправились. Много ли, мало ли шли, до устья Черной реки добрались, на берегу белый дворец с золотыми воротами увидели. У золотых ворот их страж останавливает:

— Куда и зачем идете?

— Если Кара-Каан дома, хочу с ним повидаться,— анчи Абышка отвечает.

Страж золотые ворота перед ними распахивает, дорогу указывает. Анчи с медвежонком во дворец вошли. Кара-Каан за столом золотым сидит, сердито спрашивает:

— Что тебе надо, анчи Абышка?

— До меня слух о твоей дочери Кара-Торгу долетел, пришел я ее посватать за сына единственного моего.

Не дав Кара-Каану слова вымолвить, анчи Абышка пятьсот слов уже выпустил. Рассердившийся было Кара-Каан рта раскрыть не успел, как старый анчи по волшебному туеску постучал, говорит:

— Ну-ка, черный мой туесок, выкладывай кушанья такие, каких и ханы не видывали, не отведывали...

Открыл анчи туесок — на столе перед Кара-Кааном такие яства вдруг появились, что хан на них как на чудо глядит. Только куриного молока нет среди этой снеди.

Ничему не удивлявшийся, Кара-Каан от удивления рот раскрыл, никого не боявшийся, на этот раз испугался: откуда у такого бедного анчи такие богатства, не злые ли духи с анчи Абышкой явились? А яства, расставленные на столе, у Кара-Каана обильную слюну вызывали. Не утерпел Кара-Каан, за кушанья принялся. От сладкой еды он расслабел, от крепкого вина захмелел. Никогда не соглашавшийся, Кара-Каан дал согласие дочь замуж за медвежонка выдать. Три дня Кара-Каан с гостями угощался, три дня пировал.

Когда жених с невестой наедине остались, медвежонок у Кара-Торгу спрашивает:

— Расскажи мне, Кара-Торгу, что ты на свете знаешь?

— Что мне, девице, знать,— Кара-Торгу отвечает,— за меня мой отец Кара-Каан все знает...

— Что ты делать умеешь, Кара-Торгу?— медвежонок спрашивает.

— Зачем мне что-нибудь делать уметь,— Кара-Торгу надменно отвечает,— у моего отца слуг достаточно, которые все для меня делали, отец мой Кара-Каан богат, все, что мне надо, для меня добудет...

— Если ты сама ничего не знаешь, если ты делать ничего не умеешь, во всем на отца надеешься, с ним и оставайся, мне такой подруги не надо,— сказал медвежонок.

Кара-Каан, об отказе жениха узнав, сильно разгневался, анчи Абышку и медвежонок велел прогнать.

— Ничего, мой старый отец, неудачей не огорчайся,— медвежонок старику сказал, когда они домой возвращались.— Не богатая и знатная жена мне нужна, умную и трудолюбивую подругу хочу иметь...

— Дело твое, сынок, тебе с женою век жить, сам невесту себе выбирай,— анчи Абышка ему ответил.

Однажды медвежонок старикам говорит:

— Вдали отсюда есть Желтое озеро. На берегу этого озера Сарыг-Каан живет, у него дочь по имени Сарыг-Торгу есть. Хочу к ней посвататься. Теперь я один пойду...

— Не нам тебя учить, ты лучше нас знаешь, что делать надо.— Так старики ответили.

Волшебный туесок с собой взяв, медвежонок в путь отправился.

Скупой и жадный Сарыг-Каан сердито медвежонок встретил, хотел своих собак на него натравить, сам за семью дверями спрятавшись, медвежонок поносил. Однако человеческий голос его услышав, богатые яства, из волшебного туеска добытые, увидев, Сарыг-Каан вмиг подобрел, двери открыл, медвежонок в жилище пригласил. Жадно на яства накинувшись, быстро половину их съел, половину про запас упрятал, только тогда дочь показал.

— Скажи мне, красавица Сарыг-Торгу, что ты на свете знаешь?— медвежонок к девице обратился.

— Зачем мне, девице, много знать,— Сарыг-Торгу беспечно ответила,— выйду замуж — пусть муж за меня думает, что надо мне — знает...

— Что делать умеешь ты, Сарыг-Торгу? — медвежонок спрашивает.

— Все, что мне надо было, для меня родители делали, выйду замуж — пусть муж делает, — ответила девушка.

— Нет, подруги такой мне не надо, такая невеста мне не подойдет, — сказал медвежонок и дом Сарыг-Каана покинул, огорченный к своим старикам вернулся.

Однажды медвежонок старикам говорит:

— Зачем вдалеке от родной земли невесту искать, к богатым и знатым в двери стучаться? Неподалеку от нас, на берегу Белого озера, старый Ак-Каан живет, у него дочь Ак-Торгу есть. Пойдем, отец, попробуем к ней посвататься.

Волшебный туесок с собой прихватив, анчи Абышка с медвежонком на берег Белого озера отправились, в дом к Ак-Каану вошли. Старый Ак-Каан приветливо гостей встретил, как равный с равными разговаривал. Ак-Торгу к гостям вышла, вежливо поклонилась. Медвежонок к ней обратился:

— Расскажи нам, красавица Ак-Торгу, что знаешь, что делать умеешь?

— Чего сама я еще не знаю, добрые люди узнать помогут, чего еще делать не научилась, хорошие люди тому научат, — скромно Ак-Торгу ответила.

Ответ ее медвежонку понравился, Ак-Торгу ему сразу приглянулась. Старый Ак-Каан упрямитесь не стал, отдать дочь замуж согласился. Тут анчи Абышка волшебный туесок открыл, богатые угощения появились. Три дня старики пировали, три дня Ак-Торгу с медвежонком по лесу гуляли.

Кто землю родную любит, тот по ней и скучает, — на четвертый день анчи Абышка с Ак-Кааном простился, домой собрался. Сын-медвежонок с невестой Ак-Торгу за ним пошли.

В честь свадьбы старики богатый пир устроили, девять дней вчетвером угощались и веселились. На десятый день медвежонок сказал:

— Мои дорогие отец и мать, меня под своим ковром приютившие, моя славная жена Ак-Торгу, пора мне свой облик переменить. Теперь, когда я снова среди людей живу, хороших родителей и жену себе славную отыскал, вышел мне срок имя свое иметь, человеческий облик себе вернуть. Буду я имя носить Кара-Молат.

С этими словами медвежонок в тайгу убежал и скоро стройным красавцем богатырем вернулся.

Нельзя рассказать, как старый анчи Абышка со старухой обрадовались, на сына-красавца глядя, от счастья плакали. Молодая Ак-Торгу своим мужем-богатырем не налюбуется.

А Кара-Молат тотчас за работу принялся — высокий и белый дом строить начал. Девять дверей и девять окон в том доме светлом было. Одну половину дома Кара-Молат своему отцу анчи Абышке отдал, в другой половине с женой красавицей Ак-Торгу поселился. Зажили они счастливо.

Жаль, до наших дней не дожили, мы, на них глядя, порадовались бы!..

СЧАСТЛИВЫЙ НЕККЕР

Задолго до наших дней жили в тайге три брата-анчи, на зверей и птиц в одних угодьях охотились, в одной реке рыбу ловили.

Однажды у старшего брата сын родился, дали ему имя Неккер. Когда мальчику исполнился год, младший из братьев решил племяннику подарок «на зубок» — сый — преподнести. В тайгу отправился, чтоб редкого зверя добыть или самую красивую птицу поймать. С восхода до заката по тайге проходил — ничего не добыл. Назавтра снова в тайгу пошел, опять без добычи вернулся. И третий день ему удачи не было, даже рябчика не мог подстрелить. Тогда младший брат старшему и говорит:

— Видно, сыну твоему счастья на свете не будет, однако ему и такое имя надо дать — Ырызы — Несчастливец.

Так и стали чаще звать маленького Неккера — Несчастливец. Рос же он веселым, ловким, в играх с ровесниками время свое проводя. И всегда ему в играх удача, всех ребят Неккер обыгрывает, а те его все-таки Несчастливцем зовут.

Однажды Неккер в бабки всех ребят обыграл. А мальчики из зависти стали его дразнить:

— Ырызы, Ырызы, Неккер-Ырызы, Несчастливец!..

Неккеру стало обидно. Горько плача, он к отцу прибежал и говорит:

— Из-за вас меня так травят. Разве другого имени не могли мне дать? Я больше терпеть его не могу, носить не стану...

С этими словами мальчик горько зарыдал, на землю упал, никакие уговоры его утешить не могли.

На заре следующего дня мальчик раньше всех с постели поднялся и тайно ушел из дому. Из улуса родного куда глаза глядят Неккер пустился.

Так он шел несколько дней, много ли, мало ли прошел, куда идет — сам не знает того. Встретится добрый человек — мальчик у него еды попросит, неприятливых, сердитых людей Неккер стороною обходит...

Так он шел и шел. Вдруг голос нежный за собой слышит. Оглянулся и видит: девочка, по летам ему ровесница, его окликая, бежит, догоняет. Неккер остановился, девочку подождал.

— Куда ты, мальчик, один идешь, не заблудился ли? — девочка его спрашивает, за обе руки его взяла, в глаза ему заглянула. — Зачем отцовский улус покинул?

— Плохое имя мне носить надоело, — ответил Неккер. — Как мне в отцовском улусе жить, если меня и старый и малый этим именем дразнят? Лучше уйти мне, куда глаза поведут...

— Глупый ты мальчик, — девочка говорит. — Сам ты счастливым будешь, имени своего нечего стыдиться. Надо тебе в родной улус вернуться, хочешь, и я с тобою пойду? У меня никого родных нет, кроме старой бабушки...

— Нет, домой я не вернусь, меня там совсем засмеют, а отец еще и побьет за побег...

— Тогда пойдем к нам жить, друзьями с тобой будем, друг другу помогать будем, вместе счастье добывать...

Сколько Неккер ни отказывался, девочка на своем настояла, руки его из своих рук не выпуская, за собой повела. Вечером они до земляной избушки добрались, из трубы землянки черный дым поднимается. Девочка первой в землянку вбежала, Неккер за нею несмело вошел. Видит — у очага черная, как пенек, старушка сидит, что-то в котелке помешивает и бормочет. Как увидела Неккера, разогнулась и сказала:

— Здравствуй, здравствуй, мой зятек Ырызы-Неккер, давно тебя мы ждали...

Удивился Неккер, откуда старухе его имя известно и почему она его своим зятем называет, страшновато ему стало.

— Вот, бабушка, теперь у нас в доме хоть маленький, да мужчина будет, — девочка говорит. — Теперь

мне есть с кем играть, есть кому нам еды и дров припасти...

А старуха больше ни слова не говорит, в котелке помешивает, что-то бормочет себе под нос...

Когда старуха с девочкой спать легли и уснули, Неккер тихонько из землянки выбрался и что есть духу прочь побежал. К восходу солнца он уже далеко от этого места был, целый день без передышки шел, куда его глаза вели. Под вечер вой ветра за спиной услышал, все сильнее ветер, все громче его гудение. В гудении ветра Неккеру голос вчерашней девочки слышался. Неккер с дороги свернул, на вершину густолиственного дерева быстро взобрался, чтоб спрятаться,— снова встречаться с девочкой ему не хотелось. А ветер на дерево налетел, Неккера, как перышко, с вершины сорвал, но бережно на землю его опустил. Смотрит Неккер, а перед ним вчерашняя девочка стоит и говорит ему:

— Ой, Ырызы-Неккер, зря ты от меня убегаешь, все равно я тебя догоню, везде разыщу, бабушка моя мне поможет. Больно ты мне поглянулся, хочу я счастливым тебя сделать...

— Никогда я счастливым не стану,— Неккер говорит,— видно, теперь мне и домой не вернуться, раз вы с бабушкой-колдуньей на моем пути встретились...

— Если ты меня слушаться будешь, счастливым домой вернешься, все тебе завидовать будут, никто твоего несчастливого имени даже не вспомнит.— Так девочка Неккера уговаривала.

Как Неккер ни сопротивлялся, девочка его за руку взяла и за собой повела. Ночь их в пути застала. Девочка привела Неккера в пещеру, а в ней у костра та же старуха сидит, в котле какое-то варево помешивает и под нос себе что-то бормочет. И опять старуха Неккеру сказала:

— Здравствуй, здравствуй, мой зятек Ырызы...

Когда утром Неккер проснулся, старухи в пещере уже не было.

Девочка Неккеру пару чирков¹ сыромятных подает и говорит:

— Твоя обувь совсем износилась, возьми новые чирки надень, большой путь тебе предстоит...

Когда Неккер переобулся, девочка ему плетку, из трех таловых прутьиков сплетенную, подала и сказала:

¹ Чиркí — род обуви.

— Когда от правильного пути, который я тебе укажу, вздумаешь отклониться, эта плетка тебя подстегнет, не собьешься с дороги...

— Куда же ты меня отправляешь?— Неккер спрашивает.

— За счастьем своим пойдешь,— девочка отвечает.— В нескольких днях пути отсюда, у слияния девяти рек, полуостров есть. На полуострове широкий и чистый луг есть. На дальнем краю луга медный шатер стоит. Войди в этот высокий шатер, по девяти ступеням в девятую комнату подымись. Из нее по сорока ступеням на дно озера спустишься и там золотой шатер увидишь. В этом шатре посредине золотой стол стоит, за которым сам бог обедает. Когда к столу золотому присядешь, шапку сними и поздоровайся. После этого на столе разные кушанья появятся — ешь их не переставляя. Во время обеда к столу все черви и рыбы озера соберутся, будут вместе с тобою угощаться, ты на них не гляди, продолжай еду. Последней к столу черная жаба явится, не гляди и на нее, покуда она не насытится. А когда она к дверям прыгнет, собираясь уйти, ты ее шапкой своей накрой. Что дальше будет, сам увидишь...

— Однако на гибель ты меня посылаешь!— испугался Неккер.— Уж лучше мне в свой улус вернуться, чем на такие дела идти...

— Домой ты со счастьем своим вернешься,— девочка говорит.— А счастье это сам добыть должен. Не упрямясь и не боясь, Неккер, если хочешь от своего несчастливого имени освободиться...

Встал на ноги Неккер, и, словно крылья у него за спиной выросли, тело легким вдруг стало. Из пещеры он вышел, а ноги его сами тотчас вперед понесли.

— Видишь, какие чирки тебе бабушка моя подарила,— девочка говорит.— Быстро тебя донесут куда надо. Когда сделаешь все, что я тебе наказала, прямо домой к себе отправляйся, там с тобой встретимся...

Неккер в путь отправился. Ноги его втрое быстрее, чем прежде, несут, чирки им такую скорость дают. Ни твердокопытный марал, ни быстролетная птица за ним не могут угнаться. Когда же вздумал Неккер в сторону дома свернуть, таловая плетка его тотчас по спине больно хлестнула, когда усталость и сон его одолевать стали, он плеткой таловой себя легонько подстегнул, чирки пуце прежнего помчались...

Много ли, мало ли он пробежал, впереди синее озеро показалось, в которое девять рек, как в чашу, вливаются, зеленый полуостров вдается. Неккер на полуостров прибежал, медный шатер нашел, по сорокаступенчатой лестнице на дно озера спустился, в золотой шатер вошел. Посредине его круглый золотой стол стоит. Неккер за стол сел, шапку снял, поздоровался, и тотчас на столе кушанья разные появились. Неккер за еду принялся. Невиданные рыбы и черви, длинные, как змеи, вокруг появились, все к столу тянутся. Неккер, не глядя на них, за обе щеки яства уплетает. Спустя немного большая черная жаба появилась, на золотой стол прыгнула, за еду принялась. Неккер и виду не подал, что ее видит. Черная жаба, насытившись, на пол спрыгнула, к дверям направилась, а золотой стол за нею двинулся. Неккер шапкой своей жабу накрыл, а шапку из рук не выпускает. Жаба, как хороший конь, помчалась, со дна озера Неккера мигом на поверхность вынесла.

Глядит Неккер — и золотой стол тут же, под солнечными лучами сверкает. Тут черная жаба человеческий облик приняла — бабушкой девочки, что Неккера сюда послала, оказалась.

— Мой зятек, Несчастливец-Неккер, теперь ты самый счастливый человек на свете; у самого водяного бога — Эзи-Суг ты золотой стол увез, стал хозяином его. Теперь домой отправляйся, там тебя с радостью встретят. Только внучку мою не обижай, от дружбы ее не отказывайся, во всем ее слушайся.

Так сказав, старуха исчезла, будто сквозь землю провалилась или в озере растаяла.

Неккер, стол золотой на спину взвалив и ног под собой не чуя, домой помчался. Чирки его, почти земли не касаясь, прямо по воздуху летят. Неподалеку от родного улуса Неккер гудение ветра у себя за спиной услышал, догадался, что это его девочка догоняет.

За высокое дерево ухватившись, Неккер остановился, а рядом уже и девочка лесная стоит, смеется:

— Ну вот, мой хороший Неккер, теперь тебе и домой не стыдно будет вернуться, к золотому столу всех своих родственников созовешь, всех своих ровесников пригласишь, как следует угостишь, никто тебя Несчастливцем не назовет...

— Спасибо тебе, хорошая девочка, — Неккер говорит, — хоть имя мне свое скажи, чем отблагодарить тебя я могу, мне скажи...

— Имени у меня нет, если хочешь, Дружкой меня зови. Благодарить меня незачем, а если тебе помощь какая нужна будет, на ту дорогу, где мы с тобой в первый раз встретились, выйди, меня покличь, всегда рядом с тобою буду. Когда ты вырастешь, взрослым станешь, тогда мы с тобой снова встретимся, если меня не забудешь...

Сказав это, лесная девочка вдруг исчезла, легкий ветерок лишь в листве деревьев прошелестел...

Когда Неккер в отцовский улус вернулся, все родные и ровесники его как дорогого гостя встретили, за золотым столом всем места и яств хватило.

И никто в улусе с тех пор Неккера Несчастливцем не называл...

ДОГАДЛИВАЯ ВЫДРА

Поглядишь, так зверям и птицам вроде совсем вольно и беззаботно живется: нет среди них ни родовитых князьков, владеющих самыми обильными и добычливыми угодьями, ни богачей, жадных и хитрых, закабалиющих вечно своих бедных родичей долгами и обманом. А все-таки и им приходится ежегодно и выкуп за себя выплачивать, и дань в срок приносить: птицам — своими перьями, а зверям — шерстью. Ведь каждую весну все звери-птицы линяют — скидывают с себя теплые пушистые шубы или свое зимнее оперение. Вот этой одежкой или украшениями они и платят албан — дань и повинность духам — хозяевам земли и воды. Живущие на суше звери и птицы хозяевам гор и тайги албан выплачивают, обитающие в воде — хозяевам рек и озер дань несут...

Из зверей только одна выдра ни горному, ни водяному хозяину албан платить не желает, хитро от него увертывается. Она ведь попеременно то на берегу, то в воде живет. И когда Хозяин горы ее спросит: «Где ты, зверюга, проживаешь?» — выдра лукаво отвечает: «В воде живу!»

А когда Хозяин реки допрашивает: «Где ты, красавица, обитаешь?» — она в ответ: «В тайге, на горе жилище мое!..»

Когда Хозяин горы сердито ее к ответу требует: «Кому ты, непокорная, албан платишь?» — выдра, посмеиваясь в усы, говорит: «Хозяину реки должна платить!», а спрашивающему о том же Хозяину воды дерзко отвечает: «Хозяину горы я должна дань приносить!..»

Так ни тому, ни другому албана и не платит. Поэтому выдра весной и не линяет — красивой и пышной своей шерстки не меняет...

ЧАГЫС¹

Давным-давно это было. На свете одинокий юноша жил и имя такое носил — Чагыс. Однажды неподалеку от его стойбища трое рыбаков на озере рыбу ловили, все трое одну лишь щуку поймали. Чагыс рядом овцу пас. Юноше Чагысу три рыбака щуку принесли. Говорят ему:

— За щуку нашу овцу не отдашь ли?

— С единственной моей четырехногой скотиной как расстанусь? — юноша отвечает.

Подумал, подумал и на обмен согласился. Рыбаки его овцу взяли. Чагыс щуку в мешок положил, в гору отправился. По дороге щука, еще живая, прорвала мешок, на землю прыгнула. Чагыс ее камнем по голове ударил, снова в мешок сунул. А щука вскоре мешок опять продырявила, на землю вывалилась.

Юноша снова щуку камнем оглушил, в мешок завязал. Когда к своему жилищу подошел, щука снова из мешка вырвалась. Юноша рассердился и бросил щуку в озеро. А сам в жилище свое вошел, спать улегся...

Рано утром его незнакомый человек разбудил.

— Подымайся скорее, тебя Хозяин воды к себе зовет.

На берег того озера, куда Чагыс щуку бросил, они пришли.

— Как же я в воду войду, на глубину спущусь? — юноша спрашивает.

— На спину мне навьючивайся, вместе нырнем, — незнакомец говорит ему.

Как только Чагыс на плечи ему уселся, человек в воду прыгнул. Быстро они дна достигли. Чагыс даже вымокнуть не успел. По дну озера, как по солнечной земле, идут, как по дневному миру путешествуют.

Проводник юноше говорит:

— Вчера сын Хозяина воды по озеру плавал, в рыбацьи сети попал и на берег вытащен был. Ты душу его спас, в озеро вернул.

Юноша вчерашнюю щуку вспомнил и все понял...

¹ Чагыс — одинокий.

— Хозяин воды тобою доволен, поэтому тебя к себе призывает, хочет тебя отблагодарить. Будет тебе дорогие камни и золото предлагать — отказывайся. В подарок собаку хозяйскую худошерстную попроси, много добра от нее будет...

Так незнакомец юношу поучал.

К обиталищу Хозяина воды подошли. Хозяин воды навстречу вышел. Чагыса за руку взял, в свое жилище ввел, посредине усадил. Сын Хозяина воды на печи лежит, голова платком перевязана. Юноша вспомнил, как вчера щуку камнем по голове бил, — испугался, думал, Хозяин воды за сына его накажет. А Хозяин воды перед ним дорогие камни рассыпал, золотые и серебряные слитки разложил.

— Лучший из этих камней себе выбери, сколько хочешь слитков возьми, — Хозяин воды говорит.

Чагыс от дорогих камней отказался.

Хозяин воды перед ним золотые монеты рассыпал: сколько унести сумеешь, столько и возьми...

Юноша и от монет отказался, Хозяину воды говорит:

— Если меня одарить хочешь, лучше собачонку свою худошерстную мне отдай, она мне другом на земле будет.

Хозяин воды сначала засмеялся, потом горько заплакал, собачонку на руках принес, еще горше заплакал. Однако собачонку юноше отдал. Чагыса богато угостил и на землю отпустил. Чтобы на поверхность его проводить, давешнего посланца вызвал.

— Гостя, спасителя сына моего, к его стойбищу отведи, наверх подыми так, чтоб ни один волосок на нем не намок...

Юноша, взяв собачонку, на провожатого уселся, мигом на берег принесен был так, что ни он, ни собачонка вымокнуть не успели.

Вечером той же пищей, что и сам ел, из той же посуды он и собачку накормил, подле себя спать уложил.

Утром пробудился, глазам не верит: чашка его деревянная золотой стала, тонкой резьбой украшена.

Вечером пищу себе и собачке приготовил, из одной посуды поужинали; спать собачку в ногах у себя положил.

Утром видит: вся утварь в его жилище золотой и серебряной стала.

На следующую ночь, спать укладываясь, собачку он за пазуху себе положил, на груди своей отогрел.

На заре Чагыс проснулся — собачки за пазухой нет. И тут же юноша слышит: в его очаге весело потрескивает, посудой кто-то позванивает. Глаза Чагыс открыл и видит: у очага девица-красавица стоит с волосами, как медь, сверкающими. Чагыс с лежанки своей вскочил, к девице подбежал, обнял ее. Девица ему говорит:

— Экой ты нетерпеливый! Завтра сюда сын Хозяина воды придет, с тобой спор из-за меня затеет.

Назавтра утром, точно, сын Хозяина воды явился, в жилище юноши заглянул, к отцу вернулся.

— Зачем одинокому юноше невесту мою отдал? — отцу он говорит. — Если девицу мне не вернешь, отцом тебя считать перестану.

Хозяин воды говорит:

— К Чагысу иди, в прятки с ним поиграй, кто кого обманет, тому и девица достанется.

Сын Хозяина воды в жилище Чагыса пришел, в прятки с собой играть позвал.

— Если ты в прятки играть желаешь, ты первым и прячься, а я искать буду, — Чагыс ему говорит.

Сын Хозяина воды прятаться побежал. Чагыс в жилище своем остался. Девица ему и говорит:

— Что же ты не идешь искать его?..

— А где мне его искать, не скажешь ли?

— Вдоль берега озера иди, скотный загон увидишь, внутрь его входи. Внутри три барана лежат. Как только они тебя увидят, как медведи, на тебя кинутся, ты не пугайся. Среди баранов есть один с закрученными и раздвоенными рогами. Его за рога хватай, голову выворачивай, он голос подаст — это и есть сын Хозяина...

Чагыс в загон вошел, как девица его учила, поступил. Когда он барану шею перекрутил, тот голосом сына Хозяина воды взмолился:

— Ой, больно, ой, шея моя!

Чагыс быстро в жилище свое вернулся, у девицы спрашивает: куда ему самому спрятаться?..

Она сидела, волосы свои медно-золотые расчесывала. Чагыса в гребень свой обратила. Сын Хозяина воды прибежал, за стол уселся, большую книгу из-за пазухи вынул, стал читать. Обо всех корнях, какие в земле произрастают, он прочитал, обо всех речных гальках, сколько их на берегах и на дне рек водится, прочитал, обо всех звездах, какие на небе есть, прочитал. Всю книгу он прочитал, а где юноша Чагыс спрятался, книга ему не ответила. Когда сын Хозяина кни-

гу закрыл, девица гребень свой уронила. Чагыс поднялся и крикнул:

— Я здесь!

Сын Хозяина воды снова прятаться отправился, Чагыс подле девицы остался.

Она его поучает:

— По степи ты сейчас пойдешь, на стадо быков наткнешься. Стадо, тебя заведет, с мычаньем за тобой кинется — не бойся. Быки, догнав тебя, с ревом окружают — не пугайся. Будет там один бык — самый огромный в стаде, рога у него прямые, как стрелы. Смело за рога хватай, шею ему перекручивай, он пощады попросит.

Все, как предсказывала она, у Чагыса получилось: сына Хозяина воды отыскав, юноша в свое жилище вернулся. Девушка за шитьем сидела. Как только сын Хозяина к их жилищу прибежал, она Чагыса в наперсток превратила и на свой палец наперсток надела.

Сын Хозяина воды новую книгу открыл, стал читать. Обо всех деревьях, какие на земле растут, он прочитал, имена всех рыб, какие только в водах водятся, имена всех птиц и зверей, какие в тайге обитают, он перечитал, нигде Чагыса не обнаружил.

Потеряв надежду найти его, сердито вскричал:

— Явись!

Девица наперсток на пол уронила — Чагыс вскочил.

— Я здесь, — сказал.

В третий раз сын Хозяина воды спрятался. Девушка Чагысу говорит:

— Берегом моря иди, груду крупных камней увидишь, за нею россыпь гальки найдешь. На гальке множество птиц разгуливает, среди них одну с золотым гребешком увидишь. Всю ловкость собери, птицу поймай, легонько шею ей перекрути — птица человеческий голос подаст...

Так Чагыс в третий раз сына Хозяина воды отыскал. Когда он появился, девушка Чагыса в иглу превратила.

Сын Хозяина воды, сев за стол, снова книгу раскрыл, долго читал: всех людей, на земле живущих, называл поименно; обо всем, что на поверхности и в глубине земли, читал, читал, а Чагыса отыскать не мог, чуть не плача, закричал: «Явись!»

Девушка иглу на пол тихонько бросила.

Чагыс с полу вскочил.

— Я здесь!— сказал.

Так ни с чем сын Хозяина воды домой и отправился.

— Больше он сюда не придет,— девушка Чагысу сказала,— меня добиваться больше не посмеет, станет тебя бояться. Спасибо тебе, Чагыс, что меня из неволи выручил, теперь я верной подругой тебе стану...

Дружно и долго они вместе жили, Чагыс своему счастью не мог нарадоваться...

ОТЧЕГО У ГЛУХАРЯ ГЛАЗА ПОКРАСНЕЛИ

Давно-давно это было. Однажды осенью, когда листья с деревьев облетели, трава от инея завяла, все птицы тайги на собрание слетелись, чтобы обсудить и назначить один для всех срок, когда надо улетать в теплые края, на чужие земли. Все пернатые на собрание явились, на всех птичьих голосах и языках между собою переговаривали, договорились. Только глухаря не было. Он в густой тайге свои песни пел, ничего не слышал.

В назначенный день, лишь светать начало, все птицы поднялись, опять на то же место, где собрание было, слетелись, перекличку по стаям устроили, и все вместе, полнеба крыльями своими закрыв, в теплые страны отправились.

А глухарь опять ничего не слышал и не видел, всё свои песни распевал.

В тайгу зима пришла, снегом землю припорошила. Тут огляделся глухарь, облетел всю тайгу, понял, что один-одинешенек в морозной тайге остался. Сильно опечалился он, горько заплакал. Слезы из глаз ручьями текли, брызги их на лету замерзали. Тут и покраснели глаза у глухаря, с тех пор он один и зимует в тайге...

СКАЗКИ И СКАЗАНИЯ ЗЕМЛИ СИБИРСКОЙ

В ленинзатовской серии «Библиотека народно-поэтического творчества» видное место занимают книги, знакомящие читателей со сказками народов РСФСР. Этот раздел серии открыл сборник «Волга родная», вобравший в себя сказки народов Башкирии, Татарии и Чувашии. В дальнейшем издательство предполагает выпустить в свет сборники сказок народов Северного Кавказа, Крайнего Севера и Дальнего Востока, а также угро-финских народов нашей страны.

Книга «Сказание о просторе» вобрала в себя сказки бурят, алтайцев, калмыков, тувинцев, хакасов, якутов и малых народов Сибири: долган, тофаларов и шорцев. В таком составе фольклорный сборник издается впервые. Географический принцип выдержан последовательно, за исключением калмыков, которые, как известно, живут в Нижнем Поволжье. Однако это исключение не случайность — дело в том, что калмыки в плане быта, жизненного уклада, обычаев, традиций имеют много общего со скотоводческими народами Южной Сибири — с тувинцами, а особенно с бурятами.

Общая численность всех названных народов немногим превышает один миллион человек. Из них якутов — 328 000 человек, бурят — 353 000, тувинцев — 165 000, калмыков — 140 000, хакасов — 71 000, алтайцев — 60 000, шорцев — 15 000, долган — 5100, а тофаларов — всего 800 человек. Зато территория их расселения огромна — недаром наш сборник так и называется — «Сказание о просторе».

В дореволюционную пору все эти народы жили разрозненными родами и племенами. Постоянная нужда, голод, болезни, многовековая отсталость были их уделом. В результате ленинской национальной политики, братской помощи великого русского народа за годы Советской власти в жизни народов Сибири и калмыков произошли необратимые перемены. Сформировались якутская, бурятская, калмыцкая и тувинская социалистические нации, произошла консолидация в социалистические народности алтайцев, хакасов, шорцев, долган и тофаларов. Все эти народы сегодня — равноправные члены многонациональной семьи Советского Союза.

Весьма важно подчеркнуть, что все перечисленные выше народы Сибири и калмыки проживают на огромной территории в плотном многонациональном составе, нередко даже в иноэтнической среде. И тем не менее каждый народ сохранил черты неповторимости, которые нашли свое яркое отражение в фольклоре, в том числе и в сказках, с которыми вы только что познакомились.

Одни из них возникли в глубокой древности, другие позднее, третьи — сравнительно недавно, но в отличие от авторских литературных произведений у сказок нет и быть не может точных дат рождения, в лучшем случае составители и исследователи сказок имеют в своем распоряжении одну дату — дату записи той или иной сказки.

В сборник «Сказание о просторе» вошли только те сказки, которые ранее печатались в книгах, в отдельных сборниках, однако подавляющее большинство этих книг и сборников выходило в свет небольшими тиражами, в небольших издательствах и широкому читателю известно не было. К тому же чаще всего эти сборники знакомили читателей со сказками какого-нибудь одного народа. Наш сборник дает представление о сказках, которые любимы и популярны в каждом из названных народов. Тексты, содержащие повторы, прямые заимствования, переложения, в сборник «Сказание о просторе» не включались. Предпочтение было отдано сказкам, наиболее характерным для того или иного народа, сказкам, которые особенно ярко, колоритно отражают национально-особенное, самобытное. Это и особенности уклада жизни, и то и дело проступающие являя страницы истории, и этническая психология, и образный строй речи, и, конечно же, неповторимая природная среда, незабываемые картины родной природы, запечатленные не только в песнях, но и в сказках.

Когда знакомишься со сказками малых народов, лишний раз убеждаешься в том, что и самые малые по численности из них способны создавать подлинные шедевры словесности. В этом отношении наиболее ярким примером является устное народное творчество тофаларов.

Тофалары — самая малочисленная тюркоязычная народность. Напомним, что их всего лишь около восьмисот человек! Самоназвание их — «тубулар». Живут они на Восточных Саянах по берегам рек Уда, Гутаря, Нерха. Центр Тофаларии — поселок Алыгджер (Широкая долина), расположен на высоте 918 метров над уровнем моря.

В дореволюционную пору этот маленький народ находился на грани вымирания. Нищета и горе преследовали его буквально по пятам. Голод, суровая среда обитания оставляли мало надежд и радостей, и можно без преувеличения сказать, что ярким солнечным лучом во тьме были для тофаларов произведения фольклора. Если бы у тофаларов не было ни одной сказки, а только те три пословицы, с которыми мы вас сейчас познакомим, то и тогда бы этот маленький народ внес свой весомый вклад в сокровищницу народной мудрости и поэзии: *«Чум обогрывается очагом, а душа человека — песней да сказкой», «Птица без крыльев не летает, человек без песен не живет»* — и, наконец, имеющая самое прямое отношение к истории, памяти народной: *«Тайги не зная, заблудишься, прошлого не зная, споткнешься»*.

В годы Великой Отечественной войны тофалары, как и другие народы Страны Советов, сражались за Советскую Родину. Тофалары, прирожденные охотники, отличные стрелки, чаще всего на фронтах были снайперами. Воевали они умело и отважно. В родную Тофаларию не вернулся с полей Великой Отечественной каждый четвертый житель, а в канун войны тофаларов было около 500 человек! Практически народ знал всех своих героев-фронтовиков.

Неузнаваемо изменилась Тофалария за годы Советской власти, но по-прежнему особым почетом окружены в ней сказочники

и народные певцы. Именно благодаря им до нас дошли такие глубокие, красочные и поэтичные сказки, как «Горные цепи» и «Тер-окиш — долина цветов», едкая сатира «Про злого хана Улузуна» и остроумная притча «Вечные люди и живая вода».

Особое место в тофаларских сказках занимает мир животных. Человек силен только в союзе с природой, с животным миром — эта идея проходит через многие сказки, в которых животные действуют на первых или — в крайнем случае — на вторых ролях. Воспевают тофалары в своих сказках и красоту родного края. А это действительно неопишуемой красоты уголок необъятной земли сибирской! Ныне широко известный в нашей стране и далеко за ее пределами дважды лауреат Государственной премии СССР Валентин Распутин одну из своих первых книг посвятил Тофаларии и назвал этот очерковый сборник так: «Край возле самого неба»¹. Эту книгу можно будет рекомендовать тем из наших читателей, кто захочет получше узнать о жизни тофаларов и об их родной земле.

Большое внимание уделяют тофалары внутреннему миру человека, его душевным переживаниям, его мечтам об идеале. Подвиги добрых и храбрых людей народ не забывает и связывает их с названиями гор, сопков, рек и озер. Здесь, в Тофаларии, вы сможете воочию увидеть и Долину цветов, и Горные цепи.

Тофалары, как потомственные охотники, воспевая природу, не могли обойтись без того, чтобы не поведать в сказках о своих наблюдениях за животным миром, за повадками животных, и не просто рассказать об увиденном, но и дать всему свое поэтическое объяснение, толкование. Например, заметили тофалары, что там, где живет кедровка, вырастают вековые деревья, и опозтизировали в сказке «Кедровка» эту маленькую птичку, неутомимую труженицу, которая бережет деревья-великаны.

Долганы составляют коренное население Таймырского полуострова, который всем своим могучим корпусом выдается в Северный Ледовитый океан. Из всех народов, сказки которых включены в сборник «Сказание о просторе», долганы — самые северные. Вся их культура, весь образ их жизни приспособлены к суровой северной природе. В своих традициях сказительства долганы стоят ближе всего к затундренным якутам. Однако и русский фольклор оказал большое влияние на долганское устное народное творчество. Но, несмотря на эти влияния, долганские сказки самобытны, по-своему уникальны, неповторимы.

Долганские сказки стараются объяснить и северное сияние, и полярные ночи. В сказке «Заря» говорится о том, как черная гусеница хотела опустить на землю вечную ночь, но огнебрюхая гусеница при помощи долганского мальчика одолела ее и улетила в небо. От ее расположения там, на небесах, будет зависеть наступление дня и ночи.

Мудра и проницательна долганская сказка «Встреча двух братьев». Богатырь Эрсе установил мир на земле и, умирая, наказал сыновьям не допускать войн между народами. Сыновья достойно выполнили наказ отца. Характерен финал сказки: «И теперь, когда люди слышат о войнах и льется кровь, говорят: „Да-а, нет богатыря Эрсе и его славных сыновей, были бы живы они — не было бы войн между народами“».

¹ См.: Распутин Валентин. Край возле самого неба. Западно-Сибирское книжное изд-во, 1961.

Немало долганских сказок повествуют о превращении людей в животных и наоборот. Одно только упоминание встречающихся за Полярным кругом животных говорит о промысловой деятельности долган. Иногда в сказочных текстах мы находим загадки. Эта особенность характерна именно для долганского фольклора. Вот примеры таких загадок: «*У вертлявого зверя поскоблить не найдется мяса*» (КОМАР), «*Стадо оленей кругом озера кормится*» (ЗУБЫ), «*Золотое блюдечко по воде плывет*» (СОЛНЦЕ).

Горная *Шория* расположена в центре знаменитого Кузбасса. Здесь, в отрогах Кузнецкого Алатау, в бассейне среднего течения реки Томи и ее притоков Кондымы и Мрассы, обитают с древних времен шорцы. По происхождению и культуре шорцы близки северным алтайцам и некоторым группам хакасов.

Природная среда для шорского охотника — большой уютный дом, где проходит вся его жизнь в повседневном труде и заботах. Интерес к топонимике родного края — характерная черта шорских сказок. Сказка «Темир-Тау — Железная гора» славит природные богатства родной земли, которые открыли люди и заставили течь огненную железную реку. А огненный город, выросший у подножия горы, — это промышленный Новокузнецк. Пожалуй, из всех сказок, представленных в сборнике «Сказания о просторе», эта — самая по возрасту молодая, создана во времена совсем недавние, но в отличие от многих сказок-поделок, скороспелок она, созданная в духе народных сказаний, стройна и поэтична.

Славой и гордостью овеяно в шорских сказках слово «анчи», что значит «охотник», который утвердил свое право на первенство и с Хозяином воды, и с Хозяином горы, и с другими властителями природы.

Шорские сказки отличаются мягким юмором, лиризмом, ласковой любовью к животным, прежде всего зверьям.

Сказки тофаларов, долган и шорцев убедительно доказывают нам, что талант народа не зависит от его численности. Сказочные произведения, созданные этими народами Сибири, по праву входят в сокровищницу народно-поэтического творчества.

Фольклорное творчество других народов, представленных в нашем сборнике, известно несравнимо больше, и немалую роль в том, что всероссийский и всесоюзный читатель имеет представление об истории и современной жизни коренных народов Сибири и Калмыкии, играет художественная литература. Далеко за пределами этих республик и автономных областей известны имена бурятских поэтов Николая Дамдинова и Дамбы Жалсараева, бурятского драматурга Цырена Шагжина, народная комедия которого «Будамшу», написанная на основе сказочного фольклора, обошла многие сцены советских и зарубежных театров. С миром труда, природы и сказок Горного Алтая мы познакомились во многом благодаря творчеству прозаика, драматурга и фольклориста Павла Кучияка. Калмыкию и народное творчество калмыков прославил Давид Кугультинов. Яркие страницы истории тувинского народа раскрыл для нас прозаик Солчак Тока. Хакасию, ее были и легенды запечатлели стихи, песни, повести и рассказы Михаила Кильчичакова и Николая Доможакова. Читая стихи Семена Данилова и прозу Софрона Данилова, мы словно путешествуем по просторам якутской земли. Так литература раскрывает перед нами просторы земли сибирской.

Но как бы глубоко ни проникал писатель в мир народного творчества, как бы хорошо сам ни знал его, все равно без соб-

ственно народного творчества наше представление о том или ином народе будет неполным. Сказку ничего заменить не может. Она и умудрит, и развлечет, и загадки загадает, и посмешит, и научит многому.

Совершим же еще раз недолгое, но большое путешествие в мир народов Сибири и Калмыкии и в мир их сказок.

Бурятия — это огромные просторы Прибайкалья и Забайкалья, это бескрайние пастбища на берегах голубых озер, это степи, уходящие в горы под ярко-синим небом. Вот где родились бурятские сказки, главная мысль которых выражена в волшебной сказке «Мэргэн Зорикто»: *«Богатство, что мы имеем, от трудов наших идет»*. Да, утверждают бурятские сказки, богатство человеку приносит труд, но еще богаче делает человека его ум, душевная щедрость, жизнелюбие, веселая и озорная шутка. Недаром так много в бурятских сказках бедных шутников, народных острословов, которых, как огня, боятся богачи и власть имущие. В ряд с такими замечательными фольклорными героями, как среднеазиатский Ходжа Насреддин, дагестанский Молла Насреддин, каракалпакский Омирбек, смело можно поставить и бурятского Будамшу. Будамшу не просто любитель пошутить, повеселиться, славно провести время (а таких персонажей тоже немало в сказках разных народов) — он прежде всего народный заступник, олицетворяющий живую совесть бурятского народа. Недаром драматург Цырен Шагжин в свою народную комедию ввел задорную песенку: «Будамшу меня зовут...» Как только слышат бедные буряты эту песенку, светлеют их лица, в сердца их вселяется надежда.

Не любит Будамшу злых богатей, жестоких чиновников-правителей — нойонов, но особенно достается от него ханжам-святошам — ламам и православным попам, которые обирали и дурачили бурятский народ. При этом Будамшу зачастую действует их же оружием — ведь он знает, что ламы падки на лесть, что они жадны, угодливы перед богачами и жестоки с народом.

Тот, кто прочитал сказки «Я и есть хурмаста» и «Умный Балдан», не забудет их маленьких героев — озорных и смешных мальчиков-бедняков — пастушонка, ловко обставившего знатного нойона, и пятилетнего Балдана — «повелителя над мухами», оказавшегося мудрым и справедливым судьей.

Все бедняки, герои сказок, своими словами и поступками опровергают глупые заповеди нойонов и богачей, которые считают, что «жирный конь считается хорошим, а богатый человек — мудрым».

Бурятские сказки в нашей стране издаются с дореволюционных времен. Читателям небезынтересно узнать, что одним из первых обратил внимание на бурятские сказки декабрист Н. Бестужев. С помощью переводчика он записал сказки «Богатырь Убугун», «О людской неблагодарности» и «Два брата». До сих пор сохраняют свое научное и художественное значение фольклорные сборники «Сказания бурят» и «Балаганский сборник», составленные М. Н. Хангаловым. Немало сборников бурятских сказок было издано и за последнее время на бурятском и русском языках, однако широкий всесоюзный читатель все еще имеет явно недостаточное представление о богатстве мира бурятских сказок.

В предложенной вниманию читателя книге «Сказание о просторе» в подборке бурятских сказок особое место занимает волшебная сказка «Мэргэн Зорикто». В ней отразилась мечта бурятского народа о славном и добром герое. Таким героем и стал для

бурят Мэргэн Зорикто. За свои добрые дела заслужил он высокую похвалу: *«Кто служит людям, того забывать нельзя»*. Даже старый богач и тот вынужден был признать достоинство народного героя: *«Мое богатство и гроша не стоит против того, что умеет делать Зорикто»*.

Сродни Мэргэну Зорикто умный, умелый и сметливый Баштай из сказки «Сильный и сметливый», хитрый и находчивый крестьянин Тархас, удивительный фантазер и остролов бедный пастух из сказки «Семьдесят небылиц» и многие другие. Однако и богачи не изображены в бурятских сказках однозначно, одной лишь краской. Они и хитры по-своему, и коварны, и не лишены ума и изобретательности, как, например, хан Олзой. Но тем больше чести народным героям, которым удавалось победить сильных противников.

Алтайцами называют коренное тюркоязычное население Горного Алтая. Основным местом его проживания являются долины рек бассейна Верхней Оби и межгорные котловины Алтая в Горно-Алтайской автономной области. Сюда входят и бассейны таких рек, как Катунь, Песчаная, Чарыш и другие.

Сказочно прекрасен былинный Горный Алтай! В нем удивительно гармоничны две стихии — стихия лесов и стихия воды, вознесенные на горные кручи. Земля эта очень древняя, овеянная легендами и сказаниями. Причудлив и своеобразен здесь фольклор. С давних времен исполнение и слушание сказок не считалось у алтайцев простым развлечением — это был сложный обряд. Алтайские сказки различаются не только по форме и содержанию, но и по характеру исполнения. Богатырские сказания поются стихами. Их исполняют *найчи* (певцы) в сопровождении двухструнного музыкального инструмента — *топшуура*. При исполнении прозаических сказок исполнители-сказители широко включают в текст песни, шутки, прибаутки, поговорки в стихах. К тому же алтайские сказки отличаются особой ритмизованностью прозы (жестковатая ритмичность) и афористичность. В этом вы сможете убедиться даже только и по тем образцам, которые представлены в сборнике «Сказание о просторе».

Многие алтайские сказки своими истоками уходят в глубь веков. В них идет речь о том, что пережито народом в борьбе с нуждой, несправедливостью, со стихийными бедствиями. Герои этих сказок — люди сильные и мужественные, носящие в своих сердцах готовность к подвигу. Но особую силу и могущество обретают они в братстве и взаимопомощи. Так, в сказке «Ячменное зерно» прославляется дружба алтайцев с русскими. Русские дали алтайцам зерна, помогли им спастись от голодной смерти. Справедливые вещи слова из этой сказки: *«Хорошие дела не забываются, добрые дела вечно в памяти»* — звучат как поэтические строки, как афоризм.

Алтайские сказки еще меньше, чем бурятские, знакомы широкому читательскому кругу. Они сравнительно редко издавались, мало пока еще систематизированы и требуют большого и пристального к себе внимания. И работу эту начинать надо, конечно же, со сбора сказок, с их записей, сличения вариантов, уточнения переводов. Ежегодно алтайские фольклористы отправляются на поиск новых сказок. Чаще всего встречается их удача в селениях по берегам рек Вии и Катунь. Это воистину заповедные сказочные края. Отправляясь в дорогу за сказками, алтайские фольклористы новых поколений могут вспомнить напутствия замечательного сказителя и писателя Павла Васильевича Кучияка:

До свидания, неизвестный охотник!
Пусть шалаш ваш никогда не разрушится,
Пусть ярчимаки¹ ваши будут добычи полны,
Пусть трубка ваша всегда дымится.

Своеобразна и жанровая природа алтайских сказок. Зачастую трудно бывает даже условно отделить сказку волшебную от бытовой, а сказку о животных от сказки волшебной. Алтайская сказка предстает перед нами как произведение величественное и легендарное. Ярким примером в этом плане может быть сказка «Сартакий», завершающая «алтайский раздел» в книге «Сказание о просторе». Перечитайте ее неторопливо и обратите внимание на то, как естественно и гармонично вплавлены в художественную ткань сказки многие жанровые сказочные элементы. Одна только эта сказка дает широкое и достаточно полное представление вообще о сказках Горного Алтая — настолько она многокрасочна и разнообразна.

В давние времена сложилась в алтайском народе такая поговорка: *«Подневольные люди могли говорить в полный голос только в тайге»*. В этих словах — и отблеск дореволюционной истории алтайцев, и ключ к разгадке создания и бытования алтайского фольклора. Ведь сказка говорила о создавшем ее народе в полный голос.

В Калмыцкой АССР, а также в Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях и в Ставропольском крае живет монголоязычный народ — *калмыки*. На эти территории пришли они из Центральной Азии через степные просторы Сибири, а затем, постепенно двигаясь на запад, достигли приволжских степей. Здесь они обосновались и обрели свою родину в XVI — XVII веках. На новом месте в результате этнокультурных контактов они смешались с тюркскими и другими местными народами. Исторический переход калмыков в пределы России завершился их добровольным вхождением в состав Российского государства в 1608—1609 годах. С тех давних пор судьба калмыков неотделима от судьбы России.

А. С. Пушкин во время своей поездки в Оренбург и на Урал познакомился с жизнью многих народов России, в том числе и калмыков. Представления о каждом из народов безгранично расширяли великому русскому поэту народные сказки и песни. Особенно полюбилась А. С. Пушкину калмыцкая сказка-притча об орле и вороне, которая органично и естественно вошла в художественную ткань повести «Капитанская дочка». Роль этой сказки в повести весьма велика — и в композиции, и в характеристике Емельяна Пугачева, и даже в общей пушкинской оценке Пугачевского восстания в целом. Напомним, что в этой калмыцкой сказке столкнулись две точки зрения на счастье и долголетие: ворон, питающийся падалью, хвалится тем, что живет триста лет, а орел, в жизни которого главное — риск и опасность, — лишь несколько десятилетий, но он предпочитает свою судьбу унылому и однообразному долголетию ворона. Характерно, что в своем гениальном стихотворении «Памятник» А. С. Пушкин среди тех народов, в потомках которых видел своих будущих читателей, назвал и *«друга степей калмыка»*.

Эти пушкинские слова непременно вспоминаются нам, ког-

¹ Я р ч и м а к — охотничья сумка.

да мы читаем произведения замечательного калмыцкого поэта, публициста и фольклориста Давида Кугультинова. «У него в поэзии, — писал ленинградский поэт Михаил Дудин, — глубокие корни, она выросла на поле народной неиссякаемой мудрости, на том червонном золоте народного опыта, который так тщательно отбирает и сохраняет история».

Да, действительно калмыцкий народ обладает огромной сокровищницей устного народного творчества, вершиной и одновременно энциклопедией которого является героический эпос «Джангар». Однако и те немногие сказки, с которыми вы познакомились, прочитав сборник «Сказание о просторе», дают яркое представление о калмыках, их истории, их взглядах на мир природы и мир людей.

Любовь к родной земле — одна из главнейших тем калмыцких сказок, в которых сердечно воспевается родная природа. Патристическое чувство особенно ярко выражено в «Сказке о родном крае». В ней повествуется об удивительной птице, которую калмыки подарили китайскому императору. На природе она обладала чарующим пением, ее песнями заслушивалось даже солнце, но ничто в неволе не смогло вернуть ей волшебный дар, даже лучшие яства из императорской кухни. И тогда по повелению императора стали клетку возить по разным далеким и ближним краям в надежде на то, что она в каком-то месте снова проявит свой дивный дар. И вот чудо — птица запела на месте внешне невзрачном, далеко не поэтичном, но оказалось, что именно это место и было ее родиной! Сказка заканчивается такими словами: *«Вот что значит родная земля и свобода!»* Безымянный сочинитель в этих чеканных строках выразил не только свое, но подлинно народное отношение к родной земле: *«Нет у человека дорожки места, где он родился, края, где он вырос, неба, под которым он жил... Петь можно только там, где ты обрел жизнь»*.

Однако любовь к родной природе не заслонила от народных сказителей картин народного горя, острейших классово-социальных контрастов. Наиболее характерна в этом отношении сказка «Левый глаз хана», в которой дается подлинно народная оценка злу, исходящему от верховной власти.

В калмыцких народных сказках большой удельный вес имеют антирелигиозная, антиклерикальная темы. Буддистский священнослужитель у калмыков — гелюнг — оказывается оборотнем. В другой сказке старый гелюнг учит мальчика-послушника — манджика — явному обману и шарлатанству, а простой труженик догадывается об этом обмане и прогоняет обоих с позором прочь.

Зато с какой любовью и уважением повествует калмыцкий народ о своих богатырях — добром Овше и храбром Мазане, о людях труда, которым свойственны мудрость, находчивость и неутомимый оптимизм!

Столица Тувы — город Кызыл — стоит у географического знака «Центр Азии», да и вся территория этой автономной республики находится почти в центре Азиатского материка. Историческое прошлое и настоящее *тувинского народа* связано с Саяно-Алтайским нагорьем. Расположена Тува в бассейне верхнего течения Енисея, в большой котловине, ограниченной с севера хребтами Восточных и Западных Саян, а на юге — хребтом Танну-Ола. На тюркоязычных тувинцев большое влияние оказали соседние народы, принадлежащие к другой языковой группе, прежде всего буряты и монголы. Этот союз двух начал ощущается и в сказоч-

ном творчестве, что, однако, вовсе не ограничивает национальной самобытности тувинской сказки. Чтобы в этом убедиться, достаточно перечитать такую исполненную поэзии сказку, как «Анчы-Кара» (Волшебные цветы с поднебесья), мудрые притчи «Оскюсоол, который постиг три науки» и «Три брата, которые видят правду», исполненную мудрого озорства сказку «Маляр и резчик» и вторую замечательную антирелигиозную сказку-сатиру «Кот-наставник».

Колоритны и своеобразны тувинские волшебные сказки. Иноземные враги-поработители выведены в них под видом злых чудовищ, яростных фантастических существ. В борьбе с ними народным героям помогают такие волшебные предметы, как идики-скороходы, деревянная колотушка, трубка, разноцветные шелковые платки, точильные камни... Высоко ценит тувинская сказка ум, знания, находчивость, справедливость. Тувинцы мечтали в своих сказках о праведном суде, о добром и справедливом хане. Так сказка берегла и передавала из поколения в поколение эту идеальную мечту.

Тувинская сказка глубоко поэтична и афористична. Вот, например, как отвечает бедный старик злему чиновнику — дужумету — на вопрос, откуда приехал и куда собирается ехать белый всадник на вершине горы. Снежные вершины сами не ответят ни на какой вопрос человека, но для мудрого человека нет неразрешимых загадок, и он отвечает с гордостью: «Белый всадник сказал, что приехал осенью с верхнего мира, а уезжать собирается весной в нижний мир». Снег и лед пришли с неба, а тают и уйдут весной в землю. Казалось бы, простейшая истина, а выражена она неожиданно лаконично и метафорично.

В тувинских сказках о животных большое внимание уделяется аллегориям, символам, в том числе и цветовым. Белые ягнята, например, олицетворяют добро, а черные вороны — зло. Да и сама сказка считалась доброй вестью о мире природы и мире людей. Как подчеркивает тувинский фольклорист Д. С. Кулар в предисловии к сборнику «Тувинские народные сказки», в старину сказителей даже брали с собой на охоту, так как считалось, будто сказка помогает добыть больше пушнины. Конечно, в этом поверье нет никакого чуда — сама по себе сказка никакого чуда сотворить не может, но чудо сказки вселяет в человека воистину сказочную силу, делает его мудрее, наблюдательнее, смелее, деятельнее.

Хакасия расположена в южной части Красноярского края, в Минусинской котловине. Через нее протекают Енисей и его левый приток Абакан. Эти края множество раз слышали и, к счастью, слышат и сейчас порою звучание народного инструмента — *чатхана* — и голоса народных сказителей — *хайджи*.

...Давным-давно это было. Долго думал хакас Чатхан, как облегчить жизнь своего народа и придумал: сбил из двух дощечек длинный узкий ящик, натянул на него волосяные струны и начал играть на них. Так красиво звенели семь струн, что у людей замирало сердце, птицы складывали крылья в полете и падали над землей, а звери останавливали свой бег. Очарованные рыбы замирали в реках, скот собирался в стада, в степях слушали волшебную музыку табуны коней. Узнали об этом инструменте одноглазые разбойники, убили они старика, похитили чатхан, угнали скот бедняков. Но внук старика победил врагов, отнял у них чудесный ящик, заиграл на нем, и вновь ожила жизнь на древней хакасской земле. С тех пор прозвали хакасы волшебный

ящик в честь старика ЧАТХАНОМ, а всех народных певцов в честь мальчика стали звать его именем — ХАЙДЖИ.

Чатхан являлся неизменным спутником хакасов. Звучал чатхан — звучали и сказки, помогая хакасам в их многотрудной жизни. Чатхан в сказках и песнях сравнивался с конем. На редкость высокая оценка музыкальному инструменту! А конь — неразлучный спутник богатыря, народного героя, защитника обездоленных, народного заступника. Бывали и богатыри безымянными, и тогда их различали по мастям их богатырских коней. Конь в сказках понимал человеческую речь, знал о своем хозяине, о его желаниях, думах и намерениях, помогал ему в борьбе с врагами, выступал в роли главного советчика в трудные минуты. По древнему хакасскому обычаю коня убивали, когда умирал или погибал хозяин, и хоронили вместе с ним.

В хакасских сказках особое место занимают темы патриотизма, самопожертвования во имя родины и тема уважения к старшим. Песневают хакассские сказки и верную дружбу. Недаром хакасская пословица гласит: *«Без беды друга не узнаешь»*. Дружат с человеком в хакасских сказках и силы природы. Например, батраку Торсыху помогают в его беде дождь и ласточки — они тушат его горящую юрту.

Остры в хакасских сказках и социальные противоречия. Правда, социальный протест выглядит стихийным, а итог борьбы на первый взгляд может показаться упрощенным и однообразным — бай наказан, повержен, а его скот поровну разделен между бедняками, и люди начинают жить очень хорошо, очень дружно. Однако надо постоянно иметь в виду, что скотоводство составляло основу жизни, играло решающую роль в хозяйстве. Наличие скота было гарантией хотя бы минимального благополучия.

Героические сказания исполняются хакасами в сопровождении горлового пения и игры на чатхане. Прозаические сказки (а именно они и представлены в сборнике *«Сказание о просторе»*) зачастую называют в Хакасии *«пешими сказками»*, исполняют их без музыкального сопровождения. Откуда же взялось такое название? Что означает *«пешие сказки»*? Дело в том, что при исполнении героических, наиболее древних, сказаний хакасы как бы мысленно смотрят на свою родную землю с высоты птичьего полета, узнавая те или иные достопамятные места по романтическим названиям, куда были пущены стрелы героев-богатырей. И по сей день звучат чатханы над дивной по красоте хакасской землей!

Завершаем мы свое путешествие по просторам Сибири далеко на севере. В бассейне Средней Лены, Нижнего Алдана, Вилюя, в низовьях Олекмы, а также в районах Крайнего Севера — по рекам Оленуку, Анабаре, Яне, Индигирке, Колыме живет основное якутское население. Большая часть якутов, как мы видим, расселена в суровых северных землях, в том числе вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Сами якуты называют себя *саха*. В якутском языке немало слов монгольского, тунгусского, а также и неизвестного происхождения, хотя якутский язык — тюркский.

Якутский народ внес в мировую сокровищницу фольклора свои величественные сказания — *олонхо*. Олонхо изданы на русском языке. Они обрели своих преданных переводчиков и ярких художников-иллюстраторов. Большое влияние олонхо оказали и на народные сказки, которые пока еще, к сожалению, широкому читателю известны в малой степени. В Якутии волшебные и бы-

товые сказки издавались неоднократно — и на родном, и на русском языках. Имеются и популярные сборники, и научные издания. Выбор большой. Поэтому, отбирая якутские сказки для сборника «Сказание о просторе», мы стремились прежде всего к жанровому и тематическому разнообразию, а также к тому, чтобы каждая сказка ничем не походила на предыдущую, — вариантность в научных изданиях якутских сказок весьма велика.

«Начали играть свадьбу. Съехались-собрались на нее гости из всех племен, из всех улусов. Целую неделю ели, пили, веселились. Были тут певцы, были тут плясуны, были тут сказочники, борцы, бегуны и прыгуны...» — так заканчивается одна из самых красочных и колоритных в национальном отношении якутских сказок — сказка «Старуха Бяйбярйикян с пятью коровами». Но не только образной речью, напевностью, лиризмом и душевностью берет эта сказка за сердце: очень интересно это фольклорное произведение и с этнографической точки зрения. Вот обратите внимание хотя бы только на состав гостей на этой сказочной и тем не менее совершенно реальной по своей сути свадьбе. Нас среди свадебных гостей, конечно же, больше всего интересуют сказочники и певцы. Может быть, когда-то в давние времена на такой вот свадьбе безымянный ныне сказочник, слушая рассказы гостей, любуясь якутскими танцами, слушая звуки якутского народного инструмента *хомуса*, нашел единственно верные, органичные сравнения — такое, например: *«по следам красавицы побежали соболи»*.

Представляешь себе такой плавный и грациозный танец — и невольно приходят на память замечательные строки якутского поэта Семена Данилова:

Бесконечная мудрая светопись,
Дней минувших и будущих летопись,
О молчанье веселом и горестном
Песня, чистым пропетая голосом,
Танец юный, звенящий и нежный,
Край якутский, цветущий и снежный.

Творчество Семена Данилова богато фольклорными традициями. Его поэзия буквально вобрала в себя мир народных сказок и преданий и одновременно — мир природы, нашедший в этих сказках и преданиях отражение. В стихотворении «Побег» поэт признается в том, что учился у *«глубокодумной матери-тайги»*, у *«птичьих разговоров»*, у *«немых озер»*, что его приняли *«в свою семью»* косули, олени и россомахи.

Природа Якутии, особенно ее животный мир, непременно присутствует, как вы могли убедиться, и в якутских сказках. Причем присутствие это проявляется в трех видах. Природа — фон действия, место действия сказок бытовых, волшебных. Маленькие, коротенькие сказочки о животных с народным юмором, порою лукавством объясняют слушателям (сказку ведь слушали — читать ее стали сравнительно недавно!), как произошел тот или иной вид животных, почему так или иначе выглядит та или иная птица, то или иное животное. Для сравнения напомним вам, что такого рода сказки характерны и для малых народов Сибири. И наконец — такие сказки о животных, которые в жанровом отношении более всего походят на притчи. У других народов, в том числе и народов Сибири, тоже встречаются сказки такого рода, но значительно реже, чем у якутов. Вспомним хотя бы в

подтверждение этих слов сказки «Хвастливая лягушка», «Чирок и беркут», «Обманщица лиса и птица Текэй, снесшая четыре яйца».

Все перечисленные сказки не просто в забавной форме повествуют о реальной жизни зверей и птиц и не только намекают на реальные, конкретные национальные типы и характеры, но и несут в себе большой заряд нравственно-художественного обобщения. Птица Текэй запугана до того, что боится сказать лисе (да и самой себе признаться) об абсурдности ее угроз! И вот наконец, набравшись смелости, птица Текэй предлагает лисе на самом деле «свалить раскидистую иву, измять зубами сугробистую поляну, изгрызть тучную долину». Лисе остается только от злобы кататься по земле и искать для мести непрошеного советчика — бурундука. Есть в этой сказке и продолжение в духе сказочек-разгадок, но тут ничего неожиданного нет — сказка имеет очень гибкие, подвижные жанровые границы.

История лягушки Ква-Ква — довольно редкостный пример сказки-памфлета, произведения острого, психологически достоверного, полного иронии и сарказма. Царицей мира возомнила себя Ква-Ква, и серый гусь показал ей лишь малую часть того огромного мира, в котором затерялась несчастная крохотная болотная кочка, где Ква-Ква чувствовала себя царицей вселенной. Но сказка эта не только о том, как было посрамлено глупое тщеславие, — сказка глубже и многограннее. Ква-Ква боится глядеть в широкую даль, ее пугает многомерность и огромность мира, который неуютен для нее своим величием.

Чрезвычайно интересна и неожиданна сказка «Чирок и беркут». Есть в ней и любовная интрига, и меткие семейно-бытовые зарисовки. Не станем умалять их значения, хотя признаемся, что не раз в сказках разных народов читали уже подобные истории семейной неверности, сыгранные зверями и птицами по сценариям, написанным с людей. В этой же сказке история чирка и четы беркутов — лишь один из мотивов сатирической легенды о переселении птиц в лучшие края. Блестящими сатирическими красками выписаны птичье собрание, птичья дипломатия, ораторские приемы и ухищрения тех или иных пернатых, среди которых выделяются чванливый, «возвеличенный журавль», «молодец-удалец» орел, правдоискательница полярная утка-коротышка-лахаатка, которую журавль избил тут же, на собрании, как бы мы сегодня сказали — за нелюбезную критику. Да и само собрание, при всем рационализме отдельных его участников и конкретности и насущности обсуждаемого вопроса, выглядит как сборище птиц невысокого полета.

Каждая из этих трех сказок могла бы оказать честь писателю-сатирику масштаба М. Е. Салтыкова-Щедрина. А ведь сказки эти народные и, прямо скажем, очень мало кому известные до недавнего времени!

Что еще очень важно подчеркнуть, так это удивительную актуальность, злободневность этих сказок, многие мотивы которых прекрасно «накладываются» на современную действительность, они помогают нам бороться со многими негативными явлениями, характерными для наших дней.

В сказке «Как ветер к великой горе ходил» есть такой знаменательный диалог. Ветер спрашивает у горы, чем людей породить можно, и гора отвечает кратко и веско — дружбой. Другую, не менее великую и мудрую заповедь мы находим в сказке «Карах-симирики»: *«Доброе сердце да умелые руки — самое большое*

богатство». Живет в якутских сказках заветная мечта о «равных в счастливой доле людях», о природном единстве людей и животных, о гармонии природы и человека.

Завершить наш разговор о якутских сказках и вообще о сказках народов Сибири и Калмыкии хочется стихотворными строками Семена Данилова, который как поэт и как знаток родного фольклора видел в нем не только причудливые описания дней минувших, но и мудрые заветы, обращенные в грядущее:

Допето олонхо,
 умолк олонхосут¹
и жизнь вокруг опять
 обычная, простая,
и нет богатырей,
 и кони их не ржут,
и стрелы не свистят,
 моря перелетая.
И снова жизнь как жизнь,
 где людям нелегко,
где богатырство им
 необходимо тоже,
и беды посложней у них,
 чем в олонхо,
и время посложней
 и с древним так несхоже.
И стрелы ранят их
 иных обид и бед,
и гром иных тревог
 их на рассвете будит.
О, сколько каждый день
 невидимых побед
вам нужно одержать,
 сегодняшние люди!

И, думается, одна из этих обязательных побед, которые нам нужно одержать, — это победа знания над незнанием, в том числе и знания фольклора нашей многонациональной Родины.

ЧУНЕР ТАКСАМИ

¹ Олонхосут — сказитель, исполняющий героический эпос олонхо.

БУРЯТСКИЕ СКАЗКИ

Мэрген Зорикто. Печатается по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973.

Сильный и сметливый. Впервые опубликована в Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества, т. VIII, вып. II, СПб., 1906. Печатается по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973.

Счастье и Несчастье. Бедняк и бохолдой. Печатаются по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1981.

Семьдесят небылиц. Печатается по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973.

Умная невестка. Будамшу. Будамшу Даа. (Печатается в сокращении.) Будамшу Даа и поп. Шутник парень. Я и есть хурмста. Умный Балдан. Печатаются по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1981.

Красная лапа. Глупый богач. Печатаются по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973.

Крестьянин Тархас. Печатается по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1981.

Две сумки. Зима и лето. Как собака нашла себе хозяина-друга. Волк-простофиля. Хвастливая собачонка. Снег и заяц. Печатаются по тексту: Бурятские народные сказки. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973.

СКАЗКИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Алып-Манаш. Юскузек и Алтын-Чач. Печатаются по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Сары-каан. Печатается по тексту: Танзаган — отец алтайцев. М.: Художественная литература, 1978.

Обида марала. Жадный глухарь. Печатаются по тексту: Сказки народов Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984.

Ячменное зерно. Серый воробушек. Нарядный бурундук. Страшный гость. Печатаются по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Лягушка и муравьи. Медведь-судья. Почему у летучей мыши ноги отсохли. Жена павлина. Печатаются по тексту: Танзаган — отец алтайцев. М.: Художественная литература, 1978.

Сартакпай. Печатается по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ

Добрый Овше. Храбрый Мазан. Лотос. Волшебный камень. Неприсужденная награда. Гелюнг-оборотень и его работник. Мудрая невестка. (Печатается в сокращении.) Сказка о родном крае. Неразрешенные судебные дела. Левый глаз хана. О глупом старике. Смена времени. Мудрец и гелюнг. Гелюнг и манджик. Скупой богач. Печатаются по тексту: Калмыцкие сказки. Элиста: Калмыкгосиздат, 1962.

Старик и старуха. Печатается по тексту: Калмыцкие сказки. М.: Художественная литература, 1962.

Петух и павлин. Веселый воробей. Злая ворона. Печатаются по тексту: Калмыцкие сказки. Элиста: Калмыкгосиздат, 1962.

ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ

Анчы-Кара. Рассказал сказитель Салчак Данданович. Печатается по тексту: Тувинские народные сказки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1964.

Кодур-оол и Биче-кыс. Печатается по тексту: Тувинские народные сказки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1955.

Березовая девушка. Печатается по тексту: Тувинские народные сказки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1958.

Маляр и резчик. Печатается по тексту: Тувинские народные сказки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1964.

Рыбак Оскюс-оол. Печатается по тексту: Тувинские народные сказки. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1971.

Оскюс-оол, который постиг три науки. Старик Ак-Сал и джумет. Три брата, которые видят правду. Орлан-оол и Чечен-кыс. Оскюс-оол, который пел песни тайги. Печатаются по тексту: Тувинские народные сказки. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1971.

Ак-сагыш и Кара-сагыш (Чум зверей). Печатается по тексту: Сказки народов Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984.

Суд над волком. Кот-наставник. Печатаются по тексту: Тувинские народные сказки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1964.

Почему лиса стала красной. Семь братьев-мышей. Как заяц спас овцу. Белый заяц. Голодный волк и жирный козлик. Ленивая сова. Храбрый козлик. Верблюд. Печатаются по тексту: Тувинские народные сказки. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1971.

Отчего у лося морда вытянутая. Печатается по тексту: Тувинские народные сказки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1958.

ХАКАССКИЕ СКАЗКИ

Волшебный чатхан. Мальчик в бочке. Печатаются по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Шестьдесят небылиц. Вариант сказки записан Н. Ф. Катановым в 1889 году и опубликован в сборнике «Образцы народной ли-

тературы тюркских племен». СПб., 1907. Батрак Торсых. Бай и охотник. Как бедняк бая обманул. Как мальчик заставил Смерть на себя работать. Два брата. Адычах и Кечох. Печатаются по тексту: Хакаские народные сказки. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1955.

Ленивый мальчик и синичка. Печатается по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск. Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Лисица и колонки. Печатается по тексту: Хакаские народные сказки. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1955.

ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ

Удюргай-батыр. Печатается по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Как ветер к великой горе ходил. Печатается по тексту: Сказки народов Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984.

Богач Боилыт и бедняк Берт-Эрь. Впервые напечатана в книге Г. Н. Потанина «Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, СПб., 1883. Печатается по тексту: Сказки народов Севера. М. — Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Умная жена. Печатается по тексту: Якутские сказки, т. 2. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1967.

Заблудившиеся парни. Печатается по тексту: Сказки народов Севера. М. — Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Бычы-Бычехан и Лягляр-Бергесе. Публикуется по тексту: Якутские сказки. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1981.

Находчивый Савва. Печатается по тексту: Якутские сказки, т. 2. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1967.

Онгёй Бётюк. Печатается по тексту: Сказки народов Севера. М. — Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Что можно выменять на слиток золота величиной с конскую голову. От Сагыннах — Травяная Доха. Карах-симирики. Старуха Бяйбяркян с пятью коровами. (Печатается в сокращении.) Как люди солище мешками носили. Печатаются по тексту: Якутские сказки. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1981.

Глупая невестка. Печатается по тексту: Сказки народов Севера. М. — Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Волк и лиса. Печатается по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Обманщица лиса и птица Текэй, снесшая четыре яйца. Печатается по тексту: Якутские сказки. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1981.

Хвастливая лягушка. Печатается по тексту: Сказки народов Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984.

Чирок и беркут. Лошадь и олень. Гусь и журавль. Как ласка осталась без хвоста. Кто-то и зайца боится. Почему зима длиннее, а лето короче. Лягушка и ворона. Кукша. Куропатка.

Печатаются по тексту: Якутские сказки. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1981.

ДОЛГАНСКИЕ СКАЗКИ

О славном герое Хомус-богатыре. Печатается по тексту: Сказки народов Севера. М. — Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Заря. Печатается по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Встреча двух братьев. Печатается по тексту: Сказки народов Севера. М. — Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Юноша-царь и дочь крестьянина. Печатается по тексту: Таймырские сказы. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1982.

Как появились галки. Печатается по тексту: Долганский фольклор. Л.: Советский писатель, 1937.

Война куропаток и щук. Печатается по тексту: Таймырские сказы. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1982.

Ворон и лебедь. Печатается по тексту: Долганский фольклор. Л.: Советский писатель, 1937.

ТОФАЛАРСКИЕ СКАЗКИ

Тер-окыш — долина цветов. Как охотник наказал азу. Мальчик и удав. Последняя сказка записана Р. А. Шерхунаевым со слов Н. С. Баканаева в 1972 году в селе Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области. Почему тофалары живут в Саянах. Легенда о горе Аладыр. Записана со слов А. Мухаева и А. Киштеева. Печатаются по тексту: Шерхунаев Р. А. Сказки и сказочники Тофаларии. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1975.

Про злого хана Улузуна. Записана Н. Ф. Катановым в 1890 году со слов Н. П. Шырышпанова. Опубликовано в книге Н. Ф. Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году». СПб., 1891. Печатается по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

Горные цепи. Кочующий охотник. Вечные люди и живая вода. Последняя записана со слов М. М. Конгоякова в 1890 году. Опубликовано в книге Н. Ф. Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году». СПб., 1891. Сохатый и кабарга. Кедровка, комар и косуля. Как был наказан медведь. Глухарь и щука. Верблюд и пищуха. Почему обиделись косуля и изюбрь. Хун-кызы. Изюбрь и сохатый. Кедровка. Печатаются по тексту: Шерхунаев Р. А. Сказки и сказочники Тофаларии. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1975.

ШОРСКИЕ СКАЗКИ

Темир-Тау — Железная гора. Как созвездие Кан-Ергек появилось. Анчи Абышка и Кара-Молат. Счастливый Неккер. Догадливая выдра. Чагыс. Отчего у глухаря глаза покраснели. Печатаются по тексту: Сибирские сказки. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

БУРЯТСКИЕ СКАЗКИ

Мэргэн Зорикто. <i>Запись Л. Элиасова</i>	6
Сильный и сметливый. <i>Запись И. Кондакова. Литературная обработка Л. Элиасова</i>	17
Счастье и Несчастье. <i>Запись Е. Баранниковой</i>	21
Бедняк и бохолдой. <i>Запись Л. Борхонова. Перевод С. Бар- дахановой</i>	24
Семьдесят небылиц. <i>Запись А. Шадаева. Перевод И. Лугов- ского</i>	26
Умная невестка. <i>Запись А. Шадаева</i>	32
Будамшу. <i>Запись Д. Цыденовой</i>	32
Будамшу Даа. <i>Запись А. Шадаева</i>	33
Будамшу Даа и поп. <i>Запись А. Шадаева</i>	35
Шутник парень. <i>Запись Е. Баранниковой</i>	37
Я и есть хурмаста. <i>Запись И. Мадасона</i>	40
Умный Балдан. <i>Запись В. Мунконова</i>	42
Красная лапа. <i>Запись А. Шадаева. Перевод И. Луговского</i>	43
Глупый богач. <i>Перевод И. Кима</i>	46
Крестьянин Тархас. <i>Запись И. Мадасона</i>	47
Две сумки. <i>Запись А. Шадаева. Перевод И. Луговского</i>	48
Зима и лето. <i>Запись А. Шадаева. Перевод И. Луговского</i>	51
Как собака нашла себе хозяина-друга. <i>Перевод М. Степанова</i>	53
Волк-простофиля	56
Хвастливая собачонка. <i>Перевод Г. Кунгурова</i>	58
Снег и заяц. <i>Перевод И. Кима</i>	58

СКАЗКИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Алып-Манаш. <i>Литературная обработка А. Гарф</i>	60
Юскузек и Алтын-Чач. <i>Литературная обработка А. Гарф</i>	69
Сары-каан. <i>Запись и пересказ А. Гарф и П. Кучияка</i>	76
Обида марала. <i>Литературная обработка А. Гарф и П. Ку- чияка</i>	77
Жадный глухарь. <i>Литературная обработка А. Гарф и П. Ку- чияка</i>	79
Ячменное зерно. <i>Литературная обработка А. Коптелова</i>	81
Серый воробушек. <i>Литературная обработка А. Коптелова и П. Кучияка</i>	83
Нарядный бурундук. <i>Литературная обработка А. Гарф</i>	87
Страшный гость. <i>Литературная обработка А. Гарф</i>	89
Лягушка и муравьи. <i>Запись и пересказ А. Гарф и П. Кучияка</i>	91
Медведь-судья. <i>Запись и пересказ А. Гарф и П. Кучияка</i>	92
Почему у летучей мыши ноги отсохли. <i>Запись и пересказ А. Гарф и П. Кучияка</i>	95
Жена павлина. <i>Запись и пересказ А. Гарф и П. Кучияка</i>	95
Сартакпай. <i>Литературная обработка А. Гарф</i>	97

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ

Добрый Овше	102
Храбрый Мазан	106

Лотос	110
Волшебный камень	115
Неприсужденная награда	119
Гелюнг-оборотень и его работник. <i>Перевод А. Скрипова</i>	121
Мудрая невестка	125
Сказка о родном крае	127
Неразрешенные судебные дела	130
Левый глаз хана	133
О глупом старике. <i>Перевод А. Скрипова</i>	135
Смена времени. <i>Перевод И. Кравченко</i>	138
Мудрец и гелюнг	140
Гелюнг и манджик	143
Скупой богач	143
Старик и старуха	146
Петух и павлин	146
Веселый воробей	147
Злая ворона	148

ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ

Анчы-Кара (Волшебные цветы с поднебесья). <i>Запись Д. Монгуша и Кызыл-оола</i>	152
Кодур-оол и Биче-кыс. <i>Перевод Салчака Токи.</i>	160
Березовая девушка. <i>Запись И. Сафьянова</i>	166
Малляр и резчик. <i>Запись М. Дадар-оола</i>	167
Рыбак Оскюс-оол. <i>Перевод М. Ватагина</i>	169
Оскюс-оол, который постиг три науки. <i>Запись М. Люндуну. Перевод М. Ватагина</i>	173
Старик Ак-Сал и дужумет. <i>Запись О. Мандара. Перевод М. Ватагина</i>	176
Три брата, которые видят правду. <i>Перевод В. Монгуша</i>	177
Орлан-оол и Чечен-кыс. <i>Запись О. Маннайя. Перевод М. Ватагина</i>	180
Суд над волком. <i>Запись Саган-оола</i>	184
Оскюс-оол, который пел песни тайги. <i>Перевод М. Ватагина</i>	186
Ак-сагыш и Кара-сагыш (Чум зверей)	190
Кот-наставник. <i>Запись Санчай-оола. Перевод М. Ватагина</i>	192
Почему лиса стала красной. <i>Запись Ч. Серена. Перевод М. Ватагина</i>	195
Семь братьев-мышей. <i>Запись М. В. Багыт-оола. Перевод М. Ватагина</i>	196
Как заяц спас овцу. <i>Запись Чылбак-оола и М. Даваа. Перевод М. Ватагина</i>	197
Белый заяц. <i>Запись С. Валдырлайя. Перевод М. Ватагина</i>	199
Голодный волк и жирный козлик. <i>Запись К. Тоюна. Перевод М. Ватагина</i>	200
Ленивая сова. <i>Запись Х. Серена. Перевод М. Ватагина</i>	202
Храбрый козлик. <i>Запись Л. Чадамбы. Перевод М. Ватагина</i>	204
Верблюд. <i>Перевод М. Ватагина</i>	205
Отчего у лося морда вытянута	206

ХАКАССКИЕ СКАЗКИ

Волшебный чатхан. <i>Литературная обработка В. Балтера</i>	208
Мальчик в бочке. <i>Литературная обработка В. Балтера</i>	210
Шестьдесят небылиц. <i>Литературная обработка В. Балтера</i>	214
Батрак Торсых. <i>Литературная обработка В. Балтера</i>	216

Бай и охотник. Литературная обработка В. Балтера . . .	218
Как бедняк бая обманул. Литературная обработка В. Балтера . . .	223
Как мальчик заставил Смерть на себя работать. Литературная обработка В. Балтера . . .	224
Два брата. Литературная обработка В. Балтера . . .	228
Адычах и Кечох. Литературная обработка В. Балтера . . .	229
Ленивый мальчик и синичка. Запись П. Каралькина . . .	229
Лисица и колонки. Литературная обработка В. Балтера . . .	230

ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ

Удюргай-батыр. Запись Н. Якутского. Перевод Л. Золотарева . . .	234
Как ветер к великой горе ходил. Запись В. Кривошеина . . .	239
Богач Боилыт и бедняк Берт-Эрь . . .	241
Умная жена. Запись С. Степанова . . .	247
Заблудившиеся парни. Перевод Е. Новгородова и Г. Эргиса . . .	249
Бычы-Бычехан и Лягляр-Бергесе. Перевод С. Шуртакова . . .	251
Находчивый Савва. Запись Г. Эргиса . . .	252
Онгёй Бётюк. Перевод Е. Новгородова и Г. Эргиса . . .	253
Что можно выменять на слиток золота величиной с конскую голову. Перевод С. Шуртакова . . .	256
От Сагыннах — Травяная Доха. Перевод С. Шуртакова . . .	259
Карах-симирики. Перевод С. Соловьевой . . .	263
Старуха Бяйбяркиан с пятью коровами. Перевод С. Шуртакова . . .	269
Как люди солнце мешками носили. Перевод С. Шуртакова . . .	276
Глупая невестка. Перевод Е. Новгородова и Г. Эргиса . . .	278
Волк и лиса. Запись М. Тимофеева-Терешкина . . .	279
Обманщица лиса и птица Текэй, снесшая четыре яйца. Перевод С. Шуртакова . . .	282
Хвастливая лягушка. Литературная обработка А. Ольхона . . .	286
Чирок и беркут. Перевод С. Шуртакова . . .	289
Лошадь и олень. Перевод С. Шуртакова . . .	294
Гусь и журавль. Перевод С. Шуртакова . . .	295
Как ласка осталась без хвоста. Перевод С. Шуртакова . . .	295
Кто-то и зайца боится. Перевод С. Шуртакова . . .	296
Почему зима длиннее, а лето короче. Перевод С. Шуртакова . . .	296
Лягушка и ворона. Перевод С. Шуртакова . . .	297
Кукша. Перевод С. Шуртакова . . .	297
Куропатка. Перевод С. Шуртакова . . .	298

ДОЛГАНСКИЕ СКАЗКИ

О славном герое Хомус-богатыре. Запись и перевод П. Михайлова . . .	300
Заря. Запись и литературная обработка М. Ошарова . . .	303
Встреча двух братьев. Запись и перевод П. Михайлова . . .	305
Юноша-царь и дочь крестьянина. Перевод В. Ермакова . . .	308
Как появились галки. Запись А. Попова. Литературная обработка Е. Тагер . . .	311
Война куропаток и щук. Запись П. Ефремова . . .	312
Ворон и лебедь. Запись А. Попова. Литературная обработка Е. Тагер . . .	314

ТОФАЛАРСКИЕ СКАЗКИ

Тер-оқыш — долина цветов. Запись Л. Матюшенко . . .	316
Как охотник наказал азу. Запись А. Хайбуллина . . .	319

Мальчик и удав. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	321
Почему тофалары живут в Саянах	322
Легенда о горе Аладыр	323
Про злого хана Улузуна. <i>Литературная обработка А. Копте-</i> <i>лова</i>	325
Горные цепи. <i>Запись Л. Матюшенко</i>	327
Кочующий охотник. <i>Запись Л. Матюшенко</i>	329
Вечные люди и живая вода. <i>Литературная обработка А. Коп-</i> <i>телова</i>	332
Сохатый и кабарга. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	332
Кедровка, комар и косуля. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	333
Как был наказан медведь. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	334
Глухарь и щука. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	334
Верблюд и пищука. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	335
Почему обиделись косуля и изюбрь. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	336
Хун-кызы. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	336
Изюбрь и сохатый. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	337
Кедровка. <i>Запись Р. Шерхунаева</i>	338

ШОРСКИЕ СКАЗКИ

Темир-Тау — Железная гора. <i>Запись Н. Дыренковой</i>	340
Как созвездие Кан-Ергек появилось. <i>Запись Н. Дыренковой</i>	343
Анчи Абышка и Кара-Молат. <i>Запись и литературная обра-</i> <i>ботка А. Смердова</i>	343
Счастливый Неккер. <i>Запись и литературная обработка</i> <i>А. Смердова</i>	352
Догадливая выдра. <i>Запись Н. Дыренковой. Литературная об-</i> <i>работка А. Смердова</i>	357
Чагыс. <i>Запись и литературная обработка А. Смердова</i>	358
Отчего у глухаря глаза покраснели. <i>Запись Н. Дыренковой.</i> <i>Литературная обработка А. Смердова</i>	362
<i>Чунер Таксами. Сказки и сказания земли сибирской</i>	363
<i>Комментарии</i>	376

Сказание о просторе: Сказки народов Бурятии, С42 Горного Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев. / [Составление, послесловие и комментарии Ч. М. Таксами]. — Л.: Лениздат, 1988. — 383 с. — (Библиотека народно-поэтического творчества).
ISBN 5-289-00155-7

В сборник входят волшебные, бытовые сказки и сказки о животных народов Сибири и Калмыкии. Книгу завершает послесловие доктора исторических наук Ч. М. Таксами «Сказки и сказания земли сибирской».

С 4702000000—095
М171(03)—88 165—88

82.3(2)

СКАЗАНИЕ О ПРОСТОРЕ

Сказки народов
Бурятии, Горного Алтая, Калмыкии,
Тувы, Хакасии, Якутии
и малых народов Сибири —
долган, тофаларов и шорцев

Составитель
Чунер Михайлович Таксами

Заведующий редакцией А. И. Белинский
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технический редактор И. Г. Сидорова
Корректор В. В. Безымянская

ИБ № 4542

Сдано в набор 14.03.88. Подписано к печати 30.08.88. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага кн.-журн. Гарн. школьная. Печать выско-
кая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,16.
Уч.-изд. л. 21,47. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 482. Цена 2 руб.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Типография им. Болодарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

217B